

ЭММА ДОНОХЬЮ

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА

Роман

От автора мирового бестселлера «КОМНАТА»

fiction

Падшая женщина

Эмма Донохью

Аннотация
Эмма Донохью. Падшая женщина
Пролог
Часть первая. Лондон
  Глава 1. Красная лента
  Глава 2. Магдалина
  Глава 3. Свобода
Часть вторая. Монмут
  Глава 4. Полный перечень обязанностей хорошей прислуги
  Глава 5. Оттепель
  Глава 6. Опавшие лепестки
  Глава 7. Наказание
  Глава 8. Полет вороны
Примечание

Аннотация

Действие романа происходит в Лондоне в середине восемнадцатого века. Жизнь Мэри Сондерс, девочки из бедной семьи, сера и безрадостна. Ее невинное желание иметь хоть что-нибудь яркое◦– например, красную ленту◦– приводит к необратимым последствиям. В совсем еще юном возрасте Мэри становится проституткой и неожиданно узнает, что такое настоящая свобода, недоступная добродетельным женщинам. И все же опасность, которой она подвергается, заставляет девушку искать прибежища в небольшом городке Монмуте. Мэри становится служанкой, а затем и помощницей швеи в семье Джонс. Миссис Джонс питает к ней искреннюю привязанность, однако Мэри, движимая мечтами о лучшей доле и желанием скопить побольше денег, тайно возвращается к прежнему ремеслу. Она руководствуется тремя правилами, выученными на улицах Лондона: никогда не расставайся со своей свободой, женщину делает одежда и одежда◦– это самый большой обман на свете. В конце концов

именно тяга к красивым платьям и приводит ее к катастрофе.

Эмма Донохью
Падшая женщина

Copyright © Emma Donoghue 2000
© Перевод, «Центрпо лиграф», 2017
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Пролог

Когда-то жил на свете сапожник по имени Коб Сондерс, который умирал целых одиннадцать дней. По крайней мере, так это запомнилось его дочери.

В 1752 году от Рождества Христова было объявлено, что за вторым сентября наступит сразу четырнадцатое. Конечно, это была всего лишь формальность; время как таковое не могло подвергнуться никаким изменениям.

Переход на новый календарь должен был наконец приблизить королевство Великобритания к соседям; неудобство и некоторая путаница — разве это большая цена за такое важное достижение? Лондонские газеты напечатали остроумные стишки об «истреблении» времени, но тем не менее никто не усомнился в правильности принятой правительством реформы. И никто не удосужился объяснить ее смысл незначительным людишкам вроде Коба Сондерса.

Он понимал только одно: это несправедливость. Одиннадцать дней с шилом в руках, за которые никто не заплатит. Одиннадцать

ужинов, выхваченных у него из-под носа. Одиннадцать украденных ночей, когда он не сможет с наслаждением повалиться на свой набитый соломой тюфяк.

Четырнадцатого сентября — по новому стилю, как они это называли, — Коб Сондерс проснулся с гудящей головой и с осознанием того, что пропали одиннадцать дней его жизни. Нет, не пропали. Его ограбили. Вырезали эти дни из его существования, как вырезают червячка из яблока. Он понятия не имел, куда они подевались и как можно вернуть их обратно. Когда Коб пытался об этом думать, он чувствовал, что голова готова расколоться на куски. Он стал на одиннадцать дней ближе к смерти и ничего не мог с этим поделать.

А может быть, и мог. Когда разразились «календарные беспорядки» и толпы вышли на улицы, Коб Сондерс примкнул к ним всей душой и телом, подбросив свою порцию ярости в общий костер. Его голос звучал в хоре других таких же голосов: «Верните нам наши одиннадцать дней!»

Правительство проявило милосердие; Коб Сондерс не был казнен. Он умер в тюрьме от сыпного тифа.

В том году Рождество пришло на одиннадцать

дней раньше. Воздух гудел от звона церковных колоколов, и пятилетняя дочь сапожника Мэри сидела на корточках возле окна, ожидая снега. Он так и не выпал.

Одиннадцать лет спустя Мэри Сондерс вот так же сидела на корточках, но уже в тюрьме.

Каков отец, такова и дочь.

Ночная камера в монмутской тюрьме имела двадцать два фута в длину и пятнадцать футов в ширину. Мэри измерила ее шагами в самую первую ночь. Четыре стены, ни одного окна. Мужчины и женщины, все вперемешку, ожидали весенней судебной сессии. Они жили как крысы. Некоторых заковывали в цепи после заката, и не обязательно убийц. Мэри не находила этому никаких разумных объяснений.

В темноте, как она узнала позднее, могло случиться все. Изнасилование — и только чьи-то хрипы нарушали тишину. Избиение — и ничего, кроме звуков смачных ударов. Соломы не было, и в углах высились кучи дерьма. Воздух был тяжелым и плотным, как земля. Однажды утром старого валлийца нашли лежащим лицом вниз, он не шевелился. Но ничто не могло удивить или напугать Мэри Сондерс. Ничто не могло проникнуть вглубь ее души.

В сентябре было гораздо хуже. Ночи были невыносимо жаркими, вокруг звенели комары, и стражники не приносили воды.

Однажды перед рассветом пошел дождь, такой сильный, что отдельные струйки просочились сквозь трещины в потолке, и заключенные хохотали как безумные и лизали стены.

Теперь было Рождество. По утрам их переводили в дневную камеру. Мэри Сондерс сидела неподвижно, как статуя, день за днем, час за часом. Если не шевелиться, то не будешь ничего чувствовать. Ее ладони покоились на ткани грубого коричневого платья, что выдали ей в тюрьме три месяца назад. На ощупь она была как мешковина, жесткая от грязи. Ее глаза не отрывались от забранного решеткой окна. В белом морозном небе, глухо каркая, носились вороны; они улетали куда-то в сторону Уэльса, и Мэри следила за ними взглядом.

Другие узники вскоре привыкли относиться к лондонской девчонке так, будто ее нет. Их грязные песенки не достигали ее ушей; сплетни были так же непонятны, как чужестранная речь. Их совокупления значили для Мэри не больше, чем мышиная возня.

Если брошенные кости случайно попадали

на ее колени, она даже не вздрагивала. Когда мальчишка вытащил у нее из руки голубоватую от плесени горбушку хлеба, Мэри Сондерс только сжала пальцы и закрыла глаза. Она собиралась умереть в тюрьме, как ее отец.

Но однажды утром она вдруг почувствовала странное шевеление в груди, как будто кто-то потянул за ниточку тугого клубка, в который превратилось ее сердце. В воздухе, словно облако, стоял крепкий запах джина. Мэри открыла глаза и увидела согнувшуюся над ней воровку-карманницу. Осторожно, кончиками пальцев, та вытаскивала из корсета Мэри полинявшую красную ленту.

— Это мое, — хрипло сказала Мэри. Она совсем отвыкла говорить, и ее голос как будто заржавел. Одной рукой Мэри перехватила ленту, а другой вцепилась в мягкое горло старухи. Ее пальцы все глубже впивались в серую дряблую плоть; воровка захрипела, задергалась и попыталась вырваться.

Мэри отпустила старуху и вытерла руку о платье. Потом она намотала ленту на палец, сделав из нее плотное колечко цвета запекшейся крови, и снова сунула ее за корсет. Лента должна была находиться именно там.

Часть первая. Лондон

Глава 1. Красная лента

Когда Мэри Сондерс увидела ленту первый раз, она была ярко-алой. Это было в Лондоне в 1760 году, и Мэри было тринадцать лет. Широкая атласная полоска была в точности такого же цвета, как маки, что росли на полях Лэмз-Кондуит-Филдс на окраине Холборна, там, где практиковались в стрельбе лучники. Лента была продета в серебряные волосы девицы, которую Мэри всегда искала глазами, когда проходила по Севен-Дайлз.

Мать Мэри — выйдя замуж во второй раз, за угольщика, она стала зваться Сьюзан Дигот — сто раз говорила Мэри, чтобы она не ходила через Севен-Дайлз, когда возвращается домой из благотворительной школы. *Яма, где собираются все самые мерзкие отбросы Лондона*, — так называла мать этот перекресток. Но ее предостережения не пугали, а притягивали Мэри к Севен-Дайлз, словно горящий камин в холодную зимнюю ночь.

Кроме того, она никогда не торопилась оказаться дома. Мэри точно знала, какую картинку она увидит, подходя к подвалу на Черинг-Кросс-Роуд, где семья занимала две комнаты. Если на улице было еще светло, у низкого грязноватого окошка

всегда сидела Сьюзан Дигот, окруженная волнами дешевого полотна, словно обломок корабля, тонущий в бурном море. В шершавых пальцах она держала иглу, подрубая, сшивая, простегивая бесконечные лоскуты материи. В корзине вопил новорожденный ребенок. Сидеть и стоять было негде; Мэри либо загораживала свет, либо мешала пройти. В ее обязанности входило менять грязные, дурно пахнущие пеленки младенца; жаловаться при этом не полагалось. В конце концов, это был мальчик, их главное семейное достояние. Уильям Дигот — «этот человек», так Мэри про себя называла своего отчима, — возвращался с работы лишь через несколько часов. Ее другой обязанностью было ходить к насосу на Лонг-Акр. Мэри стояла в очереди до самой ночи и возвращалась домой с двумя ведрами воды, чтобы Уильям Дигот мог смыть с черного лица угольную пыль перед тем, как лечь спать.

Неудивительно, что Мэри предпочитала болтаться по Севен-Дайлз. Семь улиц разбегались в разные стороны от большого столба; на прилавках лавочек были навалены груды разноцветных шелков, в бочках бились живые карпы, над головой кричали чайки, а к сюртуку уличного торговца были приколоты ленты и кружева

самых разных цветов. Мэри казалось, что она чувствует их на вкус: желтый, как свежее сливочное масло, черный, как чернила, и голубой… На что же был похож голубой? На небесный огонь? Мальчишки вполовину ниже, чем она, курили длинные трубки и сплевывали на мостовую черную слюну, воробьи дрались за крошки от пирога, и Мэри не слышала собственного дыхания, потому что вокруг стоял оглушительный шум: топот десятков ног, грохот телег, звон церковных колоколов, бряцанье колокольчика почтальона, звяканье тамбуринов, свист дудочек, крики разносчиков и продавцов, предлагавших купить лаванду, кресс-салат, творог с простоквашей и все на свете. *Чего желаете? Лучший товар!*

Здесь же торчали и девицы. Всегда две или три на каждом из семи острых углов Севен-Дайлз, с выбеленными лицами и темными, как вишня, губами. Мэри не была дурочкой, она прекрасно знала, что это шлюхи. Они смотрели сквозь нее, как будто не видели, и Мэри нисколько не удивлялась. Что им за дело до долговязой девчонки в сером платье на пуговицах, из которого она так стремительно вырастала, с густыми черными волосами, скрытыми под чепцом? Только одна из них, с отливающей глянцевым блеском лентой

в прическе и шрамом, пересекавшим напудренную, белую как мел щеку, всегда улыбалась ей своей странной, кривой улыбкой. Если бы не ужасный рубец, который тянулся от глаза до рта, она была бы самым прекрасным созданием, которое только доводилось видеть Мэри. Ее юбки были иногда изумрудными, иногда клубнично-красными, иногда фиолетовыми; пышные, как будто надутые воздухом, они окружали ее словно облако, а грудь вздымалась над корсажем, словно пенка на закипающем молоке. Ее высоко взбитые волосы были серебряными, и алая лента в них казалась струйкой крови.

Мэри знала, что шлюхи были низшими из низших. У некоторых был вполне довольный вид, но конечно же они просто притворялись. «Девушка, которая теряет добродетель, теряет все», — сказала однажды мать. Она стояла в дверях; мимо, держась за руки, как раз проходили две девицы. Их розовые юбки раскачивались, как колокольчики. «Все, Мэри, ты меня слышишь? Если не будешь содержать себя в чистоте, никогда не получишь мужа».

Еще они были навеки прокляты. Об этом говорилось в стихах, которые Мэри заставляли учить в школе.

Пьяницы, шлюхи, воры, лгуны
Жариться в пламени ада должны.

Холодными ночами, лежа под тонким потертым одеялом, Мэри любила представлять этот жаркий адский огонь. Вечное пламя! Она складывала ладони и воображала себе все его оттенки.

У самой Мэри не было ни единой цветной вещи, и ее невероятно тянуло ко всему яркому. Если у нее выдавалось свободных полчаса, самым любимым занятием Мэри было побродить по Пиккадилли и поглазеть на магазины. Деревянные вывески раскачивались на цепях; самой роскошной была вывеска золотых дел мастера: огромная позолоченная рука и молоточек. Она останавливалась возле каждой витрины и прижималась лбом к холодному стеклу. Как ярко горели лампы — даже среди бела дня! Как красиво были разложены шляпы, перчатки и туфли, они словно предлагали себя ее взгляду! Штабеля серебряных, золотых, кремовых тканей громоздились выше человеческого роста. От цветов ее рот буквально наполнялся слюной. Мэри никогда не заходила внутрь — она знала, что ее тут же вытолкают наружу, но смотреть… никто не мог запретить ей смотреть.

Ее собственное платье было тусклого серовато-коричневого цвета — для того, чтобы покровители школы видели, что девочки скромны и послушны, как говорила директриса. То же самое касалось чепцов и пелерин на пуговицах, которые предписывалось оставлять в школе вместе с книгами после уроков. Это делалось для того, чтобы родители не могли их продать. Однажды Мэри попыталась унести домой «Королей и королев Англии», чтобы почитать книгу ночью, в постели, при свете уличного фонаря, но ее поймали у школьных дверей и высекли, так что с ладоней долго не сходили красные отметины. Разумеется, это не остановило Мэри, а только сделало ее более изобретательной. В следующий раз, когда учитель забыл пересчитать книги в конце дня, она засунула «Жития святых мучеников для детей» между ног и вышла из класса маленькими шажками, как будто ее терзала боль в животе. Книгу она так и не вернула. Самой любимой картинкой Мэри была та, где святого поджаривали на огромной сковороде.

Помимо повседневного платья у Мэри было и воскресное, хотя Диготы ходили на службу в церковь Святого Мартина на Полях только дважды в год. Оно давно полиняло и приобрело

грязно-бежевый цвет. Хлеб, который ела семья, скрипел на зубах: пекарь добавлял в него мел, чтобы сделать белее. Сыр был бледным и «потел», потому что молоко разбавляли. Если на столе у Диготов появлялось мясо — в те редкие дни, когда матери удавалось в срок закончить очередную порцию шитья, — оно было светло-коричневым, как опилки.

Не то чтобы они были бедняками. У Мэри, ее матери и человека, которого она должна была звать отцом, было по паре собственных башмаков; маленькому Билли тоже должны были справить пару, если только он не научится ходить слишком рано. Мэри знала, что бедность — это нечто совсем другое. Бедность — это когда сквозь прорехи в одежде видно голое тело. Или когда щепотку чая заваривают неделями, снова и снова, пока заварка не станет прозрачной, как вода. Или когда человек падает в обморок от голода, прямо посреди улицы. В дыхании мальчика из ее школы, который потерял сознание во время молитвы, чувствовался какой-то особый запах.

— Блаженны кроткие… — произнесла директриса, на секунду умолкла, явно недовольная тем, что ее прервали, и тут же продолжила: — Ибо они наследуют землю.

Но тот мальчик так ничего и не унаследовал, решила Мэри. На следующее утро ему снова сделалось дурно, и после этого он в школу не вернулся.

Да, Мэри знала, что ей есть за что быть благодарной. За кожаные подошвы, предохранявшие ее ноги от холода, за хлеб во рту, за то, что она, в конце концов, ходила в школу. Пусть там было невероятно скучно, но все же это было лучше, чем с восьми лет возить грязной тряпкой по полу в таверне, как девочка из соседнего с ними подвала. Немногие девочки продолжали посещать уроки в возрасте тринадцати лет — большинство родителей считали такое образование излишним. Но самой заветной мечтой Коба Сондерса было, чтобы его девочка научилась читать, писать и считать, — сам он этого не умел, и его вдова, из уважения к покойному, следила за тем, чтобы дочь никогда не пропускала занятий. Мэри была благодарна за все, что имеет, и не нуждалась в постоянных напоминаниях матери.

— Мы справляемся, разве нет? — говорила Сьюзан Дигот в ответ на любую жалобу и направляла на Мэри длинный мозолистый палец. — Мы сводим концы с концами, хвала Создателю.

Когда Мэри была маленькой, она слышала, как

Бога называли Господь, и думала, что это тот, на кого работает мать. Каждую неделю мальчишка-посыльный притаскивал целый мешок лоскутов, скидывал его с плеч прямо к ногам Сьюзан Дигот и говорил:

— Господин сказал, что это должно быть готово к четвергу, или плохо вам придется. И больше никаких пятен, а не то он сбросит по два пенса с каждого шиллинга.

С тех пор в голове у Мэри закрепилась мысль, что Господь — это господин, хозяин всех людей и вещей на земле и что в любой момент он может призвать человека к ответу и проверить, как тот обращается с его имуществом.

Ночами ей снилось, как усатый француз преклоняет перед ней колено, а она прячет лицо за жестким кружевным веером. Шлюха со шрамом с перекрестка Севен-Дайлз качала головой, словно береза на ветру, и алая лента падала прямо в руки Мэри. Она была гладкой, как вода.

— Вставай, девочка!

Каждое утро ее будил голос матери. Мэри должна была вылить в сточную канаву наполненный до краев ночной горшок Диготов, раздуть вчерашний огонь в очаге и поджарить на почерневшей вилке тосты.

— Давай-ка поторапливайся. Твой отец не может прохлаждаться тут весь день.

Как будто он был ей отцом! Доброе отношение Уильяма Дигота к Мэри длилось не дольше, чем его ухаживание за вдовой Сондерс.

— Поди же сюда, разве ты не слышишь, что маленький Билли плачет?

Как будто ей было не все равно!

Мальчик был в десять раз ценнее девочки, Мэри знала это наверняка, хотя никто ей этого не говорил. Однако после рождения сына Сьюзан Дигот, как ни странно, не стала выглядеть более счастливой. Ее локти стали еще острее, а вспышки гнева участились. Иногда она смотрела на свою дочь с настоящей яростью.

— Мне надо кормить четыре рта, — пробормотала она как-то сквозь зубы, — и один из них — здоровой бесполезной девчонки.

Каждое утро, поджидая на углу молочника, — Мэри было велено особенно следить за тем, не кладет ли он в молоко улиток, чтобы оно пенилось, как парное, — она вспоминала самые приятные события своей жизни. Например, тот раз, когда мать взяла ее с собой, чтобы посмотреть на процессию лорд-мэра или салют на Тауэр-Хилл на прошлый Новый год. За завтраком Мэри

макала тосты в большую чашку с чаем, чтобы немного их размочить, и представляла себе свое блестящее будущее. По утрам служанка будет вплетать ей в косы алую ленту, и ее волосы будут блестеть, как уголь. И звуки в ее будущем будут совсем другие, не такие, как здесь: флейты, топот копыт, взрывы серебристого смеха.

Весь день в школе, переписывая с доски правила и попутно исправляя ошибки своих соседок, Мэри думала о ярких, волнующих красках. Школьные задания не требовали от нее почти никаких усилий, и это было не слишком хорошо. Директриса говорила, что это гордыня, но Мэри считала нелепостью притворяться глупее, чем ты есть. Всегда, с самого начала занятий, учеба давалась ей чрезмерно легко. Вместе со всеми она повторяла вслух правила и молитвы и воображала себе великолепные платья с фижмами и шлейфами в десять футов длиной. Мэри возвышалась над другими, младшими, девочками почти на целую голову.

На земле мы, чтоб трудиться,
Дети не должны лениться.

Она давно затвердила все эти стихи наизусть, так что теперь могла присоединиться к общему

хору в любом месте и думать при этом о чем-то совершенно постороннем. Например, пересказывая «Пять правил спасения души», Мэри твердо решила, что, когда станет взрослой, ни за что не будет носить бежевое. Она гнала от себя мысли о пустом желудке, о Господе всемогущем там, в Небесах, о том, что за бремя он для нее приготовил, и о том, сколько лет ей придется это бремя нести. Ту самую Бессмертную Душу, о которой без конца рассуждали учителя, Мэри без колебаний обменяла бы на крохотную толику красоты. На одну-единственную алую ленту.

В сентябре умер старый король Георг, и его место занял молодой король Георг. Уильям Дигот заявил, что теперь все изменится к лучшему. Этот парень, по крайней мере, родился на английской земле, не как его папаша или дед, «и видит бог, мы достаточно навидались этих немцев и их толстых женушек».

Когда отчим уснул на стуле, Мэри осторожно заглянула в газету, лежавшую у него на коленях. Она подозревала, что Уильям Дигот в состоянии прочитать лишь одно слово из трех и что он всего-навсего с грехом пополам разбирает заголовки и разглядывает картинки. Под подписью «Король Великобритании, Ирландии, Гибралтара,

Канады, обеих Америк, Бенгалии, Вест-Индии и курфюрст Ганновера» был портрет молодого короля в полный рост. У него было немного нервное лицо, а ляжки, обтянутые бархатными панталонами, показались Мэри гладкими, как рыбы.

У окна, прикусив губу и сгорбившись над шитьем, сидела Сьюзан Дигот. Мэри знала, что мать не интересуется политикой. Пределом ее мечтаний было стать настоящей портнихой, кроить изящные юбки и жакеты вместо того, чтобы по двенадцать часов в день простегивать грубые лоскуты размером шесть на шесть дюймов, работать на хозяина, которого она никогда не видела. Сьюзан и Коб Сондерс выросли далеко отсюда, в городе под названием Монмут; они приехали в Лондон в 1739 году.

— Почему вы с отцом переехали в Лондон? — спросила Мэри. Она старалась говорить тише, чтобы не разбудить угольщика.

— Откуда у тебя в голове берутся такие вопросы? — Сьюзан Дигот на секунду подняла удивленные глаза. Веки у нее были красные. — Мы с Кобом думали найти тут долю получше… а надо было остаться дома. — Ее пальцы, проворные, как мыши, быстро подворачивали край и подрубали ткань. — Это все бесполезно.

— Что — бесполезно?

— Пытаться выбиться в люди, — ровным, бесцветным голосом сказала мать. — Коб и слыхом не слыхивал, что лондонские сапожники давно поделили всех заказчиков. О чем он мечтал, так это о тонкой работе, да только так он ее и не получил. Латать дыры в подметках картоном — вот и все, чего он добился. Ну-ка, сосчитай, сколько здесь штук.

Мэри подошла поближе, опустилась на колени и принялась перебирать квадраты заготовок, подбитые муслином. Когда она думала об отце, то всегда представляла себе этакого сапожника из сказки: вот он сидит, поджав под себя ноги, и постукивает маленьким молоточком, забивая крохотные гвоздики в остроносые бальные туфли. Но все это было неправдой. Напрягая память, Мэри видела его таким, какой он был на самом деле. Очень большим. Огромным.

— В Монмуте Коб не вышел бы на улицы и не позволил бы с собой такое сделать, — добавила Сьюзан и скривила рот. — Там такого кровопролития не было.

Мэри попробовала вообразить это — кровь на вымощенных булыжником улицах Лондона. В прошлом году она видела, как бунтовщики про-

бегали по Черинг-Кросс, мимо их подвального окна. Башмаки стучали по мостовой, и до Мэри доносились крики «Нет папистам!» и звон разбитого стекла.

— Это было как «Нет папистам»? — с интересом спросила она.

Сьюзан Дигот хмыкнула.

— «Нет папистам!» — это чепуха. Календарные беспорядки были куда хуже. Куда хуже! Бедлам и светопреставление. Ты даже представить себе не можешь. — Она замолчала. Слышался только скрип иголки, продеваемой сквозь ткань. — А что сталось со мной? — спросила вдруг мать и уставилась на Мэри, как будто та знала ответ. — Разве не умела я обращаться с иголкой не хуже моей подруги Джейн? И что теперь? Я ломаю пальцы, по целым дням простегиваю эти лоскуты, словно железная машина, а она, как говорят, шьет платья для знати!

Это Мэри вообразила без труда: *платья для знати*, яркие и изысканные, словно сочные фрукты на фарфоровом блюде. И алые ленты — по подолу,

по рукавам, на стомакерах[1].

— А почему бы тебе тоже не стать портнихой, мама? — спросила она.

Мать раздраженно прищелкнула языком.

— И что за чушь лезет тебе в голову, Мэри. Я умею только стегать и подрубать, и больше ничего. И где, по-твоему, мне взять денег, чтобы открыть свое дело? И где тут у нас место для мастерской? Да и глаза у меня уже не те, что прежде. Да к тому же в Лондоне полно портних и без меня. С какой стати людям заказывать платье именно у меня?

Ее голос показался Мэри особенно скрипучим. Вечное недовольство. Она попыталась припомнить, когда мать последний раз смеялась.

— Кроме того, — натянуто добавила Сьюзан, — теперь нас кормит Уильям.

Мэри опустила голову, чтобы мать не видела ее лица.

Она была уверена, что они знавали и лучшие времена. Еще раньше, когда Мэри была совсем маленькой, а ее мать звалась миссис Сондерс.

---

[1] Сноски: 1

Стомакер (наживотник) — деталь одежды, как правило прикреплявшаяся к корсету и платью булавками. Стомакер украшали вышивкой, декоративной шнуровкой, лентами, тесьмой или же каскадом бантов. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Она смутно припоминала картинку: вот она, Мэри, выздоравливает после лихорадки. Она еще слаба; мать держит ее на коленях. Одной рукой она обнимает Мэри, а другой поит ее с ложечки теплым поссетом[2]. Поссет греет ей горло; Мэри чувствует, как тепло постепенно опускается вниз, к животу. Ложечка была оловянной. Где она теперь? Потеряна или заложена? И еще Мэри помнила Коба Сондерса, его крупную фигуру возле окна, стук молотка, быстрый и четкий, как биение сердца. После ужина в его черной бороде оставались крошки; Коб брал дочку на руки, и она, смеясь, расчесывала ее пальцами. Конечно же она это не выдумала. Воспоминание было слишком ярким и живым. Мэри знала, что высокий рост, темные глаза и волосы она унаследовала от отца. От матери ей достались только проворные, умелые руки.

Даже еда, казалось ей, в те времена была лучше. Как-то у них выдалась неделя, когда в доме было полно всего. Мать получила деньги за большой заказ, и у них на столе появилось свежее мясо и пиво; от возбуждения и изобильной пищи Мэри вырвало прямо на сорочку, но никто не стал ее

---

[2] Сноски: 2

Поссет — горячий напиток из молока или сливок с пряностями, створоженный вином или элем.

бранить.

— Так сколько там? — спросила мать.

Мэри вздрогнула и очнулась. Дневной свет уже почти угас. Она взглянула на гору лоскутов у себя на коленях.

— Пятьдесят три, кажется… или пятьдесят четыре, — неуверенно ответила она.

— Пересчитай еще раз, — сварливо бросила мать. — «Кажется» хозяину не ответишь.

Мэри принялась торопливо перебирать лоскуты, стараясь при этом не запачкать их. Сьюзан Дигот склонилась еще ниже. Комнату наполняли сумерки.

— Мама! — спросила вдруг Мэри. У нее появилась новая мысль. — А почему вы не вернулись в Монмут?

Мать пожала плечами:

— Ползти домой на коленях? После всех наших великих планов? Мы с Кобом этого не хотели. Да и он был не из тех, кто отказывается от надежды. Ему нравился Лондон, — презрительно добавила она. — Это ведь он нас сюда притащил.

— Но потом? После смерти отца?

Это было похоже на сказку из книжки. Мэри будто наяву видела себя и мать в черных траурных атласных платьях, в обитой бархатом карете.

Они возвращаются в волшебный город Монмут, где воздух всегда свеж и чист, а люди улыбаются друг другу.

Мать покачала головой, как будто внутри жужжала пчела и она хотела ее прогнать.

— Постелил постель — так спи на ней, — сказала она. — Создатель привел меня сюда, и здесь я останусь. Пути назад нет.

И с этим было сложно спорить.

* * *

Однажды вечером, это было в ноябре, Мэри послали купить ракушек на два пенни, и в переулке возле Шортс-Гарденз она наткнулась на торговца лентами. Он распахнул свой сюртук, словно пару больших крыльев, и Мэри испуганно отпрянула. Сюртук был старый и довольно грязный, но внутри, на подкладке, среди многих других была она: приколотая к ткани, длинная, дрожащая, чуть завивающаяся на конце, словно язык. Точно такая же лента, как у той шлюхи.

— Сколько стоит красная? — Вопрос вырвался у Мэри как будто сам собой.

— Для тебя шиллинг, милочка. — Торговец склонил седую голову набок, словно только что выдал удачную шутку. Его глаза маслено бле-

стели.

Мэри бросилась наутек.

С таким же успехом он мог бы запросить целую гинею. Она даже никогда не держала шиллинг в руках. Подойдя к тележке продавца ракушек, Мэри засунула руку в карман и обнаружила, что один из двух пенсов, что вручил ей Уильям Дигот на покупку ужина для всей семьи, исчез. В кармане была дыра с мягкой, как ресницы маленького Билли, бахромой по краям.

Что же делать? Ракушками на один пенни четырех человек не накормить, это Мэри знала точно. Она бросилась к торговцу пирогами на угол Флиткрофт-стрит и спросила, что у него есть на пенс. Ей дали пирог с ветчиной; у него была сломанная корочка, но, по крайней мере, пирог выглядел достаточно сытным. Всю дорогу домой Мэри не отрывала глаз от земли, в надежде, что потерянная монетка вдруг блеснет между двух булыжников или где-нибудь в канаве, среди очисток и какашек, но, конечно, она так ничего и не нашла. Как будто пенни будет валяться в грязи на Черинг-Кросс!

Она рассчитывала, что семья будет довольна пирогом — он был горячим и вкусно пах. Но Сьюзан Дигот назвала ее лгуньей.

— Ты ведь потратила пенни на пряники, да? — спросила она и устало потерла покрасневшие глаза ладонью. — Я же чувствую, от тебя пахнет пряниками.

Она отлупила Мэри ручкой от метлы.

— Я потеряла его! — выкрикивала Мэри, снова и снова, при каждом новом ударе. — Я правда потеряла пенни! Клянусь!

— О, Мэри, — повторяла мать и обрушивала на нее следующий удар.

Мэри лупили и раньше, и гораздо сильнее, но никогда еще она не чувствовала такой боли и обиды. Что толку быть взрослой девушкой тринадцати лет, если мать по-прежнему может положить тебя поперек колен и отходить за то, чего ты не делала?

После наказания Мэри съежилась в углу, наблюдая за тем, как Диготы едят пирог. Серединка досталась маленькому Билли. Ее слезы высохли, только щеки и подбородок были солеными. В животе у Мэри громко заурчало, и ей очень хотелось, чтобы Диготы это услышали. В конце концов она поднялась, подошла к столу и вывернула карман.

— Смотрите, — сказала Мэри. Ее голос дрожал. — Там была дырка, а я не знала. — Она

просунула палец в дыру.

Уильям Дигот поднял голову.

— Да ты могла и сама ее пробуровить, — буркнул он.

Мать посмотрела на дырявый карман, и на секунду на ее лице появилось странное выражение, словно она вот-вот разрыдается.

— Я не воровка! — почти крикнула Мэри.

Сьюзан Дигот сморгнула.

— Небрежность — это нисколько не лучше.

Помедлив, она протянула Мэри жестяную миску с коркой пирога. Как собаке. Муж Сьюзан бросил на миску косой взгляд.

— Она этого не заслужила, — заметил он.

— Она моя дочь, — тихо и яростно сказала Сьюзан.

На кого она злилась? На дочь? На мужа? Или на Создателя, который дал ей такую большую семью и такой маленький пирожок, чтобы ее накормить? Мэри с удовольствием швырнула бы миску с объедками на пол или — еще лучше — безразлично отвернулась бы от нее, но она была слишком голодна. На то, чтобы показывать гордость, у нее не было сил. Она взяла корку двумя пальцами и проглотила ее в один момент.

Урок она усвоила, но только совсем не тот,

что предполагался. В следующий раз, когда ее послали купить что-нибудь на ужин, Мэри просто соврала матери насчет цены полудюжины устриц и оставила один пенс себе. В возмещение за порку.

К этому времени у нее уже два месяца шли месячные. В первый раз, когда это случилось, Сьюзан всплакнула и пробормотала, что еще слишком рано, несмотря на то что Мэри уже была выше многих взрослых женщин.

— Я оставалась девочкой до шестнадцати лет дома, в Монмуте, — грустно добавила она. — В большом городе все бежит так быстро.

Серое школьное платье Мэри почти прорвалось на локтях, а впереди, там, где наливалась грудь, отлетела пуговица. В те дни она совсем не занималась на уроках, забывала присоединиться к хору голосов, повторяющих стихи, хотя давно знала слова наизусть. Ей хотелось зевнуть и потянуться, как тигрице. Она читала, писала и считала лучше, чем любая другая девочка в школе. Все ее ровесницы уже бросили уроки; одна стала прачкой, другая помощницей чулочницы, еще три — швеями, как ее мать. Девочка, с которой Мэри почти дружила, поступила в услужение и уехала в Корнуолл — все равно что на другой

конец света. Все ремесла и занятия казались Мэри низкими и презренными.

У других девочек не было никаких честолюбивых замыслов. Все они, похоже, оставались довольны своей участью. Тщеславие терзало Мэри, как камешек, попавший в туфлю, как жучок, разъедающий внутренности. Когда она читала книгу, глаза всего лишь прыгали по строчкам, чтобы скорее добраться до конца. Наверное, это из-за тщеславия ее ноги становились все длиннее, а губы алее. По вечерам Мэри устраивалась на матрасе рядом с Билли, умещая свое ноющее растущее тело в продавленную посередине ямку. В короткий промежуток между сном и явью она грезила о какой-то иной, лучшей жизни, где вместо грязи и изматывающего труда были яркие краски, разнообразие и бесконечные танцы, танцы, танцы всю ночь напролет в развлекательном саду в Воксхолле, на другом берегу. Иногда ее недовольство словно собиралось в одну точку, как луч света. Перед рассветом Мэри просыпалась с замирающим сердцем; ее будил грохот первых телег, проезжающих по мостовой, или хныканье и толчки Билли. В эти моменты мысли в ее голове были особенно четкими и ясными. *Я достойна большего.*

Сама земля в том году, казалось, не могла найти покоя. В феврале было землетрясение, а потом, в марте, еще одно. Последняя фарфоровая тарелка Сьюзан Дигот, доставшаяся ей от родителей, упала с полки и разбилась на мелкие кусочки. Люди считали, что это дурные предзнаменования. Говорили, что следующее землетрясение, которое придет очень скоро, не оставит от Лондона камня на камне. Проповедники обещали, что Господь в своем праведном гневе поднимет воды Темзы, и в них утонут все пьяницы, развратники и те, кто играет в карты и кости.

Уильям Дигот утверждал, что все это чепуха, но когда подошло время и жители Лондона начали уезжать из города в близлежащие деревни, Сьюзан Дигот убедила мужа на одну ночь вывезти семью в Хэмпстед. Вреда от этого не будет, говорила она. Они сидели на пустоши и смотрели вниз, на город. К десяти часам ничего так и не случилось, и Диготы пошли спать в амбар, на соломе с одиннадцатью другими семьями. Уильям Дигот поспорил с хозяйкой насчет непомерно высокой цены за ночлег, и та заставила его оставить в залог его лучшую рубашку.

Вонь и разговоры не давали Мэри уснуть. Чуть позже она тихонько накинула на плечи материн-

скую шаль, выскользнула из амбара на пустошь, уселась на корточки и уставилась на дрожащие огни Лондона. Она думала о балах-маскарадах, салонах, где ночь напролет играют в карты, и о гуляках в атласных костюмах, смеющихся прямо в лицо разгневанному Создателю. Это был город полный блеска и веселья, и ему предстояло быть разрушенным до того, как она успела отведать его радостей.

Мэри ждала, что земля вот-вот начнет содрогаться или в воздухе вдруг запахнет затхлыми водами вышедшей из берегов Темзы. Но в ту ночь божья кара миновала Лондон. Стояла напряженная, звенящая тишина, и на небе одна за другой появлялись звезды.

* * *

В мае 1761 года Мэри исполнилось четырнадцать. Возвращаясь в тот день из школы, она, как всегда, пошла через Севен-Дайлз и заметила впереди спину той самой шлюхи со шрамом. Поддавшись непонятному порыву, Мэри последовала за ней, вверх по Мерсер-стрит, мимо церкви Святого Эгидия на Полях. Как там говорила мать? *Там кто не попрошайка, так непременно вор.* Но Мэри старалась не выпускать из виду белый

парик с дерзкой алой лентой. Девушка зашла в «заведение» и появилась с половиной бутылки джина в руках; Мэри дождалась ее снаружи и снова двинулась следом. Возле Хай-Холборн Мэри остановилась — идти дальше было страшновато. Она знала, что этот район называют Трущобами. Шлюха исчезла в узком проходе между двумя домами, которые склонялись друг к другу, словно пьяные. Улица здесь была не шире, чем раскинутые руки Мэри. Извилистые переулки перетекали во внутренние дворики, внутренние дворики — в подворотни; между домами то и дело встречались щели. Говорили, что если, скрываясь от погони, свернуть в Трущобы, то тебя не поймает никто, даже ищейки с Боу-стрит. Мимо прошли два матроса-индуса; один из них подмигнул Мэри. Его белки были невероятно яркими. Мэри бежала почти всю дорогу до дому.

Сьюзан Дигот подняла голову и вытерла мокрый лоб рукой, в которой держала иголку. Ее медно-рыжие волосы уже заметно поседели.

— А, Мэри. Наконец-то. Я раздобыла голубя. Он, конечно, староват, но в хорошем рагу, со специями, мы этого и не заметим.

Перья у голубя были редкие. Мэри быстро ощипала его, стараясь поскорее разделаться с за-

данием. Ее все еще слегка трясло. Крупные перья летели прямо в огонь, но мелкие прилипали к пальцам. Она ловко взрезала голубиное брюшко. Значит, вот каково это — когда тебе четырнадцать, подумала она.

Сьюзан Дигот взглянула на дочь и облизнула нитку, как будто хотела попробовать ее на вкус.

— У тебя сноровистые пальцы, Мэри, — заметила она.

Мэри промолчала.

— Пора тебе научиться какому-нибудь ремеслу. Теперь ты уже совсем взрослая.

Мэри, все так же молча, достала внутренности. Она и не думала, что мать помнит о ее дне рождения.

— Шитье, вышивка, стежка… девушка никогда не пропадет с голоду, если у нее в руках иголка, Мэри.

Мэри обернулась и посмотрела на мать. У Сьюзан Дигот были серые глаза, цвета набухших дождем облаков, но в последнее время Мэри начала замечать, что они будто обведены красным, словно мишень. И испещрены красными точечками, как следами от стрел. Сколько еще лет они протянут? Ей приходилось видеть ослепших швей; на чердаке на Нилз-Ярд как раз жили

две. Можно было пересчитать все кости у них на руках. Мэри покачала головой и снова вернулась к голубю. Она собрала внутренности на лезвие ножа и бросила в огонь.

На минуту она подумала, что этим все и закончится. В комнате повисла тишина; постепенно темнело. Дигот проснется к ужину, и тогда разговор, конечно, начнется опять. Но Мэри знала, как перевести его на безопасную тему: например, какой мягкий сегодня ветерок или какие сильные ручки у маленького Билли.

Но Сьюзан Дигот откинула со лба выбившиеся волосы и глубоко вздохнула, как будто у нее болело в груди.

— Вся эта грамота: и чтение, и письмо, и счет — это, конечно, славно. Коб Сондерс требовал, чтобы ты пошла в школу, и я ему слова поперек не сказала, верно?

Этот вопрос не требовал ответа.

— Скажи мне, я стояла у тебя на пути? — торжественно спросила мать. — Нет. Хотя многие мне говорили, что для девочки учение — это лишнее.

Мэри уставилась на огонь в очаге.

— Но пришла пора и тебе начать зарабатывать на хлеб. Что говорят в школе?

— Идти в служанки. — Мэри показалось, что

слова застревают у нее в горле. — Или в швеи.

— Ну вот видишь! В точности мои слова. Все верно, да, Уильям?

Из угла, где устроился Уильям, не донеслось ни звука. Мэри скосила глаза и увидела, что ее отчим дремлет. Он то и дело клевал носом; его тень на стене была такой же черной, как и его вымазанная углем голова.

— А если ты выберешь идти в швеи, то ведь я сама могу начать тебя учить, так? — не отставала мать.

В ее голосе даже послышалась нежность. Мэри вдруг вспомнила, что несколько лет они были только вдвоем, вдова Сондерс и ее дочка. Они спали вдвоем на узкой кровати, и им было тепло.

— А если дело у тебя пойдет хорошо — а я уверена, что пойдет, с такими-то ловкими пальцами, точь-в-точь как у меня, — может, я даже смогу отослать тебя подальше из этого проклятого грязного города. Скажем, в Монмут. — Это слово Сьюзан всегда произносила особенно тепло. — Моя подруга Джейн Джонс, та самая, что портниха, — я же могу написать ей. И она возьмет тебя в помощницы — в два счета, точно тебе говорю.

Кусочки голубиной тушки прилипали к пальцам. Мэри стряхивала их в горшок, один за

другим. Мяса там было не больше яйца. Как из этого сделать хорошее рагу со специями на четверых?

— Для подрастающей девочки Монмут — как раз то, что надо, — с надеждой сказала мать. — Такие хорошие люди, чистые, добрые. И все кругом так зелено, и на улицах тишина.

Мэри представила себе вылизанный, притихший маленький городок.

— Я не люблю тишину, — выдавила она.

— Как будто ты что понимаешь, девчонка! — К матери снова вернулась строгость. — Кроме того, главное — получить ремесло. — Она на секунду оставила работу, и ее глаза заблестели. — Когда ты всему научишься, сможешь и вернуться. Будешь работать со мной. Будем… компаньонами.

Мэри посмотрела на мать, на ее сияющие глаза, влажные губы, и внутри у нее все сжалось. Теперь она понимала, в чем действительно дело. *Одни руки хорошо — а двое лучше.* Может быть, ее и растили с этой целью — чтобы она встала между Сьюзан Дигот и ее несчастливой судьбой, подставила плечо. *Какова мать — такова и дочь*. В своей беспощадной любви Сьюзан Дигот предлагала дочери все, что имела, все, что знала: будущее, которое ограничивалось этим сырым

подвалом. Все это должно было достаться Мэри в наследство: мужчины из клана Диготов, согнутая спина, иголки, красные веки.

— Мне… жаль, — прошептала она.

На мгновение Мэри показалось, что она услышала то, что не было высказано, смирилась с их обоюдным предательством. Что между ними возможно понимание.

— Или тебе больше нравится услужение? — холодно спросила мать. — Давай скажи, что думаешь. Что тебе больше по душе?

— Ни то ни другое, — четко произнесла Мэри и вытерла нож о край горшка.

Из угла послышался кашель. Уильям Дигот проснулся.

— И что же ты собираешься делать, раз так? — резко бросила Сьюзан. Иголка в ее руках была направлена на дочь, словно оружие.

Мэри с силой закусила губу и поставила горшок на огонь. Во рту она чувствовала сладкий вкус крови.

— Я не знаю. И шитье, и услужение — это… жалкие занятия.

— А с чего вам пришло в голову, что вам назначено что-то получше, мисс? — ядовито спросила Сьюзан. — Какая неблагодарность! Какое упрям-

ство! Подумайте только.

Уильям Дигот, сгорбившись, уселся поудобнее.

— Девчонка что, думает, мы будем кормить ее вечно? — хрипло спросил он.

Мэри отвернулась, чтобы он не увидел ее лица, и потыкала ножом в шипящие на дне горшка кусочки голубя.

— Отвечай отцу! — велела Сьюзан.

Мэри молча посмотрела матери прямо в глаза. Она ответила бы отцу, будь он здесь, говорил ее взгляд.

Маленькие серо-голубые глазки Сьюзан, так не похожие на глаза ее дочери, яростно сверкнули в ответ.

— Что ты собираешься с собой делать?

— Что-нибудь получше, — сквозь зубы процедила Мэри.

— Что? — переспросил отчим.

— Я хочу быть кем-то получше, чем служанка или швея, — громко сказала Мэри.

— А, так, значит, у нас есть пожелания?! — проревел Уильям Дигот и упер руки с черными ногтями в колени. Теперь он окончательно проснулся. — Твоя мать и я колотимся целыми днями, чтобы на столе была еда, но миледи Сондерс этого недостаточно. Скажите же, миледи

Сондерс, чего вы *желаете*?

Искушение было велико. Мэри очень хотелось повернуться к нему и сказать: все что угодно, только не эта вонь от угольной пыли. Любое занятие, лишь бы не проклятая игла. Любое место на свете, только не этот сырой подвал.

Мать отложила иглу и взяла ее за подбородок. Сухие мозолистые пальцы зажали рот Мэри, прежде чем она успела произнести хоть слово. В этом жесте была почти нежность. *Спаси меня, мама*, чуть не взмолилась она. *Помоги мне выбраться отсюда.*

— Всех нас Господь определил на свое место. И мы должны довольствоваться тем, что имеем, — с чувством произнесла Сьюзан. — Твой отец забыл об этом и позволил себе вольности с теми, кто стоит выше его.

— И смотри, что из этого вышло, — с удовольствием добавил Уильям Дигот.

Мэри вырвалась и бросилась вон из комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной; маленький Билли заплакал.

Темнота постепенно покрывала небо, как корка сыр. Вокруг фонарей на Лонг-Акр лежали маленькие лужицы света; горящее масло немного дымилось. Пьяцца Ковент-Гарден была ярко

освещена, и оттуда доносились звуки скрипок. Но сегодня Мэри хотелось держаться от света подальше.

Она повернула на Мерсер-стрит. Здесь темнота сгустилась; многие фонари были разбиты. Обитатели прихода Святого Эгидия не любили, когда свет вторгался в их личную жизнь. Мэри побежала по скользкой мостовой. Ее дыхание участилось. Она радовалась, что не надела башмаков, — так у нее было нечего взять. И незачем причинять ей вред.

На Севен-Дайлз в этот теплый майский вечер болталось всего несколько шлюх. Девушки со шрамом среди них не было. Мэри остановилась под столбом в центре перекрестка и камнем отскребла с рук грязь и голубиный пух. Она терла так сильно, что на ладонях оставались белые полосы. Никто не обращал на нее никакого внимания. Пустой желудок Мэри как будто сжался. Из окна ближайшего подвала сочился слабый свет; оттуда слышался стук костей, видимо, шла игра. Становилось сыро. Должно быть, уже часов девять. Она снова и снова обходила столб, пересчитывая расходившиеся от него переулки, пока совсем не запуталась.

Кроме как домой, идти было некуда… Мэри

устремилась в противоположном направлении. В желудке заурчало, и ею снова овладела ярость. Если мать думает, что она согласится на такую же безрадостную, серую, кислую полужизнь…

Торговец лентами стоял, прислонившись к дверному косяку на Шортс-Гарденз. Мэри узнала его, только когда подошла совсем близко, и с удивлением заметила, что стала почти такого же роста, как и он. От торговца пахло джином. При виде ее он поднял свои кустистые брови и шутливо поклонился.

— А, школьница, — протянул он и отхлебнул из бутылки темного стекла. На его губах играла пьяная улыбка.

— Цена все еще шиллинг? — хрипло спросила Мэри. Ее собственный голос показался ей больше похожим на воронье карканье.

— Что?

— Лента, сэр. Алая, — глупо уточнила она.

Торговец распахнул сюртук, как будто хотел напомнить себе, о чем таком она говорит, но в сумерках было невозможно отличить один цвет от другого. Он скривил губы и задумался.

— Шиллинг и шесть пенсов, — выдал он наконец.

У Мэри заболели глаза — так пристально вгля-

дывалась она в темноту.

— Но вы говорили…

— Времена нынче тяжелые, дорогуша. И становятся все тяжелее. Нужно быть *твердым.* — Он как-то особенно приналег на это слово. Это было похоже на загадку, но Мэри и понятия не имела, как ее разгадать. — Один шиллинг шесть пенсов, — повторил торговец и запахнул сюртук. — Или поцелуй.

Она растерянно моргнула. Торговец ухмыльнулся; его зубы смутно белели в темноте.

А потом Мэри Сондерс шагнула вперед. Вернее, это была не Мэри. Эту девушку она совсем не знала. Даже не подозревала о ее существовании.

Чужой язык раздвинул ее губы, как будто пытался там что-то найти. Спрятанное сокровище. Мэри показалось, что она чувствует привкус чего-то горелого. Он шевелился у нее во рту, бился, как вытащенная на берег рыба, и на секунду она подумала, что сейчас задохнется.

Когда он прижал ее к стене, она даже не закричала. Самым удивительным было то, что она как раз не удивилась.

— Тихо, тихо, — бормотал он ей на ухо заплетающимся языком.

Кажется, она уже слышала эти слова… дав-

ным-давно, одной душной ночью, когда не могла уснуть. Его руки путались в ее юбках, а щетина царапала ее лоб, словно он пытался оставить там тайную метку. Темнота окутала их, как дым. Мэри затаила дыхание, чтобы не завизжать. Каким-то образом она понимала, что кричать уже поздно, что она переступила неведомую грань и никто ее теперь не спасет.

— Тихо, — еще раз сказал он, больше себе самому, чем ей.

Даже когда острый камешек на стене больно впился ей в плечо, Мэри не издала ни звука. Все кончилось через несколько минут. Немного боли, ничего приятного. Только жаркое черное небо над головой и еще какая-то странная растянутость внутри.

Она проводила торговца глазами. Ее лицо было мокрым. В кулаке Мэри сжимала гладкую атласную ленту.

Она могла бы все рассказать в тот же вечер, когда добралась наконец до дому. Ее ноги дрожали, и между ними было скользко. Мэри казалось, что стоит ей произнести хоть слово — и она разразится слезами. Она уже готова была сказать: «Мама, случилось что-то ужасное…»

Но Сьюзан Дигот была в ярости. Девочка четыр-

надцати лет шатается по улицам после десяти, когда все добрые люди давно лежат в постелях? И конечно же болтается у Севен-Дайлз, тут и думать нечего. Среди самой что ни на есть швали, что собирается со всего города.

— Запомни, кто возится с дерьмом, непременно запачкается, — презрительно бросила мать.

И Мэри промолчала. Отвернув от свечи расцарапанное лицо, она попросила у матери прощения и пошла в постель. Маленький Билли уже спал, его нога свисала с кровати.

Как только в окне забрезжил рассвет, она достала из-под матраса ленту. Лента оказалась коричневой.

После этого Мэри держалась от торговца лентами подальше, но это уже ничего не меняло. Она переросла свое неведение. Оно будто лопнуло и сошло с нее, как старая кожа, и рассыпалось в прах. Она знала, что никогда больше не будет прежней.

И все же Мэри продолжала играть свою роль. Потом, вспоминая об этом, она думала, что пыталась обмануть саму себя.

Лето заканчивалось. Мэри не доставляла матери никаких неприятностей. Когда Уильям Дигот выходил из своей обычной дремоты и делал пад-

черице замечание или что-нибудь велел, она, не огрызаясь, молча выполняла то, что требовалось. В сентябре молодой король широко отпраздновал свою свадьбу, а через две недели было устроено еще более пышное торжество по поводу коронации, но Мэри даже не просилась пойти посмотреть на фейерверк. Она не жаловалась на скудную еду, даже когда в октябре выдалась особенно тяжелая неделя. Тогда целая стопка простеганных лоскутов упала в очаг и загорелась, и Сьюзан Дигот закричала так громко, что ее слышали все соседи. Ей пришлось возместить хозяину все убытки. Иногда Мэри говорила, что не хочет есть, и отдавала половину своего хлеба маленькому Билли. По утрам она торопилась в школу. Вывески питейных заведений скрипели и раскачивались над головой, заслоняя и без того скудный свет. Мэри не поднимала глаз от парты и послушно повторяла стихи, как будто это была благая весть.

Тратить время – преступленье.

Ее голос, самый звучный и глубокий из всех, перекрывал остальные.

Пламя ада – вот грешникам награда.

Однажды, после проповеди, которую читал

навещавший школу священник, Мэри Сондерс обнаружили у вешалок с одеждой. Она плакала. Когда директриса спросила ее, в чем дело, она сказала, что потеряла еще одну пуговицу на платье.

Первый раз в жизни она попробовала молиться. «Господи, — шептала она, уткнувшись в подушку. — Господи». Она напряженно вслушивалась в тишину, но ответа не было.

Однажды вечером в октябре Мэри вернулась домой и тут же получила удар в глаз от отчима.

Она упала на пыльный пол. Самым странным было то, что Сьюзан Дигот не работала. Шитье неаккуратной кучей валялось на стуле. У нее было чудное, какое-то перевернутое лицо. В руке она сжимала клочок бумаги; он дрожал, как будто от сильного сквозняка. Младший брат Мэри, голодный, хныкал в углу. Мать поднесла бумагу к глазам и вслух прочитала:

— Твоя дочь…

Ее голос оборвался, и она уронила записку к ногам Мэри.

Боясь дотронуться до нее, Мэри скосила глаза и прочитала неровные строчки вверх ногами.

Твая доч шлюха. Пасматри на ее жывот.

Все кончено. Мэри твердила это себе снова и снова, пока слова не приобрели смысл. Пока она

не поняла, что эти пять месяцев она не то подозревала, не то отрицала очевидное.

Мать нагнулась и подняла ее на ноги. Они были одного роста. Мать обтянула просторное серое школьное платье Мэри вокруг ее живота. Как странно смотрелась эта аккуратная небольшая выпуклость на стройном девичьем теле… если не приглядываться специально, заметить ее под свободным платьем было невозможно. Сьюзан ахнула.

— Так это правда, дьявол ее забери, — протянул Уильям.

— Молоко! — завопил Билли.

На платье Сьюзан впереди темнели два мокрых пятна.

Уильям Дигот подвинулся ближе. В нос Мэри ударила угольная вонь.

— С кем ты путалась?

Она не могла выдавить из себя ни слова.

— Кто это был, шлюшка? — Чуть ли не первый раз в жизни он выглядел полностью проснувшимся. Он сжал кулаки, но Сьюзан быстро скользнула между мужем и дочерью и обхватила Мэри руками.

Мэри вдруг показалось, что все еще может быть хорошо.

— Почему? — прошептала мать ей в волосы, почти нежно. Ее влажный корсаж упирался Мэри в плечо. — Почему?

Мэри попыталась вспомнить. Мысли в ее голове были вязкими и густыми, как грязь.

— У него был нож? — с надеждой прошептала мать.

Мэри покачала головой. Ни одна лживая мысль не приходила ей на ум.

— Лента, — хрипло сказала она, касаясь губами нежной, шелковистой кожи на шее матери.

Сьюзан чуть отодвинулась и повернулась к ней ухом.

— Что?

— Лента, — повторила Мэри и замолчала. — У него была красная лента, — еле слышно добавила она. — А я ее очень хотела.

В ту ночь Мэри узнала, что все ее имущество, все, чем она владела в этом мире, умещалось в одну-единственную шаль. Мать сложила туда все ее рубашки и нижние юбки с таким остервенением, будто месила тесто. Костяшки на ее пальцах побелели; на Мэри она даже не смотрела. Уильям Дигот закатился в пивную, а маленького Билли отправили в кровать с горбушкой хлеба. Собирая вещи Мэри, Сьюзан не переставала говорить. Она

как будто боялась, что если замолчит хоть на миг, то ее решимость ослабеет.

— Мы живем всего один раз, Мэри Сондерс. И ты только что выбросила свою жизнь на помойку.

— Но…

— Ты не могла довольствоваться своей долей, как все остальные, не так ли? Я ведь старалась воспитать тебя как следует, вложила столько труда, а ты продала себя за самую что ни на есть низкую цену! За ленту! — Она выплюнула это слово, как название богомерзкого греха. — За жалкий, грязный клочок роскоши. Вот, значит, чего ты стоишь! Вот какую ты назначила себе цену!

— Прости, — всхлипнула Мэри, и в это мгновение она говорила правду. Она сожалела о том, что произошло, и отдала бы все на свете, только бы перевести время назад и вернуться в детство.

— Скажи мне, чего тебе не хватало? — Сьюзан вцепилась в юбку, словно хотела выжать из дочери ответ. — Разве ты голодала? Разве Уильям, или я, или маленький Билли в чем-то тебе отказывали? Не давали тебе жить?

Ее вопросы повисли в воздухе, словно туман; только туман был не на улице, а в доме.

— Ничего, — кротко ответила Мэри. Но кроткие

наследовали землю, это она знала точно. Они не наследовали вообще ни черта.

— Мы дали тебе кров над головой. Позволили учиться. Разве нет? Разве нет? — повторила мать. — И предложили заработать себе на жизнь честным трудом, хорошим ремеслом — шитьем. Но нет, ты была слишком горда, ты не приняла это. Мы дали тебе все, что имели, все, что могли, но ты все равно извозилась в дерьме. — Она говорила так, будто у нее был полный рот соли. Завязывая шаль в узел, она дернула ее так сильно, что оторвала кончик.

— Я не… — Мэри замолчала. Она не знала, чего она *не* сделала. В голове были только мысли о том, что она *сделала*. Или что сделали с ней пять месяцев назад… темный переулок, теплый майский вечер, странный, какой-то бездушный обмен. — Я не хотела… — выдавила она и тут же забыла, что собиралась сказать. Это уже не имело никакого значения. Настоящее стояло перед ней, безнадежное, тяжелое и неотменимое, как огромные валуны посреди грязного поля.

— Ты — дочь своего отца, — устало сказала Сьюзан, и на мгновение в Мэри проснулась надежда, что мать сжалится над ней. — Я так и вижу Коба Сондерса, всякий раз, как ты поворачиваешь

голову.

Мэри сделала крохотный шажок навстречу и заглянула в покрасневшие, водянистые глаза матери, так не похожие на ее.

— Когда… когда он был с нами… — робко начала она.

— Ты была еще мала, ты не помнишь, — оборвала ее мать. Ее лицо как будто захлопнулось — словно закрыли дверь.

— Но я помню, — возразила Мэри.

— Он был негодяй и подлец, — отрезала мать. — Ему захотелось пойти побунтовать, а я осталась одна, с ребенком на руках и в долгах. Я проклинаю тот день, когда стала его женой. — У Мэри задрожали губы, но Сьюзан безжалостно продолжила. Она говорила все быстрее и быстрее. — Ты вся в него. Гнилая от самого корня. Дурное семя — оно и есть дурное семя. И ты идешь к геенне огненной семимильными шагами.

Брезгливо, двумя пальцами она подняла маленький твердый узелок — как будто в нем было полно паразитов.

— Что же мне делать? — прошептала Мэри.

Сьюзан яростно пожала плечами.

— Если тебе так нравятся ленты, попробуй питаться лентами. Попробуй поискать помощи

у своих дружков. Они-то будут почище, чем простой люд, да? Поглядим, сколько ты протянешь сама по себе. А скоро ты приведешь в эту юдоль слез еще одну душу. — Она болезненно сморщила лоб. — Надеюсь, этому несчастному не доведется открыть глаза.

Мэри хотела что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

— Что же со мной будет? — наконец выдавила она.

— Может, закончишь в работном доме. Или в один прекрасный день будешь болтаться на виселице. — Сьюзан протянула ей узелок. — Я благодарю Создателя за то, что этого не увижу.

— Если только ты позволишь мне остаться на время, мама… — выговорила Мэри.

— Забудь это слово. — Сьюзан сунула узел ей в руки.

— Я исправлюсь…

— Ты свой случай упустила. — Сьюзан подошла к двери и распахнула ее.

Холодный, пахнущий дымом октябрьский воздух ворвался внутрь.

— Мама, — выдохнула Мэри.

Бледные, выцветшие глаза смотрели сквозь нее.

— Теперь у тебя нет матери.

За все свои четырнадцать лет Мэри Сондерс ни разу не была на улице после полуночи. Только теперь она поняла, что, когда порядочные люди запирают двери, здесь все только начинается. Это была совсем иная жизнь, настоящий праздник темноты, и сумерки являлись всего лишь его репетицией.

Она видела, как из подвала на Диотт-стрит вытащили бесчувственного мужчину и как кто-то стащил у него с головы парик. Оказалось, что волос под париком почти нет; те островки растительности, что еще оставались, были цвета грязной воды. На Хай-Холборн мальчишка попытался вырвать у Мэри узелок, но она убежала.

— Шлюха сифилитичная! — крикнул он ей вслед и добавил еще какие-то слова, которых Мэри не знала.

Дрожа от холода, она забилась в нишу у дверей на Айви-Лейн. Мимо прошла старуха; ее голые груди болтались словно тряпки.

— Птица забилась мне под кожу, — пожаловалась она.

Мэри сжалась в комок и закрыла глаза — ей казалось, что так безумная ее не увидит. Старуха повторяла про птицу снова и снова, пока не скры-

лась за поворотом. Через некоторое время Мэри услышала за дверью не то стоны, не то всхлипы и прильнула к замочной скважине. Двое людей лежали на полу и елозили друг по дружке взад и вперед, и оба они были мужчинами.

Этот мир был полон загадок и ужасов, и она ничего в нем не понимала. Чтобы ноги не замерзли и не занемели, Мэри решила идти вперед. В эту холодную октябрьскую ночь в городе не было ни одной двери, куда она могла бы постучать. У нее не было родных в Лондоне. У Коба Сондерса, должно быть, имелись друзья, но он никогда не приводил их домой, и к тому же Мэри была слишком мала, чтобы расспрашивать о них отца.

Ноги машинально понесли ее к тому месту, куда она ходила каждое утро, — к школе. Ее узкие высокие окна были темны. Мэри уставилась на кованые чугунные ворота. Неужели еще сегодня утром она проходила сквозь них, дитя в форменном школьном платье, такая же, как и сотни других? Но школа не могла стать ее убежищем. Все девочки, которых она знала, уже уехали из Лондона. И даже если бы она простояла у ворот всю ночь, утром учителя все равно не позволили бы ей войти — после того, как она объяснила бы, почему у нее больше нет дома и некуда идти.

Мэри держалась за свой узелок, как утопающий за обломок корабля. Она заблудилась — вокруг не было ни одного знакомого названия улицы. Заворачивая за темный угол, она споткнулась и упала на колени; рука уткнулась во что-то холодное и скользкое, и Мэри с ужасом поняла, что это полуразложившийся труп собаки. Он кишел червями. Она завопила и стала колотить рукой по земле, стряхивая мерзких тварей с пальцев.

На столбе раскачивался фонарь. В узком кругу света Мэри увидела сторожа с дубинкой и трещоткой. Она подумала было попросить о помощи его, но тут же отбросила эту мысль. Что она ему скажет? Она отступила подальше в тень и подождала, пока он пройдет мимо. Если даже собственная мать не захотела ее приютить, разве это сделает незнакомец?

Она пошла быстрее. Впереди показался шпиль церкви Святого Эгидия — или это была другая церковь? Луна скрылась. Мэри так устала, что почти не разбирала, куда ступает. Она валилась с ног. «Господи, — повторяла она про себя. — Господи, пожалуйста!» Но если он и был где-то там, на Небесах, то не слышал ее.

В конце концов она забралась в канаву и, как только ее голова коснулась холодной земли, про-

валилась в глубокий сон.

Она проснулась от острой боли внутри, как будто кто-то воткнул в нее длинный нож. Ее юбки были задраны до пояса, и ледяной воздух касался тела. Что-то вцепилось ей в спину, животное или чудовище, его горячее дыхание обжигало ей шею, и откуда-то издалека до нее долетал жуткий смех. Обрывки кошмара смешивались с не менее кошмарной реальностью. Она повернула голову, и зубы чудовища впились ей в ухо. Тогда Мэри закричала, громко, во весь голос — так, как нужно было закричать тогда, пять месяцев назад, в переулке. Слишком поздно ее голос обрел силу и ярость.

— Нет! — завопила она.

Но мужчина — теперь, когда с нее слетели остатки сна, она видела, что это просто человек, — ударил ее в челюсть. Никто и никогда не бил ее так сильно. И еще раз. И еще. С торговцем лентами все было быстро и просто, но этот человек не хотел скорого облегчения. Он хотел уничтожить ее, разрушить до основания. Он схватил ее за волосы и стукнул головой о землю. Ее лицо ткнулось в грязь, и он удерживал ее так, что она не могла издать ни звука, не могла дышать — только чувствовать жгучую боль внутри.

Смеялся, как оказалось, не он. Смеялись другие солдаты. Они стояли вокруг, опираясь на винтовки, и ждали своей очереди. Сколько всего их было, Мэри так и не поняла.

Потом, целую вечность спустя, она очнулась от того, что кто-то коснулся ее век. Мэри сморщилась, но рука никуда не исчезла. Свет лез ей в глаза и колол, словно иглы. Она попыталась отвернуть голову, но рука не отставала. Тогда Мэри укусила ее, не глядя, вслепую.

Раздался взрыв смеха.

— Прекрати, негодная!

Все ее тело так затекло, что она его почти не ощущала. Только повернувшись на бок, Мэри осознала, что совсем закоченела. Незнакомый силуэт маячил над ней, заслоняя жидкий утренний свет. Мэри попробовала сесть, но ее стала бить крупная дрожь.

Посасывая укушенный палец, женщина сбросила с плеч плащ и накинула его на Мэри.

— И учти, потом отдашь, — сказала она, как будто продолжая начатый разговор.

Мэри с трудом поднялась на колени, и мир вокруг закружился. Ее узелок с одеждой исчез. Платье, что на ней было, казалось сделанным из грязи. Оно пропиталось ею насквозь и было

жестким и твердым, как щит. Шпиль церкви Святого Эгидия угрожающе накренился. Все вокруг было изукрашено кружевной изморозью: ограды, мостовая, крапива, что росла на краю канавы. Мэри чувствовала, что ее лицо покрыто коркой грязи. В глубине ее замерзшего тела, в носу, под челюстью, под ребрами и особенно между ног шевелилась боль; она наступала со всех сторон сразу, как огромная армия.

— Ну и вид у тебя, — ухмыльнулась незнакомка. Шрам на ее лице сморщился.

Это была она, шлюха с красной лентой в напудренном парике, та самая, из-за кого Мэри решила, что в жизни может быть нечто большее, чем просто работа и сон. На мгновение ею овладела ярость.

— Позавтракать не хочешь?

Мэри разрыдалась.

Шлюху звали Долл Хиггинс — Куколка Хиггинс. Мэри медленно преодолевала ступеньку за ступенькой, Куколка почти тащила ее наверх, и ее рука была очень горячей. Наконец они оказались в темной комнатушке где-то на самом верху. Мэри рухнула на матрас на полу и оставалась там до тех пор, пока он не промок насквозь от ее слез. Боль внутри не давала ей встать. Она

попыталась спросить, где они, но вместо голоса из горла вырвалось какое-то хриплое карканье.

— Ну что ж, сделали тебя женщиной, — сказала Куколка.

Когда Мэри проснулась, ей показалось, что начался пожар и комната охвачена огнем. Свет, падавший из окошка, был совсем слабым, но со стен низвергался настоящий водопад цвета. Мэри несколько раз моргнула и убедилась, что это всего лишь одежда. Она была развешана прямо на ржавых гвоздях, вбитых в доски. Сплошь шелк и газ, изумрудный, рубиновый, янтарный, аквамариновый.

Рядом пахло чем-то теплым и как будто сырым — странный, немного дрожжевой запах. Мэри была не одна. Смягченное сном лицо, полускрытое рассыпавшимися по подушке каштановыми прядями… Она не сразу узнала Куколку без привычного серебристого парика.

— Где я? — прошелестел голос Мэри. В горле страшно пересохло.

— В моей комнате, конечно, — зевнула Куколка, не открывая глаз. — В Крысином замке. — Было так холодно, что от ее дыхания в воздухе стояло облачко пара.

— Но где это?

— В Трущобах. Где ж еще?

У Мэри замерло сердце. Трущобы? Место, где не признают никаких законов, где девушку могут ограбить, избить, изнасиловать. Но ведь все это уже случилось, с трепетом осознала она и почти обрадовалась. Самое худшее позади. Теперь ей нечего бояться в этом мире.

Куколка села на соломенном матрасе и с наслаждением потянулась. Вблизи она казалась более угловатой и потрепанной, но все равно у нее было самое прелестное лицо, какое только Мэри видела в своей жизни.

— Так, — деловито сказала она. — Теперь вот что. Где твой дом?

Мэри покачала головой, почувствовала, как защипало в глазах, и крепко зажмурилась. Будь она проклята, если разревется из-за Диготов.

— Ну откуда-то ты ведь появилась, — резонно заметила Куколка.

Мэри представила себе подвал на Черинг-Кросс-Роуд. До него было не больше десяти минут ходьбы, но преодолеть это расстояние было невозможно. Сегодня Мэри была уже не той девочкой, что плакала: «Помоги мне, мама». За эту ночь в канаве все, что было в ней мягкого и нежного, изменило свою суть, отвердело, превратилось

в камень. «Никогда в жизни, — поклялась она себе, — я не буду плакать и умолять. Никогда в жизни я не позволю выбросить себя, словно мусор».

— Ну? — нетерпеливо переспросила Куколка.

— Я не могу вернуться, — прошептала Мэри.

Куколка пожала плечами:

— А друзья у тебя есть? Или какой-нибудь добрый джентльмен на примете?

Мэри яростно замотала головой.

— Ну, здесь вы, мисс, остаться не можете, так что даже об этом и не мечтайте, — с усмешкой предупредила Куколка. — Я, конечно, добрая христианка, не хуже прочих, и не держу на тебя зла за то, что ты прокусила мне палец чуть не до кости, но бездомных я не подбираю.

Мэри не отрывала от нее взгляда.

— Каждая сама за себя, ты меня понимаешь?

Мэри кивнула.

Но Куколка Хиггинс почему-то не торопилась выгонять Мэри. Ни в тот день, ни на следующий, ни еще через день.

Целыми днями Мэри лежала в кровати в своей сорочке без рукавов, завернутая в кучу одеял, чтобы хоть немного унять дрожь. Ее синяки переливались всеми цветами радуги — красным,

фиолетовым, синим, — а распухший нос выглядел просто устрашающе. Мэри разглядела его в крохотном треугольном осколке зеркала.

— Сломан, — постановила Куколка, осмотрев его. — Ничего, обычный перелом. Заживет как на собаке, и глазом не успеешь моргнуть. Только бугорок останется.

Мэри смотрелась в зеркало и пыталась угадать, каким будет ее новое лицо.

Что же касалось живота, она была уверена в том, что солдаты избавили ее от проблем. Кажется, он уже стал чуть более плоским. Кроме того, были и другие знаки. В том, что все кончено, Мэри убедилась на пятый день. Между ног побаливало, и она решила посмотреть, что происходит.

— Из меня что-то вытекает, — прошептала она мирно посапывавшей рядом Куколке. — Какая-то странная штука.

— Такая не то желтая, не то зеленая? — спросила ее новая подруга, переворачиваясь на спину.

Мэри почувствовала теплый запах ее дыхания и пристыженно кивнула.

— Тогда это триппер.

Мэри захотелось расплакаться. Она не совсем понимала, что означает это слово, но ей приходилось слышать его раньше.

— Рано или поздно он нас всех достает, — весело заметила Куколка. — Почти у каждого жулика в Лондоне или триппер, или сифилис. Грязные кобели, — хихикнула она. — Но радуйся, если к тебе пришла Мадам Трепак. По сравнению с сифилисом, знаешь ли, это просто забава.

По щеке Мэри скатилась слеза, и она сильно заморгала.

— Ничего, выживешь, — сказала Куколка и протянула ей захватанную бутылку с джином.

Мэри посмотрела на маслянистую жидкость, поднесла бутылку к губам и сделала глоток. Ей показалось, что горло обожгло огнем, но уже через пару глотков она почувствовала себя гораздо лучше.

Куколка Хиггинс умела говорить жестокие вещи так, будто это была шутка. Но несмотря на это и на правило *каждая сама за себя*, Мэри жила у нее вот уже две недели, спала в ее постели, и Куколка приносила ей хлеб, ярмутскую копченую селедку и иногда даже бадью ледяной воды и тряпку, чтобы она могла хоть как-то помыться. Мэри принимала все с благодарностью. У нее не было ничего; она как-то вдруг разучилась жить, потеряла это умение. В ее голове, неотвязные, как оса, звенели слова матери: «Девушка, которая

теряет добродетель, теряет все».

Крысиный замок был самым большим и самым ветхим зданием в этом причудливом мире, который назывался Трущобами. Под крышей теснились четыре комнатушки; комната Куколки была единственной без замка на двери. Когда она уходила в город, Мэри сворачивалась на матрасе калачиком и ждала, когда Куколка вернется домой. На втором и третьем этажах жили привратники, бакалейщики, торговцы бренди и мелкие воришки. Самые лучшие комнаты, на первом этаже, занимали сутенеры. У каждого из них, по словам Куколки, была «конюшня» из дюжины проституток. У одной из них, Мерси Тофт, была темная кожа. Она считалась воспитанной девушкой; в свое время какой-то богач вывез ее из Вест-Индии, а потом бросил и переехал в Голландию. В самом низу, в подвале, ютились тридцать ирландцев вместе со своим ослом.

Доходный дом — этот и двадцать других таких же — принадлежал хитрой и оборотистой ирландке. Половина денег обитателей прихода Святого Эгидия стекалась в красные руки миссис Фаррел. В комнатах постоянно царил полумрак. Как-то раз Мэри спросила, почему все окна залеплены коричневой бумагой, и Куколка объяснила,

что «старая сука Фаррел жадится и не желает вставлять в них стекла, а что касается меня, так я лучше посижу в темноте, чем буду корчиться на сквозняке». Кроме того, добавила она, ночной воздух вреден, это всем известно.

— Так, значит, миссис Фаррел… это перед ней ты отвечаешь? — смущенно спросила Мэри.

— Ты хочешь сказать, не она ли моя мадам? — уточнила Куколка и презрительно улыбнулась. — Нет. Я плачу ей только за комнату. Я свободная птичка, вот так-то. Я ни перед кем не отвечаю.

Индианка Мерси Тофт — иногда она заглядывала в комнату, чтобы поздороваться с новой соседкой, — считала, что Куколка Хиггинс — чокнутая.

— Без сутенера и без мадам тяжело. Кто еще найдет тебе клиентов и вытащит из неприятностей?

Мэри кивнула, как будто что-то в этом понимала. Непослушные черные завитки выбивались из тугого пучка Мерси, и Мэри не могла оторвать от них взгляда.

— Как давно ты здесь? — спросила она.

— Полгода в Крысином замке и еще лет шесть здесь, в округе. Запомни, самые ловкие воры водятся тут, в Трущобах, — засмеялась Мерси. У

нее были очень белые зубы. — Они у тебя и ноги стащат, если постоишь на месте подольше.

Но странным образом именно здесь Мэри начинала чувствовать себя как дома — в окружении людей, которых ее мать называла не иначе как *сбродом* или еще хуже — *отбросами*. Дни напролет она лежала на покрытом пятнами матрасе; лихорадка то отпускала ее, то начинала трепать снова. Поясница горела огнем. Но тем не менее она ощущала себя в безопасности — словно парила высоко-высоко над привычным миром с его злоключениями и волнениями.

Она слышала шаги Куколки на лестнице задолго до того, как отворялась дверь. Куколка могла заявиться в любое время дня или ночи. От нее исходил ее обычный странный запах — не то только что выловленной рыбы, не то свежих дрожжей, — а в карманах весело позвякивали шиллинги. Она валилась на тощий матрас и говорила:

— Пусть дьявол оседлает меня и поедет на мне верхом, если я не брошу это чертово ремесло!

Но, сколько Мэри ее ни расспрашивала, она так и не смогла выяснить, что было с Куколкой до того, как она начала «утюжить улицы» — так она это называла, — или что еще она хотела бы

делать в жизни. Казалось, она занималась своим ремеслом всегда. Это была ее страна, ее стихия. По словам Куколки, все на свете — мужчины, женщины, даже дети — так или иначе продавали себя. Иногда, приложившись как следует к бутылке со своим любимым джином — она с нежностью звала его «голубая смерть», — Куколка клялась, что никакое ремесло на свете не сравнится с ремеслом «мисс». Оно не требует ученья, говорила она, выдыхая в лицо Мэри спиртовые пары, и капитала для него тоже не нужно, и мастерской, а уж поток покупателей не иссякнет до скончания веков.

— Вот назови мне другое такое веселое дело, — заплетающимся языком требовала она. — Назови!

Иногда Мэри даже напоминала себе: сама она не шлюха. Она просто подруга шлюхи. Она — девушка, которая попала в беду, которую осквернили насильно.

Через две недели лихорадка спала и боли тоже прошли. Куколка, которая очень впечатлилась тем, что Мэри оказалась «ученой», иногда просила ее почитать вслух памфлеты. Большей частью это были скверные, нескладные политические стишки, полные бранных слов — о том, что графи-

ня П…м делала с достопочтенным членом палаты лордов В…ром, и Мэри совсем не понимала, о ком и о чем идет речь. Но Куколка хохотала во весь голос. Иногда она объясняла Мэри, что к чему, и рассказывала невероятные, изобилующие деталями истории, вроде той, как старый наставник короля путался с королевой-матерью.

Однажды утром Мэри почувствовала, что уже может встать. Она спросила Куколку, где ее платье, и та заливисто рассмеялась. Этот смех не предвещал ничего хорошего.

— Эта грязная тряпка? Я отдала ее старьевщику и выручила всего полпенни.

— Но у меня больше ничего нет, — дрожащим голосом выговорила Мэри. При мысли о том, что придется идти по улице в одной только льняной сорочке, она содрогнулась.

Куколка сделала широкий жест в сторону развешанной по стенам одежды:

— Бери что хочешь, дорогуша.

Мэри едва не задохнулась. Такая одежда, такие цвета — и на ней? Да она сама себя не узнает.

Куколка нетерпеливо выдохнула.

— Можешь начать с того, что я сейчас не ношу, — сказала она и начала рыться в углу.

На корсете были пятна, и он был очень жест-

ким. Когда Куколка туго затянула шнуровку у нее на спине, Мэри чуть не задохнулась от страха.

— Ты что, раньше никогда не затягивалась? — спросила Куколка.

Мэри покачала головой и закусила нижнюю губу. Ей казалось, что ребра вот-вот треснут.

— Четырнадцать лет, и ни разу не надевала корсет! — изумилась Куколка. Она слегка распустила шнуровку, и Мэри смогла сделать вдох. — Самое время тебе научиться одеваться, как взрослая девушка. Женщина без корсета — это просто мешок с зерном, и ничего больше.

Она одолжила Мэри две нижние юбки и фижмы, похожие на птичью клетку с изогнутыми прутьями. Мэри выбрала самую скромную одежду: бледно-голубую юбку, розовый корсаж и рукава в пару к юбке, застегивающиеся на пуговицы на плечах. Куколка показала ей, как части костюма соединяются друг с другом и как правильно расположить карманы. Потом она отступила на шаг назад и протянула Мэри свой треугольный осколок зеркала.

Мэри уставилась на свое отражение. На нее смотрела какая-то незнакомка — странное создание с разукрашенным синяками лицом и в цветном праздничном платье, дитя в одежде

женщины дважды старше ее. Она не узнала себя, даже когда попыталась улыбнуться.

Она уже вполне могла ходить без помощи, но, спускаясь по лестнице, решила все же опереться на молочно-белую руку Куколки. От слабости перехватывало дыхание. Дверь в комнату Мерси была закрыта, и оттуда доносились низкие стоны и вздохи. Мэри поняла, что это означает, еще до того, как Куколка толкнула ее локтем под ребра.

Когда они вышли за порог Крысиного замка, шум города ударил Мэри в лицо, как порыв холодного ветра. Широкие юбки, расправленные на фижмах, раскачивались и колыхались, словно лодка в неспокойном море.

Куколка оказалась ее спасительницей и единственным другом в целом мире. Она давала все, что могла, и не требовала ничего взамен. В тот день — и еще много раз потом, когда октябрь сменился холодным ноябрем, — она показала Мэри почти весь город. Лондон был ее территорией, и везде она чувствовала себя в своей тарелке. Они зашли даже в новый район Уэст-Энда, где площади были вымощены белым камнем, а обитатели были так богаты, что по улице впереди них всегда бежал лакей с горящим фонарем в руке — чтобы хозяин, не дай бог, не наступил в грязь. Леди

пешком не ходили; их носили в носилках, и украшенные бахромой юбки свешивались по обеим сторонам сиденья.

Когда они проходили мимо свежевыкрашенного дома в Мейфэре, на Кэррингтон-стрит, Куколка сказала:

— Это дом знаменитой Китти Фишер.

— А чем она знаменита? — спросила Мэри.

— Ты что, вообще ничего не знаешь? — Куколка закатила глаза и вздохнула. — У нее шесть любовников только в палате лордов, вот чем!

— Шесть? — изумилась Мэри.

— Говорят, как-то вечером она развлекала лорда Монтфорда — а он, между нами, маленький сморщенный стручок, ну, ты понимаешь, — а на лестнице как раз появился лорд Сэндвич. Ну и куда, ты думаешь, мисс Китти спрятала своего пигмея?

Мэри пожала плечами. Она и понятия не имела.

— Под юбку! — залилась Куколка и шлепнула Мэри по фижмам, так что они заколыхались еще больше. — А еще люди говорят, она берет сто гиней, — добавила она.

— За год?

— За ночь, бестолковая! — снова закатилась

Куколка. — А еще как-то раз, за завтраком, один джентльмен дал ей всего пятьдесят фунтов, так она так оскорбилась, что положила эту бумажку между двумя кусочками хлеба и съела!

Мэри с надеждой взглянула на высокие окна — вдруг там мелькнет сама Китти Фишер. Ей страшно хотелось увидеть знаменитый рот, который мог есть деньги. Но привратник, что стоял в арке двери, бросил на них с Куколкой ледяной взгляд. Мэри посмотрела вниз, на свой наряд, и вдруг увидела себя его глазами. Для привратника между ней и Куколкой не было никакой разницы. Шлюхи, подумала Мэри, пробуя новое слово на вкус. Гулящие с Севен-Дайлз. *Мисс*. Потаскухи.

Куколка, ничуть не смущаясь, послала привратнику смачный воздушный поцелуй. Ей было плевать, кто и как на нее смотрит.

— Почему ты взяла меня к себе? — спросила Мэри по дороге домой. И тут же пожалела об этом. Ей хотелось проглотить свой глупый язык. Что, если Куколка холодно скажет, что ее время давно истекло и, кстати говоря, Мэри задолжала ей столько-то и столько-то?

Но Куколка только странно, почти робко улыбнулась.

— Сказать честно, мне стало просто любопытно:

кто это валяется там, в канаве, — сказала она. — Я вообще-то собиралась пойти позавтракать в «Чеширский сыр» на Флит-стрит, и мне ни до кого не было дела. Но потом ты укусила меня за руку, и мне это понравилось.

— Тебе это понравилось? — поразилась Мэри.

— Я подумала, что у тебя есть характер, — заметила Куколка. — Я бы сама сделала точно так же.

Но Куколка так и не сказала, была ли она когда-нибудь на месте Мэри — лицом вниз в сточной канаве, брошенная там гнить. Она вообще не говорила о прошлом. Казалось, она всегда была и будет тем, что она есть сейчас: *мисс.* Девушки любят называть себя именно так, объяснила она Мэри. Хотя *шлюхи*, конечно, было бы честнее. Мужчины, которые их покупали, назывались *клиентами.* Мужчины могут быть какие угодно — всех сортов и всех размеров, говорила Куколка, но всем им нужно одно.

Мэри с удивлением узнала, что *мисс* — это вовсе не особое племя, отделенное от всех прочих женщин. Девушка, утюжившая улицы по ночам, днем могла спокойно торговать селедкой. Кроме *любительниц*, как их презрительно называла Куколка, среди проституток было полно женщин, в основном замужних, которые занимались этим

только временно, год или два, когда дела шли особенно плохо, а потом бросали.

— Шлюхи, что зарабатывают себе на жизнь только этим, как я, — в нашем ремесле это редкость, — хвастливо заявила она. — Прямо как черные лебеди. Мы, можно сказать, особая порода, настоящая аристократия. Я в пятьдесят пятом году даже была в списке Гарриса.

— А что это такое?

Куколка, как обычно, закатила глаза. Она делала так всякий раз, когда Мэри демонстрировала свое невежество.

— «Список Гарриса леди Ковент-Гарден» — ты что, не знаешь? Это что-то вроде циркуляра, его печатают для джентльменов каждый год.

— И что там говорилось про тебя — ты знаешь? — полюбопытствовала Мэри.

— Слово в слово. Я заплатила мальчишке, чтобы он прочитал мне это вслух, и он повторял до тех пор, пока я не запомнила. «Мисс Долли Хиггинс, пятнадцать лет, пышные формы, веселого нрава. Обращаться в «Голову мавра».

Значит, Куколке всего двадцать один, подсчитала Мэри и ужаснулась. У нее было лицо хорошо пожившей женщины.

— «Удовлетворит вкус самого взыскатель-

ного ценителя красоты, — продолжила Куколка, — которому к тому же не следует опасаться неприятных последствий». — Она хрипло расхохоталась. — Конечно, триппера во мне было уже хоть отбавляй, не хуже чем у тебя. Но сказано было хорошо.

— Но мне кажется, я уже чистая, — сказала Мэри.

— О, раз эта зараза попала тебе в кровь, она уже не пройдет, — со знанием дела заметила Куколка. — Мадам Трепак — она остается в гостях навсегда. В следующий раз, как ляжешь с парнем, подмойся джином — если не жалко переводить добро — или хоть просто пописай.

— Я не собираюсь ложиться ни с какими парнями, — холодно сказала Мэри. При одной мысли об этом у нее задрожали руки, и она спрятала их за спину.

Куколка рассмеялась:

— Как же тогда ты собираешься зарабатывать себе на хлеб?

— Я что-нибудь придумаю.

Теперь, когда Мэри узнала город получше, она видела, что занятий для девушки здесь сколько душе угодно. Не обязательно становиться служанкой или швеей. Можно быть кухаркой,

молочницей, цветочницей, торговкой рыбой, прачкой, садовницей, повитухой. Ей приходилось видеть даже женщин-аптекарш. Можно держать школу или приют для сирот, булочную или шляпную мастерскую. Всюду, где могла, Мэри расспрашивала людей об их ремесле. Она хотела знать: как девушке четырнадцати лет встать на ноги?

В ответ она слышала, что еще слишком молода. Или что ничего не умеет. Что у нее нет коровы, или телеги, или лавочки. У нее не было денег, чтобы вступить с кем-нибудь в долю, или мужа, который оставил бы ей дело в наследство. У нее не было опыта. Она ничего не смыслила в торговле и в покупателях.

Если бы Мэри была одна, в конце концов она сумела бы за что-то уцепиться — в этом она была уверена. Продавала бы всякую рухлядь, старые газеты, использованную чайную заварку — на помойках и в сточных канавах можно было найти кое-что полезное. Будь она сама по себе, она научилась бы жить на полпенни и носить простую одежду круглый год. Она готова была делать что угодно, только бы не сбылось предсказание матери, что она окончит свои дни в работном доме.

Но она была не одна. Рядом с ней была Кукол-

ка — Куколка, которая щеголяла в шелках и смеялась над любым честным ремеслом. Под ее руководством Мэри попробовала ром с Барбадоса, французское вино, лимоны из Португалии и ананас — такой сладкий, что у нее чуть не взорвалась голова.

— Это из оранжереи на Пэддингтон-Уэй, — сообщила Куколка. — А знаешь, на чем он вырос?

— На чем?

— На нашем дерьме! — Куколка зашлась от смеха. — Клянусь богом, они покупают свежее дерьмо со всего Лондона у золотарей и выращивают на нем ананасы!

Куколка приносила с собой джин, и веселье, и разнообразие, и бодрящее ощущение неизвестности — кто знает, что готовит им этот день? Мэри словно лишилась способности принимать решения; будущее ускользало из ее рук.

Кроме того, было и еще кое-что: ее живот. Мэри ощупывала его каждое утро и, несмотря на все свои надежды, вынуждена была в конце концов посмотреть правде в глаза. Он нисколько не уменьшился. То, что росло внутри ее, сумело пережить и солдат, и канаву, и даже лихорадку. С каждой неделей оно становилось все больше. Ночью, повернувшись спиной к Куколке, Мэри

обхватывала себя руками и изо всех сил сжимала живот до тех пор, пока ей не начинало казаться, что он сейчас лопнет.

Однажды торговка рыбой, которую Мэри расспрашивала о том, как продавать устрицы, окинула ее корсаж опытным взглядом и заметила:

— Что ж, ты всегда сможешь наняться в кормилицы, если твой собственный не выживет.

Пораженная, Мэри не нашлась что ответить. Она молча развернулась и поплелась домой.

Нужно было рассказать обо всем Куколке. Мэри только собиралась дождаться подходящего момента и подыскать подходящие слова. Но Куколка всегда понимала все и без слов.

— Пора тебе избавиться от этого, — заявила она как-то раз, ввалившись в их темный чулан. Напрямую, без всяких околичностей.

Мэри, не моргая, уставилась ей в глаза. Ее руки, как обычно, были скрещены на животе.

— Ты хочешь сказать…

— Бож-же ты мой, да неужели они вообще ничему вас не учат в этих школах?

Мэри посмотрела на выпирающую из-под платья округлость.

Куколка бухнулась на продавленный соломенный матрас и глубоко вздохнула. Запах ее

дыхания напоминал пожар в кабаке.

— Да ладно, не унывай, — зевнула она. — Это просто здравый смысл, забери меня дьявол, если я не права. Не хочешь же ты сказать, что будешь рожать?

Все знания Мэри о родах ограничивались тем днем, когда родился ее младший брат Уильям. На целый день ее заперли в другой комнате, и она запомнила только тяжелое дыхание, стоны и простыни с пятнами, развешанные на комоде для просушки. И Уильяма Дигота, который напился вдребезги и орал: «Мальчик! Мальчик! Теперь мы настоящая семья!»

— Как бы там ни было, а он все равно родится с триппером, — добавила Куколка. — Об этом ты подумала?

На глаза Мэри навернулись слезы ужаса, но она несколько раз с силой моргнула и сумела их прогнать. Этого она не знала. Она представила себе ребенка, прокладывающего себе путь у нее между ног, зараженного кошмарной болезнью еще до того, как он сделает свой первый вдох, и к ее горлу подкатила тошнота.

— Скажи мне… скажи мне, как это остановить, — быстро проговорила она.

Куколка снова зевнула, еще шире, и приподня-

лась на локте.

— Так. Ну что ж, для волчьих ягод уже слишком поздно… хотя я знала рецепт одного отвара из тамариска, который мог бы помочь… Сядь, — приказала она.

Мэри села. Живот выпирал приличной горкой; она уже не старалась его втягивать. Они обе уставились на него.

— Когда ты его заполучила? В июле? Августе?

— В мае.

Куколка подсчитала на пальцах и прищелкнула языком.

— Шесть месяцев! Ты такая худенькая, никогда бы не подумала, что у тебя уже такой срок. Ну… придется тебе сходить к Ма Слэттери. Другого выхода нет. Но она берет целую крону за услуги.

— У меня нет кроны. — Мэри облизнула пересохшие губы. — У меня нет…

— Я знаю, — перебила Куколка. — Но не говори мне, что ты не знаешь, как ее можно заработать.

Мэри отвернулась.

— Слушай, — жестко сказала Куколка. — Если ты собираешься лежать здесь целую вечность…

— Не собираюсь. И я премного благодарна тебе…

— Мне не нужна твоя благодарность. И кроме

того, ею за комнату не заплатишь.

Повисла напряженная тишина.

— Может быть, у тебя что-нибудь есть? — тихо спросила Куколка. — Что-то, что можно заложить? Друзья, о которых ты мне не говорила?

— Нет.

— Тогда используй то, что у тебя есть, вот что я скажу. Торопись это продать, пока ты еще молода и на тебя есть спрос.

Голова Мэри раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, — сама по себе.

— Я не могу, — выговорила она. — Мне плохо от одной только мысли об этом.

Они снова замолчали. Казалось, Долл Хиггинс вдруг отдалилась от нее.

— Если бы ты была так добра, чтобы одолжить мне… — прочувствованно начала Мэри.

В глазах Куколки вспыхнула ярость. Она шлепнула по матрасу, подняв целый столб пыли.

— Значит, то, что я шлюха, — это ничего, мне и так сойдет. Но для нашей ученой из благотворительной школы это слишком грязное занятие! — рявкнула она. — Я должна мараться, чтобы мадам осталась чистенькой? Так вот что я вам скажу, драгоценная мисс: в этом мире, если тебе что-то нужно, ты за это платишь. Ты

потеряла девственность в темном переулке, как обыкновенная потаскуха, и, знаешь, эта штука обратно не зарастет. И еще — у тебя триппер и ты беременна, если вдруг ты не заметила. Ты такая же, как мы, одна из нас, хочешь ты этого или нет.

Потом, после того, как Мэри вволю нарыдалась, после всех «Да, хорошо, да, да», Куколка снова стала с ней очень добра. Она обтерла лицо Мэри платком, смоченным в туалетной воде (ее называли «вода венгерской королевы»), и резкий свежий лимонный аромат как будто прочистил ей голову.

— Такая молоденькая курочка, как ты, — свеженькая, как огурчик, почти что девственница — да ты сможешь получать по два шиллинга за разик! — воскликнула Куколка.

Эта математика была ей внове. Три «разика» — Мэри не хотела углубляться в то, что означало это невинное вроде бы слово, — по два фунта… это озна чало одну крону и шиллинг сверх. Кроме того, напомнила она себе, ей ведь уже приходилось этим заниматься. Вряд ли «разик» может быть хуже того, что сделали с ней солдаты в канаве.

— Только один раз, — тихо сказала она.

— Вот и правильно.

— И как только все будет кончено, — Мэри бросила взгляд на свой твердый живот, — я найду себе другое занятие. Клянусь. Даже если за него будут меньше платить.

— Конечно, конечно, — пробормотала Куколка и схватилась за шнурки ее корсета.

Она затянула их так туго, что Мэри вскрикнула. Но Куколка уже выискивала нужное платье в развешанных по стенам.

— Не то… не то… слишком тускло…

Наконец она вытащила наряд из ярко-оранжевого шелка.

— Но оно даже не застегивается!

— Оно и не должно застегиваться, дурья голова. Это платье-полонез.

Куколка впихнула ее в длинное платье и скрепила его на талии.

— Смотри, вот тут оно распахивается, так что видно нижнюю юбку. Клиентам нравятся разрезные платья. И погляди, как подобраны складки сзади! Самый подходящий наряд для женщин вольного поведения. Ты заметила, кстати, что все слова, которыми нас называют, как будто пьяный придумал? Похабные шлюхи, замусоленные блудницы, гулящие девки — вот кто мы. В самом деле, словно язык у человека заплетается.

Шутит, поняла Мэри. Куколка пыталась немного ее развеселить, развеять тревогу, но все равно ей было так страшно, что она даже на мгновение прикрыла глаза рукой.

Не обращая внимания на ее слабость, Куколка бросила ей пару поношенных красных туфель:

— Девушка в нашем деле должна твердо стоять на ногах. Какой с тебя прок, если ты свалишься в обморок у стенки?

— Но я не знаю, как это делать.

— Да что там делать? — Куколка решительно стряхнула с оранжевого платья пыль.

— Слова… что мне сказать, — запинаясь, проговорила Мэри.

— Одежда скажет все за тебя, разве нет? — бодро сказала Куколка. Она провела рукой по украшенному лентами корсажу сверху вниз, где он сужался почти немыслимым образом.

Мэри взглянула на себя в осколок зеркала и покраснела. Ее груди, маленькие и твердые, почти вываливались из корсажа, вздымаясь над ним двумя фарфорово-белыми полушариями. Яркие шелковые рюши пенились у шеи и плеч. Руки выглядывали из грязноватых голубых кружевных оборок. Она выглядела полуодетой. Она выглядела как шлюха, которой собиралась быть

сегодня вечером.

— Эти линии ведут их взгляд прямо туда, куда нужно. — Куколка очертила пальцем треугольный выступ корсажа. — А эти округлые складки должны наводить на мысли о сиськах и задницах. Мы подбираем подол — вот так, смотри — и закрепляем его у талии. И это верный знак того, что ты на работе, — на случай, если они и без этого не догадались.

— Лицо не то, — мрачно заметила Мэри. — Я похожа на девочку.

— Но джентльмены и любят совсем молоденьких, разве непонятно? Чем моложе, тем лучше. И у тебя есть свои достоинства. Глаза — красивые и темные. И волосы — можно не надевать парик, только взбить их повыше. Черные волосы теперь очень la mode[3]. И горбинка у тебя на носу совсем крошечная — у меня такая вообще от природы. А еще мужчины любят, когда у девушки пухлые губы… они напоминают им о других! — Куколка непристойно расхохоталась.

Мэри слабо усмехнулась в ответ.

— Так. Теперь все, что тебе нужно, — это немного пудры. — Куколка достала небольшую

---

[3] Сноски: 3
В моде (*фр.*).

коробочку и пуховку и принялась обрабатывать ее лицо. — И чуть-чуть красной ленты.

— Красной ленты?

Куколка вздохнула — как всегда, как будто в изнеможении, но на самом деле в восторге оттого, что она может раскрыть Мэри еще один житейский секрет.

— Это быстрее, чем кармин, к тому же куда дешевле.

Она вытянула из прически алую ленту, пожевала кончик, а потом с силой потерла им губы Мэри, словно наводя блеск на чайник. Затем настала очередь щек, и они тоже зацвели и порозовели. Настоящее волшебство.

Глядя в зеркало, Мэри наблюдала, как ее лицо превращается в маску. Это была уже не она; это была яркая, дерзкая кукла, и эта кукла не боялась ничего. Она попыталась улыбнуться.

Куколка ухмыльнулась и показала ей язык. Он был пронзительно-красным от ленты, точь-в-точь как у дьявола на картинках.

Мэри расхохоталась. Она схватывала все на лету, как часто повторяла Куколка. Кажется, она уже начала усваивать особый язык этих девушек, бесстыжие, насмешливые, ядовитые словечки, каких она никогда не слышала в школе или в

тесных, душных комнатках подвала на Черинг-Кросс-Роуд.

Мэри стояла на перекрестке Севен-Дайлз, выставив вперед бедро, как показывала ей Куколка, и пыталась изобразить на лице такую же кривоватую улыбку, как у нее. Пудра покрывала лицо, словно доспехи, но Мэри чувствовала, как дрожат колени под нижними юбками, выглядывавшими из-под ярко-оранжевого платья. Под колоколом фижм гулял ледяной ветер. Чтобы скрыть выпирающий живот, Мэри прижимала к нему меховую муфту. Куколка хотела было присоединиться к ней, но заснула мертвым сном на матрасе, выпив полбутылки джина.

Сама Мэри тоже сделала пару глотков, и теперь джин плескался у нее в желудке. Он немного согревал, но в то же время от него слегка подташнивало. Мэри припомнила, что говорила Куколка: *будешь робеть — далеко не уедешь*. Нужно научиться воспринимать каждого проходящего мимо мужчину в панталонах как клиента, подумала она и отметила, как развязно ведут себя другие «мисс». Они приставали к незнакомцам, клали руку мужчинам на бедро.

— Чего желаете, джентльмены?! — выкрикнула женщина в фетровой шляпке.

— Нужна подружка? — подхватила другая, пристраиваясь под ручку к солдату.

Тот, однако, стряхнул ее и отправился дальше.

— Шиллинг за райское блаженство, — пообещала девушка в каштановом парике.

Мэри вспомнила, что ее завут Элис Гиббс. Ходили слухи, что она позволяет мужчинам делать это в рот. Мэри передернуло от отвращения, и она поспешила отвернуться.

В конце улицы показался мужчина в красивых бархатных панталонах, и Мэри прочистила горло.

— Четырнадцать, чистая, — пролепетала она.

Мужчина бросил на нее острый взгляд, но прошествовал мимо и скрылся за углом.

Этим словам ее научила Куколка. Так нужно представляться, сказала она. И только половина из этого была неправдой. *Четырнадцать, чистая.* Это почти стихи, подумала Мэри. Как там говорилось в стишках, что она учила в школе?

В душе чистота,
Когда платье опрятное.

— Что-то торговля сегодня идет не очень, верно?! — крикнула девушка с очень светлой кожей, в платье-контуш с серебряной каймой. — Я тебя

раньше видела?

— Нет, — нервно ответила Мэри.

Она сказала девушке, как ее зовут, и только потом подумала, что упустила самый подходящий момент, чтобы переменить имя.

Ее товарку звали Нэн Пуллен. Днем та была горничной у одной дамы на Паддл-Док-Хилл — она с гордостью сообщила об этом Мэри, но как только хозяйка засыпала, Нэн вытаскивала из ее дубового шкафа платье покрасивее и отправлялась утюжить улицы. Дорогая одежда служила хорошей приманкой для клиентов; Нэн редко простаивала без дела.

— Подстежка здорово помогает сохранить тепло, — со знанием дела заявила она и похлопала по своей толстой нижней юбке. К четырем утра Нэн всегда возвращалась домой, и ей даже удавалось немного соснуть. — Знаешь, а я коплю деньги.

— О, правда? — спросила Мэри.

— В один прекрасный день я открою свои меблированные комнаты, — похвасталась Нэн. — И не буду ни от кого зависеть.

Довольно скоро Нэн засобиралась восвояси. По ее словам, все хорошие клиенты были сегодня на Пьяцца Ковент-Гарден — так ей подсказывало предчувствие.

— Мой нюх меня никогда не обманывает, — сказала она и постучала кончиком пальца по носу. Нэн махнула рукой другим мисс и ушла. Подол ее красивого платья подметал уличную пыль.

Через некоторое время Мэри увидела еще одного мужчину. Он шел, засунув руки в карманы.

— Пусти меня к себе под плащ, милок, — гаркнула рыжеволосая женщина, прислонявшаяся к ставням. Она старалась держаться в тени, чтобы не было видно, сколько ей лет.

Куколка говорила, что это жена одного лакея-итальянца, которому расплющило руки, так что он не мог больше работать.

За этим мужчиной появился помощник нотариуса в нарукавниках, куда он сложил необходимые бумаги. Рыжая задрала юбки до самых подвязок.

— Как сегодня ваш петушок, сэр?! — крикнула она.

Мэри покраснела, но писарь невозмутимо прошел мимо рыжей, как будто ничего не слышал. Точно так же он прошел и мимо Мэри, но вдруг замедлил шаги, развернулся и посмотрел на нее повнимательнее.

Мэри выпрямила спину и выставила вперед грудь, втянув при этом живот. Она почувствовала, что ее начинает трясти. Только один раз,

пообещала она себе. Когда все будет кончено, она непременно найдет другой способ себя прокормить. Должна же найтись работа и для нее. Что-нибудь чинить, или мастерить, или продавать.

Писарь взял ее за рукав и потянул вперед, к свету. Мэри захотелось отвернуться к стене. Ее лицо пылало. Может быть, он начнет разговор с комплимента или с какой-нибудь странной просьбы. Что, если она его не поймет? И когда нужно сказать о том, что ее цена — два шиллинга?

— Девять пенсов, — спокойно сказал писарь, как будто они были в лавке, где продаются пряники.

В глазах у Мэри защипало, но она не смогла ответить «нет». Если она откажется от этого клиента, кто его знает, когда появится другой — и появится ли он вообще?

Они отошли в тень. То, что произошло дальше, показалось Мэри очень странным. Это не было похоже на предыдущие разы. Теперь ее никто не принуждал; она сама позволяла сделать это с собой, даже помогала писарю расстегивать панталоны — ей хотелось, чтобы все побыстрее закончилось. В его длинных нарукавниках шуршали бумаги, и это было немного неприят-

но. Он взглянул вниз, на свое хозяйство, Мэри посмотрела туда же и едва подавила истерический смешок. Она впервые видела эту штуку так близко — что-то бледное и неприлично лысое. Мужчина положил на него ее руку и подвигал взад-вперед, Мэри потерла — точь-в-точь будто вытирала тарелку — и почувствовала, как он растет от ее прикосновений. Это было непередаваемое ощущение собственной власти и силы.

Но писарь вдруг заторопился, задрал ее юбки и раздвинул ноги. Он с силой вошел в нее, и Мэри снова ощутила себя беспомощным ребенком. Ей не было больно — только сухо и как-то тяжело, как будто внутри у нее был груз и ей нужно было его удержать. От писаря исходил теплый и немного затхлый запах старой бумаги. Мэри держалась за его плечи — сюртук у него был из простого сукна, — слегка пошатываясь от его толчков. В какой-то момент к горлу подступил панический страх, но она сумела его прогнать, думая о своей цели: заработать крону для Ма Слэттери. Пять шиллингов. Десять шестипенсовиков. Шестьдесят пенни.

Все кончилось внезапно — обжигающе-горячий взрыв внутри, писарь ослабел, его колени подогнулись, и на секунду он прислонился лбом

к ее плечу. Мэри почувствовала одновременно презрение и жалость. Впрочем, довольно скоро он пришел в себя, выпрямился, поправил одежду и вытащил кошелек.

Девять пенсов. Мэри положила их в карман, пришитый к внутреннему шву юбки у талии. Ну вот. Она сделала это, и ничего, конец света не наступил. Ей заплатили за то, что могли просто отнять. Лоб вдруг заломило от подступивших слез.

После писаря был плотник, обсыпанный опилками, и солдат в старой форме, и старик, от которого пахло так, будто он не мылся никогда в жизни. Потом он сказал ей спасибо. Они были совсем не похожи друг на друга; объединяло их одно — одинаковое, неистовое, нетерпеливое, не знающее преград желание. Как часто говорила Куколка, напившись: *мокрая щелка притягивает мужиков, как кость собаку.*

Между клиентами приходилось подолгу ждать. Между ног было мокро и липко, болел желудок. К полуночи Мэри заработала три шиллинга и даже обрела некоторую уверенность в себе. Она смогла; у нее имелось нечто, за что был готов заплатить каждый мужчина.

Однако вскоре к ней подошла девушка в каш-

тановом парике.

— Время угостить нас, дорогуша, — объявила она.

Мэри уставилась на нее и невольно сцепила руки под муфтой.

— Разве Долл Хиггинс не говорила тебе, что это обычай? — с милой улыбкой спросила девушка. За ее спиной уже собралась небольшая толпа из других мисс. — Те, кто выходит работать в первый раз, всегда угощают других.

Они забрали все, что было у нее в кармане. Мэри не посмела утаить ни одной монетки — она чувствовала, что они все равно нашли бы спрятанное. Плакать она тоже не стала: слезы оставили бы следы на ее накрашенном лице. Ей даже удалось нахально улыбнуться. В конце концов, это была их работа, их территория, и незачем было наживать себе врагов. Впрочем, девушки вели себя довольно дружелюбно. Та самая, в каштановом парике, даже пригласила Мэри в «Бычью голову» хлебнуть горячего вина с пряностями и немного погреться. Но Мэри ответила, что лучше она еще немного походит.

— Вот это молодежь пошла, — заметила одна из мисс, уже не слишком молодая и толстая. — И где они берут силы, ума не приложу.

Теперь Мэри стояла на Севен-Дайлз одна. Закончив с очередным клиентом, она отвернулась от стены и увидела, что рядом уже стоит другой мужчина. Все это время он наблюдал за ними, ожидая своей очереди, и почему-то это было хуже всего. Он даже наполовину распустил шнуровку на своих панталонах, как будто не хотел терять ни секунды.

Он оказался самым большим из всех и самым грубым. Мэри не сопротивлялась, просто крепко сжала веки. В голове у нее стучало только одно слово — слово, которое она не должна была больше произносить. *Мама*. Кажется, после этого клиента у нее слегка пошла кровь, но сказать точно было трудно: по ногам стекало все то, что оставляли в ней мужчины.

После каждого клиента ноги сами собой поворачивали к дому, то есть к Трущобам, но Мэри заставляла себя вернуться к столбу, что торчал в центре Севен-Дайлз. Она скрещивала руки и прижимала их к предательски выступающему из-под платья бугорку, чтобы напомнить себе, ради чего она это делает. Ей нужно заплатить за убийство, и это единственный способ раздобыть деньги.

Пожалуйста. Господи. Кто-нибудь. Пусть это поскорее закончится.

За пару часов до рассвета Мэри, еле передвигая ноги, поднялась наверх по ступенькам Крысиного замка. Она чувствовала себя странно отделенной от собственного тела. Боль в желудке напоминала барабанную дробь. Семя одиннадцати — или двенадцати, она сбилась со счета, — мужчин превратилось в яд, медленно отравлявший ее внутренности. Мэри ощущала его запах даже сквозь нижние юбки и оранжевое платье-полонез: порочный, сырой, дрожжевой аромат. Ну конечно, поняла вдруг она. Так всегда пахнет от Куколки.

Но она сумела все пережить, и лица ее сегодняшних мужчин уже затуманились в памяти. А в кулаке Мэри сжимала множество маленьких грязных монет — в общей сложности одну крону.

— Ну что, теперь ты одна из нас, а? — сонно сказала Куколка и обняла ее одной рукой.

Потом, на следующий день, всем занималась Куколка. Это она купила большую бутылку джина и отпила из нее только один глоточек. Она отыскала нужный подвал на Кэрриер-стрит. Она прижимала голову Мэри к своей надушенной груди, так что ей не было видно Ма Слэттери. Когда старуха вытащила ржавый нож, чтобы заточить

спицу, Мэри почувствовала, как внутри ее нарастает крик — даже не крик, а вой. Он рвался из груди помимо ее воли, но Куколка закрыла ее рот ладонью и стала нашептывать на ухо ласковые, глупые, бессмысленные слова. Потом она встала в головах запятнанной постели, на которой лежала Мэри, завела ее руки за голову и сжала запястья, так крепко, что еще немного — и сломала бы их. Она болтала не переставая: о прелестном платье лавандового цвета, что видела недавно на Монмут-стрит, по фасону почти как полонез, и на него как раз сбросили цену, и как замечательно оно подошло бы Мэри; о новых тиграх в Тауэре, на которых можно сходить посмотреть; о беспорядках на рыбном рынке Биллингсгейт, вызванных ценами на макрель; и о том, что скоро Рождество. Она говорила и говорила, все время, пока молчаливая старуха делала с Мэри такие вещи, которые невозможно описать словами. Мэри корчилась и брыкалась, словно бешеная собака, которую она видела прошлым летом на Холборн-стрит. Казалось, это было десять лет назад. Десять лет назад Мэри была девочкой в школьной форме и неохотно тащилась домой после уроков. Эту, новую, совсем другую Мэри Сондерс сводили судороги, от которых ее тело

билось, как обрызганный кровью флаг на ветру.

Это Куколка вытирала ладонью ее рвоту. И именно она, потом, когда все закончилось, вынесла горшок и вылила его в сточную канаву. Но Мэри все равно успела разглядеть то, что там было. Что-то беленькое плавало в крови: червяк, паразит, демон, изгнанный из ее тела. Практически ничто. Не важно. Теперь это было совсем не важно.

Неделю у нее шла кровь. Но когда настало время платить за комнату, Мэри снова вышла на улицу. Ее запястья украшали синяки — словно синие браслеты. *Чего желаете, джентльмены? Чего желаете?*

Глава 2. Магдалина

Потому что, конечно, другой работы для нее не нашлось. В конце концов ей пришлось открыть глаза и увидеть правду. Никакое другое ремесло не принесло бы девушке четырнадцати лет столько денег, сколько получала Мэри — когда она поднабралась опыта и научилась твердо заявлять о своей цене. Мир был устроен ужасно несправедливо, теперь она это понимала. Богатые были рождены для праздности и роскоши, а бедные были все равно что грязь под колесами их карет. Но жизнь предоставляла девушке, которая уже потеряла все на свете, настоящий шанс выкарабкаться. К чему зарабатывать жалкие гроши, ломая руки, ноги, спину или глаза, когда, как говорила Куколка с грубым смешком, *с п... ничего не сравнится*?

Вокруг этого и вертелся весь мир. Этим торговали все женщины, будь то жены или шлюхи, по эту сторону простыней или по ту.

— Ты что, не п-понимаешь? — сказала как-то раз Куколка заплетающимся языком.

Они шли по Оксфорд-стрит. Куколка выхватила бутылку у Мерси Тофт и одним махом допила все,

что там оставалось, а потом швырнула ее в свежевыкрашенную дверь четырехэтажного дома. С оглушительным звоном бутылка разлетелась на сотни осколков, и Куколка захлопала в ладоши.

— У тебя есть такая штука, за которую готов зап-платить любой мужик. От баронета до нищего. Только бы засунуть туда свои ручонки.

Она принялась задирать свои нижние юбки, одну за другой, чтобы показать Мэри, что она имеет в виду. Мерси Тофт хохотала так, что не устояла на ногах. Одна только Мэри заметила, как отворилась дверь дома. Она успела перехватить юбки Куколки до того, как та показала свое сокровище целому кварталу, и выпихнула ее обратно на дорогу.

— Это правда, мать твою за ногу! — выкрикнула Куколка. — Ты можешь взять его оружие — во, вот так — и повернуть против него. Прямо ему в лицо!

Ее слова сопровождались еще более непристойным жестом. Мерси уже не хохотала, а стонала от смеха. Ни та ни другая не увидели, что из дома выскочили двое лакеев, посмотреть, что там за шум и почему бьется стекло. Мэри быстро схватила подруг под руки, и они убрались восвояси, не дожидаясь, когда лакеи проломят им голову.

Всю дорогу до Святого Эгидия они хихикали.

Зима выдалась мокрой и холодной, но Мэри и Куколка заранее запаслись подбитыми мехом муфтами и накидками. Те согревали их, когда не помогали ни эль, ни вино, ни джин. Большинство девушек выбирали себе определенный участок и работали на нем, но Куколка говорила, что это слишком скучно.

— Весь Лондон — наш публичный дом, дорогуша, — смеялась она.

Мэри уже начинала понимать, что обращаться с мужчинами на самом деле довольно просто. Они не стоили того, чтобы их бояться. Куколка показала ей, где нужно искать клиентов и как понять, что мужчина уже созрел. Мэри совокуплялась с незнакомцами в тавернах, в снятых для этого комнатах, просто на улицах у стены; ее клиентами становились писари и адвокаты со Стрэнда, пьяные в стельку, и богатые евреи с Бишопсгейт, не знающие, куда им деться после заката солнца в субботу, и молодые щеголи, выходящие из клуба «Алмакс», где они только что оставили не меньше сотни.

Теперь Мэри была свободной женщиной, и у нее было больше денег, чем она видела до этого в жизни. Она одевалась в самые яркие цвета,

которые только можно было найти на Монмутстрит — розовые, фиолетовые, оранжевые, — и ее совсем не волновало, что они не всегда сочетаются друг с другом. Лишь бы клиенты обращали внимание. Она знала, что востребована, и ее нарумяненное лицо напоминало веселую карнавальную маску.

Однажды серым зимним утром Мэри впервые за много месяцев вдруг подумала о Боге.

— Мы попадем в ад? — спросила она у Куколки. Ей почему-то сделалось очень не по себе.

Куколка усмехнулась:

— Я же латинянка.

— Кто?

— Ну, католичка. Как и мои родители. Я причащаюсь каждую Пасху, обязательно, что бы ни случилось, в любую погоду, — с гордостью добавила она. — Когда я почувствую, что пришел мой час, я просто пошлю за священником и получу отпущение грехов.

— Как это?

— Очищу свою душу от грехов. Все равно что отмоюсь.

Мэри немного подумала.

— А как же я? — с тревогой спросила она.

Куколка невозмутимо пожала плечами, но тут

же сжалилась.

— Тебе в этой твоей школе когда-нибудь рассказывали о Магдалине? О Марии Магдалине?

Кажется, Мэри слышала это имя.

— Ну… она тоже была блудницей, но потом у нее все стало хорошо, ведь верно?

На Двенадцатую ночь[4] Куколка отвела Мэри в Королевский театр на Друри-Лейн, «чтобы показать, как обращаются с парнями шикарные дамочки». Они заплатили по шиллингу, чтобы втиснуться на галерку. Цена одного «раза», подумала Мэри. Куколка огляделась по сторонам и заметила, что сегодня в театре не больше полторы тысячи народу. По ее словам, это было всего ничего. В воздухе стоял гул голосов, как будто гудел большой улей.

Мэри почти подташнивало от предвкушения. Говорили, что пьеса новая, переведенная с французского: «Игра любви и случая». Мать была резко против театров и всегда говорила Мэри, чтобы она держалась от них подальше: потому что от людей, которые притворяются совсем другими людьми, не может быть ничего хорошего. В те-

---

[4] Сноски: 4

Двенадцатая ночь — название языческого праздника в Англии, отмечаемого в Крещенский вечер — в ночь с 5 на 6 января.

атре было так жарко, что ее плечи покрылись легкой испариной, как будто она сидела под летним солнцем. Занавес подняли только в десять минут шестого, и Мэри так поразили декорации, что поначалу она не видела ничего, кроме них. На сцене росли огромные деревья, стояли позолоченные скамьи, а в небе висела огромная сияющая луна — сама по себе, без всякой видимой поддержки. От ярко горящих ламп исходил запах паленых волос.

Но потом появилась миссис Абингтон, и Мэри забыла обо всем на свете. На актрисе было белое платье в цветочек с фестончатыми оборками, а стомакер украшал ряд крошечных бантиков, уменьшавшихся сверху вниз.

— А управляющий позволяет ей брать из костюмерной любые платья, какие она только захочет? — спросила она у Куколки.

— Брать из костюмерной? Да это ее платья! — фыркнула подруга. — Все актрисы должны иметь собственный гардероб.

Миссис Абингтон вызывала в Мэри одновременно зависть и обожание. Каково это — владеть такими нарядами и выходить на сцену, под взгляды тысяч людей!

— Неудивительно, что им нужны богатые по-

кровители, — хохотнула Куколка.

Мэри пристально посмотрела на нее, пытаясь понять, шутит она или нет, но Куколка, судя по всему, говорила совершенно серьезно. Мэри перевела взгляд на актрису. Эта женщина, порхающая по сцене, выглядела так, будто никогда в жизни не видела мужского достоинства. Разве может девушка, вступившая в ряды мисс, сохранить такое лицо? Это было невероятно. Наверное, с актрисами все по-другому, решила Мэри. Может быть, когда они залезают к мужчине в панталоны, то притворяются кем-то еще — как будто это и не они…

Было довольно трудно уследить за тем, что говорилось на сцене, потому что актеров заглушали комментарии публики, шум вееров и сплетни об очередной появившейся в ложе графине или виконте. Но тем не менее Мэри уловила сюжет. Миссис Абингтон играла графиню, которая в шутку поменялась одеждой со своей горничной. Поразительно, до чего человек может преобразиться, надев шляпку, или передник, или золоченую пряжку, подумала Мэри. В этом-то и вся разница. Если ты выглядишь как леди, мужчины кланяются тебе, а если как служанка — то пытаются потискать за дверью. Однако ни хо-

зяйка, ни горничная не знали, что джентльмен, который пытался ухаживать за графиней, тоже поменялся одеждой со своим лакеем. Получалось, что все друг другу лгут и никто не знает, с кем именно он флиртует, и это было очень смешно.

Каждый раз, когда реплики актеров вызывали в зале взрыв смеха, Куколка толкала Мэри под ребра:

— Мотай на ус. Вот как надо отвечать. Это и есть остроумие.

— Если бы ты хоть на минуту закрыла рот, я бы, может, и услышала, что они говорят, — прошипела Мэри и ткнула ее в ответ.

Конечно, у них было полно знакомых, а кое с кем они даже приятельствовали — например, с Мерси Тофт, или с Нэн Пуллен, или с Элис Гиббс, или с братьями Ройл, что держали кабачок за углом, — но на самом деле, как начинала понимать Мэри, у нее и Куколки не было никого, кроме друг друга. Даже когда толпа разносила их в разные стороны — той зимой они принимали участие в «потехе с чучелами» и вместе со всеми жгли чучело хозяина шелковой мануфактуры, который отказывался поднимать рабочим плату, — даже тогда Куколка и Мэри старались не терять друг друга из виду. Они говорили на своем

собственном, понятном только им языке, имели свои собственные шутки. Может быть, их и разделяли целых семь лет, но они понимали друг друга с полуслова, так что если одна начинала предложение, другая всегда могла его закончить.

По ночам Куколка часто напевала одну старую песенку:

Красная лента и золотая,
Танцуй до упаду, пока молодая.

Не было такого места в Лондоне, где бы Мэри не делала этого с клиентами — начиная от вылизанных мостовых Уэст-Энда и заканчивая перепутанными улочками в районах кокни, где, как краски в огромном чане, смешались испанские евреи, индийские матросы, черные и китайцы. Она отдавалась бондарям и башмачникам, точильщикам и стекольщикам, сторожам и акцизным чиновникам, и мяснику с грубыми обветренными руками. В толпе, что собралась в Мурфилдс по случаю проповеди знаменитого мистера Уэсли, Мэри три раза поработала рукой и получила в общей сложности два шиллинга. Она раздвигала ноги перед каменщиком-ирландцем в Мэрилебоне, перед ткачом-французом — он оказался гугенотом — в Спайталфилдс, перед

джентльменом-плантатором, который только что прибыл с Ямайки, и перед студентом-эфиопом, который изучал медицину. С него Мэри запросила двойную цену; ходили слухи, что у чернокожих огромный член, и она побоялась, что эфиоп ей что-нибудь повредит. Однако выяснилось, что хозяйство у него не больше, чем у обычного англичанина, и таким образом Мэри узнала еще кое-что новое. Ей был знаком каждый уголок большого города — от почтовой кареты, что ходила по Пэлл-Мэлл, до ограды церкви Святого Климента, до комнатушки наверху «Ягненка и флага» на Роуз-стрит. Ту комнату снимал один погонщик скота из Уэльса.

— Полежи спокойно, — сказал он Мэри после того, как все закончилось. Как и все уроженцы тех краев, он слегка пришепетывал. — Просто полежи спокойно, красотка, и я заплачу еще два пенса сверх.

У нее выдалась пара неудачных ночей, но она постаралась поскорее о них забыть. Однажды, когда Мэри явилась домой со следами ногтей клиента на шее, Куколка назвала ее мямлей и простофилей и показала, как ударить мужчину коленом, чтобы у него еще неделю болели яйца.

Мэри знала, что никогда не умрет с голоду.

Теперь она была в этом уверена. *Мокрая щелка притягивает мужиков, как кость собаку*. У нее между ног был волшебный кошелек, который никогда не пустел, — совсем как в той сказке.

После двух месяцев работы все клиенты слились в одну серую массу, но было среди них несколько таких, которые ей запомнились. Например, как тот парень с сальными волосами, что взял ее прямо у стенки кареты и — как Мэри осознала позже — по ходу дела ловко срезал у нее карман. Можно было догадаться, что это жулик, корила она себя. У него были бегающие глазки.

Одним из постоянных клиентов был молодой шотландец, которого девушки прозвали Мистер Латы. Между собой они все смеялись над ним, потому что Мистер Латы всегда надевал на себя что-то вроде мешочка из оболочки овечьего кишечника.

— А это еще что такое? — встревоженно спросила Мэри, когда увидела его самый первый раз.

— Кондон, — ответил шотландец, высвобождая из корсета ее грудь. — Из соображений здоровья.

Мэри вытянула руку, отстраняя его.

— Каких таких соображений?

Мистер Латы пожал плечами:

— Он защищает меня от нехороших болезней.

От сыпи, разных выделений.

— Что? Так ты что, надеваешь этот кондон всякий раз, когда этим занимаешься?

Он нетерпеливо дернул шнурки корсета.

— Ну, не с леди, ясное дело. Только с… девушками из города.

Мэри пронзительно рассмеялась — совсем как Куколка, подумала вдруг она.

— А как же мы? — спросила она, тем временем как Мистер Латы уткнулся лицом в ее груди и задрал юбки. — Разве мы, шлюхи, не можем подцепить от вас «насморк» или «клубничку»? Точно так же, как и вы от нас?

Он изумленно посмотрел на нее, будто не ожидал, что она вообще может рассуждать.

— Ну… в вашем ремесле иначе не бывает, — выдохнул он и принялся раздвигать ей колени, придерживая при этом свой футляр.

Но Мэри решила задать еще один, последний вопрос.

— А я могу купить этот кондон?

— Конечно можешь, — с невозмутимым лицом ответил Мистер Латы, но тут же ухмыльнулся. — Вот только я не представляю, на что ты его наденешь.

Через секунду он был уже внутри, глубоко-глу-

боко, и ему стало совсем не до разговоров.

Одним из лучших мест для охоты был Сохо-сквер часов в пять утра. Как раз в это время заканчивались балы по подписке, что устраивала миссис Корнелис, и лорды выходили на улицу. Однажды Мэри уединилась в кустах с джентльменом, который оказался членом парламента. Он без конца болтал о каком-то месье Мерлине, появившемся на балу в туфлях на колесиках.

— На колесах! Честное слово!

— Не может быть, — пробормотала Мэри и потерла выпуклость на его панталонах. Какой невероятно мягкий бархат, машинально отметила она.

— Он мчался как птица — пока не врезался в зеркало миссис Корнелис. Грохот, кровь, битое стекло повсюду… н-да, доложу я вам. Бедный лягушатник.

— Бедный лягушатник, — повторила Мэри, высвобождая из панталон немного кривоватый член. — Бедный, бедный маленький лягушатник.

— Не такой уж и маленький, а? — несчастным голосом спросил он.

Должно быть, лорд был сильно пьян или бредил — что за дикую историю он выдумал, по-

думала Мэри. Но, взбираясь на него верхом, она видела перед глазами эту картинку — маленький француз, несущийся над землей, словно ласточка, прямо навстречу беде.

Как-то раз ей повстречался носильщик с надорванной спиной — он таскал носилки богатым горожанам, чтобы заработать себе на жизнь, и каждый шаг причинял ему неимоверные страдания. Он даже заплатил за комнату, чтобы они смогли сделать это лежа. Мэри устроилась сверху и пообещала, что не будет его трясти. И какое же это оказалось наслаждение — немного поспать после всего! Мэри приснилось, что она едет по городу в королевской карете, украшенной золотом.

Очень разборчивой она, конечно, не была. Уличные мисс не могли позволить себе такую роскошь, «не то что эти сучки из борделей, что валяются на бархатных диванах», по выражению Куколки. Мэри ложилась даже с борцами, что дрались на ярмарках, — их лица были искорежены чужими кулаками. Однажды ей попался матрос, у которого было только одно яичко; второе было выедено сифилисом. Он клялся, что давным-давно вылечился, но Мэри все равно ограничилась «ручной работой». Теперь мало что могло внушить ей отвращение. Она не отказыва-

ла клиентам, которые просили их высечь, — эти парни любили играть в строгую мать и непослушного сына. Самый первый раз Мэри еще подумала, что это странно: мужчина, который хочет, чтобы ему причинили боль, вместо того чтобы причинять боль самому. Как-то раз ей попался извращенец, который пообещал ей два шиллинга за то, что она позволит плюнуть себе в рот. Единственными, с кем Мэри никогда не связывалась, были угольщики; ее воротило от запаха угольной пыли и начинало казаться, что она снова сидит в подвале на Черинг-Кросс-Роуд.

С той ночи, как она покинула дом, в прошлом ноябре, Мэри ни разу не встречалась ни с кем из Диготов. Однажды на Линкольнз-Инн-Филдс она увидела женщину с огромным узлом ткани на спине; она сгибалась под его тяжестью. Но конечно же это не могла быть Сьюзан Дигот. Слишком далеко от Черинг-Кросс-Роуд. «Приличные люди не забредают в такие дали, как мы, — говорила Куколка со своей чудной кривой улыбкой. — Приличные люди сидят на своем месте».

Иногда Мэри гадала, пыталась ли мать хоть раз разузнать, что с ней сталось. Расспрашивала соседей или, может быть, поглядывала по сторонам. Когда-то она любила Мэри — должно же было

хоть что-то остаться от этой любви? Хоть крохи? Неужели можно выкинуть родное дитя из своей жизни, вырезать его, как будто оно никогда и не появлялось на свет?

Конечно, это уже не имело значения. Теперь Мэри ни за что не вернулась бы назад, даже если бы Сьюзан Дигот сама вскарабкалась по шатким скрипучим ступенькам Крысиного замка и на коленях умоляла дочь пойти с ней домой. Она едва помнила свою прежнюю жизнь — скуку, бесцветность, бедность, даже не нужду, а бедность духа, устремлений; долгие часы молчания, когда они все сидели у дрожащего огня. Нет, нет — слишком поздно для возвращения. Или хотя бы прощения.

* * *

С Куколкой жизнь никогда не была скучной или бесцветной. Она не упрекала, не читала проповедей, не давала заданий. Они ложились спать прямо в румянах и белилах, и краска оставляла грязные потеки на подушках. Ирландка, что обитала в подвале Крысиного замка, за плату стирала им одежду. Раз в несколько недель Мэри и Куколка ходили в баню и долго отмокали в обжигающе горячей воде. Ужин они брали в таверне или обходились без него, смотря по тому,

что было у них в кошельках, и никогда не готовили, вообще ничего, даже не поджаривали тосты. Когда замерзали руки, они покупали у торговок вразнос чай и кофе. А еще они пили любые спиртные напитки, какие попадались под руку, и не загадывали дольше, чем на день вперед.

Любовницы свободы — так называла их Куколка. Они вставали когда хотели, и не ложились всю ночь, если было такое желание, и в любое время могли вернуться домой и завалиться спать. Первый раз за всю жизнь у Мэри появилось время для безделья. Клиенту редко требовалось больше, чем пятнадцать минут. Никто не стоял над ней с кнутом, она могла отказать одному и отдать предпочтение другому или вообще послать всех к черту, если вдруг все надоедало. Иногда они с Куколкой брали выходной и проводили вечер в трактире — сидели у огня и курили одну трубку на двоих. Джин смягчал и размывал границы, превращал скуку в веселье.

Однажды вечером Мэри повстречался молоденький подмастерье — он играл в крикет на Лэмз-Кондуит-Филдс. У него было свежее, хорошенькое личико, и на вид Мэри дала бы ему не больше двенадцати.

— В какую цену, мисс? — спросил он, совсем

как Джек Бобовый Стебель, оказавшись первый раз на рынке.

— Больше, чем у тебя есть, — с усмешкой сказала она и потрепала его по подбородку. Пушок на нем был мягкий и шелковистый, словно у котенка.

— У меня есть шиллинг, — серьезно сказал паренек, полез в карман и достал монету.

Скорее всего, утащил у хозяина, чтобы заплатить за «учебу», подумала Мэри, но деньги все равно взяла. Она взяла мальчика за руку и отвела за большой куст падуба. Земля была мягкой и чуть-чуть сырой.

Потом ей стало грустно. Хотелось верить, что она не заразила мальчика триппером — хотя в общем-то Мэри думала, что она уже очистилась. Лихорадки у нее не было, выделений тоже, и она всегда подмывалась джином, если он был, или просто писала после, если не было. Но конечно, сказать наверняка было невозможно.

— Ну, теперь ты знаешь, как это бывает, — сказала она мальчику, когда он застегивал пуговицы.

Он ослепительно улыбнулся в ответ.

— Найди себе девушку и не трать зря деньги, — посоветовала Мэри.

Перед тем как убежать, он послал ей воздушный поцелуй.

В ту ночь они с Куколкой лежали в темноте на своем полусгнившем матрасе и говорили, говорили, говорили — до тех пор, пока поэт, что поселился в соседней комнатушке, не застучал в стену кулаком.

Многие мисс вдобавок к основному занятию еще и воровали у клиентов кошельки. Из-за этого их ремесло пользовалось дурной славой, к тому же это было опасно.

— Для этих, благородных, нет ничего хуже воровства. Они даже сифилис стерпят, а это нет, — учила Куколка.

Но у Мэри и без нее были свои принципы. Только один раз она обчистила клиента — и то он оказался лживой собакой и не отдал ей обещанные полкроны; за эти деньги Мэри согласилась на то, чтобы он побил ее башмаком перед тем, как отыметь. Она дождалась, пока он напьется и заснет за столом таверны, а потом сбежала, прихватив две латунные пряжки для туфель и серебряные часы.

— Справедливо, — заметила Куколка, оценив добычу.

Мэри никак не могла взять в толк, почему жен-

щины вообще соглашаются делать это задаром. Некоторые хотели иметь детей, это она знала. А другие занимались этим для удовольствия — или из любви, как они это называли. Даже Куколка иногда отдавалась бесплатно, чаще всего одному плотнику-поденщику, у которого была очень нежная кожа.

— Но это же утешение, — отговаривалась она.

Однако Мэри этого не понимала. Мерси Тофт тоже имела любимчика, какого-то книжника-француза. Он был настолько же бледным, насколько она темной. Время от времени, когда ее сутенера не было рядом, она тайком приводила француза к себе. Эта непонятная жажда ставила Мэри в тупик.

Никогда в жизни она не чувствовала того, что называется желанием, но знала о нем достаточно, чтобы уметь подделывать. Она научилась вести «грязные» разговоры. Секрет был даже не в словах, хотя некоторые клиенты сильно возбуждались, когда она говорила непристойности, а в особом тоне. Если тон правильный, можно нести любую чушь, болтать хоть о каше, в этом Мэри убедилась на собственном опыте. Весь трюк состоял в том, чтобы притвориться, будто она и сама взволнована. Легкий стон, вздох, низ-

кий голос, прерванная на полуслове речь — все мужчины велись на это, как дети, и это ускоряло развязку, как ничто другое.

Иногда ночью Мэри лежала рядом с Куколкой и ее плотником и делала вид, что спит, пока они барахтались на матрасе. Куколка билась и выгибала спину, словно ей было больно, но ее рот был мягким и влажным, а лоб покрывала испарина. Отвернувшись, Мэри бездумно смотрела в темноту.

Она никогда не раздвигала ноги, повинуясь нуждам собственного тела, только ради тех вещей, что можно было за это получить: деньги, кров… свободное время. Она продавала не себя — в этом Мэри была уверена. В конце концов, мы все всего лишь берем напрокат платье, которое называется кожей.

С тех пор как они побывали в подвале у Ма Слэттери, у Мэри ни разу не было месячных, и это ее ничуть не расстраивало. Так даже лучше, рассудила она. Безопаснее. Сначала она думала, что это просто перерыв, но потом решила, что ее женское время кончилось. Это было немного странное ощущение — насовсем разделаться с месячными и деторождением в четырнадцать лет. Но среди мисс такое случается, подтвердила

Куколка. Ну и, в конце концов, разве это не преимущество для девушки их ремесла — покончить со всеми этими делами раз и навсегда?

Мэри подозревала, что сама Куколка по молодости лет произвела на свет пару-тройку детишек, но расспрашивать не решалась. Да и что толку — несчастные вряд ли выжили.

Ей до смерти хотелось узнать историю жизни подруги, но приходилось выведывать все понемногу, то там, то тут. На прямые вопросы Куколка не отвечала. Однажды, когда они проходили мимо лавки париков на Монмут-стрит, Куколка невзначай обронила, что ее первый делал парики.

— Кто-кто?

— Мой первый. Ну, тот, кому меня продали мои старики.

Мэри бросила на нее настороженный взгляд. Она никогда не могла понять, шутит Куколка или говорит серьезно.

— Он услышал, что девственница может вылечить сифилис, — сказала Куколка и рассмеялась своим странным дребезжащим смехом, будто камешки гремят в стеклянной банке. — Выкинул деньги на ветер!

Отставшая было Мэри прибавила шагу.

— Сколько тебе было лет?

Куколка пожала плечами.

Это значит, что она не помнит или что это не имеет значения, подумала Мэри.

В тот день Куколка больше ничего не сказала, но потом, некоторое время спустя, когда Мэри спросила снова, все же ответила:

— Мало. Так мало, что я ничегошеньки не знала. Подумать только! Я тогда решила, что парень в меня пописал, можешь себе представить! — И она снова рассмеялась этим жутким смехом. Казалось, он исходил из самой ее утробы.

Как-то мартовским вечером за церковью Сент-Мэри-ле-Боу Мэри наткнулась на пару матросов. Они во все горло орали «Старые шлюхи Англии».

— Вечер добрый, мои золотые, — сказала она, но, кажется, они ее не услышали.

Тот, что был повыше, затянул куплет:

Было время, мы могли
Баб иметь и драться,
Хрен стоял, и нож был остр,
Хошь куда вонзаться.

К первому присоединился второй:

Но теперь мы словно куча

Старого дерьма.

Вдвоем они заголосили припев:

Старые шлюхи, добрые шлюхи,
Куда вы девались, куда!

Мэри стояла рядом и с улыбкой дожидалась окончания песни. Наконец один из матросов повернулся к ней. Его штаны были расстегнуты, и свой инструмент он держал в руке. Мэри сделала шаг вперед, но он толкнул ее в грудь.

— Да я к тебе и вилами не притронусь, дорогуша! — крикнул он.

Мэри отскочила, но матрос все же успел окатить струей мочи ее лучшую фиолетовую юбку. Его приятель попытался присоединиться, но он гоготал как безумный и не смог как следует прицелиться.

— Да чтоб сгнили ваши поганые содомистские задницы! — завопила Мэри.

Она, конечно, знала, как постоять за себя, однако это было слабым утешением. Потом, в Крысином замке, Мэри попыталась отчистить юбку. Куколка клялась, что она совсем как новая, но Мэри все равно чувствовала едкий запах мочи.

Вообще-то она не имела ничего против того,

чтобы делать это с заднего хода. Немало клиентов хотело заниматься этим только так. Некоторые мисс заявляли, что они скорее дадут перерезать себе горло, чем позволят подобную мерзость, но Мэри не понимала, из-за чего весь шум — ведь, в конце концов, между той и этой дырками не более дюйма. Этому ее обучил один часовщик; и хотя Мэри оставила на его руке глубокие отметины своих зубов, потом она была очень благодарна ему за урок. В тот, первый раз, она оказалась совсем не готова и не поняла, зачем часовщик поплевал на свою штуку. Когда он протолкнул ее внутрь, Мэри завизжала от боли. Но потом — и в ту ночь, и в другие — она научилась одному трюку. Если представлять себе, как со скрипом отворяется дверь или как слезает кожура с апельсина, то больно почти не будет. Мэри Сондерс могла раскрыться как угодно, прогнуться под любым углом, привыкнуть ко всему — лишь бы это принесло ей звонкую монету.

Однажды утром Мэри уже запустила руку в штаны к какому-то шорнику, когда, случайно обернувшись, вдруг поняла, что стоит возле ворот своей бывшей школы. При виде маленьких фигурок в серых, наглухо застегнутых платьях, что выстроились во дворе, ею овладело странное

чувство. Какой же наивной сопливой девчонкой она была всего год назад!

В один из вечеров, когда Мэри и Куколка сидели в таверне, ели горячий пирог с голубями и облизывали обожженные пальцы, неожиданно выяснилось еще кое-что интересное. Мэри кивнула на только что покрашенную дверь борделя, что располагался напротив:

— Как думаешь, они принимают на работу девушек?

Куколка презрительно фыркнула.

— Дорогая моя, клиенты, которых подбираешь на улице, требуют только одного — чтобы ты раздвинула ноги. А в публичных домах джентльмены платят много… и за эти деньги девушка должна визжать от удовольствия и закатывать глаза. — Она грубо хохотнула.

— А ты откуда знаешь? — спросила Мэри.

— Я же отработала два года у мамаши Гриффитс, разве нет?

— Я не знала.

Куколка ядовито улыбнулась.

— Значит, не все в мире ты знаешь. Наверное, с тех пор, как я вытащила тебя из той канавы, ты кое-чему и научилась, но все равно ты еще зеленая.

— Ну так расскажи мне про мамашу Гриффитс, — предложила Мэри. Ссориться ей не хотелось.

Куколка пожала плечами и помотала головой.

— Да что тут рассказывать? Лежишь на диване и ждешь, когда тебя отымеют, вот и весь разговор. Так что через два года я сбежала. Захотела свободы.

Мэри улыбнулась.

— Но проклятая сука послала за мной Цезаря, чтобы он преподал мне хороший урок.

— Кто такой Цезарь?

— Ну я же говорю — ты совсем еще зеленая, — с нежностью сказала Куколка. — Не знать Цезаря!

Она показала его Мэри на следующий день на Стрэнде. Цезарь оказался африканцем. Он был одет в белый бархат, а на голове у него возвышался ослепительной белизны парик. Черное, как лакированное эбеновое дерево, лицо резко выделялось на его фоне. На всем облике Цезаря лежал тот особый лоск, который могут дать только деньги.

— В следующий раз сможешь узнать его сама.

— Да, — прошептала Мэри. Она не сводила с Цезаря глаз.

— Говорят, он участвовал в бунте, — с нажимом

сказала Куколка.

— Где?

— На невольничьем судне, где же еще! Ты совсем ничего не знаешь. В Вест-Индии. Черные восстали и перебили хозяев. Ну, так говорят. Можешь себе представить!

Мэри еще раз посмотрела на мужчину по имени Цезарь. Положив руку на бедро, он разговаривал с какой-то девушкой. На нем были безупречные панталоны из нежнейшей оленьей кожи, и Мэри почувствовала, как по спине у нее пробежала дрожь. Подумать только, когда-то этот человек был закован в цепи, а теперь он стоит тут и ему принадлежит едва ли не весь Стрэнд! Значит, Сьюзан Дигот говорила неправду. Не всегда люди остаются на том месте, что назначено им от рождения.

— Должно быть, это одна из его шлюх. А вон там, между колоннами, стоит другая. И те две, что кокетничают с гренадером, тоже его, — сказала Куколка. — Цезарь владеет всей улицей, от Джордж-Корт до Картинг-Лейн. И никто не смеет встать у него на пути. Говорят, у него сильная защита.

— Защита?

— Ну да. Черная магия, понимаешь?

Это было похоже на правду. Никто не отваживался подойти к сутенеру и его девице ближе чем на ярд. Толпа расступалась перед ним, словно воды перед Моисеем. И Мэри поняла почему — когда приблизилась достаточно, чтобы разглядеть нож Цезаря, подвешенный к его блестящему поясу. В воздухе висел дурманящий аромат его напомаженного парика. Цезарь улыбался. Мэри не посмела заглянуть ему в глаза. Она торопливо отступила назад, поближе к Куколке. Ужасная мысль вдруг пришла ей в голову.

— Но ведь… не может быть, чтобы это он…

Куколка потрогала шрам, как будто хотела убедиться, что он там, не отрывая глаз от царственной фигуры африканца.

— Ага. Цезарь в то время служил у мамаши Гриффитс. Это потом он стал сам себе хозяин. Имей в виду, я еще легко отделалась. Он меня пожалел, надо отдать ему должное.

— Легко отделалась? — Мэри протянула руку к изуродованной щеке подруги, но дотронуться не решилась. Как может Куколка говорить об этом так легко, словно произошедшее случилось не с ней, а с кем-то еще?

— Помнишь карточного шулера с половиной носа — мы видели его на днях?

Мэри кивнула.

— А на Пиг-Лейн нашли девушку, у которой вообще не было лица. Это тоже его работа. Говорили, что она задолжала ему денег и пустилась в бега.

Мэри представила себе, как огромный нож опускается ей на лицо, и зажала рот рукой.

— Ну что ж — если бы он плохо делал свое дело, его бы не нанимали, так? — разумно заметила Куколка.

Мэри ничего не ответила.

— Так что все могло быть гораздо хуже. Я называю это «поцелуй удачи». — Куколка постучала по шраму длинным, не очень чистым ногтем. Потом она закинула одну руку за плечи Мэри, и они неспешно пошли прочь. — Пусть это будет тебе урок, моя милая. Никогда не связывайся ни с сутенерами, ни с мамками, ни с публичными домами. Каждая сама за себя, помнишь? И вот тебе первое правило: *никогда не расставайся со своей свободой.*

Значит, это была свобода. Мэри уже начинала чувствовать на языке ее вкус: сладость пополам с тошнотворным, соленым страхом.

* * *

Куколка умела определять людей по покрою их платья и качеству материала. В этом ей не было равных. Она подмечала все детали, знала все ткани — от лионского бархата до дешевой фланели. Как-то в конце марта, который выдался на редкость холодным, они с Мэри возвращались с Кок-Лейн, что в Смитфилде, куда ходили посмотреть на знаменитый призрак Отравленной Леди, что стоило им по полпенни; призрак, однако, так и не появился. Куколка показала на девушку, что торчала на углу Мэйден-Лейн, с приятным, но очень худым лицом. Из одежды на ней была только рваная рубашка и одна нижняя юбка.

— Эта не доживет до лета, — безразлично заметила Куколка, как будто говорила о погоде.

Мэри вгляделась в худышку, пытаясь увидеть печать смерти у нее на лице.

— Замерзнет?

— Умрет с голоду, — поправила Куколка, — если только не выпросит, или не займет, или не украдет себе хорошее платье. Без этого на нее ни один клиент не посмотрит.

— Вообще-то она хорошенькая, — возразила Мэри. Она еще раз посмотрела на маленькую

фигурку на углу.

— Да ведь они хотят не нас, дурында! А в этих тряпках девушка может быть только самой собой, больше никем. Запомни, миленькая: лучше неделю не ужинать, чем заложить свое последнее приличное платье.

Это было правило номер два: *женщину делает одежда.*

В другую ночь они неторопливо прохаживались возле клуба «Алмакс», когда мимо промчался фаэтон. Его дверца напоминала крыло птицы.

Мэри толкнула Куколку локтем:

— Видала? Это что еще за красотка?

— Эта? — Куколка широко улыбнулась, так что шрам у нее на щеке как будто смялся. — Да просто-напросто раскрашенная шлюха, не лучше, чем мы с тобой. Да к тому же на десять лет старше.

— Да нет! Она точно из благородных.

— Какая же ты дурочка, Мэри Сондерс. Тебя так легко провести на всякой мишуре.

Стоя за колонной, они увидели, как к фаэтону торопливо подбежал толстый джентльмен и подал даме руку.

— Посмотри на ее нижнюю юбку, — прошептала Мэри. — Это же травчатый атлас, разве

нет? — Она тоже научилась подмечать детали и немало этим гордилась.

— Только в разрезе, — презрительно бросила Куколка. — А все остальное, там, где не видно, — простой муслин. А эти бриллианты у нее в ушах — обыкновенные стекляшки. К тому же, — ядовито заметила она, — если она распустит корсет, бьюсь об заклад: ее сиськи вывалятся прямо на живот.

Мэри хихикнула:

— Старая завистливая потаскуха, вот ты кто.

Куколка уперла руки в бока и вздохнула, так что всколыхнулась ее пышная белая грудь.

— Попомни мои слова: она вытянет из него еще пару подарков и продержится пару месяцев, но годового содержания не получит. И еще кое-что… — Парочка вошла в клуб, и Куколка проводила их взглядом. — Могу поклясться: под этими мушками у нее оспины глубиной с твой ноготь.

— А это ты откуда знаешь?

— Да у нее только что спала лихорадка. Она же бледная, как блевотина.

Мэри впитывала все, чему учила ее Куколка. Той ночью она запомнила еще один урок: *одежда — это самый большой обман на свете.*

* * *

Однажды в апреле они проходили по Черинг-Кросс-Роуд. Когда они поравнялись с дверью, что вела в тот самый полуподвал, где жила семья Дигот, Мэри слегка затрепетала. Но Куколка ничего не заметила, и Мэри решила промолчать. Она украдкой взглянула на окно, но стекло было таким грязным, что рассмотреть ничего не удалось. Теперь там мог жить кто угодно. А может быть, и вообще никто.

Ей вдруг пришло в голову, что она изменилась до неузнаваемости. Золотой прииск находился не только у нее между ног. Довольно скоро Мэри поняла, что еще одно сокровище, которым она владеет, — это ее язык. Если она спускала его с привязи, то могла быть такой дерзкой и грубой, как не всякий мужчина. Ее слова ранили, словно бритва. Мэри находила огромное удовольствие в язвительных остротах, однако чаще все же сдерживалась. Ей не хотелось превратиться в злобную ведьму.

Хотя ей все равно было нечего сказать той женщине, что была когда-то ее матерью, даже если бы они и столкнулись где-нибудь на улице. И в любом случае Сьюзан Дигот вряд ли узнала бы

свою бывшую дочь, затянутую в корсет, в цветастой жакетке и уже поношенной шелковой юбке, растянутой широкими фижмами. Теперь Мэри выглядела как настоящая горожанка. От нее даже пахло по-другому, резким, дразнящим лимонным ароматом модной туалетной воды.

Какой же дурочкой была Сьюзан Дигот! Она всерьез считала, что любой человек в платье с золотыми галунами лучше и выше ее и чем шире юбка, тем благороднее происхождение! Мэри своими глазами видела, как простые женщины расхаживают по сцене на Друри-Лейн, словно королевы. Куколка открыла ей глаза на все хитросплетения жизни, ее темные закоулки, тупики и подворотни. Постепенно Мэри начало казаться, что герцогиня — это что-то вроде уличной проститутки, которой посчастливилось снять богатого высокородного клиента.

В четырехэтажном доме на Голден-сквер жила леди, некогда известная свету под именем Ангельская Задница. На углу Гайд-парка герцог Кингстонский начал возводить особняк для мисс Чадли, которая была его любовницей уже двенадцать лет — и все еще ему не надоела! Прославленная Китти Фишер, по слухам, готовилась променять всех своих именитых любовников на

богатого супруга, члена нижней палаты парламента. Приятное личико и немного удачи — вот и все, что требуется девушке.

Длинными светлыми вечерами Мэри сидела на траве на Лэмз-Кондуит-Филдс, за Холборном, и наблюдала за парочками, что прогуливались вокруг. В воздухе стоял легкий, приятный шум: стрелы лучников со свистом вонзались в мишень, сталкивались кегли на зеленой лужайке; кто-то состязался в борьбе; иногда издалека доносился лай и рычание дерущихся собак. Первый раз со школы она снова взялась за чтение. Она покупала дешевые романы в потрескавшихся переплетах и старалась запоминать длинные слова, что там встречались, — на случай, если это когда-нибудь пригодится. Самой ее любимой книжкой стала «История Памелы Эндрюс». Ее восхищала хитрость служанки, раз за разом отказывавшей своему хозяину и в конце концов выудившей из него предложение руки и сердца. Пожалуйста, вот и доказательство, думала Мэри. Ведь сменила же Памела свой передник на атласный подвенечный наряд и в итоге стала настоящей леди, ничуть не хуже других! В наше время девушка с умом может подняться так высоко, как только захочет, словно сливки на молоке. В этой жизни

возможно все.

В мае Мэри исполнилось пятнадцать. Куколка подарила ей шляпку с высоким пышным пером. Между ее прошлой жизнью и настоящей теперь протекала широкая река.

В один из дней каждого месяца все шлюхи вставали особенно рано. День казней.

Был жаркий июль, и сам воздух, казалось, был пропитан запахом мести. Сегодня должны были наконец-то вздернуть мать и дочь Метьярд, а злодейки всегда вызывали у людей особенный интерес. Чтобы влиться в толпу, направлявшуюся от тюрьмы Ньюгейт в Тайберн, Мэри и Куколке пришлось подобрать юбки и хорошенько поработать локтями. Как всегда, на ограде церкви Святого Погребения стоял звонарь и призывал осужденных покаяться, но его было почти не слышно среди общего шума. За это лето Мэри выросла еще больше, но все равно не могла разглядеть преступников поверх голов, поэтому она взобралась на бочку и вытянула длинную шею. «Да смилостивится над вами Господь!» — воскликнул звонарь, когда процессия вслед за повозкой проходила вверх по Холборн-стрит. Мэри сумела протиснуться совсем близко, так что увидела даже бледные лица преступников и их

шеи, на которых уже болталась веревка. Повозка подпрыгивала на ухабах; и приговоренные, сидевшие спиной к лошади, стукались друг о друга. Их руки были связаны впереди.

В этот день возок был нагружен как следует.

— Сегодня должны повесить шестерых воров! — прокричала Куколка ей на ухо. — Потом еще троих мошенников, беглого солдата, содомита и девушку, которая удушила своего младенца.

Там же, в повозке, сидел Томас Терлис, знаменитый палач, в своей маленькой черной полумаске. А перед ним, как будто под особой охраной… да, должно быть, это были Метьярды. Никаких следов раскаяния на лицах, отметила Мэри. Дочка выглядела ко всему безразличной, а мамаша тряслась, словно в лихорадке. В кармане у Мэри был камень с острыми краями, и она швырнула его в дочку, но промахнулась.

Повозка проехала мимо, и толпа двинулась следом. Мэри попыталась вообразить мать и дочь Метьярд такими, какими они были раньше, в обычной жизни, а не со спутанными волосами, связанными руками и петлями на шее. Почтенные галантерейщицы — *достойные люди, по всему видно* — прозвучал в ее голове скрипучий голос Сьюзан Дигот. Женщины, которые долгое

время пользовались уважением всего прихода за то, что принимали в учение девиц из работного дома.

Однако из Нэнни Нэйлор они сделали начинку для пирога. Мэри помнила все подробности этого кровавого дела, что сообщались в газетах, — она сама читала их вслух для Куколки. Нэнни Нэйлор покинула Метьярдов в то лето, когда ей исполнилось тринадцать, но девочке так и не удалось рассказать кому бы то ни было, от каких издевательств она бежала. Ей не посчастливилось встретить на пути Долл Хиггинс, которая взяла бы ее к себе. Вместо этого Метьярды нашли ее, приволокли обратно к себе на чердак и привязали к двери, оставив на жаре без еды и питья. Через три дня они начали говорить соседям, что бедняжка Нэнни куда-то подевалась и они не могут ее отыскать. Потом они разрубили ее тело на куски и выбросили в сточную канаву.

Мэри вывернула шею, чтобы еще разок взглянуть на мамашу и дочку Метьярд: обе обмякшие, в своих пеньковых галстуках, подпрыгивали на телеге, словно марионетки, у которых перерезали веревочки. Это было так забавно, что она рассмеялась. Они думали, что могут делать с простушками вроде Нэнни Нэйлор что угодно! Что

такие беззащитные создания, как она, полностью принадлежат своим хозяевам, и душой, и телом, и живые, и мертвые! После смерти Нэнни Нэйлор прошло несколько лет, и все это время Метьярды полагали, что другие девушки никогда не посмеют открыть рот и рассказать правду. Они считали себя неуязвимыми.

— Отличный день, а? — сказала Куколка.

Они медленно двигались в толпе; пот лил с них градом, и обе едва дышали.

Мэри ухмыльнулась в ответ.

— И все равно, в день, когда казнили графа Феррерса, народу было куда больше. Просто никакого сравнения. Чтобы пройти три мили, нам понадобилось три часа. А граф всю дорогу жевал табак и махал рукой из окна. И одет он был в белый атлас…

— Да-да, знаю — с серебряными кружевами. Ты мне сто раз говорила, — перебила Мэри.

Казнь графа стала, похоже, одним из самых волнительных событий в жизни Куколки. Но ничто не могло рассердить ее в такой день, как этот. Повсюду были люди — на улицах, на балконах, на перевернутых бочках; лица горели единодушным желанием: увидеть, как вздернут убийц Нэнни Нэйлор. Пахло имбирными пряни-

ками; кто-то заголосил песенку про то, как солдат встретил глупую девку. Мэри немало забавляло, что богатый Уэст-Энд вырос вокруг ужасающего Тайберна. С каждым годом знать перебиралась еще чуть дальше на запад, стремясь отделиться от бедноты, — и что же! Каждый день казни их улицы снова заполняла чернь. Это было очень смешно. Впрочем, многие из них были и сами не прочь полюбоваться редким зрелищем. Мэри заметила три кареты с занавешенными окнами, стоящие так, чтобы было видно виселицу.

Заплатив по пенни, они с Куколкой пробрались на самую верхнюю скамью на подмостках — обе решили, что ради такого случая можно и потратиться. Помощники палача установили огромное черное «тройное дерево».

— Раньше оно стояло здесь круглый год! — прокричала Куколка. — Но из-за него тут было не пройти не проехать.

Возле виселицы уже стоял Томас Терлис, в костюме и маске, и руководил рабочими.

— Он из ученых, — заметила Куколка. — Только говорят, может здорово поскандалить из-за чаевых.

Священник начал читать молитву, но ее заглушал рев толпы.

— Вздерни их! Вздерни их! — закричала Мэри вместе со всеми.

Терлис удостоверился, что все веревки привязаны к виселице и что всем осужденным, сидящим на телеге, надели на голову мешки. Мамаша Метьярд билась в судорогах, и, чтобы натянуть на нее белый мешок, палачу пришлось потрудиться. Мэри почувствовала, что в желудке у нее что-то сжалось. Нет, это была не жалость — или, во всяком случае, не к Метьярдам. На что же это было похоже? Иногда, когда клиент слишком долго елозил взад и вперед у нее внутри, ей хотелось плюнуть ему в лицо. Вот на что.

Палач тронул лошадь кнутом, и телега медленно двинулась вперед. Веревки натянулись, тела заскользили, но установленный порядок вдруг оказался грубо нарушен. Младшая Метьярд неожиданно спрыгнула с телеги и сломала шею. Ее тело тяжело повисло на веревке, словно мешок с картошкой.

Терлис закричал на помощников, а толпа возмущенно завыла.

— Черт бы ее побрал! Это было слишком легко! — крикнула Мэри в ухо Куколке. Она едва не плакала.

Куколка обняла ее за талию. Остальные осуж-

денные умирали медленной, мучительной смертью, как им и полагалось. Одну за другой Терлис затянул веревки потуже. Словно актеры в пантомиме, подумала Мэри. Лица, скрытые мешками, дергающиеся ноги, резкий запах дерьма, вдруг разнесшийся в воздухе, друзья и родные, а также нанятые специально для этого помощники, тянущие висельников за ноги, чтобы ускорить конец… К мамаше Метьярд, однако, никого не подпускали. Над головами уже кружились вороны. Мэри уставилась на руки и ноги мамаши Метьярд и смотрела на нее до тех пор, пока у нее не начали слезиться глаза.

Повешенные должны были болтаться на виселице еще час, так что для зрителей наступило время пикника. Куколка достала сладкий пирог, и Мэри с удовольствием съела свою половину, поглядывая на висевших Метьярд. Опилки под виселицей были покрыты грязными пятнами.

Наконец помощники Терлиса осторожно опустили трупы на землю — один поддерживал тело за бедра, другой перерезал веревку, — и в толпе началась обычная свара. Казненных разложили на земле. Следы от веревок на их шеях были похожи на рубиновые ожерелья. Представители хирургов, которые по закону могли выбрать

любой из тайнбернских трупов, уже разглядывали тела, в то время как Терлис палкой отгонял родственников и знакомых. Те, кто страдал от бородавок и прыщей, хватались за еще теплые руки и терлись о них щеками.

Мэри не хотелось, чтобы этот славный день заканчивался. Она протолкалась поближе к телам женщин Метьярд и, поддавшись внезапному импульсу, заплатила целых шесть пенсов за дюймовый кусок веревки мамаши.

— Половина того, что получаешь за раз с клиента, — с мягкой укоризной сказала Куколка.

— Да перестань! Будто ты не тратишь на выпивку в два раза больше каждый божий день, а ведь все равно все оказывается в горшке. — Мэри взглянула на грубый обрывок в руке. Интересно, какая именно половина ушла на оплату веревки, подумала вдруг она. Та, что получена за всовывание или за высовывание?

По дороге домой Мэри сообразила, что у нее не осталось денег на ужин. У Куколки тоже не оказалось ни гроша. Мэри огляделась по сторонам и заметила какого-то деревенского простака; из швов на его одежде торчала солома. Она слегка потерлась об него в толпе.

— Ищешь подружку, милый? — Улыбка у Мэри

была поистине ангельской.

Парень вытаращил глаза. Он до того смутился, что не мог выдавить из себя ни да ни нет. Мэри завела его за забор на Оксфорд-стрит, а когда они закончили, убедила дуралея, что в Лондоне за это берут три шиллинга. Потом она обнаружила, что испачкала свое розовое платье-сак ржавчиной, но Куколка сказала, что оно отчистится.

В то изнуряюще жаркое лето они посмотрели все, на что стоило посмотреть в Лондоне. Однажды они даже захватили с собой пару приезжих из Дорсета и отправились в клуб, где, по словам Мерси Тофт, в танцовщицы брали только индианок или африканок. По правде говоря, им просто хотелось увидеть, как провинциалы будут пялиться на девок. Танцовщицы двигались плавно, как вода. У них были странные имена, вроде Клеопатра, или Шоколадная Бетти, или Черная Сэл. Интересно, подумала Мэри, как их зовут на самом деле.

Иногда они с Куколкой шлялись по Стрэнду и разглядывали витрины книжных магазинов, где были выставлены непристойные картинки. Обе хохотали до упаду.

— Так он ничего не добьется, — говорила Куколка, постукивая пальцем по стеклу. — С такого

угла он в нее не войдет.

Они ходили в Бедлам пить горячий шоколад, а потом глазели на решетки больницы: им было интересно посмотреть, как внутри пляшут сумасшедшие. Однажды они видели, как горел дом в Чипсайде. Одна из служанок, спасаясь от огня, выпрыгнула из окна и разбилась о мостовую.

Порой Мэри попадались особенно мерзкие клиенты, так что во рту будто оставался противный привкус, но от этого у нее было вернейшее средство. Выпить еще одну бутылку. Джин смягчал грубость, смывал всю грязь.

— Только так и можно жить, правда, Мэри? — бормотала Куколка.

— Да, моя дорогая. Это лучшая жизнь на свете, — неизменно отвечала Мэри.

Одним из тех немногих, к кому Мэри чувствовала настоящую ненависть, был цирюльник, что жил на нижнем этаже Крысиного замка. Однажды она попросила его вырвать зуб, который причинял ей неимоверные страдания — это было в июле, — и цирюльник настоял на том, чтобы вначале она расплатилась. Без этого он отказывался даже вытаскивать свои инструменты. Мэри закрыла глаза и изо всех сил сжала его изнутри, чтобы все поскорее закончилось. Когда он попы-

тался ее поцеловать, ее чуть не стошнило.

К августу Лондон напоминал огромную вонючую подмышку. В Сент-Джеймсском дворце королева Шарлотта родила сына.

— А ведь молодой Джорджи всего одиннадцать месяцев как начал над ней работать, — грубовато заметила Куколка.

В один из жарких душных дней Мэри увидела на Стрэнде Мистера Латы, под руку с каким-то старым толстяком, и решила, что стоит попытать счастья.

— Три шиллинга за двоих, джентльмены, — промурлыкала она.

Молодой шотландец посмотрел сквозь нее, как будто не видел никогда в жизни. Как будто не он нагибал ее над перилами моста прямо среди бела дня, пока чайки подбадривали его своими криками. Мэри захотелось расхохотаться ему в лицо. Старик обернулся. Его толстые пальцы были запачканы чернилами.

— Нет-нет, моя девочка. — Он грустно покачал своей большой головой. — Так не годится.

Мэри подошла на два шага поближе, как будто хотела сделать реверанс, и выбросила вперед руку с отставленным средним пальцем. Лицо старика исказилось от боли. Мистер Латы по-

спешно потянул его в сторону, и они быстро пошли дальше. Мэри почувствовала себя странно потрясенной.

Ей захотелось догнать старика и спросить его: «Что же еще мне делать? На что еще я гожусь?»

В сентябре, после Варфоломеевской ярмарки, жара начала потихоньку отступать. В один прекрасный день Мэри вдруг поняла, что больше никогда в жизни не хочет видеть мужчину со спущенными штанами.

— Пора отдохнуть, — сказала Куколка. — Давай поедем в Воксхолл.

В тот же вечер мальчишка-лодочник, лет десяти на вид, перевез их через реку на южный берег. На Мэри и Куколке были их лучшие платья-полонез из прозрачного газа. Это был первый раз, когда Мэри увидела Сады. Дорожки окаймляли аккуратные бордюры, невидимые глазу музыканты прятались где-то в деревьях, в стеклянных вазочках таял лимонный шербет. Мэри и Куколка погуляли по саду, а потом уселись в увитой жимолостью беседке и взяли по чашке чаю. Они здорово забавлялись, разглядывая уродливых лордов и леди. Среди гуляющих они узнали троих воришек-карманников из Крысиного замка — ребята бойко шныряли глазами по сторонам. Орган

на высокой деревянной галерее вдруг разразился громоподобной мелодией, и в чернильно-синем небе испуганно заметались вороны.

Потом, гораздо позже, когда музыка смолкла, на улице заметно похолодало. Мэри отправилась искать подругу и обнаружила ее в компании какого-то солдата. Голова Куколки лежала у него на коленях, и она задыхалась от хохота.

— Прошу нас извинить, сэр, — сказала Мэри и потянула ее за руку. — Нам пора домой.

Куколка зевнула и улыбнулась пьяной виноватой улыбкой.

— А у тебя найдется, чем заплатить за двоих? Потому что, если честно…

— О, Долл! Опять! — Мэри выразительно посмотрела на солдата, но тот вывернул пустой карман. Из кармана посыпались крошки.

Вот тебе и отдых, подумала Мэри. Она оставила Куколку с солдатом на скамье и пошла вперед по посыпанной гравием дорожке, туда, где не горели фонари и тропинка переходила в некое подобие лабиринта. Народу было немного, и ей понадобилось целых полчаса, чтобы найти клиента. У него были длинные кружевные манжеты, доходившие до самых кончиков пальцев, и нездоровое, какое-то липкое лицо. Однако Мэри удалось

выудить из него два шиллинга. Этого хватило, чтобы заплатить лодочнику за себя и Куколку. К тому же у них еще остались деньги на выпивку.

Все шутки Мэри в ту осень выходили особенно злобными. Куколка прозвала ее Мисс Краб.

— Давай, попробуй с Мисс Краб, — хохотала она, толкая Мэри к какому-нибудь клиенту. — Только берегись ее клешней! Утром можешь проснуться без чего-то важного.

Теперь они уже не прогуливались вдоль реки просто ради удовольствия. Вместо этого Мэри и Куколка нашли укромное место, где они частенько встречались среди дня, передохнуть, обменяться новостями и пропустить по глотку, — тупик за Крысиным замком, где кто-то припрятал кучу кирпичей и щебня, да так и забыл забрать. Там, на куче, они обычно и сидели. В этом же тупике они прятались от ищеек «Общества исправления нравов».

Уличные девицы не боялись констеблей, потому что тем и без них было чем заняться — в городе было полно воров и убийц. Девушка, занятая честным трудом, редко привлекала их внимание. Но «Общество исправления нравов» нанимало крепких парней, единственным занятием которых было клеймить порок, как они

это называли. Однажды, в начале октября, Мэри тоже попалась в их лапы. Когда по Севен-Дайлз разнеслась тревога — «Исправители! Чертовы исправители идут!» — она как раз заканчивала «ручную работу» с одним пуговичным мастером, в подворотне на Нилз-Ярд. Мэри попыталась убежать, но ищейки перехватили ее в глубине двора, отрезав путь. У них были палки с металлическими наконечниками, и они очень быстро бегали. Ищейки всячески обличали клиентов, обзывали их грешниками и развратниками, но арестовывали только девушек. Мэри оказалась одной из двадцати мисс, угодивших в ловушку. Опасаясь палок, она решила не сопротивляться и вести себя тихо.

Куколки в толпе на Севен-Дайлз не было. Мэри радовалась, что подруге удалось сбежать, но в то же время сейчас она не отказалась бы от компании. Среди шлюх быстро пронесся слух, что их собираются отправить в тюрьму, и она почувствовала, как горло сжимает спазм паники. Некоторые из девушек, те, что были попьянее, уже начали рыдать.

Куколку она услышала еще до того, как увидела.

— Уберите от меня свои поганые лапы, вы,

подлые ублюдки!

Трое констеблей-«исправителей» тащили упиравшуюся Долл Хиггинс по Мерсер-стрит. Ее тело в их крепких руках трепыхалось, как парус на ветру. Корсаж платья был разорван, из него выглядывала одна сливочно-белая грудь, а на подбородке у Куколки красовался свежий кровоподтек, но она вовсю наслаждалась происходящим.

— И вы еще называете себя христианами?! — вопила она. — Да не смешите меня!

Мэри всерьез испугалась. Для собственной безопасности Куколке следовало остановиться, но она уже разошлась на полную катушку.

— Здесь есть девочки, кому еще и тринадцати нет! — Она показала пальцем на Мэри и незаметно подмигнула ей. — Вот эта худышка — да ей всего двенадцать! И она едва ли неделю как вышла на улицу, бедняга. Неужели вы и ее потащите в Брайдуэлл, вы, грязные псы!

Главный «исправитель» медленно, вроде как с почтением, подошел к Куколке и ударил ее в лицо. Мэри услышала, как хрустнули костяшки его кулака. Куколка замолчала и выплюнула на ладонь кусочек зуба.

Однако ночевала Мэри все же дома. Молодень-

ких девушек отпустили, но тех, кого в «Обществе исправления нравов» называли «тяжелый случай», заковали в кандалы и повели в тюрьму Брайдуэлл в Блэкфрайарс.

Два дня Мэри не выходила на улицу, разве что спросить, не слышно ли чего нового. Она сидела в комнатушке на чердаке, грызла ногти и ждала. Говорили, что иногда девушки возвращаются из Брайдуэлла с разрезанным надвое носом — чтобы на лице навсегда осталась отметка об их преступлениях.

На третье утро Куколка Хиггинс ввалилась в комнату. Ее спина была исполосована плетью, но нос был так же нахально вздернут, как и всегда.

— Ты пропустила настоящее приключение, детка, — сказала она.

Мэри промыла ее раны джином.

В эти дни Куколка много пила и, по всем признакам, уже начинала сдавать. Шрам, дерзко рассекавший ее щеку в те времена, когда юная Мэри Сондерс исподтишка искала глазами красивую шлюху с Севен-Дайлз, теперь глубоко впивался в ее кожу, словно унылая дорожная колея. Мэри пыталась заставить подругу плотно есть хотя бы раз в день, но у Куколки не было аппетита; ее тянуло только к старой доброй «го-

лубой смерти». Мэри боялась, что она закончит как та женщина, которую они видели однажды на Флит-Дитч. Спотыкаясь, она плелась по улице и искала своих детей. Потом она поскользнулась на требухе, что обронили торговцы, и упала. Прошлой зимой Куколка, словно стена, стояла между Мэри и всеми бедами мира, но теперь скорее Мэри присматривала за старшей подругой и по мере сил ограждала ее от злоключений. Теперь уже она помогала Куколке взобраться на верхний этаж Крысиного замка в четыре часа утра. Ступеньки под ними кряхтели и стонали, словно готовы были развалиться в любую секунду.

Более того, Куколка стала нарушать свои собственные правила. Она начала закладывать свои платья. В день платы за комнату она частенько оказывалась без гроша. И если у Мэри не хватало денег, чтобы заплатить за обеих, Куколка прихватывала шаль или корсаж, шла в лавочку на Монмут-стрит и возвращалась довольная.

— Снова богачка, — хвастливо говорила она.

На все упреки Мэри она отвечала, что шелков и атласов у нее более чем достаточно и она вполне может продать пару вещичек, добра от этого не убудет. Никогда в жизни Мэри не слышала ничего более глупого. Даже матросы понимали, как

много значит одежда; не зря они, когда хотели наказать шлюху за полученный сифилис, резали все, что на ней было, на узкие полоски.

Иногда Мэри удавалось выкупить вещи Куколки обратно по двойной цене. Но та этого даже не замечала.

— Одежда — главное богатство девушки, разве нет? Ведь ты сама меня этому учила.

Но Куколка только смеялась и говорила, что голой она выглядит лучше.

Однажды в кабачке у братьев Ройл Куколка упомянула, что ей только что исполнилось двадцать два.

— Когда? — спросила Мэри. Она подумала, что Куколка врет, чтобы Ройлы налили ей бесплатно.

— Вчера.

— Ты ничего не говорила.

Куколка пожала плечами:

— Я была навеселе. Только сейчас вспомнила.

Ник Ройл, однако, был страшным скрягой, поэтому он всего лишь поднял стакан и предложил тост в честь новорожденной.

— Никаких тостов, — сказала Куколка и ударила его по руке.

Сидр пролился прямо Нику в рукав; его брат

сунул ткань в рот и принялся сосать ее, словно ребенок соску. Мерси Тофт захохотала как сумасшедшая.

— Что на тебя нашло? — прошипела Мэри.

— Никаких тостов, — мрачно повторила Куколка. — Забудь, что я сказала. Мы и без того слишком быстро движемся к могиле.

При свете свечей она была так же прекрасна, как всегда, но дневной свет безжалостно обнажал ее потускневшее, истасканное лицо. Мэри приходилось видеть и тридцатилетних шлюх, которые продавали себя за два пенса; одна из таких несчастных была наполовину безумна от ртути — она принимала ее как лекарство от сифилиса. До сорока не доживал никто. Сама Мэри решила, что бросит ремесло в двадцать, не позже. Она дала себе твердое слово.

Это означало, что у нее есть еще пять лет, а пока что Мэри тратила каждый свободный пенни на одежду. Ей казалось, что это единственное, во что можно верить. Платья были так же надежны, как деньги, но куда красивее и приятнее на ощупь. Они делали женщину прекрасной, а других заставляли умирать от зависти. По воскресеньям она ходила в Гайд-парк, посмотреть, что носит знать. Ее наметанный глаз отмечал малейшие

детали: крохотные складочки, пуговицы, чуть изменившуюся форму в новых моделях фижм. Однажды она едва не силой вытащила Куколку из постели и взяла ее с собой, но все окончилось непристойной сценой в парке. К тому же Куколка напугала лошадей одного баронета.

Мэри уже не помнила, что когда-то была застенчивой и робкой. Теперь она могла сцепиться с самой вздорной торговкой и выйти из ссоры победительницей. Ее острого языка опасались все лавочники от Севен-Дайлз до Пьяцца Ковент-Гарден. Ночью, когда не удавалось уснуть, Мэри успокаивала себя тем, что мысленно перебирала свои наряды. У нее были рукава, корсажи, рюши, вышитые стомакеры, коричневое бархатное платье-мантуя и накидка. Еще среди ее сокровищ числились гирлянда из шелковых маргариток, черная бархотка и два шелковых платья-полонез, фиолетовое и темно-зеленое. Она научилась у Куколки всему, что та могла дать, но у Мэри был более тонкий вкус. Кроме одежды, у нее были еще и четыре ярда поплина цвета устрицы, который она приобрела по дешевке в ломбарде. Его Мэри приберегала для лучших времен. Когда-нибудь она сошьет из него платье, за которое любая герцогиня отдаст передний зуб.

Ей обязательно подвернется что-нибудь хорошее — ей и Куколке. Мэри была в этом уверена. Что толку беспокоиться о будущем, если конец может наступить быстро и неожиданно? Несколько дней назад ветер сорвал тяжелую вывеску с «Голубого льва», и она упала прямо на голову Тилли Дентон. Сутенером Тилли был Цезарь, и он устроил ей вполне достойные похороны. С этим согласились все проститутки, которые пришли на кладбище проститься с Тилли — не столько из уважения к товарке, сколько из страха перед Цезарем. Все знали, что если тебе дорога собственная шкура, Цезарю лучше угождать. Но хорошие похороны — довольно слабое утешение, решила Мэри, если ты лежишь в могиле и тебя едят черви.

Кашель начался в октябре, когда пришли первые заморозки. Поначалу Мэри не обратила на него внимания. Но вскоре кашель стал ее постоянным спутником. Он сдавливал грудь, когда она поднималась по лестнице или шла вверх по улице, не отставал весь день и усиливался ночью.

— Да замолчи же, — стонала Куколка и прятала голову под тощий матрас.

У Мэри всегда был низкий голос, но теперь он огрубел и в нем появилась неприятная хрипотца,

похожая на рычание. Некоторые клиенты этого пугались, поэтому она старалась меньше говорить и больше улыбаться.

Все знаки указывали на то, что их ожидает самая суровая зима за много лет, — и птицы, и ягоды, и кофейная гуща у предсказателей.

Обратиться в больницу Святой Марии Магдалины придумала Куколка. Она вообще была большая придумщица.

— Мэри, дорогая моя подружка, — сказала она как-то раз. — Зиму тебе не пережить.

Они шли по Друри-Лейн, кланяясь актерам и строя глазки всем попадавшимся навстречу объектам в штанах. Юбки Мэри были подобраны с одной стороны, чтобы обозначить род ее занятий, и под ними гулял ледяной ветер. Сильный приступ кашля вдруг согнул ее пополам. Откашлявшись, Мэри заметила, что харкнула кровью. Желтый с красным сгусток мокроты отчетливо выделялся в чавкающей уличной грязи. В мире не осталось ничего, кроме уродства. Она уставилась на дорогу, словно перед ней внезапно предстало ее будущее.

Куколка развернулась. Ее руки, упершиеся в бока, напоминали когти голодных хищных птиц.

— Ты должна пойти в больницу Марии Магда-

лины, вот что.

— Спасибо большое, я не настолько больна, чтобы рисковать жизнью, — с трудом выговорила Мэри.

— Да это не настоящая больница, глупая! — фыркнула Куколка. — Она просто так называется. На самом деле они подбирают молоденьких девушек с улицы, пока они не превратились в таких заезженных старых шлюх, как я.

Мэри улыбнулась и вытерла рот.

— Подумай только, — не отставала Куколка. — Кров над головой и бесплатная пища всю зиму. Лиз Паркер ушла туда мешком с костями, а вернулась жирной, как окорок.

Мэри попыталась что-то сказать и снова закашлялась.

— Куколка моя, я не кающаяся грешница, — отдышавшись, проговорила она.

Куколка закатила глаза и ткнула пальцем в здание театра на Друри-Лейн.

— Значит, ты так и не научилась ничему за все те разы, что я таскала тебя в театр?

Поднялся сильный ветер. Мэри спрятала рот и нос в свою косынку из тафты и направилась к дому.

Куколка догнала ее и пошла рядом.

— Ну признай, что так будет лучше всего.

— Я подумаю, — пообещала Мэри, сдерживая кашель.

— Ты так и сделаешь, и точка. Я тебя заставлю. Пусть эта ночь станет моей последней, если не заставлю, — торжественно заявила Куколка.

Мэри остановилась и в упор посмотрела на подругу.

— А как же ты?

— А что я?

— Как же плата за комнату? — Мэри не знала, как еще это сказать. — Миссис Фаррел не любит нас, мисс. Если ты не заплатишь вовремя, она тут же тебя вышвырнет.

Куколка пронзила ее ледяным взглядом и вдруг пододвинулась совсем близко, так, что ее лицо оказалось всего в дюйме от лица Мэри. Мэри опустила глаза, чтобы не видеть шрам с резными, словно кружево, краями, присыпанный белой пудрой.

— Не волнуйся за Долл Хиггинс, дорогуша. И помни, это я была тебе нужна, а не ты мне.

Так и вышло, что в первый четверг ноября Мэри встала пораньше и стерла с лица всю краску. Внутри все словно стянулось в тугой узел — так ее пугал поход в Уайтчепел.

— Спокойной ночи, — пробормотала Куколка, не отрывая головы от подушки.

Мэри не знала, что сказать. Она помахала рукой на прощание, но глаза Куколки были закрыты, и она этого не увидела.

Раньше Мэри никогда не приходилось настолько удаляться от дома. Ей пришлось спрашивать дорогу до больницы-приюта Марии Магдалины три раза, и все три раза ей казалось, что жители Ист-Энда посматривают на нее как-то вопросительно. Странное дело — притворяться кающейся грешницей было гораздо стыднее, чем быть шлюхой.

Больница выглядела внушительно — массивное каменное здание. У входа выстроилась длинная очередь из просительниц, она даже заворачивала за угол. Здесь было не менее сорока девушек, и Мэри оказалась где-то в середине. Окна нижнего этажа были закрыты ставнями, — возможно, чтобы просительницы не видели, что происходит в доме, подумала Мэри. Вдоль очереди прохаживался мужчина в своего рода форменной одежде — он присматривал за порядком. Судя по виду, это был слуга, но девушки все равно кланялись, когда он проходил мимо, на случай, если он вдруг окажется важной персоной.

Мэри поплотнее завернулась в шаль и подвинулась чуть ближе к перилам. Уж не Кон ли это Марч из Трущоб? Она украдкой подмигнула ей, но Кон отвела глаза.

Было холодно. Мэри переминалась с ноги на ногу; ее дыхание поднимало в воздухе облака пара. Приступ кашля, сильный, как землетрясение, едва не сбил ее с ног. Хорошо, что она привыкла стоять на улице на самом ветру. Ей было хорошо знакомо это чувство — когда ступни как будто врастают в ледяные булыжники мостовой, пускают в нее корни. И разве не случалось ей отдаваться клиенту, прислоняясь к мертвенно-холодной стене? Иногда Мэри даже соглашалась на девять пенсов, только бы сделать это не на улице, а внутри.

Чтобы немного развлечься, она принялась разглядывать других просительниц. Девушка в рваном карминово-красном платье, отделанном кружевами, несомненно, из ковент-гарденских мисс. А у той, что стоит вслед за ней, кажется, сифилис. Куколка говорила, что если они замечают болезнь, то отправляют девушку в больницу Лок-Хоспитал, где еда — хуже не придумаешь.

Мэри пробежалась глазами по очереди, отделяя мисс от «соблазненок». («Так мы называем

«честных» девушек, — презрительно сообщила Куколка. — Если будут спрашивать, говори, что ты была чиста, как первый снег, пока один джентльмен не воспользовался твоей наивностью».) От «соблазненок» так и веяло стыдом и отчаянием. На шее у одной из них висел маленький жемчужный крестик, и она все время сжимала его в руках, как будто ожидала, что вот-вот переедет в лучший из миров.

Из-за туч выбралось жидкое ноябрьское солнце. Хорошо было бы надеть соломенную шляпку, подумала Мэри. Но у нее была всего одна шляпа, ярко-красная, со сломанным пером, и Куколка сказала, что с девушкой в такой шляпе они не будут даже разговаривать. Поэтому Мэри с сожалением оставила ее в комнатке на чердаке, вместе с другими своими любимыми вещами. Не то чтобы она не доверяла своей единственной подруге, скорее опасалась воров, или пожара, или еще какого-нибудь из тысячи несчастий, что могли отнять у нее ее сокровища.

Выбирая наряд этим утром, Мэри никак не могла решить, что лучше: одеться приличной «соблазненкой» или бедной и несчастной? Она надела самый простой жакет и самую скромную юбку, но все равно теперь ей казалось, что на ней

словно лежит печать мисс. Может быть, дело в атласных туфлях с ободранными носами? Или в том, как она стоит — слишком профессионально выставив вперед бедро? Мэри уже забыла, как выглядит невинность. Она постаралась припомнить себя в школьные времена: скромная девочка с чистым, словно лист бумаги, лицом. Бесполезно. Прошлое ушло, словно его и не было.

По очереди пробежала рябь. Крохотная, худенькая проститутка в рваном платье-полонез вдруг лишилась чувств и рухнула в канаву. Мэри вывернула шею. После некоторого колебания сразу пять женщин бросились ей на помощь. Интересно, они пытаются показать свое добросердечие? — подумала Мэри. К девушке подошли два швейцара в пышных серых париках, погрузили ее на носилки и понесли внутрь. Мэри заметила, что губы у нее совсем синие. Огромные тяжелые двери пропустили процессию и снова захлопнулись.

— Вот это умно, — пробормотала женщина с впалой грудью, стоящая впереди. — Добилась своего, хитрюга.

Мэри улыбнулась и собралась ей ответить, но очередной приступ кашля снова согнул ее пополам, так что в легких совсем не осталось воздуха.

И правда, хитрая уловка — без чувств свалиться в канаву. Почему она не додумалась до этого сама? Куколка бы додумалась. Да, будь с ней Долл Хиггинс, бояться было бы нечего.

— Почему бы тебе не пойти со мной? — взмолилась она утром, когда одевалась.

Но Куколка вытянулась на комкастом соломенном матрасе и испустила свой особенный горловой смешок.

— Сначала пусть поймают. Чтобы меня заперли — да по доброй воле я ни за что на такое не соглашусь.

О замках Мэри старалась не думать. Она напомнила себе, зачем она здесь: подлечить кашель. Подкормиться бесплатной едой. Укрыться от непогоды в лютую зиму. Больница Святой Марии Магдалины была единственным местом во всем Лондоне, куда могла податься девушка вроде нее. И все, что от нее требуется, — это убедить благодетелей в том, что ей стыдно и она раскаивается. Это все, о чем они просят.

Ее рот наполнился горькой слюной. Мэри вдруг захотелось бросить свое место в очереди, где она простояла уже четыре часа, развернуться и отправиться домой. А по дороге зайти в «Чеширский сыр» на Флит-стрит и выпить пинту пива.

Однако, представив себе, в какую ярость придет Куколка, она не посмела уйти.

— Все, что тебе надо, — это опустить пониже голову и продержаться так пару месяцев. И тем самым спасти свою чертову шкуру, — сказала Куколка под конец их спора. — Ты когда-нибудь слышала о более выгодной сделке?

По очереди прокатился слух, что берут только одну девушку из пяти. Мэри сжала губы.

Чуть позже поступило еще одно сообщение: «Им нравится, когда девушка босая». Девушки начали снимать туфли и выбрасывать их в канаву. Женщина, стоявшая впереди, была и так босиком; ее пальцы белели в грязи, словно черви. Мэри взглянула на свои атласные туфли на каблуках. Она заплатила за них целых пять шиллингов на Варфоломеевской ярмарке, и тогда они были почти чистыми. Будь она проклята, если выбросит их — до тех пор, пока в них не появится хотя бы одна дырка.

Очередь медленно продвигалась вперед, к массивным дверям с дубовыми панелями. Мэри прислушалась к разговорам. Нужно придумать историю, поняла она. Достойную и трогательную. Что-то такое, что они смогут записать в свои книги. Сразу три женщины подряд — и все три мисс

с Друри-Лейн — решили назваться горничными, которых хозяин соблазнил обещанием жениться. Другие брали сюжеты из баллад, французских романов и даже из недавнего судебного процесса. Все матери, разумеется, умерли в родах, а отцы ушли в море и не вернулись.

Единственную честную историю выдала та самая женщина, что стояла впереди Мэри. У нее почти не было зубов — видимо, от ртути; и Мэри подвинулась ближе, чтобы разобрать, что она говорит. Без всякого притворства женщина сказала, что всю жизнь утюжила улицы, но теперь, в ее возрасте, она уже не в состоянии заработать себе на хлеб.

Молодой секретарь бросил на нее ледяной взгляд.

— И это все, что вы можете сказать в свое оправдание?

Она устало кивнула.

Секретарь вытер перо и написал что-то в огромной амбарной книге в кожаном переплете.

– *Прошение отклоняется,* — прочитал он. — *Просительница слишком закоренела в грехе и не может быть перевоспитана.*

Старая проститутка плюнула ему под ноги и побрела прочь.

Сердце Мэри бешено забилось. Ее очередь. Она попыталась закашляться, чтобы показаться более несчастной, но смогла только прочистить горло.

— Имя?

— Мэри Сондерс. — Слова сорвались с ее губ до того, как она сообразила, что можно солгать.

Услышав ее низкий хриплый голос, секретарь удивленно поднял голову. Мэри быстро сделала реверанс, чтобы смягчить впечатление. Второй секретарь, постарше, записал ее имя в нужную графу.

— Возраст?

— Пятнадцать лет, — кротко сказала Мэри. Это была правда, но звучало почему-то как ложь. Возможно, четырнадцать было бы лучше.

— Причина обращения?

— Если бы вы были так добры, сэр… напишите все, что сочтете нужным, сэр, — прошептала она.

Секретарь помолчал и начал писать.

– *Глубокоуважаемые управители,* — пробормотал он. Перо быстро скользило по бумаге. — *Данная просительница признана виновной в проституции и полностью осознает свое преступление. Она выражает глубокое раскаяние в содеянном и полна желания начать новую жизнь.*

Мэри с облегчением перевела дух. Сработало.

Хуже всего был хирург. Заведя Мэри за тоненькую занавеску, он приказал ей лечь на спину и без всяких церемоний воткнул в нее свои пальцы.

— Чтобы установить состояние здоровья, — буркнул он.

Разумеется, за удовольствие он не заплатил ни пенни. К тому же у него были на редкость отвратительные руки — сплошь покрытые бородавками.

— Зуд? Выделения? Беловатые или желтые? Затруднения с мочеиспусканием?

— Ничего подобного, сэр, — ответила Мэри так, будто и понятия не имела, о чем он говорит.

Он ей не поверил — Мэри поняла это совершенно ясно. Бормоча что-то себе под нос, хирург продолжил копаться у нее между ног. Впрочем, она была уверена, что от ее старой болезни не осталось и следа. Мэри овладело искушение ударить противного врача в нос ногой, но она подумала, что это не лучший способ получить место в Святой Магдалине. Наконец хирург выпрямился и заглянул ей в рот — видимо, чтобы обнаружить шрамы от ртути, решила Мэри. Слава богу, что у нее никогда не было сифилиса. Скрыть эту болезнь было гораздо труднее, чем триппер.

У нее было такое ощущение, что ее непременно

примут. В воздухе так и витал запах удачи.

Неделю спустя Мэри лежала на узкой кровати в своей палате и изо всех сил старалась напомнить себе, что ей сказочно, невероятно повезло. Почему же тогда ей все время хотелось плакать?

Если бы она протянула руку, то могла бы коснуться кровати Онор Бойл, которая спала рядом. Онор была родом из Девона. Раньше она работала на Пьяцца, но потом выкинула мертвого ребенка и почувствовала неодолимое отвращение к своему ремеслу. Онор была неплохой девчонкой, но, конечно, до Долл Хиггинс ей было далеко. Эта палата предназначалась для «культурных» мисс. Все они умели написать свое имя. Впрочем, не сказать, чтобы это умение требовалось им особенно часто.

Мэри услышала шаги в коридоре. Сестра Батлер. У смотрительницы были печальные глаза и такой высокий выпуклый лоб, как будто ее голову распирали грустные знания об этом мире и жизненный опыт. Она не доверяла ни одной из мисс, и, по мнению Мэри, это означало, что сестра Батлер далеко не дура. Сочувствие она приберегала для несчастных «соблазненок»; те иногда получали от леди-попечительниц корзину с фруктами и имели лучшую палату в Магдалине,

с прекрасным видом на Гудмэнз-Филдс и холм Тауэр-Хилл.

Мэри пропустила Ночь Гая Фокса. Она не выходила наружу уже семь дней. Семь дней солнечные лучи не касались ее кожи — разве что через оконное стекло.

Больница Святой Магдалины была самым большим зданием из тех, где Мэри приходилось жить. И самым чистым. Как бы тщательно она ни прислушивалась, лежа на своих отбеленных простынях в вылизанной палате, ни один посторонний звук не долетал до ее ушей — только изредка шуршание крысы. Никакая грязь и суета внешнего мира не могла пробиться сквозь огромные двери Святой Магдалины. Ни новости, ни шум большого города. Это был особый, отделенный от всего безмолвный мир. Монастырь. Или клетка.

Кающиеся грешницы каждый день молились в церкви при больнице, по воскресеньям — дважды в день. Службу вел преподобный Доддс. Насчет одежды сестра Батлер объяснила, что в их костюме не должно быть ничего лишнего, никаких отступлений ради красоты, никаких отличий друг от друга — словом, ничего, за что мог бы зацепиться взгляд пришедшего с визитом попе-

чителя. У всех девушек были одинаковые туфли на низких каблуках, одинаковые шерстяные чулки. Ничего цветного; даже тускло-зеленые подвязки должны были быть скрыты отворотом чулка. На каждую полагалось две стеганые льняные нижние юбки и одна простая, ни больше ни меньше. Платья были из тонковатой шерстяной саржи цвета пыли, передники из отбеленного, оттенка бараньей кости, полотна. Рукава, которые они прикалывали к платью каждое утро, имели оборку у локтя. Один-единственный ряд, чтобы не поощрять суетность. Длинные митенки, кошельки, игольники — все совершенно одинаковое. Благопристойность превыше всего: льняная косынка заправлялась в корсаж, чтобы не было видно ни дюйма кожи, а чепец полностью скрывал голову. Волосы они должны были собирать в низкий гладкий пучок, без единого локона.

Серый цвет вызывал у Мэри неодолимое отвращение, во рту постоянно стоял мерзкий привкус пепла. Ночью она закрывала глаза и представляла, как идет по Стрэнду в своей самой алой стеганой юбке. Просыпаясь утром, она касалась своего ненакрашенного лица, и кожа казалась ей сухой и жесткой, словно старая бумага.

Тем не менее Мэри понимала, что должна

благодарить судьбу. Мясо и зелень в девять и в час каждый день; никаких пряностей, потому что «пряная пища может возбудить женскую сущность», как сухо пояснила смотрительница, но все же это была полноценная еда, и к тому же бесплатная. Обитательницы Магдалины должны были читать молитвы до и после вкушения пищи, но к этому Мэри привыкла еще в школе. При желании она могла бы пересказать наизусть весь молитвослов. Чай был не настоящий, вместо него давали настой шалфея, но, по крайней мере, напиток был горячим. Когда в самый первый день для Мэри за обедом заполнили целиком тарелку, она подумала, что столько еды полагалось на целую семью Дигот — давным-давно, в подвале на Черинг-Кросс-Роуд.

Первые дни пролетели как в полусне. Мэри ела и спала. Кашель понемногу проходил. Даже ее обветренные губы снова стали мягкими.

Сестра Батлер постоянно напоминала девушкам, что они не должны рассказывать друг другу истории из прежней жизни. Как глупо, думала Мэри, ожидать от шлюхи, что она забудет о своем ремесле, когда живет бок о бок с дюжинами своих товарок. Утром перед завтраком смотрительница обратилась к «кающимся» с речью, и ее глаза

горели неподдельным чувством.

— Вам дана великая возможность отбросить прошлое и начать жизнь заново, — сказала она.

В остальном правила были простыми: *никакой выпивки, лежания на постели среди дня, сквернословия, азартных игр, споров и непристойностей. Здесь никого не держат против воли.*

Больше всего Мэри не хватало выпивки. После целой недели без единого глотка бренди, которое рождало такое приятное тепло в желудке, она почти решилась на побег. Им давали свежую воду, но это было все равно что пить пустоту. После нее Мэри чувствовала еще большую жажду. Идея состояла в том, чтобы стереть прошлое кающихся грешниц, словно мел с грифельной доски. Заставить их забыть, кто они такие.

Но она пообещала Куколке, что попробует… и с крыши за окном уже свисали сосульки, и зима оказалась именно такой лютой, как предсказывалось. Мэри сворачивалась калачиком под одеялом и думала о других женщинах, тех, кого отказались принять в Святой Магдалине — из-за того, что они были слишком старыми, или слишком больными, или слишком плохо изображали раскаяние. У скольких из них есть крыша над головой в эту ночь? Разумеется, плакать о них

она бы не стала. *Каждая сама за себя*, как всегда говорила Куколка.

Что там еще она говорила? *Никогда не расставайся со своей свободой.* Как возвышенно это звучало. И что же вышло? Мэри Сондерс, Мария Магдалина, павшая и раскаявшаяся, потерянная для Господа и вновь обретенная, спасенная и очистившаяся — и запертая крепче, чем любая девица в борделе.

В рабочей комнате вдруг воцарилась полная тишина.

— Я не занимаюсь шитьем, мэм, — повторила Мэри немного громче. И закашлялась, прикрыв рот рукой.

— Ты должна понять, Мэри Сондерс, — ласково сказала смотрительница. — Здесь для тебя нет другого занятия, кроме шитья.

Мэри сложила руки на груди.

— Очень жаль, что тебя не обучили этому самому полезному для женщины ремеслу, — продолжила сестра Батлер. — Но, как говорит наш дорогой преподобный Доддс, никогда не поздно начать.

Мэри бросила на нее быстрый взгляд. Уж не ирония ли это?

— Наши управляющие, — переменила тон

смотрительница, — желают, чтобы подопечные приюта Святой Магдалины приобрели привычку к трудолюбию посредством изготовления рубашек и перчаток для людей из высшего сословия, оказавших нам честь своим покровительством.

Мэри кивнула. Ей было нестерпимо скучно.

Сестра Батлер оперлась на стол. У нее были очень белые руки.

— Вам очень повезло, — с искренним чувством сказала она. — Ведь сейчас вы можете впервые в жизни заработать деньги честным трудом.

Мэри почувствовала, как в ее крови закипает гнев. Как будто она не знает, что такое труд! Как легко было бы устроить бунт в этом переполненном курятнике! Она разбила бы пару носов, порвала пару юбок, ее вышибли бы за дверь, и еще до ночи она снова оказалась бы в Крысином замке, рядом с Куколкой.

Но мысль о Куколке в который раз охладила ее голову. Она пообещала остаться в Магдалине, пока не пройдет кашель. Выждав одну бесконечно долгую минуту, Мэри наконец взяла в руки иглу. У нее был очень острый кончик. Эта штука может стать опасным оружием, подумала она.

Сестра Батлер принялась учить ее простому стежку. Мэри быстро прикинула, как ей быть.

Нужно притвориться такой безрукой неумехой, чтобы через день или два у нее отняли иглу и не разрешили больше заниматься шитьем, решила она. А еще можно расцарапать палец и запятнать полотно кровью.

Чего она никак не ожидала, так это что шитье начнет приносить ей удовольствие. К полудню, глядя, как иголка прячется в ткань и выглядывает снова, точь-в-точь как выдра в ручье, Мэри ощутила странное, ни с чем не сравнимое наслаждение. Оно будто разгоралось в кончиках ее пальцев. Ей показалось, что сестра Батлер смотрит на нее и улыбается. Мэри быстро подняла голову, но смотрительница уже отвернулась.

К концу месяца Мэри Сондерс стала самой искусной швеей в Святой Магдалине, и сестра Батлер улыбалась ей уже каждый день. «Соблазненки», глядя на нее, трясли головой и вскоре дружно ее невзлюбили. Мэри старалась не за нищенский заработок; ее увлекало само шитье, и это была самая странная вещь на свете.

Нитка как будто повиновалась ее воле, ткань послушно ложилась именно так, как нужно. Мэри не могла взять в толк, почему другим это кажется трудным, как у них получается лепить столько узелков или класть кривой шов. Она

выкраивала перчатки из белой лайки и как будто чувствовала, как именно нежная кожа должна облегать большой палец, хотя никто ее этому не учил. Ей нравилось делать и более искусные швы, которые показала сестра Батлер, но даже самый простой безукоризненно выполненный рубец доставлял ей несказанную радость. У нее даже теплело в животе, как от джина. Как гордилась бы Сьюзан Дигот, если бы видела сейчас свою дочь, думала Мэри, откусывая нитку, совсем как настоящая швея. Она только что закончила покров для скамьи церкви Святой Магдалины. И как дьявольски хохотала бы Долл Хиггинс.

Если бы сестра Батлер не вскрывала все их письма, Мэри непременно послала бы ей весточку. Она знала, что Куколка не пожалела бы полпенни, чтобы сосед-фальшивомонетчик из Крысиного замка прочитал ей записку от старой подружки. *«Куколка моя,* — написала бы Мэри. — *Ты ни за что не поверишь. Меня назначили главной в своей палате. Это все равно что хозяйка или госпожа. Другие девушки должны обращаться со мной уважительно, или я доложу смотрительнице, что они ведут себя безнравственно. Только главным положен настоящий чай, а не эта бурда из шалфея».*

Она держала свое слово, разве нет? Мэри вела себя тихо и смирно, день за днем, день за днем. Она дожидалась Рождества. Впрочем, Рождество здесь не отличалось от всех прочих дней. Ни один прохожий не мог заглянуть за тяжелые ставни больницы Святой Марии Магдалины. К Онор Бойл пришел ее сутенер, переодетый в костюм лакея. Он принес ей сахарную голову. «Племянница моя дорогая, что же с тобой случилось…» — приговаривал он, поглаживая ее щиколотку под юбкой. Онор хохотала так, что ей пришлось изобразить бурные слезы.

К Мэри не пришел никто. Конечно, никто, кроме Куколки, и не знал, что она в Магдалине. В день Рождества она отправилась в комнату для шитья, чтобы закончить рукав для камзола. Пришивая к манжете кружево, Мэри представила себе мужчину, который будет его носить. Интересно, заметит ли он прелестный изящный узор из роз или просто будет утирать им нос? И интересно, через сколько недель она сойдет с ума, запертая в этом кукольном доме, где каждый день похож на предыдущий как две капли воды? Среди «соблазненок» вроде бы была одна девушка, которая жила в Магдалине уже три года. Может быть, в конце концов так привыкаешь

выполнять чужие приказы, что уже не остается сил, чтобы уйти, подумала Мэри.

* * *

В канун Нового года Мэри Сондерс стояла на коленях в церкви. В такой позе она провела уже два часа, и каждый мускул в ее теле стонал и болел. За высокими окнами часовни сгустилась темнота.

Мэри закрыла глаза. Сегодня утром, надевая свой серый корсаж, она вдруг почувствовала настоящую ярость. В больнице-приюте Святой Марии Магдалины не нуждались в зеркалах; каждая из семидесяти двух девушек являлась отражением другой. Коленопреклоненные кающиеся грешницы, похожие на одинаковые безликие портновские манекены, выстроились в ровные ряды, радуя глаз попечителей своей одинаковой добродетелью. На каждой была плоская соломенная шляпка — якобы для того, чтобы свет не резал глаза, но на самом деле чтобы скрыть лицо. Под подбородком она завязывалась синими лентами; единственное разрешенное цветное пятно — и именно этот оттенок, темная лазурь, Мэри никогда не любила. Девушки даже пахли одинаково, и неудивительно — та же тушеная

говядина на обед, тот же пот, то же мыло для умывания.

Раздались звуки гимна, и все молящиеся стали подниматься на ноги. Действие сопровождалось разнообразными шорохами, шуршанием ткани и скрипом китового уса в корсетах. Мэри оперлась на руки — ноги совсем затекли и отказывались слушаться — и кое-как присоединилась к остальным. Незаметно оглядевшись по сторонам, она насчитала пятерых управителей Святой Магдалины, с белыми церемониальными посохами в руках. Леди-попечительницы обмахивались веерами.

Обитательницы приюта славились своим пением. Множество голосов сливались в единый стройный хор. Настоящая божественная гармония в действии.

Как много душ ушло туда,
Где бед не будет никогда.

У Мэри заледенели пальцы. Она быстро перелистала молитвенник и вступила с третьей строки.

Но знать нам, грешным, не дано,
Сколь много нам отведено.

Орган загремел с новой силой, и строчки на-

чали расплываться у нее перед глазами. Мы не знаем, сколько нам отведено. Сколько душ ушло в мир иной в этом году, а она об этом и не знает? Мэри представила себе Сьюзан Дигот в подвале на Черинг-Кросс-Роуд, простегивающую бесконечные куски тканей для нижних юбок по шесть пенсов за лоскут… Ведь она слишком худа, чтобы дожить до преклонных лет, разве нет? И жив ли еще маленький Билли? Может быть, он уже давно наглотался иголок без присмотра? И Уильям Дигот — когда придет его час? Когда он рухнет под тяжестью очередного мешка с углем? Как странно. Может быть, все они уже гниют в могилах, а ей ничего не известно? Хотя черта с два ее это волнует.

Жестокая ли она? Может, и жестокая, так что же? Ей пришлось пережить столько, что это могло бы ожесточить любого. Она не выбирала жестокость. Она просто уцепилась за жизнь, как утопающий за обломки корабля. Лучше уж стать жестокой, чем позволить себя раздавить.

Поймав ледяной взгляд сестры Батлер, Мэри склонила голову и уткнулась в молитвенник. «Гимн Новому году». Завтра настанет 1763 год. Цифра казалась непривычной и какой-то чужой. Кто знает, доживет ли и сама Мэри до следующего

Рождества? Ее голос снова замер прямо посреди очередного куп лета. Мэри вдруг почувствовала нестерпимое желание выбраться из этого гнетущего здания. Она сцепила пальцы.

Снова на колени, на холодный каменный пол. Мэри покачнулась назад, потом вперед, словно воздушный змей, привязанный к земле. Молодой священник, преподобный Доддс, огласил с высокой кафедры тему сегодняшней проповеди.

— Может ли ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои?[5] — торжественно произнес он.

Мэри подумала о барсах. Прошлой зимой она заплатила полпенни, чтобы посмотреть на леопарда в Тауэре. Его шкуру украшали роскошные узоры, и это было самое злое создание, какое ей только приходилось видеть. Он сердито расхаживал взад и вперед по клетке. Иногда он вторгался в ее сны.

— Тринадцатая глава Книги пророка Иеремии, — продолжил Доддс, — как нельзя лучше подходит для этого дня, для последнего вечера в году одна тысяча семьсот шестьдесят втором от Рождества Христова.

---

[5] Сноски: 5
Иер., 13: 23.

Его парик, оттенявший румяные щеки, был немного похож на кочан цветной капусты. Мэри взглянула на коричневые бархатные панталоны, без единой морщинки облегавшие ляжки священника. Пять фунтов, и ни пенни меньше, подумала она. У нее даже зачесались пальцы — до того ей захотелось потрогать эту великолепную мягкую ткань.

Благочестивые дамы и господа в первых рядах согласно, словно голуби, закивали. Как будто они и сами не придумали бы ничего лучше, чем прочитать сегодня тринадцатую главу из Иеремии. На галерее качнулось страусовое перо, легкое, словно пена. Неплохое собрание, подумала Мэри. Немного знати, кузены из провинции, приехавшие отметить Двенадцатую ночь и посмотреть на Лондон, и множество хорошеньких дурных женщин, вытащенных из грязи и отмытых добела.

Преподобный Доддс прекрасно знал, что не стоит утомлять достопочтенное общество слишком глубокими раздумьями. Он быстро перешел к несчастным молодым женщинам Лондона, которые «словно отбившиеся от стада агнцы обречены на растерзание голодным волкам, имя коим алчность и похоть». Голос Доддса патетически зазвенел; леди-попечительницы поджали губы.

Джентльмены смотрели вдаль, словно никогда и не слышали о таком явлении, как «рабство проституции». Мэри мысленно ухмыльнулась.

Далее преподобный Доддс стал восхвалять милосерднейшее, человечнейшее учреждение — больницу-приют Святой Марии Магдалины.

— Это больница не для тела, о нет! Это больница для души, для личности; место, где эти молодые женщины могут вновь обрести утраченную и столь естественную для женщины скромность и добродетель и научиться выращивать плоды на честной почве.

В переполненной церкви стало жарко. Щеки преподобного Доддса алели, словно спелые вишни. Мэри вполне понимала, почему юные девушки падают от его проповедей в обморок. Священник приподнялся на цыпочки и вытянул вперед холеную белую руку. Оборки на его рукаве слегка подрагивали. Три ряда, бельгийское кружево, отметила Мэри, бросив на него взгляд из-под полей шляпы. Его палец, украшенный крупным бриллиантовым перстнем, указал на девушку в первом ряду, маленькую Эми Пратт, ту самую, что когда-то упала без чувств в канаву.

— И хотя ефиоплянин, согласно божественному замыслу, не может переменить свою кожу, ты,

Эми Пратт, можешь очиститься от своих многочисленных грехов!

Грех – булавку утащить.

Голова Мэри была набита обрывками стихов и цитатами; труднее всего было избавиться от тех, что она затвердила в школе. Они всплывали в самый неподходящий момент. Эми Пратт вскочила на ноги. Ее пошатывало от возбуждения. На секунду Мэри подумала, не сделать ли ей то же самое — изобразить экстаз и размять немного ноги. Интересно, выбрал ли преподобный Эми случайно, или его привлекло ее прелестное румяное личико? Пока Эми возводила глаза к милосердным Небесам, ее шляпка свалилась на плечи, и теперь казалось, будто ее голову окружает соломенный нимб. Джентльмен в парике цвета голубиного крыла, кажется, согласился с Доддсом. Он внимательно оглядел Эми и передал лорнет своему светловолосому спутнику. На нем никакого парика не было, для этого он был слишком модно одет. Блондин поднес лорнет к глазам и, словно в опере, уставился на Эми. Где же она видела его раньше?

— Вот перед нами женщина… — Преподобный Доддс кивнул на Эми Пратт. — Нет, не женщина,

но совсем еще дитя, истомленное нуждой, истощенное голодом и вовлеченное в сети соблазна в самом нежном возрасте.

Торопись это продать, пока ты еще молодая и на тебя есть спрос, прозвучал у Мэри в голове голос Куколки. Она обменялась взглядами с Онор Бойл и состроила незаметную гримаску. Онор ковыряла в ногтях щепочкой от скамьи.

— Но Иеремия вопрошает: можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?[6] — Когда преподобный цитировал пророков, его голос становился особенно раскатистым.

Сестра Батлер, стоявшая на коленях в конце ряда, слегка поджала губы, как будто слова Доддса вызвали в ней некоторое сомнение. Мэри чувствовала, что смотрительница наблюдает за ней, и притворилась, что внимательно рассматривает картину на стене. Ее тезка, написанная тусклыми масляными красками, Дева на шестом месяце беременности, торопилась по засохшему полю навстречу своей кузине, прямо в ее распростертые объятия. Мэри представила, как они сталкиваются животами.

Доддс, покачиваясь на мысках своих блестящих

---

[6] Сноски: 6
Иер., 13: 23.

башмаков, нараспев прочитал один из гимнов Святой Магдалины. Он произносил слова с таким чувством, что Мэри заподозрила: а уж не пишет ли он в свободное время стихи?

Эми Пратт плакала все громче. Она уже раскачивалась взад и вперед, рыдая и хватая ртом воздух, словно рыба, вытащенная из воды. Онор Бойл хихикала, — как всегда, начав, она уже не могла остановиться, и Мэри старалась на нее не смотреть. Девушки рядом с Эми Пратт одна за одной вскакивали на ноги, как будто заразившись ее раскаянием. Было видно, что у них дрожат колени — за время службы ноги изрядно затекли.

— Обнимите свет, — возгласил Доддс. Его пальцы вцепились в края кафедры из древесины грецкого ореха.

Джилл Хуп, которой было всего одиннадцать и которая не знала, что такое метафора, испуганно взглянула на канделябр, стоявший рядом с кафедрой. Она явно прикидывала, сможет ли до него дотянуться. Других девушек тоже трясло. Какая из них потеряет сознание первой? Большинству было лет шестнадцать — семнадцать, больше, чем Мэри. Пора бы уже стать поумнее, холодно подумала она. Чашка хорошего чая, чтобы привести нервы в порядок, — вот что им нужно. А еще

лучше — стаканчик джина.

У преподобного было одновременно страдающее и довольное лицо. Его глаза подозрительно заблестели, но было непонятно, что это — слезы или просто отражение свечей.

— Возрадуйтесь же, — сладким голосом объявил он. — Ибо милостью Господа нашего Иисуса Христа вы вознеслись из *Аида* улиц в *Элизиум* сестринства.

Несколько дюжин глаз непонимающе уставились на Доддса.

— Это не мрачный исправительный дом — о нет! Это приют, где вы можете укрыться от бед и несчастий своей прежней жизни, теплый и уютный.

Однако вместо того, чтобы возрадоваться, девушки начали всхлипывать. По рядам будто прокатилась волна. «Соблазненки» слезливее всех, презрительно подумала Мэри. Джейн Тэвернер сотрясали рыдания, она была дочерью викария. Позволительно ли старшей по палате иметь сухие глаза, вдруг опомнилась Мэри. Она сложила руки на фижмах и низко опустила голову. Этого будет достаточно, решила она. Однако шея очень скоро затекла и, как и колени, стала подрагивать от напряжения.

Когда Мэри подняла голову в следующий раз, блондин в бархате как раз нашептывал на ухо товарищу какую-то шутку. Кто же он все-таки такой? Может быть, адвокат? На обитательниц Магдалины он поглядывал весьма плотоядно. Пусть бы сначала заплатил, с яростью подумала Мэри. Почему они должны стоять на коленях и позволять ему пялиться на них за так?

Леди со страусовым пером слегка склонилась над перилами галереи. На ней была темно-синяя юбка и такой же лиф, а поверх — свободное платье-полонез, из сливочного, собранного в мелкие складочки шелка. В его сиянии меркли все горевшие в церкви свечи. Волосы дамы были собраны в невероятно высокую и тяжелую прическу, украшенную цветами. Она была такой огромной, что на мгновение Мэри показалось, будто голова дамы вот-вот перевесит тело, она перекувырнется через перила и свалится вниз. Онор Бойл хохотала бы целый год не переставая. Пальцы леди, унизанные жемчужными перстнями, сжимали расшитый покров на скамье. Мэри вспомнила, что над узором из дубовых листьев трудились три «соблазненки». Они работали две недели подряд не покладая рук.

Доддс чуть ослабил черную ленту, обхватывав-

шую его горло, и простер руки к галерее.

— Достопочтенные попечители, то, что вы лицезреете, — это искреннее, настоящее раскаяние. Не являются ли горькие слезы этих прелестных отверженных знаком того, что они осознали всю мерзость своих преступлений?

Тратить время –
Преступленье.

Мэри потрясла головой. Сколько же времени она потратила зря, стоя на коленях в этой церкви, каждый божий день и дважды в день в воскресенье, — и все ради крыши над головой! Вот и теперь она сидит здесь, зажатая между глупыми хнычущими курицами, а проповедь все длится и длится, и это в самую лучшую ночь года! Мэри взглянула в западное окно. Чего бы она только не отдала, чтобы оказаться теперь в родной лондонской грязи, где фонари на улицах напоминали торжественную иллюминацию. Город вечного праздника.

Неужели она когда-то жила в этом городе? Сейчас это казалось какой-то старинной легендой. Мэри попыталась припомнить огромный купол собора Святого Павла, но воспоминания были похожи на сон. Неужели прошло меньше двух

месяцев с тех пор, как она позволила запереть себя в этом курятнике?

Преподобный Доддс хлопнул ладонью по кафедре; Мэри вздрогнула и едва не потеряла равновесие, но, стиснутая с обеих сторон, она и не смогла бы упасть. Колени потеряли чувствительность, тело как будто держалось на одних фижмах. Батистовый платок в руке преподобного вздрагивал, словно белый флаг капитуляции. Его дошедшее до крайней точки возбуждение напомнило Мэри последние яростные содрогания мужчины перед тем, как излиться.

— И хотя ни леопард, ни негр не могут изменить цвет своей кожи, — вскрикнул Доддс, — каждая из вас может изменить цвет своего сердца! Прямо сейчас, в эту самую ночь. — Его голос дрогнул. — Рай находится на расстоянии вытянутой руки от вас.

Может быть, сегодня в городе даже будет какой-нибудь бунт. Канун Нового года всегда был хорошим временем для беспорядков. Мэри могла бы испачкать лицо сажей в считаные секунды. Они с Куколкой придерживались довольно широких взглядов — то есть им было все равно, кричать ли «Верните прежние цены!» или «Долой голландцев!». Они с одинаковым удовольствием

нападали и на трактирщиков, чтобы те выставили народу угощение, и на домовладельцев, чтобы те зажгли свет в окнах в честь Хеллоуина. Однажды они даже вместе со всеми бежали за карманником до самого Шордитча.

Ага, вот теперь она вспомнила, где видела того блондина. Никакой он был не адвокат, а богатый торговец, коммерсант. Мэри подцепила его как раз в Шордитче; это было прошлым летом. Выражаясь по-книжному, его парус никак не хотел подниматься, и Мэри пришлось ставить его вручную. Он выплеснулся ей прямо в ладонь, а потом попытался лишить ее законного шиллинга.

— Не моя вина, что ты не можешь продержаться подольше, — отбрила Мэри.

Он швырнул ей под ноги пять пенсов и зашагал прочь, чтобы найти карету. С его панталон все еще капало семя. Мэри подождала, пока он скроется из вида, и только потом подняла из грязи монеты.

Теперь она посмотрела на него повнимательнее. Разумеется, он ни за что не узнал бы ее в этом квакерском наряде. Он был такой гладкий и лощеный; из кармана свисала золотая цепочка с брелоками, а табакерка, которую он передал даме, сидевшей рядом, была очень тонкой и изящной

работы. Конечно, он и думать забыл про случай в Шордитче. Он вернулся домой, в супружескую постель, к добродетельной жене, и выбросил ее из головы. Жизнь шлюхи состоит из фрагментов чужих судеб.

Должно быть, за входной билет сегодня он заплатил в десять раз больше, чем те пять пенсов, подумала Мэри, и ей стало смешно. Но потом она вспомнила, что не увидит ни гроша из этих денег.

Преподобный Доддс приближался к развязке.

— Все, что должны сделать эти молодые девушки, — это выбрать вечную жизнь. Так выбирайте! — Он воздел руки к небу. — Делайте же свой выбор!

Сделав эффектную паузу, преподобный понюхал свою бутоньерку, как будто бы хотел освежить силы, коротко поклонился аудитории и спустился с кафедры. Раздались громкие аплодисменты.

Мэри машинально захлопала в ладоши. Большая часть того, что говорил Доддс, казалась ей обыкновенной ханжеской чепухой, но эти слова насчет выбора… Она попыталась припомнить, когда последний раз выбирала что-то сама. Был ли это ее осознанный выбор — поцеловать

торговца лентами? Быть выгнанной из дома? Стать шлюхой? Может, и нет, но при этом она и не сопротивлялась. За все пятнадцать лет ее жизни был ли хоть раз, когда она не плыла по течению, словно листок по реке, а сама брала то, что хочется?

Страусовое перо наверху снова кивнуло. Однажды в шляпной лавке Мэри поднесла перо вроде этого к шее. Прикосновение было таким щекотным и нежным, что она вся покрылась мурашками. Леди-попечительница утирала слезу кружевным носовым платком. Ее юбка возвышалась над скамьей, словно пышный сугроб. Каждая складочка, каждая пуговка, каждая оборочка в ее наряде была прекрасна. *Вот это*, произнес громкий голос в голове у Мэри. *Я выбираю это. Вот кем я стану. Все, что принадлежит тебе, в один прекрасный день будет моим, клянусь.*

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на стояние на коленях, вдруг поняла она. Опершись на руки, Мэри приподнялась и села на скамью. Ноги страшно болели и одновременно дрожали от облегчения. Среди всех обитательниц Магдалины она была единственной, кто осмелился сесть. Мэри заметила потрясенные взгляды и про себя улыбнулась. Она чувствовала себя как

королева.

Она случайно встретилась глазами с сестрой Батлер. Смотрительница сделала незаметный, но вполне однозначный жест: *на колени*! Однако Мэри тут же притворилась, что задумалась и смотрит в пространство. Она откинулась на спинку скамьи. Какое блаженство — ощущать твердую опору. Молитвенник соскользнул вниз и затерялся в складках ее юбки. Через пару часов в Тауэр-Хилл будут запускать фейерверки, такие яркие, что их отблески будет видно даже из отмытых дочиста окон Святой Магдалины.

— С чего вдруг такая непристойная спешка? — Сестра Батлер пристально уставилась на Мэри, точь-в-точь как сова на свою жертву.

— Мое здоровье восстановилось. Полагаю, я провела здесь уже достаточно времени, мадам. И потом, это такое прекрасное предложение… — Голос Мэри неожиданно дрогнул. Раньше она умела лгать куда лучше.

Они сидели в кабинете смотрительницы. Над головой слышались шаги других девушек; обитательницы приюта Святой Магдалины готовились ко сну. Сегодня им позволили взять в спальню остатки хлеба с маслом, что давали на ужин.

Сестра Батлер вздохнула, и на мгновение Мэри

пожалела о том, что собирается сказать. Смотрительница сложила руки на столе, словно возвела на столе баррикаду.

— Ну что же. Если тебе и в самом деле так повезло… если тебе предлагают место помощницы швеи в Монмуте, подальше от этого порочного, пропитанного грехом города, я не вижу причин чинить тебе препятствия. Мне остается только взглянуть на письмо.

Мэри облизнула губы:

— Письмо?

Смотрительница протянула руку:

— Письмо, Сондерс. Письмо, в котором подруга твоей покойной матери сделала тебе такое великодушное и, я бы даже сказала, невероятное предложение. Письмо, — ядовито добавила она, — которое сумело проскользнуть незамеченным мимо меня, других смотрительниц или привратника.

Мэри посмотрела на отделанные панелями стены. Какое все же уродство — несмотря на дорогое дерево.

— Не было никакого… В письме не было нужды.

Сестра Батлер скрестила руки на груди.

— Вот как?

— Миссис Джейн Джонс, как я уже упоминала, была так привязана к моей бедной покойной матери, что… — Мэри споткнулась. — Она всегда говорила… обещала, что я могу обратиться к ней в любое время, когда захочу, и она меня примет.

— Примет девушку, которая позволила себя запятнать? — Сестра Батлер произнесла это так, будто слово «запятнать» оставляло во рту гадкий привкус.

К собственному удивлению, Мэри покраснела как рак.

— Она так говорила. Я имею в виду миссис Джонс. Она сказала, что сделает это, что бы ни произошло, в память о моей матери.

Сестра Батлер неторопливо оправила свой льняной передник. Мэри замерла в ожидании.

– *Если* эта Джейн Джонс еще жива, — наконец произнесла смотрительница, — и *если* она по-прежнему живет в Монмуте, и *если* ей в доме и в самом деле требуется горничная… с чего ты взяла, что ее муж согласится принять под свой кров, к своим детям женщину, занимавшуюся проституцией?

Господи, неужели она когда-то испытывала симпатию к этой противной старой перечнице? Мэри уже исчерпала все подходящие ответы,

поэтому она просто прикусила нижнюю губу. Наверху все еще слышался шум. В желудке у Мэри было пусто и тяжело, словно она проглотила камень. Она подняла взгляд и посмотрела сестре Батлер прямо в глаза.

— Вы должны меня отпустить. — Слова вырвались у нее неожиданно, сами по себе.

— Прошу прощения?

— У меня есть право на свободу, — тихо сказала Мэри. — Я помню, что говорится в правилах, я слышала их тысячу раз. *Здесь никого не держат против воли.* Это не тюрьма. Это просто похоже на тюрьму.

У смотрительницы вдруг сделались точно такие же глаза, как у Сьюзан Дигот в ту, последнюю ночь на Черинг-Кросс-Роуд. Мэри отвернулась. Она была не в силах выдержать этот взгляд. Повисла долгая тяжелая тишина. Когда сестра Батлер заговорила снова, ее голос звенел, словно натянутая струна.

— Через месяц или два, Мэри Сондерс, когда ты, истерзанная и нагая, будешь валяться на Флит-Дитч…

— Я больше не шлюха, — перебила Мэри с силой, удивившей ее саму.

Смотрительница едва заметно приподняла

брови.

— Все это кончено, — почти умоляюще сказала Мэри. — Я просто хочу… лучшей жизни.

Взгляд сестры Батлер немного смягчился. Она пододвинула стул чуть ближе и облокотилась на стол.

— Мэри, — мягко сказала она. — Ты — девушка с большими способностями. Ты хорошо образованна, умна от природы, и у тебя сильная воля. Всего за два месяца ты на моих глазах превратилась в замечательную швею. Но над тобой все еще висит тень прошлого.

Мэри отвела взгляд.

— Если ты искренне хочешь исправиться и забыть о своих бывших так называемых друзьях, ты должна остаться здесь еще на некоторое время. До тех пор, пока твои прежние привычки окончательно не переломятся.

— Все уже забыто, — бросила Мэри.

Сестра Батлер грустно покачала головой:

— Пока еще нет. Ты все еще неспокойна и испорченна. Я видела, как ты берешь в руки работу, а минуту спустя бросаешь ее. Каждый раз, когда ты слышишь слово Божье, твое лицо меняется — оно закрывается, словно книга. Иногда ты говоришь неправду — взять хоть эту несусветную историю

с Монмутом. Возможо, семена уже легли в почву, моя дорогая, но время урожая еще не наступило.

Мэри упрямо смотрела в стену.

— Всего несколько месяцев. — Ладонь сестры Батлер накрыла ледяные пальцы Мэри. — Чтобы подготовиться к этой самой лучшей жизни, тебе нужно остаться еще ненадолго здесь, в надежной и безгрешной…

— Я не могу. — Мэри сбросила руку смотрительницы. — Это не жизнь.

Они снова замолчали. Сестра Батлер смотрела на Мэри так, будто между ними пролегал бурный широкий поток.

— Очень хорошо, — проговорила она наконец, встала, достала большую тяжелую книгу в кожаном переплете и водрузила ее ровно в середину стола. — Значит, ты из третьих.

— Из третьих?

Смотрительница положила руки на книгу.

— С тех пор как было основано это заведение, мы приобрели некоторый опыт. И согласно ему, мы можем спасти только одну девушку из трех.

Странное, похожее на сожаление чувство кольнуло Мэри прямо в сердце.

— Но я и в самом деле хочу исправиться, — пролепетала она.

Сестра Батлер, не отвечая, раскрыла книгу — двумя руками, словно это было Священное Писание.

— Сара Шор, — тихо прочитала она. — Милостью Божьей вернулась к благочестивой жизни: получила место прачки в Глазго.

Бог в помощь Саре Шор, мрачно подумала Мэри. Должно быть, теперь у нее уже идет кровь из-под ногтей.

— Бетти Вэйл. Отослана в больницу, — пробормотала она.

Мэри прекрасно помнила Бетти — каким-то чудом ей удавалось скрывать свой живот до тех пор, пока прямо во время проповеди у нее не отошли воды. Преподобный Доддс пережил неприятнейшие минуты.

— Молл Гаттерли. Отчислена за несоблюдение правил.

Несоблюдение правил? Значит, вот как это называется. Молл угрожала младшим девочкам иголкой и требовала у них их нищенский заработок.

— Джесси Хейвуд. Милостью Божьей вернулась к благочестивой жизни. Вышла замуж за ремесленника, человека умеренного и доброго нрава. Люси Шепард. Скончалась, покаявшись перед

смертью в грехах.

Скорее, скончалась, бредя о червях, вспомнила Мэри. Неужели в этой Книге судеб содержатся сведения обо всех, кто жил в Святой Магдалине, с самого дня основания приюта?

— И Мэри Сондерс, — произнесла смотрительница. Ее перо оставило на странице маленькую кляксу. — Отпущена по ее собственному желанию. Причина? — Она сухо посмотрела на Мэри.

— Не выдержала жизни в заключении, — угрюмо предложила Мэри.

Сестра Батлер помедлила, но все же записала это в свой фолиант.

— Ты уйдешь в конце этой недели.

— Нет, — выдохнула Мэри. — Сегодня.

Глава 3. Свобода

Где-то в миле над головой с оглушительным шумом взорвалась ракета. Мэри почувствовала, как что-то дернулось в спине, в ушах хрустнуло и зачесалось. Еще одна и еще — звезды с золотыми хвостами медленно падали на землю, словно желтые осенние листья. Высоко-высоко, на стене Тауэра, бешено вертелось «огненное колесо» — будто душа грешника в аду. В небо взлетали шутихи, похожие на огненных змей; они старались убежать, скрыться в темноте, но не выдерживали и тоже взрывались, выпуская фонтаны сверкающих брызг. В воздухе висел густой белый дым, и растворенные в нем искры фейерверка казались золотым дождем.

Было невероятно холодно. Морозный воздух охлаждал нос и рот, словно пучок свежей дикой мяты, но Мэри уже не кашляла; ее легкие снова окрепли. Сажа падала ей прямо в глаза, и она прикрыла их рукой, поглядывая из-под ладони на небо, расцвеченное красками, которых она никогда не видела, для которых не придумали слов в этом мире. Мэри не представляла, как можно сотворить такое волшебство, почему воз-

дух взрывается, не причиняя вреда зрителям, и откуда появляются звезды всех цветов радуги.

У стен Тауэра метались обнаженные до пояса мужчины. Их тела поблескивали от пота. Они поджигали снаряды и отбегали на безопасное расстояние.

— В прошлом году один побежал не в ту сторону и наступил на ракету, — сказал старик, стоявший прямо впереди Мэри.

— Я помню, — с удовольствием заметила его спутница. — Я слышала, в нем прожгло здоровенную дыру.

Каждый раз, когда небо освещали всполохи серебристого света, из темноты выступали лица — сотни, тысячи лиц, словно густо усеянный примулами весенний луг. Никто не смотрел на Мэри, все взгляды были прикованы к магическому представлению. Краем глаза она увидела маленького мальчика с широко раскрытым от изумления ртом и тут же заметила, как его крохотная ручонка опустилась в карман стоящего рядом джентльмена. Мэри громко расхохоталась. Кажется, она засмеялась первый раз за всю зиму.

Накатила белая волна дыма, и толпа отшатнулась назад. Женщина впереди наступила ей на ногу, и Мэри отпихнула ее локтем. Горячий пепел

опустился на шляпки и парики; раздались визги и вскрики. Люди сжимали ее со всех сторон, так что порой перехватывало дыхание; несколько тычков — и Мэри отвоевала себе немного места.

Дым рассеялся. Неужели это все?

— Еще! — загудела толпа.

Повисла тишина. Еще через пару секунд раздался тоненький жалобный свист. Все замерли в предвкушении; казалось, люди даже затаили дыхание. Сухой треск, похожий на выстрел, — и темноту снова разорвала ослепительная вспышка. Дюжины алых огней засочились из неба, словно кровь из невидимых ран. «Римская свеча» выплюнула сотни звезд. Мир перевернулся с ног на голову. У Мэри затекла шея, но она не могла оторваться. В это мгновение она почти верила тем проповедникам, что считали землетрясение знаком божьего гнева. У всемогущего Господа отняли гром и молнии — кто бы на его месте не разгневался?

Когда фейерверк наконец закончился и небо очистилось, толпа постепенно начала редеть. Мэри сделала несколько шагов и споткнулась — у нее так замерзли ноги, что она их почти не чувствовала. Какой-то однорукий солдат подхватил ее сзади.

— Вот такой же грохот был и на войне! — хвастливо крикнул он ей в самое ухо.

— Да будто ты помнишь, — усмехнулась Мэри.

Она достала из кармана маленькую монетку — из тех денег, что заработала шитьем в Магдалине, — и купила у торговки стаканчик горячего джина. Его резкий аромат смешивался с запахом порохового дыма, и это было восхитительно. Желудок тут же согрелся. Если не стоять на месте, то с холодом вполне можно справиться, подумала Мэри. Еще пару пенсов она потратила на маленькую баночку румян и сразу же накрасила ими губы и щеки. Из стеклянной витрины лавки на нее глянуло знакомое, привычное лицо — лицо шлюхи с ярко-алым ртом.

Сворачивая за угол, к Биллингсгейту, Мэри столкнулась с шедшим навстречу прохожим. Его камзол свисал с одного плеча, а рубашка вздыбилась пузырем.

— Поцелуй на удачу! — завопил мужчина и обхватил ее обеими руками.

Мэри попыталась его оттолкнуть.

— Отказывать нельзя, моя дорогая. — Казалось, он выдыхал чистое бренди. — В новогоднюю ночь никто не может сказать «нет».

Его губы были теплыми и влажными. Мэри

позволила чужому языку скользнуть в свой рот, ловко высвободилась и поспешила дальше. Через пару шагов она наступила на дымящуюся головешку и с изумлением поняла, что это ракета. Неужели такое великолепие могло превратиться в черную обгоревшую палку? Сколько же все это стоило! С таким же успехом можно было просто бросать в огонь банкноты, будто листья в костер в конце лета.

Что за ледяную ночь она выбрала для своего блистательного исхода из Магдалины… И все же Мэри ни о чем не жалела. Она пошла быстрее, радуясь свободе, которую получили ноги после двух месяцев почти без движения. От холода захватывало дух. Одежда, которую сестра Батлер передала ей перед уходом, — с такой брезгливостью, словно это были заскорузлые окровавленные тряпки, — оказалась куда холоднее, чем помнила Мэри. Как только она не замерзла в ней раньше? Ее розовая юбка на фижмах раскачивалась при ходьбе, обвевая ноги потоками морозного воздуха. Мягкий шелк жакета был настоящим наслаждением для пальцев, изголодавшихся по гладкости и нежности, но все ее тело под этой роскошью было покрыто мурашками.

От фонарей исходил знакомый запах горящего

масла. Мэри сделала глубокий вдох, такой, что защипало в глазах. Город выглядел замерзшей грязной лужей, а Мэри ощущала себя изгнанницей, возвращающейся домой. Она не забыла, сколько опасностей таит ночной Лондон, но никакая беда не могла коснуться ее сегодня. Даже названия улиц отзывались в душе радостным трепетом, потому что можно было выбрать любую из них и пойти туда, куда захочется. Клементс-Лейн, Поултри-стрит, Чипсайд… Зазвенели полуночные колокола. Мэри увидела купол собора Святого Павла и прибавила шагу.

Вокруг собора было полно празднующих. По улицам прогуливались ряженые с лисьими и кроличьими головами; сразу на двух углах шло представление — святой Георгий спасает деву от дракона. Молодой джентльмен с красными от выпитого глазами, в роскошном одеянии из кремовой парчи, подбрасывал в воздух монеты и хохотал до упаду, когда нищие сталкивались лбами, чтобы их поймать. На ступенях собора толстяк боролся со старым медведем; они застыли в объятии, словно Каин и Авель.

Мэри купила виски и овсяных лепешек, чтобы отпраздновать Новый год. Она все время поглядывала по сторонам: конечно, в эту ночь

Куколка непременно должна быть на улице. Было бы так славно сделать ей сюрприз. «Привет, подружка!» — как ни в чем не бывало сказала бы Мэри, как будто они виделись только вчера. Уж не она ли это там, под омелой, привязанной к фонарному столбу? Нет, это другая девушка, с ненакрашенным лицом и обнаженной грудью. Прислонившись к столбу, она выгнула спину, и сразу двое мужчин прильнули к ее соскам.

Мэри почувствовала, что от усталости и холода у нее подгибаются колени. Ее тело заледенело, словно сосулька, а джин в животе сражался с виски. Пора домой, подумала она.

Проходя мимо черной громадины Ньюгейта, она на секунду представила себе узников, что томятся сейчас в крепости. Наверное, весь этот праздничный шум сводит их с ума. Как им хотелось бы обрести свободу, хотя бы на одну ночь! Каково это — сидеть и ждать решения своей судьбы, будь то пеньковый галстук или Америка? Она вдруг увидела своего отца, так ясно, словно это было на самом деле, его огромную фигуру, сгорбившуюся на соломе. Какими были последние дни Коба Сондерса, до того, как его унес сыпной тиф? Какие видения приходили к нему в бреду?

Иногда, в детстве, Мэри почти верила в то, что

говорила ей мать: что Коб Сондерс был круглым дураком, который позволил себе пропасть ни за грош. Но потом она вдруг вспоминала большие и крепкие, словно ветви дуба, руки и густую черную бороду, которая, как стена, стояла между ней и всеми бедами мира. Она не помнила отцовского лица, оно стерлось из памяти, будто портрет на старой монете, но твердо знала одно: Коб Сондерс никогда не выгнал бы свою дочь из дома, что бы с ней ни случилось. Ей пришло в голову, что он, в общем, был героем, ее отец-повстанец, — героем, который отдал все годы своей жизни за одиннадцать украденных дней.

Его тело семье так и не отдали. Он был где-то там, за высокими стенами Ньюгейта, в общей могиле для заключенных, и его кости давно смешались с костями других. Когда тебя забирают власти, ты перестаешь принадлежать себе, с горечью подумала Мэри. Ты не владеешь даже собственным телом. Ей бы хотелось, чтобы у отца была могила. Тогда она могла бы пойти туда сегодня ночью, и преклонить колени, и сказать ему, что она вернулась домой.

Стрэнд, обледеневший, но битком набитый людьми, вывел ее к Олдвичу и Друри-Лейн. Из-за дверей доносился стук костей, рев победителей

и горестные крики проигравших. Мимо, рука об руку, прошли две «курочки» в ярких юбках из тафты. Несмотря на толстый слой пудры на щеках, было видно, что сквозь него пробивается щетина. Таким мужчинам было опасно появляться на улице, но кто мог усидеть дома в новогоднюю ночь? Вниз по Хай-Холборн — и вот уже приход Святого Эгидия. Здесь ей был знаком каждый камень, каждая вонючая подворотня. Наконец, Севен-Дайлз — начало начал, ось, вокруг которой вертится мир.

Все мисс сегодня вышли на улицу. Мэри словно наяву услышала смех Куколки. «Некоторые шлюхи просто не знают, что такое отдых». Нэн Пуллен была в одной из великолепных шелковых мантилий своей хозяйки; она расхаживала взад и вперед, чтобы не замерзнуть. Увидев Мэри, Нэн коротко кивнула и прикрыла ладонью зевок. Мэри небрежно ответила.

А кто это там? Неужели Элис Гиббс — так далеко от своего участка на Даунинг-стрит, в таком старом, линялом платье?

— Не угостите стаканом вина, сэр?! — крикнула она проходившему мимо судейскому.

Не отвечая, тот свернул на Шортс-Гарденз. Мэри кивнула и ей, но глаза Элис уже остекленели

и она мало что замечала.

Булочник, весь в муке, замедлил шаг и осмотрел ее с головы до ног. Он задумчиво скривил губы, будто прикидывая цену, и Мэри вдруг почувствовала, что краснеет. Она совсем забыла правила, забыла, как нужно себя вести. На мгновение она почти пожалела о некрасивом коричневом платье и переднике, что остались лежать на кровати в Магдалине, о соломенной шляпе с широкими полями, которая закрывала ее лицо от чужих взглядов. И лицо — лицо без краски тоже было своего рода маской. Казалось, с тех пор, как она была уличной проституткой, прошли не месяцы, а годы. Сможет ли она снова приняться за старое ремесло? Может быть, то, что она сказала смотрительнице, на самом деле правда? Возможно, Мэри Сондерс больше не шлюха?

Над церковью Святого Эгидия на Полях висела круглая, как золотое яблоко, луна. Крохотные, похожие на бахрому ледяные иголочки украшали ограду; деревья были покрыты пушистым белым инеем. Мэри вдыхала невероятно холодный воздух, и ей казалось, что она глотает камни, — так тяжело становилось в груди. Она дрожала от усталости. Сейчас ей хотелось только одного — побыстрее оказаться в их с Куколкой веселой

постели, почувствовать знакомый кисловато-теплый запах. Она мечтала, как первый раз за эти месяцы нюхнет наконец табака и расскажет Куколке про Магдалину — все-все, не упуская ни одной подробности, чтобы избавиться от этого места, стряхнуть с себя его дух. Она покажет подруге, как надо правильно изображать раскаяние и как должна себя вести старшая в палате. Мэри представила, как будет хохотать Куколка — до боли в ребрах, стиснутых корсетом. Если кто-то и мог напомнить ей, почему жизнь шлюхи — это единственно свободная жизнь, то только Куколка. Если кто-то и мог вернуть Мэри саму себя — то лишь Долл Хиггинс.

Проходя мимо кабачка братьев Ройл, она нагнулась, чтобы заглянуть в подвальное окно. Несколько знакомых карманников — Плут, Кость, Нед-ирландец и Ловкач Джемми; пара местных шлюх. Любимое место Куколки было в углу, она частенько проводила там время за картами, но сейчас оно пустовало. Распахнулась дверь, и двое матросов вывалились наружу, горланя веселую песню.

Мэри побежала дальше. Золотари с непроницаемыми лицами везли свои зловонные бочки, и она поспешила пройти мимо. Может быть, со

временем человек и привыкает к своей доле, пришло ей в голову. Последняя арка — и она оказалась прямо перед Крысиным замком. Самое подходящее имя для жутчайшей из дыр на свете. И тем не менее Мэри была страшно рада, что до него добралась. Крысиный замок был на своем месте, и почему-то это ее слегка удивило. Он все так же клонился к соседнему дому, словно один пьяница к другому; каждый раз, когда Мэри взбиралась по скрипучим ступенькам, она гадала, когда же они провалятся под ее весом.

Свечи у нее не было. Касаясь влажных стен, Мэри на ощупь пробиралась наверх. Из-за двери Мерси Тофт раздавались звуки, которые она не спутала бы ни с чем на свете. С таким темпом он никогда не закончит, со знанием дела подумала Мэри. Одна из дверей на третьем этаже была открыта. Парень, промышлявший изготовлением фальшивых бумаг, — она никак не могла запомнить его имя — спал прямо за столом; его парик наполовину съехал в сторону. Она споткнулась о кучу отбросов и принюхалась. Что за непривычный запах? Апельсин? Мэри уже успела отвыкнуть от грязи. Чистые, протертые уксусом полы Магдалины приучили ее совсем к другим ощущениям, сделали чувствительной

ко всякой вони. Чем выше она поднималась, тем уже становилась лестница и ниже потолок. Мэри нагнула голову.

В их комнатушке, кажется, было пусто. На матрасе что-то лежало, и она осторожно пощупала кучу. Нет, это не Куколка, просто груда одеял.

Мэри проделала долгий путь и очень устала. Она прилегла на матрас и тут же уснула, не успев даже сбросить туфли.

Ей приснился лучший сон за всю ее жизнь. Она ехала на белой лошади сквозь толпу. Почему-то она сидела высоко-высоко, так что ее каблуки были выше всех голов. Спина ее жеребца была гладкой, как шелк; в его сливочную гриву были вплетены рубиновые ленты. Ее голову, поверх напудренного парика, украшала изящная треуголка, а щеки были белее снега. На Мэри была белая бархатная амазонка, отороченная кроличьим мехом, и ее длинный шлейф струился позади, словно широкая серебряная река. Музыкант запел балладу, и Мэри знала, что песня про нее, но не могла разобрать ни слова. Она рассеянно улыбнулась и погладила горячую шею жеребца, делая вид, что ничего не слышит. «Леди Мэри! Леди Мэри!» — выкрикивала толпа.

Наверное, ее разбудил холод или крысиная

возня в углу. Было все еще темно — должно быть, часа четыре, подумала Мэри. Понемногу ее глаза привыкли к темноте, и она заметила, что комната совершенно пуста. Здесь не было ничего. Мэри почувствовала, как к горлу подкатила тошнота. В Магдалине были хотя бы стулья, чтобы сидеть. А тут — только липкая грязь на полу. Это не дом. Это загон для свиней. Из стены торчали гвозди, но теперь на них не висело ни единого платья, ни одной тряпки. Куда же подевались ее собственные вещи? Осколок зеркала или одежда, которую Куколка пообещала беречь до ее возвращения. Может быть, она все заложила? Проиграла в карты или кости? Пропила?

Мэри кое-как поднялась на ноги. В тонких туфлях было полно камешков. Она вытряхнула их, завернулась в одеяло и, спотыкаясь, спустилась вниз. В доме было тихо. Она вышла на темную улицу. Холод ударил ее прямо в лицо. Только сейчас, почувствовав запах жареного мяса из харчевни на углу, Мэри поняла, как проголодалась. Последний раз она ела вчера в три часа, в Магдалине. На обед давали вареную баранью ногу.

Мимоходом она заглянула в окно кабака. Трое или четверо пьяниц дремали над кружками с джином. Куколки среди них не было. Мэри вдруг

вспомнила об их тайном убежище, тупике за Крысиным замком. Если Куколка решила провести всю ночь на работе, вполне возможно, что сейчас она там, отдыхает между клиентами.

Мэри свернула в тупик.

— Долл?

Ее голос был хриплым со сна. Никто не ответил, но лунный свет выхватил из темноты знакомые очертания. Мэри улыбнулась и шагнула вперед. Стены покрывал толстый налет инея. Совсем как плесень, подумала она.

— Вот ты где, старая потаскуха! — весело крикнула она.

Куколка сидела на куче щебня, как всегда прислонившись к стене. Она даже не пошевелилась, как будто ничего не услышала. Голубая газовая юбка чуть шевелилась на ветру, белые груди, выглядывающие из платья, напоминали восковые груши, шрам на щеке выделялся особенно резко. В руке она сжимала бутылку джина.

Должно быть, от холода Мэри плохо соображала. Все еще ничего не понимая, она посмотрела на воздушную голубую юбку. Мысли в голове ворочались тяжело и медленно, словно доверху груженная телега, запряженная мулом. Что за балда эта Долл Хиггинс, подумала она. Уснуть на

камнях в такую ночь, как эта.

Наверное, напилась до полусмерти.

До полусмерти.

Только теперь до нее вдруг дошло.

Мэри подошла еще ближе. Кожа Куколки под слоем белил отсвечивала синим. Запаха не было: для этого на улице было слишком холодно.

Мэри покачнулась. Откуда этот соленый вкус крови на языке? То, что она сделала потом, удивило ее саму. Позже она так и не смогла объяснить себе, что на нее нашло. Она протянула руку, чтобы дотронуться до Куколки, может быть, попробовать разбудить ее, но вместо этого схватилась за бутылку. Мертвая рука неохотно отпустила свою добычу; Мэри услышала едва различимый треск, как будто отломилась сосулька. Она закрыла глаза и поднесла бутылку к губам. Горлышко было немного шероховатым. От запаха джина ее чуть не стошнило, но Мэри подавила позыв и сделала глоток. И еще один, и еще — до тех пор, пока бутылка не опустела. Когда она набралась храбрости и снова взглянула на Куколку, то увидела, что ее оледеневшая рука по-прежнему сжимает пустоту, словно невидимый кубок на пиру.

Пробоина в корпусе, свистать всех наверх.

Она знала, что ее не вырвет. Мэри никогда не

позволяла себе этих дамских нежностей. Она нагнулась, поставила пустую бутылку на землю — стекло звякнуло о камень — и заставила себя приглядеться внимательнее. Никакой крови. Ни порезов, ни свежих синяков на малиновых от румян щеках. Ничего необычного. Серебристый парик из конского волоса, украшенный алой лентой, чуть съехал на бок; из-под него выглядывала прядь светло-каштановых волос. На пухлых потрескавшихся губах еще сохранились следы красной краски. Куколка слегка откинулась назад, опираясь на стену, как будто хотела просто передохнуть, улучить минутку для маленького тет-а-тета с Мадам Джин, как обычно. Как делала каждый день своей жизни.

В какой же из этих дней она уснула, чтобы больше никогда не проснуться? Холода стояли уже давно, и Мэри не могла определить, сколько ночей подряд Куколка сидит на куче щебня, с этой своей иронической полуулыбкой на устах. Может быть, она голодала? Болела? Напилась до потери сознания и не смогла дойти до дому? Слишком замерзла — так, что больше не чувствовала холода? Или слишком устала, чтобы с ним бороться? Неужели ни один человек в этом мире не спохватился и не начал ее искать?

Мэри разрыдалась бы во весь голос, если бы не боялась, что Куколка над ней посмеется.

Что же нам делать, милая?

Она знала, что должна быть сильной и умной и думать за двоих, но не понимала, с чего начать. Все, что она помнила, — когда на улице Лондона находят мертвое тело, его отвозят на ближайший церковный двор и сваливают в яму для бедных. И не засыпают ее до тех пор, пока она не наполнится безымянными трупами до краев. Обычно это происходит в конце лета. «Мэри, дорогуша, — сказала однажды Куколка, зажимая нос, — никогда не приближайся к церковному двору до первых морозов».

Как странно видеть ее такой неподвижной — Долл Хиггинс, которая брыкалась и ворочалась даже во сне, которая шла по Стрэнду так, будто танцевала на столе, вихляя бедрами, выставляя грудь, нахально ухмыляясь мужчинам. Ее последняя поза оказалась на удивление благопристойной. Голубая юбка скромно прикрывала ноги, на губах играла только тень улыбки.

Мэри закрыла глаза и представила, какой роскошный гроб она купила бы для Куколки, будь она богата. И мраморный склеп, и чтобы белые лошади везли Куколку в ее последний приют. Од-

но она знала точно: нет смысла бежать в приход. Долл Хиггинс ни за что не согласилась бы лежать в набитой мертвецами яме для бедных. Придется оставить ее здесь еще на несколько дней — пока Мэри не заработает на достойные похороны.

Желудок сводило от голода. «Я скоро вернусь, моя милая», — беззвучно прошептала она. Мэри очень хотелось поцеловать твердую, холодную, обезображенную шрамом щеку, но она поняла, что не в силах. Если она прикоснется к Куколке, то уже не сможет сдвинуться с места и замерзнет сама. Вместо этого она вытянула из парика Куколки полинявшую алую ленту. Неужели это та самая? — подумала Мэри. Красная лента, которая заворожила маленькую Мэри на Севен-Дайлз три года назад?

Ее концы были жесткими от мороза. Мэри свернула ленту, сунула ее за корсаж и вздрогнула от холода.

Взамен она сняла с плеч одеяло и осторожно накрыла Куколку с головой, так, чтобы не было видно ни лица, ни руки, держащей невидимый кубок. Теперь никто не побеспокоит ее до тех пор, пока Мэри не вернется.

Перед тем как выйти из тупика, Мэри снова оглянулась. Издалека казалось, что кто-то просто

поставил на кучу щебня мешок.

Поднявшись наверх, она сорвала с окон бумагу, чтобы впустить внутрь серый рассвет и острый холодный воздух. В комнате было так пусто и голо, что казалось — здесь не жил никто и никогда. Никаких признаков человеческого существования, ни тряпки, ни корки хлеба, как будто Куколка старательно стерла все свои следы, прежде чем скрыться в ночи.

В полу, под двумя плохо прилегающими досками, они с Куколкой устроили тайник. Именно там, в маленькой жестяной коробочке, они прятали свои деньги — когда те были. Опустившись на колени, Мэри подцепила одну из досок и сдвинула ее в сторону. Облегчение затопило ее с головой. Коробочки в тайнике не было, зато там лежала ее одежда — свернутая в клубки, сложенная, засунутая между промерзшими балками. Она принялась вытаскивать ее наружу. Все было на месте — все ее корсажи, рукава и стомакеры; сумка, набитая бельем, нижними юбками и безделушками, и коричневая накидка, и отрез поплина цвета устрицы. Мэри погладила гладкую, переливающуюся ткань и улыбнулась. Это было все равно что встретить близких друзей после долгой разлуки.

Осколок зеркала, который она подобрала после пожара в доме на Кэрриер-стрит, тоже не потерялся. Мэри взяла его в руки и посильнее напудрила лицо, пока оно не стало белым как мел. Она накрасила губы и нарисовала два красных пятна на скулах. Сегодня ей как никогда нужна была маска. Черные змейки волос выбивались из-под чепца. Никто никогда не называл ее красивой, только клиенты. «Иди сюда, красотка», — говорили они. Конечно же Мэри не верила ни единому слову. Они говорили это сами себе, пытались убедить себя, что девушка стоит потраченного шиллинга, и она прекрасно это понимала. И тем не менее Мэри знала, что она красивее, чем многие. Просто сегодня она устала. Не может быть, чтобы она начала терять привлекательность — только не в пятнадцать лет. Она натянула фетровую шляпку, сделала глубокий вдох, напудрила декольте и попробовала развратно улыбнуться. Губы послушно растянулись, но глаза остались такими же мрачными, как и были.

Среди отсыревшей одежды отыскалась и жестяная коробочка. В ней не было даже медного фартинга. Должно быть, дела у Куколки были совсем плохи. Может быть, она голодала? Голодала, но не продала ни одной вещи подруги. Мэри по-

чувствовала, как к горлу снова подступает тугой комок. Как она могла поверить в эту браваду, в разговоры о свободе, во все эти «каждая сама за себя»? Она не должна была уходить и оставлять Куколку одну.

Сама не зная зачем, она аккуратно вернула коробочку на место. На лестнице вдруг послышались шаги. Мэри повернулась только тогда, когда дверь распахнулась и на пороге появилась сама миссис Фаррел. Вздернутый нос хозяйки Крысиного замка был еще меньше, чем ей запомнилось.

Миссис Фаррел, словно гремучая змея, потрясла связкой ключей:

— Можешь так и сказать своей подружке со шрамом: любой, кто обманет Бидди Фаррел, проживет недолго, — заявила она, как будто продолжая уже начатый разговор.

Мэри бросила на нее ледяной взгляд и нагнулась, чтобы подобрать одежду. Миссис Фаррел шагнула вперед и выхватила у нее из рук кусок кружев.

— Ты что, не слышала меня, шлюшка? Какая наглость — пробраться сюда посреди ночи и красть вещи! Да ты хоть знаешь, сколько ты мне должна?

Мэри дернула кружева к себе.

— Я вам ничего не должна.

— Не ты, так та, вторая шлюха.

Мэри отпустила ткань.

— А мне что с того?

— Пять дней, как она сбежала не заплатив… но я найду ее, где бы она ни пряталась, клянусь чем угодно. Можешь ей передать — если она не отдаст мне деньги, то лишится и второй половины лица.

Мэри затошнило. Она едва совладала с порывом схватить мерзкую бабу за горло, так, чтобы пальцы вдавились в дряблую плоть, и прошипеть: «Иди поищи свои деньги в тупике за домом». Но делать этого было нельзя. Она не хотела, чтобы кто-то нашел Куколку до того, как она наберет денег на приличные похороны.

— И сколько же она вам задолжала?

По фиолетовому лицу миссис Фаррел пробежала тень сомнения.

— Десять шиллингов.

— Да будь я проклята, если это правда!

— Да я две недели не видела от этой чертовой потаскухи ни фартинга! Нет, уже целый месяц! — Домовладелица с достоинством разгладила свои юбки цвета бычьей крови.

Врет, подумала Мэри. Пожалуйста, хоть бы это было вранье. Мысль о том, что Куколка голодала целый декабрь…

— Полкроны за ваши неприятности, — холодно сказала она и полезла в карман.

— Полкроны засунь себе в задницу! — Капелька слюны вылетела изо рта миссис Фаррел.

Мэри пожала плечами, отвернулась и принялась запихивать свою одежду в сумку, прямо поверх белья.

— Ты оставишь все это здесь, поняла?

— Все это мое, до последней тряпки, — тихо сказала Мэри не останавливаясь. — Все ее вещи вы уже продали, ведь так? Бьюсь об заклад, они теперь в лавках на Монмут-стрит, платья Куколки.

— Даже если и так, они стоили гроши.

— Да? А как же ее браслет с камеей? И ее французское платье с меховой оторочкой? — бросила Мэри.

Миссис Фаррел расставила руки, загораживая дверной проход. Она была похожа на огромную паучиху.

— Там не нашлось добра и на два пенса. Сейчас же поставь эту сумку, или я закричу, что меня грабят.

Мэри презрительно фыркнула:

— И чем вам это поможет? Вы думаете, сюда кинутся сыщики с Боу-стрит? В Трущобы?

— У меня есть парень, который научит тебя хорошим манерам, — взвизгнула домовладелица.

Мэри приблизила свое лицо почти вплотную к одутловатой физиономии миссис Фаррел.

— Прочь с дороги, старая сука, — свистящим шепотом сказала она.

На мгновение ей показалось, что она победила. Миссис Фаррел отшатнулась, но тут же кинулась к окну.

— Цезарь! — завопила она так пронзительно, что было слышно и на Севен-Дайлз.

Нет! Только не он.

— Цезарь!

Не может быть, судорожно подумала Мэри. Есть же и другие люди с такими именами. Тот Цезарь сам себе хозяин, разве нет? Не будет же он служить цепным псом у миссис Фаррел? Даже если она самая богатая женщина в округе и предложит ему королевское жалованье?

— Иди сюда немедленно! — завизжала миссис Фаррел.

Но он же работал на мамашу Гриффитс, давным-давно? В те дни, когда он пришел за Куколкой со своим длинным ножом.

— Здесь одна девка хочет, чтобы ее порезали!

Матерь Божья. Это он.

Мэри подскочила к окну и пихнула миссис Фаррел так сильно, что та стукнулась головой об оконную раму. Обе уставились друг на друга, словно не веря в то, что это происходит на самом деле. По щеке домовладелицы зазмеилась тонкая струйка крови.

— Я велю ему отрезать тебе губы, — выдохнула она.

Мэри подхватила сумку и бросилась к двери.

— Цезарь! — провыла миссис Фаррел у нее за спиной.

Мэри успела добежать до второго этажа, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Она замерла, не зная, куда податься. Тяжелая сумка с одеждой оттягивала руку; она чувствовала, что ее жизнь висит на волоске и вот-вот оборвется. Она уже развернулась, чтобы бежать обратно в свою каморку, но ее взгляд вдруг упал на дверь Мерси Тофт. Дурында никогда ее не запирает, мелькнула в голове спасительная мысль.

Комната Мерси была пуста. Трясущимися руками Мэри закрыла дверь, привалилась к ней спиной и перестала дышать.

На лестнице раздались торопливые шаги Цеза-

ря. Африканец двигался быстро, как ртуть. Мэри начала считать про себя. Раз, два, три, четыре… Теперь он должен быть на третьем этаже. Она сорвала с ног туфли и выскользнула за дверь. На лестнице никого не было; в воздухе висел сладкий запах помады Цезаря.

Мэри босиком неслась по безымянным переулкам и дворикам Трущоб, прижимая к груди сумку, как будто это был младенец. Только через несколько улиц она осознала, что все еще сдерживает дыхание. Она резко свернула налево и устремилась к Севен-Дайлз, надеясь затеряться в толпе. Когда она пробегала по Монмут-стрит, мимо лавочек с одеждой, в голове вдруг возникли слова матери. *В Монмуте отродясь не было такой беготни и суеты.*

Мэри свернула еще раз, снова миновала Мерсер-стрит и оказалась у церкви Святого Эгидия. Вокруг разливался звон колоколов; дома здесь стояли совсем близко друг к другу. Она ничего не соображала: в голове было пусто и гулко, сердце сжималось от страха. Поднялся небольшой ветерок. Золотая птица на шпиле медленно повернулась вокруг своей оси. Вырезанные на воротах грешники с грязными каменными лицами в ужасе карабкались друг на друга, пытаясь

скрыться от всевидящего ока Господа.

* * *

К полудню Мэри сидела в «Чеширском сыре» с чашкой крепкого чая. Сердцебиение немного унялось; на некоторое время она просто запретила себе думать о Цезаре. Она будто наяву услышала смех Куколки. *Девочка моя, если кто-то хочет твоей смерти, это еще не значит, что ты должна отказываться от чая.* Но думать о Куколке тоже было нельзя.

В сумке лежала запасная пара туфель. В одну из них Мэри нарочито небрежно засунула шитый золотом чулок. Второй она потеряла сто лет назад, на вечеринке с джином на Боу-стрит. Сейчас она аккуратно раскатала его, высыпала содержимое к себе на колени и пересчитала деньги. Один фунт, шесть шиллингов и пенни — и это за два месяца шитья. Вот сколько стоят плоды, выращенные на честной почве. Мэри собрала мелкие монетки в горсть и пересыпала их между пальцами, словно песок.

Кто-то окликнул ее, и она торопливо сунула деньги обратно в чулок. *(Со шлюхами, птичка моя, надо быть поосторожнее,* сказала Куколка у нее в голове.) Это была Бидди Доэрти, ирландка из

Корка, которая работала в Сент-Джеймсском парке. От Бидди вовсю несло миндальной ратафией, и Мэри пришлось повторять все по нескольку раз. Да, ее не было здесь пару месяцев, и нет, она не видела Куколку в последнее время. Какой-то ком в горле мешал ей рассказать все как есть.

Она выставила Бидди кварту эля, за новости и в память о старых временах. В Ричмонде замерзла река, и целая компания мисс отправилась туда кататься на коньках и жечь костры. Торговля всю зиму шла из рук вон плохо. Бидди считала, что виной всему «курочки».

— Да точно, они делают это за бесплатно, грязная шваль! Ну половина-то наверняка.

К тому же стоят такие холода, что клиенты боятся расстегивать штаны на улице — опасаются отморозить хозяйство. Да и война тоже добавляет неприятностей. По мнению Бидди, виноваты были проклятые французы. А, и еще вот что: Нэн Пуллен арестовали!

— Но я видела ее прошлой ночью на Севен-Дайлз! — удивилась Мэри.

— Ну конечно. Ее схватили только сегодня утром.

— За проституцию?

— Вовсе нет, — фыркнула Бидди. — За то, что

она брала платья своей хозяйки. Теперь ее обвиняют в воровстве. Когда ее взяли, на ней было то чудесное дорогое платье из тафты. Так что теперь ее вздернут, это как пить дать.

У Мэри загудело в голове. Она представила себе черное тайбернское дерево, дергающиеся, словно мухи в паутине, тела и содрогнулась.

— Помоги ей Бог.

— Ну, надо было ей быть поумнее, бедняге. Единственное, что они не прощают, — так это воровство.

Мэри откинулась назад, на засаленную спинку дубовой скамьи. Бидди продолжала болтать. Она знала, что нужно делать. Как бы поступила Куколка на ее месте? *Бидди, дорогуша, позволь мне переночевать у тебя разок-другой…* Но мысль о том, что придется лежать рядом с этим тощим, проспиртованным тельцем, вызывала в ней отвращение. Может быть, пару ночей она сможет обойтись и без постели. В своем фиолетовом платье-полонез она будет утюжить улицы от рассвета и до заката, пока не заработает немного денег. Достаточно, чтобы похоронить Куколку. Мэри была уверена, что сумеет привлечь клиентов несмотря на мороз; нужно только предложить им хорошую цену, шесть пенсов за раз. (Куколка

покачала головой. *Милая, никогда не опускай цену ниже девяти пенсов. Не оскорбляй ремесло.*) Надо работать день и ночь, стоять у стены, пока не подогнутся колени, пока не онемеет все внутри, пока мертвая замерзшая рука Куколки не сотрется из памяти вместе со всем остальным.

Но Цезарь! Ее сердце снова заколотилось, как будто она увидела его воочию, почувствовала запах его напомаженного парика и крепкого мускулистого тела. Если бы только это был кто-то другой! Кто угодно, но не он! Мэри невольно прикрыла рот рукой, словно защищаясь от ножа. Как будет выглядеть ее лицо, если Цезарь отрежет ей губы?

Она попыталась рассуждать здраво. Сколько возьмет миссис Фаррел за то, чтобы отозвать Цезаря обратно? Но теперь дело осложнилось. Жертва сумела обмануть его и ускользнуть от расправы. Задета его честь, и он непременно захочет с ней поквитаться.

Она не могла сидеть спокойно. Цезарь мог войти в таверну в любую минуту, спокойный и подтянутый, в своих белоснежных одеждах и с длинным ножом в руках. Найдется ли здесь хоть один человек, который вступится за нее? Никто и никогда не вставал на пути у Цезаря —

во всяком случае, никто из ныне живущих. Не выдержав, Мэри вскочила на ноги и выбежала из «Чеширского сыра». Бидди Доэрти, ничего не заметив, продолжала что-то бормотать над кружкой с элем.

Она шла по Стрэнду и старалась не встречаться ни с кем глазами. В конце концов Мэри низко опустила голову и перешла на бег. Снег крошился под ногами, словно перемерзшее сало; туфли тут же намокли. Каждый раз, сворачивая за угол, Мэри искала глазами Цезаря. Один раз ей показалось, что он идет навстречу, и она метнулась в ближайший переулок, так быстро, что упала и промочила платье до самой верхней юбки. Но это был не Цезарь, а какой-то другой черный мужчина, лакей в раззолоченной ливрее.

Если бы на ее месте оказалась Куколка, она бы только посмеялась в лицо опасности. Она как ни в чем не бывало расхаживала бы по улицам, весело приветствуя старых клиентов, подзывая новых. Если бы Мэри была Долл Хиггинс, она вывернула бы старую жизнь наизнанку, словно грязную юбку, и надела ее снова. Но она была всего лишь Мэри Сондерс, и кто-то охотился за ней на этих грязных скользких улицах, и все, о чем она могла думать, — это бежать. Бежать, бежать, бежать.

Она вдруг вспомнила спутника Мистера Латы, старика с запачканными чернилами пальцами. «Так не годится», — сказал он. Эти слова стучали у нее в голове, будто крохотные молоточки.

Так не годится,
Все может случиться,
Так не годится,
Все может случиться.

«Я больше не могу быть мисс», — решила Мэри. Только не после того, как спала два месяца на чистых простынях. Все это было весело и забавно только с Куколкой. Без нее это совсем не жизнь. Должно быть на свете что-то получше.

Она пошла вдоль реки, чтобы не попасться на глаза знакомым. Кое-кто может захотеть заработать шесть пенсов и сообщить Цезарю, где ее искать. Порывшись в сумке, Мэри вытащила муслиновую косынку, набросила ее на голову и прикрыла лицо. Вода струилась в берегах, словно эль в чьей-то гигантской глотке. От холода подгибались колени; один неверный шаг — и она окажется в ледяной воде. Любой житель Лондона, который хоть раз видел, как хохочущие лодочники подцепляют баграми плавающий кверху задом труп, — тому, кто не хохотал, оставалось

только выть, — знал, что жизнь длится ровно столько, сколько ты можешь ее выносить. Но сегодня это может и не получиться, подумала Мэри. Темза напоминала ледяную кашу. Если прыгнуть вниз, то льдины не дадут погрузиться в воду, а стиснут со всех сторон и медленно повлекут вниз по течению, словно мусор.

— Простите, мне сказали, что вы едете в Монмут.

Лошадь, что стояла ближе всех, подняла хвост и вывалила на мостовую кучу дерьма. Мэри еле успела подобрать юбку. Это синее шерстяное платье — она купила его в лавке и переоделась в какой-то подворотне — было единственным приличным в ее гардеробе. Теперь от него зависело практически все.

Возница вытащил из почерневшего рта трубку, сдвинул на затылок мятую шляпу и оглядел ее с головы до ног:

— Может, и еду. Что с того?

Мэри выпрямилась. Неужели он понял, кто она такая? Разве можно догадаться, что она мисс? Косынка заправлена в корсаж, на голове новенькая соломенная шляпка, лицо отмыто дочиста, словно у ребенка, — ни следа краски, она даже не потерла губы красной лентой. Может, на ней сто-

ит особое клеймо, даже сейчас, когда она бросила старое ремесло?

— Где именно находится Монмут? — спросила Мэри. Она сильно волновалась, и от этого ее голос прозвучал особенно сердито.

Возница ухмыльнулся. Нет, он ни о чем не догадался, решила Мэри. Чему она действительно научилась в Магдалине, так это играть роль приличной девушки.

— Во Франции, — бросил возница.

Мэри нахмурилась. Франция где-то там, за морем, это она знала точно. Если бы мать приплыла на корабле, она бы непременно об этом упомянула.

— Это не в Англии, — осторожно заметила она.

Возница расхохотался. Как будто смех уже давно сидел у него в горле и наконец-то вырвался наружу.

— Не-е-е-ет, — протянул он. — Это в Индии.

Мэри отвернулась.

— Все, все, дорогуша. Больше никаких шуток.

— Да я сомневаюсь, что вы и Дувр-то найдете, — бросила она через плечо.

— Монмут — это в Валлийской марке, — бросил он в ответ.

— В Валлийской марке, — медленно повторила

Мэри. Как будто она знала, о чем он говорит, и не очень-то ему верила.

— На границе. Рядом с Уэльсом.

Мэри слегка затошнило. Но мать же не валлийка? Этого не может быть. Надо было внимательнее слушать ее истории. *Я и моя подруга Джейн… Дома, в Монмуте… Когда мне было столько же лет, как тебе сейчас…*

— Уэльс — это не Англия, да? — предположила она.

— Нет, милая. Это там, где кончается Англия.

Вскоре она уже дрожала в углу дилижанса. Надо было потратить деньги на одеяло, а не на платье, подумала Мэри. Возница называл эту колымагу каретой, но, конечно, она была недостойна такого славного имени. Раньше Мэри не приходилось ездить в карете, разве что с клиентом — «Два раза вокруг парка, кучер, и смотри следи за ямами на дороге!» — но она точно знала, как это должно выглядеть. Прежде всего, нужна бархатная обивка. И чтобы сиденья были пружинистыми и мягкими, и стекла с фаской отражали свет уличных фонарей. То, в чем она сидела сейчас, являлось не более чем огромным ящиком на колесах, который тянули восемь ленивых лошадей. Из трещины слева от нее немилосердно дуло, а

окна украшали фестоны из налипшей грязи.

Возницу звали Джон Ниблетт; свое имя Мэри благоразумно не назвала. Оказалось, что дилижанс отправляется в Монмут только раз в две недели.

— Повезло тебе, — заметил он. — Найти карету, чтобы шла, куда тебе нужно, в новогодний день.

Однако Мэри уже начинала думать, что это было самое плохое решение за всю ее жизнь.

Она печенкой чувствовала, что спрятаться от Цезаря в Лондоне ей не удастся. Одно то, что она целых полдня скрывалась от его остро заточенного ножа, наверняка исчерпало запас удачи, положенный ей на всю жизнь. Если не получится выбраться из города до полуночи, завтра ее найдут в какой-нибудь подворотне в Трущобах, разделанную, словно воскресную индейку, а ее губы будут лежать в кармане у Цезаря, в качестве сувенира на память. Если она останется, чтобы похоронить Куколку, в яме для бедных будут лежать уже двое — Мэри и ее закадычная подружка. «Ты меня простишь?» — мысленно спросила она, но, конечно, ответа не последовало. Надо просто убраться отсюда подальше. Убежать от своего прошлого и от будущего, что ожидало ее в конце промерзшего насквозь тупика.

Всего несколько часов назад город, где родилась Сьюзан Дигот, был последним местом на земле, где Мэри хотела бы оказаться. Историю о том, что ее ожидает место в Монмуте, она соткала буквально из воздуха. Ей нужно было придумать что-нибудь трогательное, например байку о том, как старая подруга матери готова в любую минуту принять ее под свой кров. Эта Джейн Джонс могла давным-давно умереть. А может быть, она и думать забыла о Сьюзан Сондерс и не помнила даже ее имени. Кто возьмет к себе дочь подруги, с которой не виделись двадцать лет? Каким простаком нужно быть, чтобы открыть дверь своего дома незнакомому человеку?

И тем не менее у нее не было выбора. Старая жизнь ускользала из пальцев, словно песок. Ей было некуда больше податься, кроме как в Монмут, не к кому обратиться, кроме женщины, которую она не видела никогда в жизни.

— Дилижанс отправляется! — завопил Джон Ниблетт. — Хаунслоу, Биконсфилд, Берфорд, Нортлич, Оксфорд, Челтнем, Глостер, Монмут.

Дневной свет постепенно угасал. Карета еле-еле ползла по Стрэнду — медленнее, чем прогуливающиеся с клиентами шлюхи. Молодые подмастерья играли в футбол; их чулки были

забрызганы грязью до самых колен. Объезжая место игры, телеги и кареты замедляли ход еще больше.

Ниблетт сказал, что дорога займет девять дней, и Мэри от души понадеялась, что это не более чем еще одна шутка. Вряд ли он хохотал бы так громко, если бы знал, сколько именно денег лежит в ее свернутом чулке — всего-навсего пятнадцать шиллингов, оставшихся после покупки синего платья. Мэри понятия не имела, как она будет платить за еду и ночлег во время путешествия, не говоря уже о расценках Ниблетта — восемь пенсов за каждый отрезок пути, но решила подумать обо всем потом. Сейчас она не могла позволить себе беспокоиться еще и об этом. Онемевшими пальцами она нащупала под юбками свою сумку. Ниблетт предложил убрать ее наверх, но Мэри наотрез отказалась. Она засунула туда два камня, чтобы сумка была потяжелее, — ей хотелось выглядеть девушкой, у которой есть кое-что за душой. Однако она опасалась, что Ниблетт может услышать, как они громыхают внутри, под свернутыми платьями.

Карета слабо дернулась. Напротив Мэри сидел немолодой торговец с выпирающим из-под подбитого мехом пальто животом. Он расставил

колени пошире, так чтобы не смять ее юбки, и ухмыльнулся. Пара фермеров, муж и жена, прижимались друг к дружке. Возле них расположился студент, у которого постоянно текло из носа, и трое недокормленных плотников. Наверху, рядом с Ниблеттом, устроился худой мужчина с бледным как мел лицом, по виду школьный учитель. Выгадает несколько пенсов и отморозит себе задницу, подумала Мэри.

Когда дилижанс повернул на Пэлл-Мэлл, путь ему перерезали носилки, которые тащили двое лакеев с потными лицами. Прохожие застыли на месте, словно забыв, куда шли, и расступились только тогда, когда Ниблетт щелкнул кнутом. Мэри выглянула в окно. Возле шляпного магазина стояла карета ее мечты, изумрудно-золотая бабочка на огромных колесах. Она прижалась лбом к стеклу и успела разглядеть нарумяненное создание с алыми губами и в широких юбках, которое порхнуло с подножки и тут же скрылось в магазине. Мэри выворачивала шею до тех пор, пока она совсем не занемела.

Сквозь грязные разводы мелькали арки, площади, белые колонны и мраморные подоконники. Торговец прочистил горло.

— Говорят, что герцог Девонширский — это

нечто nonpareil[7]. — Он протянул руку, чтобы показать на Беркли-сквер; карета подпрыгнула на ухабе, и он нечаянно коснулся колена Мэри. Она бросила на него ледяной взгляд. Торговец мгновенно отдернул руку, как будто его палец попал в мышеловку, и она чуть не рассмеялась. Получилось! Она здорово строит из себя недотрогу.

Теперь они тащились мимо Гайд-парка. Мэри заметила замерзший пруд и пару леди верхом на лошадях, в треуголках, у самой кромки воды. Когда показалось тайбернское дерево, она сделала нарочито безразличный вид, как будто и знать не знала, что это такое. Приличные девушки не кричат во весь голос вместе с целой толпой и не покупают кусок веревки повешенного за половину того, что можно получить за один раз с клиентом.

— Мадам?

Голос торговца вывел ее из раздумий. Никто никогда не называл Мэри «мадам». Робко улыбаясь, он наклонился вперед и протянул ей маленькую бутылочку зеленого стекла. Мэри вздрогнула. Неужели она допустила какую-то ошибку? Неужели он догадался, кто она на самом деле?

---

[7] Сноски: 7
Несравненный (*фр.*).

— Глоточек портвейна, чтобы согреться? — предложил торговец.

Мэри покачала головой — еще до того, как он успел сказать хоть слово, — и закрыла глаза. Терпкий аромат вина был мучительно притягателен. Она могла бы осушить эту бутылку одним глотком.

Даже когда дорога была пуста, карета ползла со скоростью хромого старика. На большее эти клячи не способны, презрительно подумала Мэри. Быстрее было бы пойти пешком. Но тем не менее, когда она открыла глаза, оказалось, что Лондон уже остался позади. Мэри всегда думала, что этот город бесконечен, но теперь за окошком тянулись только голые сады и грязь. Деревни, которые они проезжали, были совсем маленькими: Пэддингтон, Килберн, Криклвуд. Стараясь не слушать, что там бормочет торговец о населении и сбыте, она рассматривала новый мир, что проплывал мимо.

Когда-нибудь она вернется назад. В этом Мэри была уверена. В один прекрасный день, когда ей будет не страшен Цезарь, или голод, или ледяные ночи, она снова въедет в Лондон, и не в грязной повозке, а в своей собственной карете, запряженной парой вороных лошадей, под цвет

ее смоляных кудрей. А рядом с каретой будут бежать ее собственные лакеи в ливрее, с факелами в руках, а на крыше будут сундуки, полные чудеснейших платьев. Она поселится в новом доме из светлого камня на Голден-сквер, и окна в нем будут такими высокими, что прохожим придется сворачивать себе шею, чтобы увидеть ее хоть одним глазком.

«Моя дорогая леди Мэри». Так он будет ее называть. Возможно, еврей-торговец, как на тех гравюрах, «Карьера проститутки»[8]. Говорят, что из них получаются самые хорошие покровители. (Первый раз, когда Мэри имела дело с евреем, она расхохоталась в голос — так удивительно ей было видеть эту штуку совсем голой.) Или, может быть, к тому времени она уже выйдет замуж — чем черт не шутит. Она попыталась представить себя замужней дамой, но почему-то картинка никак не вырисовывалась. Однако одно она знала точно. Она никогда не будет сама выносить свой ночной горшок.

Эти фантазии развлекали ее следующие

---

[8] Сноски: 8

«Карьера проститутки» (*англ.* A Harlot's Progress) — серия из 6 картин (1731, утрачены) и гравюр (1732) Уильяма Хогарта. Серия показывает историю молодой девушки Молл (Мэри) Хэкэбаут, прибывшей в Лондон из провинции и ставшей проституткой.

несколько дней пути. Дороги были совсем разбитыми, и пассажиров дилижанса трясло так, словно их били судороги. Внутри стоял крепкий запах немытых тел. Мэри попробовала отключить все свои ощущения и дышать через рот. Ей грезились дома с высокими колоннами, а за окном простирались покрытые грязью и льдом поля. На третий день Мэри увидела на вершине холма виселицу с болтавшейся на ней железной клеткой и обгорелым трупом и жадно впилась в нее глазами. Интересно, где было его лицо, подумала она.

Каждый день она с нетерпением ждала потепления. У пассажиров не было другой темы для разговора. Однако мороз и не думал сдаваться. Никогда в жизни Мэри не было так холодно, как сейчас. Раньше поблизости всегда был какой-нибудь источник тепла: очаг в таверне, кружка горячего негуса, на худой конец горсть жареных каштанов. Но карета, словно корова, плелась сквозь голые поля, и ей было негде укрыться от холода и ветров. Мэри не могла пройтись и размять ноги; оставалось только сидеть на месте и мерзнуть. Ноги онемели от самых кончиков пальцев и выше, и ей казалось, что их нет вообще и что, если она поднимет юбки, там окажется

пустота.

Ей вспомнилась одна странная вещь. Когда Мэри была маленькой, одна зима тоже выдалась на редкость суровой. Мать нагревала на углях камень, заворачивала его в тряпку и клала ей в постель. Как-то раз Мэри зажала камень между ляжками, и через пару мгновений необыкновенное удовольствие начало наполнять ее тело, как будто в котел наливалась вода, а в нем плескалась маленькая рыбка. Должно быть, она пискнула или как-то зашумела, потому что мать спросила, что она там делает. «Ничего», — ответила Мэри и спихнула камень вниз, в ноги.

Иногда им навстречу попадались другие кареты. Они пролетали мимо, и Мэри с завистью провожала их глазами.

— Хорошо тем, кто может менять лошадей каждые шестьдесят миль, — мрачно заметил один из плотников.

— Если бы Ниблетт почаще работал кнутом, мы тоже могли бы ехать побыстрее, — пробормотала Мэри.

— Тогда вам надо было на другой дилижанс — если вы так торопитесь.

— Какой еще другой дилижанс?

Плотник рассмеялся, показав коричневые

зубы:

— Тот, что идет до Монмута за три дня.

Вскоре Мэри поняла, что Ниблетт всегда выбирает самую длинную дорогу, и это безмерно ее раздражало. И виной тому был не изрядный возраст лошадей, а его страсть к наживе. В задней части кареты, под дерюгой, находился целый склад разных лондонских товаров: патентованные микстуры, набивные ткани, баллады и романы. Ниблетт не пропускал ни одного самого мелкого городишки на пути. Он останавливался, чтобы немного поторговать, и при этом каждый раз наклонялся к окну и оглушительно выкрикивал название населенного пункта. Однако эти имена не говорили Мэри ровным счетом ничего. Она забивалась поглубже в свой угол и в ярости кусала губы. Ее деньги таяли, как снег весной, и все из-за того, что проклятый дурак ни в какую не желал торопиться.

В таверне в Нортличе Мэри как следует поторговалась, и ей удалось сбить цену на два шиллинга. Она перестала давать чаевые поварам и горничным и, как следствие, спала на влажных тюфяках, а ужин получала едва теплым. В Оксфорде молчаливый студент последний раз вытер нос рукавом своей черной мантии и покинул

дилижанс. Местный постоялый двор был самым грязным из всех, что ей доводилось видеть. Шепотом, чтобы никто не слышал, Мэри спросила самое дешевое, что у них есть, и ей принесли куриную ногу, такую серую, что она целую ночь бегала к горшку. Служанка, которая пришла вынести его утром, выразительно сложила ладонь ковшиком, но Мэри сделала каменное лицо и посмотрела прямо сквозь нее.

Все эти городки казались Мэри довольно милыми, но все равно это были всего лишь крохотные точки на фоне нескончаемых вересковых пустошей и болот. Только изредка монотонность пейзажа нарушалась виселицей с обмазанным смолой трупом в железной клетке. Мэри попросту не верила, что жизнь существует где-то кроме Лондона. Ей даже было странно называть этот город по имени. Это был ее мир, не больше и не меньше, нечто совершенно естественное и в то же время единственно возможное. С самого начала она писала только на этой странице и не представляла себе, кем бы она была, если бы родилась в другом месте. Не то чтобы она питала к Лондону сентиментальную привязанность — не больше, чем к грязи, налипшей на башмаки, или к воздуху, которым дышала. Но она не знала, ка-

ким воздухом она дышит сейчас и не задохнется ли она в этой новой, незнакомой среде.

В один из череды этих январских дней дилижанс вдруг замедлил ход, а потом и совсем остановился. Мэри открыла глаза, несколько раз моргнула, чтобы прогнать сонливость, и прижалась лбом к ледяному стеклу. Очередная телега, доверху груженная зерном, с двумя запряженными в нее волами, перед ней — еще куча телег и повозок, а за поворотом узкой дороги — очередное стадо, которое перегоняли на пастбища, что раскинулись вокруг Лондона. Чтобы эти тощие коровы протиснулись мимо, понадобится не меньше часа, решила Мэри. Она снова зажмурила веки, чтобы не видеть их голодных глаз. В карете стоял крепкий запах свежего навоза. Хоть что-то совсем как дома, подумала она и слегка улыбнулась. Коровы окружили дилижанс со всех сторон. Они то и дело задевали его боками; погонщики кричали что-то хриплыми голосами, но невозможно было разобрать ни слова. Казалось, все на свете движется так же медленно, как и дилижанс Ниблетта, но в другую сторону, прочь от пустых полей к зеленым южным пастбищам. Мэри стало не по себе. Она не могла отделаться от ощущения, что едет совсем не туда, куда нужно,

плывет против потока.

Снаружи сгущались сумерки. С тех пор как они выехали со Стрэнда, Мэри не видела ни единого фонаря. Она уже почти забыла этот запах горящего масла. Здесь, в настоящем мире, — а Мэри уже начинала понимать, что это и есть настоящий мир, — в забытом богом захолустье, которое составляло основную часть страны, день кончался в то же мгновение, как солнце садилось за горизонт. Все, что мог сделать человек, — это найти укрытие до того, как угаснет большой дневной фонарь и черные небесные стены сойдутся над головой; держаться ближе к другим, чтобы защититься от странных существ, рыщущих там, в темноте, созданий, для которых, может быть, еще не придумано имени. Даже храпящая жена фермера, локоть которой впивался Мэри в бок, казалась ей почти родственницей, несмотря на то что во сне она время от времени пускала слюни прямо на «приличное» синее платье.

Наступила темнота. Мэри попыталась вспомнить, что она делает здесь, в… как бы там ни называлась эта пустошь в почти сутках пути от последнего постоялого двора, но не смогла. Она больше не ехала из одного города в другой; она просто ехала. Куда? Для чего? За воспоминанием,

даже не своим собственным, а женщины, которая была когда-то ее матерью. Ради слабой надежды получить приют. Наверное, она потеряла рассудок, как та мисс с Ковент-Гарден, которая сошла с ума после родов и сбежала куда-то в Стаффордшир. Ребенок скоро умер без молока, но никто так и не узнал, что сталось с ней самой. Нет, пожалуй, с Мэри все было не так плохо. Но о чем она думала, когда села в дилижанс, который едет в никуда?

Когда стадо наконец прошло и карета сдвинулась с места, оказалось, что дорога едва ли не по колено завалена навозом. Колеса скрипели и не желали ехать. Мэри хотелось спать, спать, спать, а потом проснуться и увидеть, что все уже кончилось.

— Пока что вы должны мне четырнадцать шиллингов, мисс Сондерс, — обронил Джон Ниблетт утром, когда Мэри усаживалась на свое место.

Не может быть, чтобы так много, судорожно подумала она и напряженно улыбнулась, чтобы не выдать своего ужаса.

— Все верно. Я же еду в Монмут — там я и рассчитаюсь с вами сполна.

Он равнодушно пожал плечами:

— Просто народ обычно рассчитывается в кон-

це каждого дня. Только и всего.

Мэри слегка закатила глаза:

— Какая суматоха. Так можно и со сдачей запутаться.

— Ну да, — согласился Ниблетт. — Не слишком-то это и удобно. Но вез я как-то одного чертова мошенника, так он сбежал в Глостере и не заплатил мне восемнадцать шиллингов.

Он хрипло рассмеялся. Предупреждение? Мэри покачала головой, словно не могла поверить, что на свете существуют такие подлецы.

В своем углу она засунула руку в сумку и на ощупь пересчитала монеты в свернутом чулке. Полкроны и еще пенни. Мэри чертыхнулась. К чему тратить половину сбережений на достойное платье, если не можешь заплатить по счету? Хороша же она в нем будет, когда ее посадят в долговую тюрьму в Монмуте! К тому же подол уже залоснился, а косынка измялась и лежала неровными складками.

Весь день она думала, что делать. Бежать некуда; Монмут был ее единственной надеждой на спасение. Если бы только удалось улучить минуту и продать что-нибудь из одежды…

Но когда они добрались до постоялого двора в Челтнеме, на улице совсем стемнело. Торговец

распрощался с остальными — он ехал на воды лечить свою водянку. Мэри лежала на заскорузлых простынях и не могла сомкнуть глаз. Что, если утром метнуться в город и найти лавку, где торгуют подержанной одеждой?

Но к тому времени, как она проглотила свою чашку чаю и вышла во двор, Джон Ниблетт уже запрягал уставших лошадей. Увидев Мэри, он широко улыбнулся:

— Сегодня проделаем хороший путь.

— С божьей помощью, — ответила Мэри и почувствовала, как желудок наливается свинцовой тяжестью.

В Глостере оттепели все еще не было. На окнах собора застыли причудливые морозные узоры. В дилижансе появился новый пассажир — валлиец, по виду трактирщик. У него были густые кустистые брови и слегка кривой парик, и он все время щурился от солнца. Почувствовав на себе взгляд Мэри, валлиец приосанился и выпрямил спину. Она попыталась посмотреть на себя его глазами. Что он видит? Возможно, горничную, очень порядочную и приличную, разве что с чересчур широким алым ртом, который не нуждался ни в какой краске. Он явно не был богачом, но, видя, что она за ним наблюдает, ки-

нул Ниблетту шиллинг за первый участок пути и отмахнулся от сдачи.

Рыбка на крючке, как говорила Куколка, когда на ней останавливался взгляд клиента.

Мэри не ела весь день. Она не могла потратить свои последние гроши, не зная, когда у нее снова появятся деньги. Она притворилась больной, но, кажется, Ниблетт видел ее насквозь. В прежние времена они с Куколкой могли прожить едва ли не полнедели на нескольких пинтах вина и дюжине устриц из Эссекса, но Магдалина ослабила волю Мэри. Она забыла, как это — обходиться без пищи. И поэтому сейчас должна была забыть о своем намерении бросить старое ремесло.

В полночь Мэри сидела на скрипучей кровати в «Свон-Инн» в Колфорде. Здесь, как и везде, праздновали Двенадцатую ночь: то и дело раздавались звон колокольчиков, барабанная дробь и взрывы смеха. Когда валлиец снял парик, оказалось, что она выше его, и ему приходилось смотреть на нее снизу вверх. Точно не женат, отметила Мэри коричневые потеки на рубашке. Она вздрогнула. В комнате было так холодно, что ей не пришлось притворяться. Ее небольшая крепкая грудь, видневшаяся из-под сбившейся белой косынки, была покрыта мурашками; из-под красной ленты

выбивались волосы. Мэри опустила глаза и уставилась в пол, на грязные щели между досками.

Она всхлипывала и уверяла, что только отчаянное положение заставило ее просить помощи у совершенно незнакомого джентльмена.

— Если бы только я не потеряла кошелек своей хозяйки… или кто-нибудь нашел его и отдал мне… если бы мистер Ниблетт не был таким жадным и позволил мне отдать ему деньги потом… если бы вы, сэр, одолжили мне немного, только чтобы заплатить за проезд, клянусь своей честью, я вернула бы вам все до последнего пенни, только бы добраться до дому… пусть дьявол заберет мою душу, если я вру…

Как легко. Слишком легко. Мэри посмотрела валлийцу прямо в глаза, пылающие и слегка влажные. Когда он осторожно занес руку и опустил ее на засаленное стеганое покрывало за ее спиной, она еле удержалась, чтобы не ударить его. Как может взрослый мужчина позволять так себя дурачить? Должно быть, ему показалось, что разом наступили и Рождество, и Новый год, и все праздники вообще. Девушка такого нежного возраста, такая одинокая, такая беззащитная. Теплая и смирная… возможно, она даже не будет возражать…

Но Мэри знала, как ведут себя приличные девушки. Как только толстые пальцы валлийца коснулись ее корсета, она набрала в грудь воздуха, как будто готовилась закричать, и он вынужден был зажать ей рот ладонью. Ее горячее дыхание жгло его пальцы. Он и не думал заходить так далеко, но ее косынка совсем развязалась, и маленькие грудки дрожали, словно испуганные кролики… и он уткнулся в них лицом, всего на мгновение.

Ей было ясно, что валлиец не делал этого уже много лет. С ним нужно поосторожнее, подумала Мэри. Как бы его не прикончить. Его немолодое сердце билось, словно рыба, вытащенная на берег. Ее фижмы вздыбились, словно протестуя, пена нижних юбок накрыла его колени.

— Но, сэр! — прошипела Мэри сквозь пальцы. — Но, сэр!

Чтобы погасить свечу, ему пришлось дунуть на нее целых три раза.

* * *

Валлиец был тяжелым, словно мешок с углем, но Мэри решила дать ему немного поспать и не будить сразу. Она бы с удовольствием проверила его кошелек, чтобы знать, сколько потребовать,

но не могла до него дотянуться. Снизу донесся припев песенки о трех царях, у которых было кое-что в седельных сумках, затем грохот и громкий смех. В прошлом году Мэри с Куколкой провели этот вечер в театре, а потом отправились праздновать на Биржу, останавливаясь по пути в каждой лавочке, чтобы отведать традиционного пирога. Но сейчас она не могла думать о Куколке. При мысли о том, что тело Долл Хиггинс по-прежнему лежит в тупике за Крысиным замком, Мэри начинала трястись — а она не могла себе такого позволить. Вместо этого она стала представлять себе, какой завтрак закажет завтра утром.

За грязным окном забрезжил рассвет, и ее желудок заурчал так мощно, что валлиец наполовину проснулся. Он завозился и свернулся калачиком, словно собака. Мэри начала всхлипывать. Сначала слезы не шли, но она раскрыла глаза пошире, чтобы в них защипало, подумала о Куколке и заплакала по-настоящему.

Валлиец открыл глаза. Мэри заметила, что его лицо побелело от волнения. Она вывернулась из-под него и уселась на самый край кровати. Нет-нет, она не останется здесь ни на минуту. И свое имя тоже не скажет. Сквозь пальцы она увидела, как валлиец спешно застегивает панта-

лоны. И какие еще полкроны!

— Вы меня обесчестили!

— Боже мой, тише, пожалуйста, тише.

— Как вы смеете предлагать мне деньги! Покупать мое молчание! — шепотом крикнула Мэри. — Видите, до чего вы меня довели! И все потому, что я поверила в уэльсскую честь!

Это попало точно в цель. Пока валлиец возился с кошельком, Мэри усмотрела на простыне красноватое пятно. Должно быть, это было вино, потому что месячные не приходили к ней с того самого дня, как она побывала у Ма Слэттери. Но этот простофиля конечно же не поймет разницы. Дрожащим пальцем она показала на пятно и зарыдала еще громче.

— Клянусь, я все возмещу, только перестань плакать! Тише!

Он дал ей еще десять шиллингов за потерянную девственность. Мэри передернула плечами, не давая к себе прикоснуться.

— А что, если будет ребенок?

Эти слова обожгли валлийца, словно удар кнута. Его брови почти сошлись на переносице.

Мэри вышла из комнаты с фунтом стерлингов в кармане. Она едва сдерживала смех.

Весь день в дилижансе она разыгрывала уби-

тую горем деву. Валлиец сидел между двумя пыльными каменщиками и смотрел на свои сапоги. Его парик перекосился еще сильнее, а щеки покрывала седая щетина.

Сегодня дорога почти ничем не отличалась от полей, в которых она была проложена. Один раз им попалась такая глубокая рытвина, что фермер пожелал выйти и осмотреть ее. Он влез обратно в карету в мокрых грязных сапогах и сообщил, что в яму провалился осел.

— Вот ведь… осел, — сострил он, поглядывая на Мэри.

Она притворилась, что ничего не слышала. У нее были деньги и полная сумка одежды, и она чувствовала себя совершенно счастливой.

В окне появилось перевернутое лицо Ниблетта.

— Всего час до Монмута! — весело крикнул он.

Однако, на взгляд Мэри, было не похоже, чтобы откуда-нибудь из этой пустыни вдруг появился город. Она всегда представляла мир плоским, но эта земля вздымалась и опускалась, бугрилась и снова проваливалась, как будто под ее замерзшей коркой ворочался беспокойный великан. Кроме борозд, оставленных другими колесами, на холме, что они огибали, не было никаких других

следов человеческого присутствия. Больше всего ее тревожили вороны. Она и понятия не имела, что на свете столько ворон. На окраинах города должно быть полно воробьев или чаек, но за последний час Мэри не видела ничего, кроме ворон, и не слышала ничего, кроме их полузадушенных, но пронзительных криков.

Дилижанс поравнялся с усыпанным валунами полем. Начинало слегка смеркаться. Мэри испустила длинный прерывистый вздох и попросила валлийца одолжить ей его письменные принадлежности. Он тут же передал ей коробку с перьями, чернилами и бумагой. Интересно, не удивило ли его то, что она умеет писать, подумала Мэри. Кое-как устроив лист на коленях, она приступила к своему нелегкому заданию. «Моя дарогая падруга Джейн», — вывело перо. Валлиец не спускал с нее взволнованного взгляда. Ничего, пусть попотеет. Погрызет ногти. Да-да, она вполне может написать жалобу и обвинить его в изнасиловании. Вчера он не думал о последствиях и не задавал никаких вопросов, так пусть побеспокоится сейчас.

Дорога больше напоминала канаву. Ниблетт сошел с козел и повел лошадей под уздцы — они спускались с поросшего лесом холма. Карета

сильно накренилась, и на мгновение Мэри испугалась, что сейчас она вырвется и унесется в лес, словно раненое животное. Она покрепче взялась за перо. «Моя дарогая падруга Джейн, я пишу тебе это писмо прибывая на смертном одре». Мэри не делала ошибок в письме, но сильно сомневалась в грамотности Сьюзан Дигот, а то, что она сочиняла сейчас, должно было являть собой предсмертное послание матери к Джейн Джонс. Ее немного затошнило от тряски, и она на минуту подняла голову. Тощая, похожая на собаку овца нюхала ручеек, пересекавший дорогу. Вода в нем была коричневой.

Она вернулась к письму. «Услуга о каторой я прошу во имя нашей дружбы велика». Дилижанс въехал в долину. Здесь было много кузниц, и в воздухе стоял запах разогретого металла. Они миновали пастуха в овечьем тулупе; в этой части света человек и зверь носили одинаковые одежды. Впереди показалась бурная река с перекинутым через нее массивным каменным арочным мостом. По словам фермера, река называлась Уай. Наступил тот самый, последний перед сумерками час, когда с неба пропадали последние краски. По другую сторону моста можно было разглядеть кучку небольших домиков,

отделанных посеревшим от времени деревом. Должно быть, это была окраина города.

Мэри прищурилась. Хорошо бы чернила высохли скорее — песка для просушки у нее не было. Карету мотало из стороны в сторону; Мэри перехватила перо поудобнее и задумалась. Что должна написать мать, находящаяся на пороге кончины? «Боюсь что по моей кончине моя единственая дочь останется одна одинешенка на белом свете без друзей и падержки». Слова вдруг начали расплываться у нее перед глазами. В эту секунду она верила в эту историю сама. Мать, которая больше никогда не увидит свою единственную дочь…

— Монмут! — завопил Джон Ниблетт.

Ну и слава богу. По крайней мере, скоро можно будет наконец выбраться из этого корыта, в котором она провела самую длинную неделю в своей жизни. Мэри взглянула в окно, и ее сердце болезненно сжалось.

Монмут? Но это же не город. Это крохотный городишко, почти деревня. Что же она наделала?

Валлиец протянул руку за своими чернильницей и пером. Мэри поспешно накорябала в конце имя матери. Только теперь она осознала, что он тоже собирается сходить в Монмуте. Да чтоб его

разбил паралич, в ярости подумала она. Неужели он местный? В Англии столько ничтожных вонючих городишек, так почему же этот человек оказался именно отсюда?

Надо было думать, прежде чем затаскивать его в постель. Надо было получше пораскинуть мозгами. Теперь оставалось только надеяться, что он живет где-нибудь подальше от города и их дороги никогда не пересекутся.

Мэри отдала валлийцу письменные принадлежности и отвела глаза.

Посреди реки возвышались несколько покрытых деревьями островков. Верхушечные ветки были усеяны воронами. Одна вдруг издала хриплый повелительный крик, тяжело захлопала крыльями и перелетела на соседнее дерево. Ее растопыренные перья напоминали пальцы. Понемногу волнение охватило всю стаю. Одна за другой вороны срывались с дерева и взмывали в воздух. То, что Мэри принимала за ветки, оказалось птицами. Они были похожи на иглы, штопающие порванную ткань неба.

Дилижанс, скрипя, въехал на мост. Несколько жалких рядов домов, один-единственный церковный шпиль. Весь Монмут предстал перед ней как на ладони. Проделав весь этот путь, она ока-

залась в городе, где птиц было гораздо больше, чем людей.

Часть вторая. Монмут

Глава 4. Полный перечень обязанностей хорошей прислуги

— И смотри, вот здесь остались следы от ее слез. — Миссис Джонс протянула письмо своему супругу.

Он поднес лист бумаги к свету, передал его обратно жене и уселся на кровать.

— Подумать только, маленькая дочка Сью Рис выросла в такую высокую красивую девушку, а ее матери нет на свете и она не может полюбоваться на свое сокровище! — У миссис Джонс не хватало переднего зуба, и когда она вздыхала, то слегка присвистывала. — Но слава Создателю, она хотя бы недолго мучилась. Девочка сказала, лихорадка унесла ее очень быстро.

Мистер Джонс согласно кивнул и поднял ногу, чтобы снять свой единственный башмак с красным каблуком.

— Послушай-ка, Томас, вот кусок, от которого у меня прямо-таки разрывается сердце. — Миссис Джонс быстро пробежала письмо. — «Из благотворительной школы она научилась читать, писать, шить… может скраить рубашку, падру-

бить манжеты… испалнять любую работу… Моя бедная Мэри станит прикрасной служанкой у нее быстрые руки и она усердна скрамна и неприхатлива…»

— Что здесь такого жалостливого? — перебил мистер Джонс, надевая через голову ночную рубашку.

— Я еще не дошла. — Миссис Джонс наклонилась ближе к свече. — «Если ты праявиш божескую милость и примеш мою несчастную дочь в услужение я не самневаюсь что ты никогда об этом не пажалееш и да наградит тебя Господь за твою доброту. — Ее голос дрогнул. — Молю тебя дорогая Джейн пазволь моей душе упокоится с миром зная что моя единственая девочка находится под твоей защитой и в твоих надежных руках». — Она потерла глаз костяшками пальцев.

— Иди в постель, дорогая, — сказал мистер Джонс.

— Уже иду. Знаешь, у девочки нет ни пенса. У нее не было ни крошки во рту с самого Челтнема! Я велела ей заказать хорошую отбивную в «Робин Гуде» и сказать хозяину, чтобы он записал ужин на счет Джонсов.

Он еще раз кивнул и натянул на стриженую

голову ночной колпак.

Миссис Джонс снова расправила письмо, пытаясь разобрать неровные строчки.

— «Твоя пакорная слуга и вечная должница миссис Сьюзан Сондерс, в девичестве Рис». — Она сложила письмо в маленький квадратик. — А какой ужасный почерк! Подумать только, а ведь Сью была самой опрятной и старательной в школе. Ты помнишь, какой она была чистюлей, Сью Рис?

Он кивнул.

— То есть Сондерс, хочу я сказать. Помнишь, какой она была красавицей в день своей свадьбы?

— Меня не было в городе, — напомнил он. — Я был подмастерьем у своего хозяина в Бристоле и вернулся домой только через год.

— Конечно! — Миссис Джонс хлопнула себя по лбу. — Вроде бы я помню, но все мои воспоминания перепутались в голове, точно мятое белье. — Она взглянула на сложенное письмо и сжала его в кулаке. — Я написала Сью письмо, когда услышала, что она овдовела, а потом еще одно, чтобы сообщить о смерти ее отца, но с тех пор ничего, ни единой строчки. Все забывала за делами. У меня ведь вечно хлопот полон рот, так что…

— Ну конечно, — ласково сказал он. — Эти годы, они так и летят, даже не замечаешь как.

— Ей не повезло так, как мне. Бедняжка Сью. — Голос миссис Джонс опять задрожал. — Как подумаю про этого шута Коба Сондерса… как он оставил ее одну-одинешеньку зарабатывать гроши самым низкопробным шитьем!

Мистер Джонс хмыкнул.

— Что ж… гнилой плод она выбрала.

— Но как же недолог наш век! Она так и не вышла замуж во второй раз. Надорвалась, заботясь о своей маленькой девочке. Сью была ровно на шесть месяцев моложе меня, ты помнишь?

— О, вот как.

— А теперь ее кости лежат где-то в Лондоне, на церковном дворе.

Мистер Джонс взглянул на склонившуюся над свечой жену. Ее лицо было странно искажено, но он не мог сказать точно, были ли то слезы или просто тень от колеблющегося пламени. Он разгладил прохладное одеяло над пустым местом, где должна была находиться его левая нога.

— Только представь себе, Томас. — Теперь она совершенно явно всхлипнула. — Чувствовать, что твой конец близок, и знать, что твое дитя остается одно в этом жестоком мире. Это, должно

быть, так же ужасно, как… как…

— В таком случае, может быть, стоит взять ее тебе в помощь, — мягко прервал он. Ему было больно видеть, как она переживает. — Скоро нам и вздохнуть будет некогда.

Миссис Джонс повернулась к нему. На глазах у нее еще блестели слезы.

— У нее такие же руки, как у Сьюзан? — спросил мистер Джонс, просто чтобы что-нибудь сказать.

— В точности! — заверила она. — Настоящие пальцы швеи, я специально приметила. Но, Томас, у нас и без того трое слуг. Мы не можем позволить себе четвертую.

— Все равно расплачиваться с ней нам придется только в конце года. А к тому времени мы обязательно получим выгодный заказ. Гардероб для первого сезона младшей Морган, к примеру.

— Да будет тебе, — смущенно запротестовала миссис Джонс. — Они могут пошить его и в Бристоле.

— Но миссис Морган очень к тебе благосклонна. Да и, кроме того, моя дорогая, — мистер Джонс слегка пожал плечами, — если мы хотим расширить торговлю и привлечь кого-нибудь и повыше Морганов, мы должны поднапрячься. «Кто хочет преуспеть, тот должен стремиться вверх», — про-

цитировал он.

Миссис Джонс просияла. Ее щеки были чуть розовыми, как тронутые румянцем яблоки. В такие секунды, как эта, она словно сбрасывала с себя бремя лет и к ней возвращалась былая миловидность, скромная и ненавязчивая. Боже мой, да вечно надутая Сьюзан не годилась ей и в подметки!

В глубине души Томас Джонс верил, что из них двоих прогадал именно Коб Сондерс. В детстве Коб выходил победителем из всех школьных игр, но его хромой друг Томас всегда был первым в классе. Коб был отличным парнем, но он не умел отличить червивое яблоко от хорошего. Тот, кто предпочел Сьюзан Рис Джейн Ди, полностью заслуживал своей участи: ввязаться в бунт и умереть в тюрьме от сыпного тифа. Четверть века назад, когда Томас Джонс вернулся из Бристоля свежеиспеченным мастером и обнаружил, что Джейн Ди каким-то чудом все еще не замужем, он подумал, что это не что иное, как Божественное Провидение. И он верил в это до сих пор. Таким способом — как и многими другими — Создатель решил вознаградить его за потерянную левую ногу.

— А что, если мы все же поймем, что не можем

позволить себе содержать еще одну служанку? — обеспокоенно спросила миссис Джонс.

— Тогда мы сразу же заплатим ей то, что задолжали, и отправим домой.

— Ну конечно. Ты прав, Томас, как всегда. Не послать ли мне Дэффи в «Робин Гуд» прямо сейчас? Пусть он передаст девочке, чтобы пришла к нам с утра? — торопливо добавила она.

Мистер Джонс кивнул:

— Это пойдет на пользу нашему делу.

— Ты правда так думаешь?

Он улыбнулся. Томас Джонс никогда не отвечал дважды на один и тот же вопрос.

Миссис Джонс завязала бантиком ленты ночного чепца.

— Теперь я чувствую себя виноватой — ведь мы сказали Дэффи, что не можем взять его кузину.

— Но ведь Гвинет простая деревенская девушка.

— Твоя правда.

— К чему бы мы ее пристроили? За девочкой ходит миссис Эш. А для всего остального у нас есть Эби и Дэффи — разве не так? А эта девочка Сондерс может помочь тебе с шитьем и с покупателями. Образованная девушка, из Лондона — все

это очень bon ton[9].

Он почерпнул это новое выражение из «Бристоль меркюри» и сейчас как будто пробовал его на вкус. Джейн Джонс хорошо знала своего мужа. Когда он шел навстречу ее желаниям и оправдывался тем, что это разумно и здраво, она видела его насквозь. И он прекрасно понимал, что ни разу не смог ее обмануть. Миссис Джонс улыбнулась, позабыв прикрыть щель между зубами.

— Ты не пожалеешь об этом, мой дорогой супруг.

Он похлопал по кровати. Миссис Джонс задула свечу и в темноте сняла с себя всю остальную одежду.

Лежа рядом с женой, он старался не двигаться и дышать как можно ровнее. Лучше было не касаться друг друга. Он не мог заставить ее пройти через все это снова — со времени последнего несчастья прошло всего шесть месяцев. Есть пределы тому, что может вынести слабый пол. Поэтому Томас Джонс тихо вытянул ногу и стал считать свои вдохи и выдохи. Постепенно он полностью овладел собой.

Тогда его жена повернулась к нему и положила

---

[9] Сноски: 9
Хороший тон (*фр.*).

ему на грудь свою мягкую горячую руку.

Очертания гостиницы «Робин Гуд» четко выделялись в неярком свете морозного утра. Дэффи Кадваладир назвал свое имя.

— Это сокращение от Дэвида, — с улыбкой добавил он.

Лондонская девчонка взглянула на него так, будто в жизни не слышала ничего глупее.

Дэффи вскинул на плечо ее сумку. Внутри что-то грохнуло.

— Что у тебя там, камни? — пошутил он.

У нее сделалось такое лицо, будто он дал ей пощечину. У нее были черные, словно шахтные колодцы, глаза и угловатые черты. На вкус Дэффи, она была слишком костлявой: мужчины любят, когда им есть за что подержаться.

— Я просто спросил, из вежливости, — пробормотал он.

Мэри Сондерс ничего не ответила. Всю дорогу до Монноу-стрит она держалась в паре шагов позади него, будто боялась, что он сбежит с ее драгоценной сумкой. Поношенные подошвы сапог Дэффи шаркали по обледеневшей земле. Он давно откладывал деньги, чтобы справить себе новую пару к Рождеству, но потом вдруг наткнулся на энциклопедию в десяти томах,

которая продавалась совсем по дешевке, и решил повременить с обувью. В конце концов, сапоги продержатся самое большее десять лет, подумал Дэффи, а знание… знание вечно.

Миссис Джонс послала его помочь перенести лондонской девчонке ее вещи, хотя к чему с самого начала обращаться с новой служанкой как с леди — этого Дэффи взять в толк не мог. Если у нее не хватает сил, чтобы поднять собственную сумку, вряд ли от нее будет много проку в высоком узком доме на Инч-Лейн. К тому же он не понимал, отчего вдруг семье понадобилась еще одна прислуга — хотя всего две недели назад она была не нужна.

Ошметки мяса и бумаги примерзли к булыжникам. Мимо спешили торговцы, сгибаясь под тяжестью своего груза. Здесь были клетки со старыми козлами и молодыми козлятами, всего шести недель от роду; торговцы рыбой, которые приезжали каждую пятницу и привозили лосося для папистов, уже устанавливали свои прилавки.

— Рыночная площадь, — не останавливаясь, бросил Дэффи.

— Вот это? — Голос у Мэри Сондерс оказался глубоким и низким, с чуть заметной хрипотцой.

— Ага.

— Площади бывают квадратными, — возразила она. — А это не квадрат, а скорее ромб.

Дэффи обернулся. Интересно, в Лондоне все так каркают? Ее черные волосы были убраны под чепец, а мятая косынка туго заправлена в корсаж. По виду недотрога и ханжа, подумал Дэффи, если бы только не этот яркий рот.

— Квадрат не квадрат… это площадь, — пробурчал он.

— Я хотела спросить, а почему вода такая коричневая?

Он снова повернулся.

— Это от угольных шахт. Они окрашивают реки и ручьи. Но человеку от этого вреда нет — ни капельки.

Она сдвинула брови, как будто не поверила ему ни на секунду, как будто яд уже проник в ее кровь.

Дэффи ускорил шаг. Они свернули на Грайндер-стрит. Он едва одолел в себе искушение пройти еще дальше, к пристани, и затеряться среди ящиков с товарами и винными бочками. И пусть она ищет его сколько душе угодно.

Наконец они остановились перед почерневшей деревянной вывеской. «Томас Джонс, корсет-

ный мастер» — гласила надпись слева. «Миссис Джонс, поставщик платья для высоких особ». Буквы были просто великолепны, потому что Дэффи лично скопировал их из книги «Шрифты для изготовителей вывесок» и выжег на доске кочергой. Книгу он одолжил у друга-художника с Чепстоу-Уэй.

Лондонская девчонка уставилась на вывеску и чуть скривила губы.

— Так ты умеешь читать? — спросил Дэффи. В груди у него немного потеплело. Значит, у них есть что-то общее!

— А ты что, не умеешь?

Вот ведь змея!

— Чтобы вы знали, мисс, у меня девятнадцать целых книг в переплетах, — мрачно сказал он. — Не считая частей от прочих, а их у меня еще больше.

— Так, значит, вот почему у тебя такие запавшие глаза, — заметила Мэри Сондерс.

Дэффи решил промолчать, потому что здесь она была права. Вместо ответа, он просунул под парик палец и почесал голову.

— Может, в этой тяжеленной сумке у тебя и книги есть?

Они поднимались по ступенькам; девчонка

шла за ним.

— Чтение — это для ребятишек, которым нечем больше заняться.

Дэффи снова промолчал — просто притворился, что он этого не слышал. Добравшись до чердака, он с грохотом бросил сумку на пол, в изножье узкой кровати.

— Ты будешь спать с Эби, служанкой.

Мэри кивнула.

— Хочу тебя предупредить, она черная. — Он сделал шаг к двери. — Но совсем безобидная.

Она бросила на него высокомерный взгляд.

— Ты забыл, что я из Лондона, парень. Там живут люди всех цветов кожи.

И снова ей удалось вывести его из себя! Дэффи охватил гнев.

— И что же привело тебя в Монмут? — многозначительно спросил он. Ему страшно хотелось добавить, что дилижанс Ниблетта может отвезти ее обратно прямо завтра, и он готов дать шиллинг лично от себя, чтобы помочь ей убраться восвояси.

— Моя мать родом из этих краев.

— И кто же она?

— Сьюзан Сондерс, — неохотно ответила Мэри.

— Урожденная Рис?

Она чуть склонила голову:

— Ты ее знал?

— Мне всего лишь двадцать! — возмутился Дэффи.

Мэри Сондерс слегка пожала плечами, как будто ей было совершенно все равно, девять ему или девяносто.

— Должно быть, твоя мать уехала в Лондон задолго до того, как я родился. Но я слышал о ней от своего отца. Кажется, из Рисов уже никого не осталось? И из Сондерсов тоже?

— Нет, — твердо сказала она. — Никого.

Она присела на край кровати, и Дэффи удивился тому, каким жестким вдруг стал ее взгляд. Только теперь он осознал, что она сдерживается изо всех сил, чтобы не заплакать.

Это было ужасно бестактно с его стороны — напомнить девчонке, что она одна во всем мире и у нее нет ни единой родной души. Он подумал, как бы половчее сменить тему разговора.

— Как прошло путешествие? — наконец спросил он. — Надеюсь, не очень ужасно?

Мэри Сондерс моргнула раз, потом другой и выпрямила спину.

— Отвратительно, — заявила она. — Ваши дороги не заслуживают того, чтобы называться

дорогами.

Ну все, решил Дэффи. Хватит. Он вытер ладони о свою нанковую куртку и направился к двери.

Как только он взялся за дверную ручку, она заговорила снова — словно не хотела оставаться одна.

— Мы чуть не провалились в яму на дороге. Такую огромную, что в ней утонула лошадь — прямо со всадником. Он все еще сидел в седле… весь зеленый.

Дэффи коротко кивнул. Он не станет называть ее лгуньей. Не сегодня. Не в ее первый день на новом месте.

Миссис Джонс всегда знала, что она не леди. Заказчицы, наверное, назвали бы ее очень достойной, хорошей женщиной. *Весьма воспитанной и утонченной для человека ее круга.* Слегка задыхаясь от быстрой ходьбы, она показывала дочери своей старой подруги дом и пыталась припомнить, что должна говорить хозяйка новой служанке в первый день службы.

В окна лился тусклый зимний свет. У Мэри Сондерс были очень темные глаза; от ее дыхания в воздух поднимались маленькие облачка пара. Должно быть, глаза она унаследовала от отца, подумала миссис Джонс. И рост тоже. У нее были

маленькие аккуратные ушки, точь-в-точь как у Сьюзан Рис, и пальцы швеи. Судя по тускло-синему платью и косынке, закрывавшей шею и грудь, она не хотела, чтобы на нее пялились, но все равно эта девушка не могла не притягивать к себе взгляд.

Миссис Джонс поправила передник и на мгновение пожалела о том, что не надела тот, что с кружевами. Просто чтобы произвести на девушку нужное впечатление, дать понять, кто здесь хозяйка. Раз они с Томасом хотят преуспеть и добиться более высокого положения, значит, она должна научиться быть хорошей госпожой, доброй, но твердой и строгой.

— Мы будем платить тебе десять фунтов в конце каждого года, — сообщила миссис Джонс. — И ты будешь получать новую одежду к каждому Рождеству. И разумеется, стол и кров. Ты много ешь?

Мэри Сондерс покачала головой.

— Конечно, мы не хотим морить тебя голодом, — торопливо добавила миссис Джонс. — У тебя немного больной вид.

Мэри уверила ее, что она просто немного устала после путешествия.

— Было ужасно холодно.

— О, да это еще пустяки! — бодро заявила мис-

сис Джонс. — Вот в год, когда мне исполнилось двадцать, стоял такой мороз, что птицы падали прямо на лету. Хлеб так поднялся в цене, что мы… — Она осеклась и сложила руки на животе. Нужно было надеть другой стомакер, тот, что получше, парчовый. О, ради всего святого, Джейн, одернула она себя. — Ты ведь умеешь стирать тонкое белье, Мэри? И делать работу по дому? Кажется, твоя мать упоминала об этом в письме.

— Да.

По мнению миссис Джонс, служанке следовало бы ответить «Да, мадам». Но в конце концов, это всего лишь мелочь, к тому же девочка только что поступила в услужение.

— Если не знаешь, как делается что-то по хозяйству, я тебя научу, — продолжила она. — Просто спроси. Пока будешь помогать нашей служанке Эби с уборкой и прочим и, конечно, мне с шитьем. Все, чего я требую, — это чтобы ты была прилежна, опрятна и… — Она поискала нужное слово: — Честна.

Мэри Сондерс слегка наклонила голову.

Миссис Джонс вспомнила подходящую строчку из романа, который она когда-то читала.

— Я не терплю обмана и тому подобных вещей. И если я однажды поймаю прислугу на лжи, то

никогда не смогу доверять ей снова.

Это прозвучало очень внушительно. Новая служанка снова кивнула.

— О, я совсем забыла. У меня есть для тебя книга… — Миссис Джонс порылась в кармане, извлекла оттуда потрепанный томик и передала его Мэри. — «Полный перечень обязанностей хорошей прислуги». Очень полезное чтение.

Прежде чем Мэри Сондерс успела сказать хоть слово благодарности, в комнату вбежала маленькая девочка и прыгнула прямо на руки миссис Джонс. Та подхватила ребенка и на мгновение зарылась лицом в ее светлые мягкие волосы.

— Это Гетта, наше сокровище, — сказала миссис Джонс и тут же укорила себя.

Новая служанка сдержанно улыбнулась.

— Мама?

— Что такое, дитя мое?

— Я могу пойти поиграть на лугу?

— Не сегодня, Гетта. Там все еще слишком много снега. Я назвала ее Генриетта, в честь героини романа миссис Леннокс, — пояснила миссис Джонс и перехватила пухленькую девочку поудобнее. — Я читала его все время, пока лежала в родах. Целых две недели я провела в постели… — Она вдруг вспомнила, что говорит с пятнадцатилет-

ней девочкой, слегка покраснела и прижалась лбом к разгоряченному румяному личику Гетты. Девочка завозилась, миссис Джонс спустила ее на пол и оправила юбки. — Поздоровайся с нашей новой служанкой Мэри, cariad[10].

Гетте было всего четыре года, и обычно она относилась к незнакомым людям с опаской. Но когда Мэри Сондерс наклонилась и протянула ей руку, девочка без всякого страха взяла ее и пожала. Мэри широко улыбнулась. В это мгновение она как две капли воды походила на Сьюзан Рис.

— Ты должна быть добра к Мэри, моя милая, — ласково сказала миссис Джонс. — Она потеряла мать. Вообрази только, как это ужасно.

Подражая матери, Гетта сделала серьезное лицо.

— Ее бедная матушка улетела в рай, — добавила миссис Джонс.

— В колеснице, как мой брат?

Миссис Джонс едва заметно поморщилась.

— Верно, моя милая. — Она посмотрела на Мэри. — Твоя мать ведь не слишком страдала?

Новая служанка молча покачала головой.

Миссис Джонс на секунду прикрыла рот рукой.

---

[10] Сноски: 10
Дорогая (*вал.*).

Несчастная девочка. Печаль еще не отпустила ее.

— Ну что ж, моя дорогая. Если ты хотя бы вполовину так же добра и прилежна, как бедная Сью, мы с тобой прекрасно поладим. А теперь пойдем вниз, я познакомлю тебя с кормилицей Гетты, миссис Эш. Она… добрая христианка, — неуверенно прибавила она.

Мэри приподняла брови, почти насмешливо.

На лестнице миссис Джонс вспомнила еще кое-что.

— О, Мэри… вот еще что. Табак.

— Табак?

— Да-да. Хочу предупредить тебя, что нюхать табак — это очень вредная привычка. И к тому же весьма дорого обходится.

Новая служанка заверила ее, что никогда в жизни не прикасалась к табаку. Но что это? Уж не тень ли улыбки притаилась на этих узнаваемых знакомых губах? Миссис Джонс тряхнула головой.

Поднимаясь по лестнице, она всегда слышала, как поскрипывают ее колени. Она пошла быстрее. Сорок три — это не так уж и много.

— Гетта — ваша единственная дочь? — спросила Мэри, как будто прочитала ее мысли.

— Да, — бодро ответила миссис Джонс.

Иногда у нее еще бывали месячные. В сорок три вполне можно родить. Где-то внутри ее еще таилось это крошечное зернышко, возможность зачать еще одно дитя. Она должна была родить сына.

Это было самое длинное утро в жизни Мэри. Стоя на ногах, сгибаясь в три погибели, ползая на карачках, она переходила от одного задания к другому. Она никогда не жила в доме вроде этого. Казалось, здесь только и делали, что вычищали грязь, перемывали все снова и снова, неделю за неделей. Сьюзан Дигот никогда не удавалось навести такой порядок в их подвале на Черинг-Кросс-Роуд, где летом по стенам ползали муравьи. Впрочем, она никогда и не старалась.

Но сообщать об этом миссис Джонс Мэри, разумеется, не собиралась. Пусть новая хозяйка думает, что Мэри и ее овдовевшая мать вели тихую достойную жизнь, пока внезапная болезнь не унесла Сьюзан в могилу, да так скоро, что она не успела позаботиться о своей дорогой единственной девочке — разве что смогла написать письмо старой подруге. Когда расспросы миссис Джонс становились слишком неудобными, Мэри отводила глаза и опускала голову, как будто не в

силах справиться с грустью.

Злосчастная женщина, судя по всему, решила, что лучшим средством помочь Мэри отвлечься от горя будет не давать ей ни одной свободной минуты. И в этой семье было так много разных глупых правил! В девять часов — к тому времени все были на ногах и работали уже два часа — Мэри должна была позвонить в колокольчик к завтраку. В таком небольшом доме в этом не было никакой нужды, но, как объяснила миссис Джонс, «хозяин это любит. Он считает, что это признак хорошего тона».

Хозяин обогнал ее в коридоре, когда Мэри шла к завтраку. Двигался он легко и быстро, как и любой здоровый человек. В маленькой гостиной он занял место во главе стола, рядом с китайским чайником, кипевшим на маленькой горелке. Его смазанные маслом березовые костыли послушно лежали под стулом, словно верные собаки. Мэри никогда раньше не сидела за одним столом с одноногим. Ее так и подмывало нагнуться и заглянуть под скатерть, посмотреть на культю, как будто это было представление уродцев.

Из-под короткого парика слуги мистера Джонса выбивались каштановые завитки волос. По крайней мере, смотреть на Дэффи было более приятно,

чем на противную высохшую кормилицу, миссис Эш. Та едва не перегнулась через стол, чтобы получше рассмотреть новую служанку. Мэри беспокойно оглядела свое синее платье. Накануне она постаралась как можно лучше отчистить с него всю грязь.

— Так, значит, служанки в Лондоне носят фижмы? — ядовито спросила миссис Эш.

Мэри с трудом проглотила чай.

— Я не была служанкой в Лондоне.

— Понятно, — протянула кормилица.

Мистер Джонс слегка постучал вилкой по столу.

— Будет, будет, миссис Эш.

У самой миссис Эш были серые обвисшие юбки и такая же обвисшая грудь. Похоже на мешки с солью, решила Мэри. На вид кормилице было около сорока, но вела она себя совсем как старуха.

— Мы все должны постараться сделать так, чтобы Мэри чувствовала себя как дома, — тихо заметила миссис Джонс. — Вообразите только, она ни разу не была в своем родном городе!

Мэри сделала благодарное лицо. *В своем родном городе* — какая чепуха! Как будто эти жалкие улочки могли иметь для нее хоть какое-то значение. И черт ее возьми, если она откажется от

фижм, чтобы не отличаться от этих деревенщин!

Эби внесла кашу. Она двигалась медленно, как лунатик. Гетта заныла, что хочет тосты, а не овсянку, но Эби ее как будто не услышала. Вообще у нее было такое лицо, будто она не понимает ни слова по-английски. Как странно, что она оказалась в Монмуте. Это было первое черное лицо, которое Мэри увидела после Стрэнда. Она принялась исподтишка наблюдать за раскладывавшей кашу служанкой. Ее лоснящаяся кожа цвета эбенового дерева особенно ярко выделялась на фоне беленых стен, а скулы были острыми, словно нож. Сделав свое дело, Эби бесшумно удалилась на кухню. Когда же она будет есть? Потом, в одиночестве?

— Эби африканка? — спросила Мэри, как только закрылась дверь.

— О… нет, не думаю, — несколько встревоженно ответила миссис Джонс.

— Напротив, дорогая, — возразил мистер Джонс и отправил в рот еще одну ложку каши. — Ангола как раз в Африке, помнишь?

Миссис Джонс хлопнула себя по лбу.

— Мы полагаем, что Эби родилась в Анголе, — пояснил Дэффи. — Но выросла она на Барбадосе.

Какой надутый умник, подумала Мэри. Как

там говорила Куколка про ученых мужчин? *Чем умнее, тем меньше петушок*. Она еле сдержала улыбку. Нужно немедленно выбросить из головы эту мысль, а то все будет видно по ее лицу. Прошлое осталось в прошлом; теперь она должна думать как служанка и благочестивая девушка.

— Варвары, — вдруг сказала миссис Эш.

— Должен вас поправить, миссис Эш, — вежливо вмешался Дэффи. — Барбадосцы не варвары. Они жители острова Барбадос.

— А я говорю, варвары, — упрямо повторила миссис Эш. — Я и раньше это говорила, но скажу снова. Это моя святая обязанность. Если позволять язычнице находиться рядом с невинным христианским ребенком, ничего хорошего из этого не выйдет, уж можете мне поверить.

Услышав, что речь идет о ней, Гетта принялась подпрыгивать на своем стульчике.

— Прошу вас, миссис Эш, — устало выговорила миссис Джонс, но кормилица перебила хозяйку:

— Не мое дело жаловаться, мадам, но не могу не заметить, что это вызывает недоумение и замешательство. Девочка все видит и все слышит. На днях она прибежала ко мне и спросила, какого цвета кожа у Господа Бога!

Миссис Эш вытаращила бесцветные глаза.

Миссис Джонс раскрыла рот, чтобы ответить, но муж накрыл ее руку своей.

— Поначалу я ей сочувствовала, поскольку это наш христианский долг, — не унималась миссис Эш. — Но потом узнала, что отец Дэффи предложил ей креститься, а она воспротивилась…

Дверь снова отворилась. Вошла Эби с подносом, чтобы собрать грязные тарелки. Все напряженно молчали.

— Мы ценим ваше участие, миссис Эш, — сказал наконец мистер Джонс. — И мы поговорим об этом еще раз, позже.

Мэри быстро взглянула на Эби — слышала ли она что-нибудь? Но та упорно смотрела в пол.

— Да, сэр, — почти кротко ответила кормилица.

Когда Эби вышла во второй раз, в комнате снова повисла тишина. Все почему-то старались не смотреть друг на друга. Мэри чувствовала себя так, будто сидит за столом, где играют в брэг, но сама в игре не участвует и не имеет на руках никаких карт.

Миссис Эш достала маленькую потрепанную Библию. Точно такие же выдавали в Магдалине, подумала Мэри и отодвинула воспоминание подальше. Подняв глаза, она вдруг встретилась

взглядом с хозяином. (*А он только ногу потерял, ничего больше?* — развратно хохотнула Куколка у нее в голове.) Он улыбнулся, но Мэри не осмелилась ответить ему тем же. Вдруг это будет выглядеть как кокетство? Нужно будет поупражняться перед зеркалом, примерить на себя улыбку невинной сироты.

Каша камнем лежала в желудке.

С появлением Мэри в доме завелось новое правило. Она должна была прервать любую работу, чтобы открыть дверь. Мистер Джонс был в полном восторге: служанка из Лондона в кружевном переднике, встречающая у порога заказчиц! «Это будет так изысканно и благородно, что никто и бровью не поведет, узнав наши цены!» Так что, даже если он сам находился поблизости, когда раздавался стук в дверь, мистер Джонс звал Мэри и скрывался в корсетной мастерской.

Однако самый первый раз это оказалась вовсе не заказчица, а ватага деревенских мальчишек. Издавая странные звуки, они тащили огромную грязную штуковину, украшенную белыми лентами. Мэри уже собиралась захлопнуть дверь, но миссис Джонс поспешила к ней.

— Сегодня же Пахотный понедельник, моя милая, — ты что, забыла?

Мэри непонимающе уставилась на хозяйку.

— Разве мать тебе не говорила? — удивилась миссис Джонс.

Мальчишки гомонили и протягивали грязные руки, и миссис Джонс дала всем по фартингу. Один подросток был одет в юбку и передник, и… нет-нет, она не ошиблась, на щеках у него были румяна! Что за странные края, подумала Мэри. «Курочки» разгуливают по улицам среди бела дня! Другие мальчишки называли крашеного Бесси. Получив деньги, они заголосили глупую бессмысленную песню и выпихнули Бесси вперед, чтобы он поцеловал миссис Джонс. И к удивлению Мэри, она ему позволила!

Когда дверь закрылась, хозяйка повернулась к Мэри. Ее щеки разрумянились. Несмотря на черный жакет с высоким воротом, она выглядела почти как девочка.

— Это чтобы урожай был хорошим, понимаешь?

— Урожай?

— Перед весенней пахотой плуг приносят в каждый дом, чтобы он получил благословение хозяев. Иначе колос не нальется.

Не совладав с собой, Мэри хихикнула.

— Вы и в самом деле в это верите?

— Ну… — натянуто произнесла миссис Джонс.

Кажется, она зашла слишком далеко. Не хватало еще потерять место в первый же день работы. У Мэри похолодело в желудке.

— Не могу сказать наверняка, есть от этого толк или нет. — Миссис Джонс совсем как ребенок затеребила тесемку передника и взглянула на Мэри. Ее глаза блеснули. — Но и вреда нет никакого, это уж точно.

— Конечно, никакого, — с готовностью кивнула Мэри и вернулась в гостиную, где чистила ковры с помощью влажной чайной заварки. Деревня — она и есть деревня. Они так и будут держаться за свои глупые обычаи и амулеты до самого второго пришествия. Теперь она вспомнила, что Сьюзан Дигот всегда кидала щепотку соли через левое плечо — даже если соль была последняя и у них не было денег, чтобы купить еще. А однажды мать уронила на пол крохотное зеркальце и разбила его, а потом долго плакала, потому что это означало «еще семь лет неудач».

Мир менялся, это Мэри знала наверняка. Он был уже совсем не тем, в котором выросла ее мать. Но в такой дыре, как Монмут, они, разумеется, не слышали ни о каких переменах. А если бы и услышали, то не поверили.

Задыхаясь, она соскребла с ковра грязные чаинки. Ребра, стиснутые корсетом, немилосердно болели. В одном миссис Эш была несомненно права: когда стоишь на четвереньках кверху задом, фижмы только мешают. Но разве женщины одеваются для того, чтобы им было удобно? Тогда они не отличались бы от любой кошки или собаки.

Мэри отбросила выбившуюся из-под чепца прядь и заметила Эби. Негритянка неподвижно стояла в дверях, точно какая-нибудь колонна. Мэри не слышала, как она вошла; вторая служанка передвигалась бесшумно, как привидение. Может, она совсем недавно прибыла с плантации и тоже новая в доме? Во всяком случае, она выглядела так, будто ничего не понимает.

Эби наконец разлепила губы:

— Хозяйка послала меня помогать тебе.

У нее был ужасный акцент, но она хотя бы говорила по-английски. Уже кое-что. И это не голос девушки, подумала Мэри. Ей, должно быть, никак не меньше тридцати.

— Очень хорошо, — вежливо улыбнулась она. Нужно с самого начала показать, кто тут главный. Эта женщина была в два раза старше, чем она, и с ней могли возникнуть трудности. Мэри полагала, что ее положение выше, чем положение Эби, — в

конце концов, она помощница портнихи, — и даже если их обязанности в чем-то совпадают, никакого сравнения тут быть не может. Она показала на самый большой и самый грязный коврик, квадратный коричневый. Он насквозь пропитался пылью.

Эби улыбнулась одним уголком губ, помедлила и опустилась на колени.

Некоторое время они работали молча. Но каждый раз, когда Мэри поднимала голову, чтобы размять затекшую шею, она натыкалась на взгляд огромных выпуклых глаз с ярко-белыми белками. Корсет у Эби был кожаный, Мэри видела это сквозь прореху у нее в подмышке. И ее юбки были совсем не пышными; должно быть, она носит всего одну нижнюю, подумала Мэри. На левой руке негритянки, в центре ладони, она заметила розовый шрам, выходивший и на тыльную сторону.

— Что случилось с твоей рукой? — спросила Мэри.

Ответа не последовало.

Мэри тряхнула головой. Подумаешь. Да она и не хотела разговаривать с этой мрачной непонятной негритянкой.

Оказавшись в буфетной, Эби первым делом

погрузила руки в таз с теплой водой и вздохнула от наслаждения. Тепло наполняло ее, как боль, поднимаясь от кончиков пальцев и выше. Она жила в этой стране уже восемь лет, но знала, что никогда, вплоть до смертного часа, не привыкнет к холоду. Уже не первый раз за месяц хозяйка говорила, что чувствует в воздухе оттепель, но Эби ничего такого не ощущала. Ее нос улавливал только запах снега и грязи снаружи и огня и человеческого тела в доме. С самого рассвета Эби была так занята работой по дому, что ей было некогда принюхиваться к воздуху. А когда у нее появлялась минутка, чтобы выглянуть в окно, всегда оказывалось, что день уже на исходе и вот-вот наступит ночь. В этой стране стояла вечная зима. Даже в то время года, которое они называли летом, солнце было жидким и холодным; его лучи не проникали сквозь кожу и совсем не грели.

— Эби?

С лестницы послышался голос хозяйки. Эби выплеснула горячую воду в ведро для помоев и направилась в крошечную кладовую, чтобы достать кусок копченой грудинки.

Конечно, имя Эби не было ее настоящим именем. Это был звук, на который она откликалась в доме на Инч-Лейн — если только не притво-

рялась, что ничего не слышала. За тридцать лет жизни она сменила столько имен, сколько имела пальцев на руках. Когда она была совсем маленькой и жила в Африке, ее называли детским именем. Позже, когда она подросла и начала превращаться в женщину, старшие выбрали ей другое. Оно означало «куст, усыпанный ягодами». С тех пор как ее подняли на корабль — ей было девять лет, она плакала и цеплялась за руку матери, — никто и никогда не произносил ее настоящего имени. Пока они плыли на Барбадос, ее не звали никак; она была в море, между своей прошлой жизнью и новой.

Джонсы называли ее Эби, потому что это было сокращением от Абигайль; по словам миссис Джонс, это означало «служанка». Она припомнила другие имена, которые давали ей прочие хозяева на Барбадосе. Каждое из них кружилось у нее над головой год или два. *Фибба, Дженни, Лу.* Ей было все равно. Она снимала с себя имя, словно рубашку, всякий раз, как меняла владельца.

Миссис Джонс торопливо вошла в кухню.

— Эби? Не забудь в этот раз получше промыть салат, хорошо?

Эби молча кивнула и продолжила резать мясо. Салат! Почему бы тогда не есть траву с поля. Но

она была не в том положении, чтобы высказывать свое мнение. Первому правилу выживания ее научила мать, еще на самой первой плантации. Вскоре после этого она умерла от какой-то болезни. *Опусти голову, дитя. Никогда не смотри никому в глаза.*

Грудинка была фиолетовой, словно синяк. На то, чтобы научиться готовить эту еду, ей понадобились годы. Даже названия были странными и неаппетитными: молочная похлебка, гороховая каша, бараний бок с яичным соусом, дрожащий пудинг. В этой пресной еде не было солнца; даже перец и корица, что хранились в банках, являлись лишь слабым подобием настоящих специй. Эби ела после всех, на кухне, — так ей больше нравилось. То, что лежало у нее на тарелке, не имело никакого вкуса; ни разу ее рот не наполнился слюной от предвкушения.

Когда Эби подняла голову в следующий раз, в дверях стояла новая служанка, девчонка из Лондона. У нее был немного смущенный вид. Думала, что в кухне никого нет, несколько злорадно решила Эби и аккуратно срезала с грудинки твердую корочку.

— А, Эби, — высокомерно-рассеянно произнесла Мэри Сондерс, как будто она была хозяйкой. — Я

пришла налить себе немного пива.

Эби помотала головой из стороны в сторону. Это должно было означать «нет».

Девчонка выпрямила спину.

— Я хочу всего лишь…

— Ничего до обеда, — перебила Эби. — Правило.

Мэри Сондерс прикусила верхнюю губу.

— Если чего не хватает, я отвечаю, — спокойно добавила Эби.

— Верно, верно. Но от всех этих пыльных ковров у меня разгорелась ужасная жажда. Для такого случая можно сделать исключение. Уверена, что миссис Джонс со мной согласится.

— Ты не исключение, — стояла на своем Эби. Она посмотрела лондонской девчонке прямо в глаза.

Повисла пауза. Глаза у Мэри Сондерс были черными, как головешки. Она молча повернулась и вышла из кухни.

Плохо. Как правило, Эби чуяла беду издалека. Она ощущала ее запах, словно крысу, которая сдохла где-то под полом. Итак, она сделала большую глупость — позволила себе рассердиться. Сегодняшний день пошел не так с самого начала, и все из-за этой Эш, из-за того, как она пялилась

на Эби своими бесцветными глазами за завтраком. И вот итог — только что Эби вынудили забыть второе правило, которому она выучилась от матери: *что бы ни говорили белые, они правы.*

К часу дня у Мэри уже вовсю бурлило в животе. Обед был подан в два, в маленькой гостиной. Соленая грудинка в горшке с салатными листьями. Мэри осторожно перевернула их вилкой, проверить, нет ли на обратной стороне слизней. Она никогда в жизни не ела ничего зеленее, чем это.

— Ты, наверное, не привыкла к свежим салатам, Мэри? — спросила хозяйка. — Это подарок от миссис Хапенни. Из ее собственной оранжереи, вообрази!

Мэри мило улыбнулась, сложила салатный лист в крохотный комочек и запила его слабым пивом.

Разговор за столом вертелся в основном вокруг обеда. «Передай, пожалуйста, перечницу, Дэффи» или «Маринованный огурчик, мистер Джонс?». Иногда хозяин высказывал свой взгляд на правительство его величества или на вмешательство голландцев в торговлю. Миссис Эш большей частью молчала, только шепотом указывала Гетте, что делать, или беззвучно шевелила губами, читая молитву. Джонсы позволяли девочке хватать

у них с тарелок лучшие кусочки — как будто она и без того не была достаточно пухленькой. Должно быть, детей было больше, но все умерли, догадалась вдруг Мэри. Они женаты двадцать лет, и всего одно дитя за все эти годы… маловато.

Что ж, если они потеряют и этого ребенка, то явно не из-за того, что плохо ее кормили. Гетта широко разинула рот, готовясь отправить туда лист салата, и Мэри не смогла сдержать улыбки. Увидев, что на нее смотрят, девочка замерла. Мэри наморщила нос. Гетта сделала то же самое и ухмыльнулась еще шире, не закрывая при этом рот, из которого свисал салатный лист. А девочка совсем не глупа, решила Мэри. И у нее есть чувство юмора.

Однако миссис Эш заметила их маленькую игру, шлепнула Гетту по подбородку и трагическим тоном провозгласила, что ворона украла ее обручальное кольцо, лежавшее на подоконнике.

Мэри задрала бровь.

— Я не знала, что вы замужем, — удивленно сказала она.

Щеки миссис Эш вспыхнули темным румянцем.

— Миссис Эш — вдова, — пробормотала миссис Джонс.

Мэри подавила улыбку. Подумать только, значит, нашелся смелый мужчина, который не побоялся полезть под эти сырые юбки. Неудивительно, что он не прожил долго.

Больше всего она сочувствовала вороне. Наверное, бедная птица знала, что от золотого кольца не будет никакого проку, но не смогла устоять перед его блеском, лучиком жаркого солнца посреди ледяного января.

Позже, когда Мэри мыла лестницу, — *ну прямо настоящая прислуга,* хихикнула Куколка у нее в голове, — в коридоре показался Дэффи. Он сгибался под тяжестью огромного тюка грубого льна. Ей страшно хотелось выпрямить затекшую спину и чуть-чуть отдышаться, поэтому она поднялась на ноги и оправила фижмы.

— Так где же начинается Уэльс? — спросила Мэри и потерла ноющую поясницу.

Дэффи мотнул головой:

— Вон там. Где Черные горы. За Абергавенни говорят уже по-валлийски.

— Значит, это Англия? — с облегчением уточнила она.

— Вовсе нет, — с обидой возразил Дэффи. — Это Валлийская марка.

Мэри в изнеможении вздохнула.

— Тогда в какой мы стране?

Дэффи переложил тюк с одного плеча на другое.

— В обеих. Или ни в какой, можно и так сказать, — лукаво заметил он и повернулся, чтобы идти в корсетную мастерскую, где работал мистер Джонс.

— Как можно не знать, где ты живешь? — бросила Мэри ему в спину.

Она подумала, что он не услышал, но Дэффи медленно обернулся.

— Ты ничегошеньки про нас не понимаешь, — презрительно уронил он и вышел.

На леснице показалась миссис Джонс. Улыбнувшись, она сжала свои фижмы, чтобы протиснуться мимо. Мэри убрала щетку. Хозяйка аккуратно перешагнула через мокрую ступеньку, и Мэри заметила, что красные каблуки на ее туфлях довольно сильно поношены. Должно быть, семейное предприятие приносит не очень-то много доходов. Край одной из нижних юбок миссис Джонс окунулся в мыльную лужу, и Мэри чуть не хихикнула.

— О, Мэри! Ведь ты еще не видела магазин, верно?

Мэри покачала головой.

— О чем я только думаю?! — воскликнула миссис Джонс. — Оставь все это и сейчас же пойдем со мной!

Она сама поставила щетку и ведро в угол и поспешила вниз.

— Хорошо.

Миссис Джонс вдруг остановилась, так что Мэри едва не налетела на нее.

— Ах да. Мой муж… — Она замялась.

Мэри сложила руки на груди.

— Мистер Джонс полагает, что будет лучше, если ты станешь звать меня «мадам».

— Хорошо.

Миссис Джонс слегка покраснела.

— Например, вот сейчас ты могла бы сказать «Хорошо, мадам».

— Хорошо, мадам, — послушно повторила Мэри, подражая ее тону.

Магазин оказался небольшой комнатой, единственными обитателями которой были платья. С крюка, укрепленного под потолком, свисал вышитый корсаж с серебряным кружевом. Пышные, украшенные рюшами нижние юбки чуть колыхались от сквозняка. Казалось, они только что танцевали и на минутку остановились, чтобы передохнуть. Стеганая юбка из мягчайшей

фланели была отделана прелестными кисточками. Шелковое платье-сак во французском стиле украшали бело-желтые полоски.

— Полоски? На платье-сак? — удивленно спросила Мэри.

Миссис Джонс чуть приподняла подол, чтобы было лучше видно ткань.

— Мой поставщик тканей из Бристоля уверил меня, что это самая последняя мода. Это платье я обещала миссис Форчун, для бала в Жирный вторник[11]. Она даже пригрозила, что если я сошью платье в полоску кому-нибудь еще в Монмуте, то она меня разорит.

Миссис Джонс рассмеялась. Мэри тоже улыбнулась, но мысли ее были далеко. Словно завороженная, она погладила костюм для верховой езды из прекрасной зеленой шерсти, и ее рот немедленно наполнился слюной, как будто от запаха только что разрезанного лимона.

Она повернулась к миссис Джонс.

— Это все вы сшили? Мадам, — торопливо добавила она.

— Да. Кроме шляп, — скромно заметила хозяйка. — Их и перчатки я заказываю в Челтнеме.

---

[11] Сноски: 11

Жирный вторник (*англ.* Shrove Tuesday) — праздник-карнавал, канун Пепельной среды, знаменующей начало Великого поста.

Мэри попыталась припомнить, что она написала в том самом «письме от матери» о своих швейных навыках. Никогда, даже в магазинах на Пэлл-Мэлл, она не видела более тонкой работы. Ее взгляд упал на жакет из голубого муарового шелка.

— А это казакин, я полагаю?

Миссис Джонс снова засмеялась.

— Господь с тобой! Нет, конечно, невинное ты дитя.

И весь следующий час она объясняла Мэри разницу между казакином в талию и карако, таким, как этот, и пет-ан-лером — как выяснилось, это было нечто среднее между жакетом и платьем-сак, но короче — и между палантином, накидкой-кардинал и мантильей, и — самое важное! — между закрытым платьем и распашным платьем, не говоря уже о свободном платье и ночном наряде (который, впрочем, надевался только днем). У миссис Джонс были твердые представления о том, что теперь à la mode[12], что demode[13], а что *скоро будут носить*. Первым правилом кройки было: *слушайся ткани.* Первым правилом

---

[12] Сноски: 12
В моде (*фр.*).

[13] Сноски: 13
Не в моде (*фр.*).

дела: *давай заказчикам то, что они хотят*.

Не переставая говорить, миссис Джонс развернула отрез коричневого шелка, такого тонкого, что на ощупь он, должно быть, был точь-в-точь как крылья мотылька. Мэри слушала и кивала, но вокруг было слишком много интересного, чтобы запомнить все как следует. Она не могла оторвать глаз от разноцветных атласов и дамастов.

— А это платье миссис Морган. Это род свободного утреннего платья, еще его называют полонез. Миссис Морган — жена члена парламента.

Мэри усмехнулась. Все шлюхи мечтают одеваться как леди, а леди, похоже, наоборот, подумала она. Незаконченное платье миссис Морган было выполнено из белого бархата. Подвешенное на крюке к потолку, оно напоминало белый водопад, низвергавшийся с Небес.

— Она красивая? — вдруг спросила Мэри.

— Миссис Морган? — Миссис Джонс слегка смешалась. — Э-э-э… нет. Было бы неправдой утверждать обратное.

— Жаль, — пробормотала Мэри.

По роскошному фестончатому краю шлейфа тянулся незаконченный узор. Она вгляделась пристальнее. Крохотные яблочки и змейки, вы-

шитые серебром.

— Я работаю над вышивкой уже месяц, — сказала миссис Джонс и вздохнула. — Если я хорошо потружусь и закончу платье к августу, миссис Морган, возможно, обратится к нам, чтобы заказать гардероб для первого выхода в свет ее дочери.

Любуясь серебристыми складками, Мэри дала себе твердое обещание, что непременно научится шить такие чудесные платья. Более того, в один прекрасный день она будет их носить. Она невольно сжала краешек ткани; ворс был толстым и мягким, как мех.

— Осторожно, — предупредила миссис Джонс.

Мэри отдернула руку.

Конечно, пока еще ей не доверяют. Она это знала. И этого следовало ожидать.

Например, после чая миссис Джонс заперла маленький ящичек на ключ и положила его в карман. Как будто Мэри могла стащить щепотку ее дешевого китайского чая!

Поздно вечером, добравшись наконец до своей новой спальни на чердаке, Мэри первым делом вытащила из кармана «Полный перечень обязанностей хорошей прислуги» и швырнула его в ночной горшок. Меньше всего на свете ей

нужна была книга, которая учила бы ее, как быть хорошей служанкой. Можно будет постепенно выдирать из нее страницы, чтобы подтирать задницу.

Голова Эби покоилась на жидкой подушке. Она глубоко спала. Ночного колпака она не надевала; ее волосы напоминали черную ощетинившуюся молниями грозовую тучу. В лунном свете черты ее лица казались резче, чем днем. Теперь она выглядела старше, должно быть, из-за жестких линий рта и подбородка.

Мэри скользнула в постель и улеглась на краю, чтобы не разбудить Эби. Делить с кем-то кровать — дело тонкое, и ни к чему сразу наживать себе врага, даже если негритянка повела себя на редкость подло, когда Мэри попросила ее налить пива. Как странно — лежать рядом не с Куколкой, а совсем с другой женщиной. И не говорить при этом ни слова. Она старалась не шевелиться. Каким-то образом ей удалось пережить этот день, который тянулся целый год. Казалось, ей никогда не позволят отправиться спать.

Черное оконное стекло было покрыто толстым слоем инея. Эби дышала негромко и размеренно, как будто волна накатывала на берег. Снаружи стояла невероятная тишина; было невозможно

поверить, что где-то там, за окнами, есть город. Маленький домик казался кораблем в безмолвном белом море.

Должно быть, Мэри все-таки уснула, потому что она вдруг увидела себя на Пьяцца Ковент-Гарден, танцующей с медведем. Вокруг стояли люди и торговали разными вещами из бочек: лягушками, горящими фейерверками, детьми, золотыми кубками. Крошечный человечек раскрыл грецкий орех и вытащил из него юбку цвета звезд. Кареты и телеги мчались через площадь, и две из них столкнулись. Перевернулся бочонок с голубой водой, и рыба билась на мостовой, широко разевая рот. Но в самом центре Пьяцца, невозмутимо и безмятежно, едва касаясь друг друга когтями и кончиками пальцев, Мэри и медведь продолжали свой торжественный гавот.

Эби проснулась посреди ночи с тревожным ощущением, что она не одна. Лондонская девчонка лежала рядом, слегка похрапывая во сне. От нее пахло духами: что-то резкое и кисловатое. Эби крепко обхватила себя руками, чтобы их ночные рубашки не соприкасались.

— Вы ведь подружитесь, не так ли? — спросила утром миссис Джонс со своей обычной чуть обеспокоенной улыбкой.

Здесь бы пригодилась колдунья обеа, решила Эби. На Барбадосе с такими вещами было гораздо проще. Там, если бы какая-то чересчур бойкая девчонка поселилась вместе с тобой, и попыталась тобой командовать, и без разрешения заняла твою постель, разложив свои острые белые локти, нужно было бы всего-навсего обратиться к колдунье. Даже после тяжелого дня в поле можно было облегчить душу — отправиться в хижину к старухе, захватив с собой немного маисовой каши или рома, и сказать: «Эта новая девчонка — колючка у меня в пятке. Пожалуйста, нашли на нее какую-нибудь болезнь».

Думать о Барбадосе было сложно, потому что каждое приятное воспоминание влекло за собой десяток неприятных. Эби почесала плечо, и ее пальцы наткнулись на букву «С» — первую в слове «Смит». Смит — так звали ее первого хозяина. Он купил сразу целую партию рабов, прямо с корабля, восемьдесят шесть женщин и девочек; перед этим всех их натерли пальмовым маслом, чтобы кожа была блестящей и они казались сильными и здоровыми. Клеймо было золотисто-красным, припомнила Эби. Когда оно коснулось кожи, запахло жареной требухой.

Обычно по ночам Эби повторяла свое имя —

свое настоящее имя, из Африки. Снова и снова, пока на нее не опускался сон. Но сегодня в ее постели спала чужая женщина, и Эби боялась произносить его вслух. Даже шептать. Даже называть про себя — вдруг оно случайно сорвется с языка?

Все тихо в доме на Инч-Лейн. Ни звука, ни шороха.

Лежа на кровати в своей узкой спаленке, миссис Эш перевернулась на спину. Острый тонкий лунный луч, проникший в щель между ставнями, разрезал комнату пополам. В полнолуние у нее всегда болела грудь. В такие ночи, как эта, когда все казалось особенно ясным и четким, миссис Эш точно знала, в кого она превратилась. В иссохшую озлобленную женщину тридцати девяти лет.

Она всегда начинала все неправильно. Взять хотя бы эту лондонскую девчонку. У миссис Эш были самые добрые намерения, но неизвестно почему она с первого же взгляда невзлюбила эту пигалицу, такую дерзкую и юную, в модных широких фижмах. Про себя она знала, что обычно не нравится людям. У нее не было этого дара — обаяния.

Жила когда-то в Абергавенни юная жена и мать

двадцати двух лет по имени Нэнс Эш. Она не знала валлийского, поэтому муж, снисходительный человек, разговаривал с ней по-английски. Большей частью она держалась особняком от других, но плохого никому не делала. *Добрая женщина*, говорили о ней соседи, потому что не могли сказать ничего дурного. Да, она не была злой и поэтому в одну холодную январскую ночь уложила своего ребенка между собой и мужем. Она не хотела, чтобы он мерз в колыбельке; в отличие от многих других, ей было не все равно. Она взяла его в свою постель, согрела и убаюкала. Она хотела как лучше — разве нет?

Это могло случиться с кем угодно, говорили потом ее мужу. *На все воля божья. Что тут поделаешь.*

Если бы только Оуэн Эш не был пьян как сапожник… если бы он не перевернулся во сне на спину, не почувствовав под собой маленького мягкого комочка… если бы его жена Нэнс не спала мертвым сном… если бы она проснулась среди ночи, чтобы проверить ребенка… если бы дитя было чуть покрепче или заплакало погромче…

В этом нет ничьей вины, говорили люди.

Как оказалось, она упустила свою единственную возможность. В ту ночь Нэнс Эш, сама того

не зная, разрушила все свои надежды. На следующий день ее мальчика положили в маленький гробик, размером не больше шляпной картонки, и ее муж, пьяный и ослепший от ярости, обозвал ее ужасными словами и выскочил из дома. Через три дня Нэнс поняла, что он больше не вернется, как бы сильно она ни ждала.

Не мать и не жена. Ее родители умерли, и она была их единственной дочерью. Из родни тоже никого не осталось, а друзей у нее никогда и не было. Конечно, соседи помогли, чем сумели, но что они могли предложить зимой в Абергавенни? Слишком мало, чтобы прокормить взрослую женщину. Нэнс Эш не владела никаким ремеслом, она умела быть только женой и матерью. Молоко сочилось из ее набухшей груди; впереди ее ждали только голод и нищета.

Поэтому ей не хватило бы всей жизни, чтобы отдать долг благодарности Джонсам. Когда Нэнс в телеге соседа прибыла в Монмут, вся покрытая дорожной пылью, Томас Джонс одобрительно взглянул на ее налитую грудь и прямо тут же нанял в кормилицы своему новорожденному сыну. Она не смогла произнести ни слова, только покачала головой, и мистер Джонс ласково сказал ей, чтобы она перестала плакать:

— А то ваше молоко станет кислым.

Потом он спросил, точно ли ее муж ушел навсегда. Нэнс понимала, чем вызван этот вопрос. Считалось, что лучше брать в кормилицы вдову, поскольку семя портит молоко.

Именно в те дни она обратилась к Библии. До этого она полагала, что жизнь — достаточно легкое и приятное дело, и мало о ней думала. Но потом, в первые годы вдовства — постепенно все вокруг привыкли считать ее вдовой, — она ощутила нестерпимое желание понять, почему с ней случилось то, что случилось, в чем смысл человеческого бытия. Священное Писание порой казалось ей слишком сложным и загадочным, но вскоре Нэнс уловила основную мысль. В этой жизни, вплоть до ее последнего дня, зло может торжествовать над добром. Но в конце концов грешники будут низвергнуты в ад, а чистые души поднимутся в рай. Только с Господом Богом Нэнс Эш чувствовала себя легко и свободно, потому что знала: Он любит ее, и не важно, что у нее нелегкий нрав, и не важно, сколько морщин у нее на лбу. Он был ее единственным настоящим другом. Он обещал осушить ее слезы, и она верила, что так оно и будет.

И она благодарила Его за все Его милости. Джон-

сы дали ей кров над головой; если бы не они, она закончила бы свои дни в работном доме или вообще в сточной канаве. Взамен она выкормила всех их детей. Когда Грандисона отняли от груди, обнаружилось, что миссис Эш как-то пристала к семье. Она даже взяла еще нескольких младенцев, чтобы не кончилось молоко. Потом она кормила и остальных, и не ее вина, что бедные детки умерли — все, кроме маленькой Гетты. Такое бывает. Она не оказала на них никакого губительного воздействия. Она отдавала им все до последней капли, целых тринадцать лет, до того самого дня, когда Гетта отвернула личико от сморщенного соска и потребовала хлеба с маслом. К тому времени в Монмуте было уже полно других кормилиц, и никто не попросил миссис Эш взять их ребенка. Ее изношенные груди немного поболели, но вскоре иссохли. Как странно видеть их плоскими, когда много лет подряд они были пышными и налитыми…

Надо было отдать Томасу Джонсу должное. У него не было ноги, но уж принципов хватало с избытком. Мало кто из отцов понимал, что между кормилицей и ребенком существует священная связь. Другой на его месте сказал бы миссис Эш, что Гетту отняли от груди и ее услуги больше не

нужны. Семья вполне могла отказать ей от места, и никто в Монмуте их бы не осудил. Но мистер Джонс решил оставить миссис Эш при Гетте, чтобы его жена могла посвятить свое время кройке и шитью. О, Нэнс Эш хорошо знала, что такое благодарность!

Но больше всего, конечно, она благодарила Создателя. Дважды в неделю она ходила в церковь, и постоянно читала Священное Писание, и удивлялась Божьей мудрости, и старалась жить по заветам Христа, и каждую ночь подолгу стояла на коленях возле кровати, пока они не становились синими. Но в такие ночи, как эта, когда лунный свет пробирался сквозь закрытые ставни, Нэнс Эш не могла не вспоминать о том, как она упустила свой единственный шанс. Как легко это случилось — словно бы ветер сдул с ветки лист; только что был — и вот уже нет. И все из-за того, что она крепко спала в ту зимнюю ночь семнадцать лет назад. Бог знает, что ей снилось. С тех пор она ни одной ночи не спала как следует и сейчас думала только об одном. Что же все-таки снилось ей тогда? Что же это был за сладкий сон, из-за которого ей так не хотелось просыпаться?

За окном стояла все такая же непроглядная тьма. Должно быть, сейчас не больше половины

шестого, решила Мэри. Начался второй день ее новой жизни.

— Мэри!

Вот что ее разбудило. Ее позвали откуда-то снизу. У миссис Джонс был какой-то особенный напевный выговор — точь-в-точь как у Сьюзан Дигот, поняла вдруг Мэри. Но конечно же это была не ее мать и не ее дом. Это была ее хозяйка, и она будила свою прислугу.

В одну секунду Мэри вспомнила, что из своей собственной жизни шагнула совсем в другую, и внезапно растерялась. Она уткнулась лицом в подушку и задержала дыхание. *Услужение*. Это слово звучало так безобидно, так повседневно. Люди часто идут в услужение. *Я нашел очень приличное место,* говорят они. *Не хотелось бы потерять место.* Но каким бы хорошим ни было это *место* и где бы оно ни находилось, оно было не для нее.

Чтобы напугать саму себя, она представила бесстрастное лицо Цезаря, его фиолетовые губы. Нет, в Лондоне появляться пока нельзя, это Мэри понимала хорошо. *Монмут — это просто чтобы затаиться на время, только и всего*, сказала Куколка у нее в голове. *Как та вонючая канава, где мы прятались — помнишь? Когда были хлебные*

беспорядки и толпа вдруг обезумела? Перетерпеть можно что угодно.

— Мэри Сондерс!

Однажды Нэн Пуллен сказала странную вещь про свою хозяйку, ту самую, которая потом передала ее судьям. Хозяева и хозяйки — те же клиенты, только называются по-другому. Ты притворяешься, что тебе хорошо или даже что ты благодарна. Ты им служишь, но по-настоящему они тебя не знают. И нужно брать у них все, что только можешь, потому что, сколько бы они тебе ни платили, этого никогда не будет достаточно — за то, что они просят.

Она оторвалась от подушки и села. Эби лежала рядом, сложив руки на груди, неподвижная, словно надгробное изваяние, и Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности. Она думала, что черная прислуга уже давным-давно на ногах, разжигает огонь в очаге и нагревает воду.

— Доброе утро, — осторожно сказала Мэри.

Эби молча смотрела в потолок.

— Разве ты не нужна там, внизу?

— Я болела.

Мэри вгляделась пристальнее. Ни горячки, ни потливости, ни лихорадки.

— И что же у тебя болит? — с нажимом спро-

сила она.

— Я болела, — повторила Эби и отвернулась к окну.

Когда Мэри проходила мимо хозяйской спальни, ее окликнула миссис Джонс.

— Вам помочь одеться, мадам? — спросила она.

— О нет. — Миссис Джонс влезла в фижмы. У нее была очень тонкая талия. — Я только хотела спросить, хорошо ли тебе спалось.

— Хорошо, мадам. Кажется, Эби заболела, — ровно заметила Мэри.

— А, да. Она мне так и сказала, когда я заглянула рано утром. — Завязки фижм запутались в узел. — Она не такая крепкая, как кажется на вид.

Что, как поняла Мэри, означало — Эби бесстыжая притворщица, но сегодня хозяйке не хочется ссориться.

— Может быть, ты поможешь мне подать завтрак?

— Конечно. — Мэри ловко распутала ленты и завязала их в красивый бантик на пояснице миссис Джонс.

— О, спасибо, Мэри.

Хозяин не обратил на нее никакого внимания,

словно бы она была кошкой. Это было непривычно и странно; обычно мужчины в присутствии Мэри начинали снимать с себя штаны, но мистер Джонс, наоборот, продолжил одеваться. Краем глаза Мэри заметила, как он натянул под рубахой льняные панталоны. Ей вдруг страшно, как ребенку, захотелось увидеть то, что осталось от его ноги, но культя скрывалась под широкими складками ночной рубашки. Должно быть, с хозяйством у него было все в порядке, как и у обычного мужчины, — Гетта была тому доказательством. Теперь он надел на здоровую ногу шерстяной чулок и закрепил его подвязкой над коленом. Эта единственная нога была крепкой и волосатой; интересно, хватает ли в ней силы работать за две, подумала Мэри.

Она подняла широкую черную юбку над головой миссис Джонс — прекрасный шелк-поплин, разве что немного тусклый, отметила Мэри, — и помогла хозяйке ее надеть. Потом взяла подходящие рукава и приколола их к лифу.

— О, Мэри, ты очень проворная.

— Спасибо, мадам.

Ее взгляд снова скользнул к хозяину. Он обул свой единственный кожаный башмак и встал. Потом подхватил пустую штанину и закрепил

ее сзади маленькой пуговкой, которую жена пришивала ко всей его одежде. После этого он продолжил свой туалет, как и любой другой мужчина. Сюртук у мистера Джонса был довольно старомодный, с широкими, укрепленными жесткой бортовкой полами.

Теперь, когда он был полностью одет, его кудрявая голова смотрелась несколько странно. Мистер Джонс встряхнул свой растрепанный парик, и в воздух поднялось облачко голубоватой пудры.

— Может быть, позвать Дэффи, чтобы он поправил твой парик, дорогой? — спросила миссис Джонс.

Он покачал головой, уселся перед зеркалом и взял в руки гребенку.

Наверное, зарабатывай он хоть десять тысяч фунтов в год, мистер Джонс всегда будет сам заботиться о своем парике. Она ни разу не слышала, чтобы он сказал «мне нужно».

Через неделю мистер Джонс решил, что новая служанка справляется совсем неплохо. Иногда она бывала немного дерзкой, но чего еще ожидать от девушки, которая выросла на улицах большого города. Он слышал, что непочтительность там сродни всеобщей болезни.

Как правило, Мэри Сондерс убирала в доме или работала вместе с хозяйкой, но миссис Джонс то и дело посылала ее в корсетную мастерскую с каким-нибудь сообщением или вопросом. Мистера Джонса немало забавлял тот факт, что девчонка, судя по всему, ни на секунду не забывала о его отсутствующей ноге и это ее заметно смущало. Она то и дело бросалась ему на помощь, что-нибудь достать или принести, так чтобы ему не нужно было вставать. Вероятно, боялась, что он споткнется о выступающую доску пола и грохнется оземь. Мистер Джонс отмахивался от нее и с огромной охапкой корсетов в руках прыгал в другой конец комнаты. Его голова почти касалась невысокого потолка.

— Найди лучше того, кому и правда требуется твоя помощь.

Это были его любимые слова.

Один раз Мэри застала его за работой. Подогнув ногу, мистер Джонс сидел за маленьким низким столиком, а перед ним были сложены прозрачные пластины китового уса. Столик был весь исцарапан, как будто его драл дикий зверь. Мистер Джонс отрезал от пластин узкие полоски и обстругивал их ножом. Готовые полоски он веером раскладывал на коврике рядом с собой.

Получавшийся узор напоминал ему скелет какой-нибудь странной звездообразной рыбы.

— Сколько же полосок вам нужно?.. — спросила Мэри и торопливо прибавила: — Сэр.

Мистер Джонс поднял голову.

— Сорок, — с улыбкой ответил он. — По меньшей мере сорок.

Несколько минут она стояла у него за спиной и молча наблюдала, как он работает. Он почти чувствовал ее взгляд на своих руках.

— Я думала, они должны быть одинаковой формы, — пробормотала она.

Мистер Джонс рассмеялся:

— Девочка! Разве человек — это прямоугольник?

Она недоуменно посмотрела на него. Да знает ли она это слово, усомнился мистер Джонс. В конце концов, она получила всего лишь женское образование.

— По-твоему, я делаю коробки? — спросил он.

Мэри неуверенно улыбнулась.

Мистер Джонс вздохнул, хотя, по правде говоря, рассказывать о своей работе доставляло ему огромное удовольствие. Он взял незаконченный корсет для миссис Бродерик.

— Нам нужны крепкие вертикальные полосы,

чтобы ужать живот, и диагональные вот здесь, где ребра. — Он погладил двойной шов, проходящий вдоль каждой полоски. — Теперь вот тут, сзади, требуются тонкие горизонтальные полосы, чтобы сгладить эти некрасивые лопатки. Не говоря уже о широких изогнутых полосах впереди, чтобы приподнять и сделать пышнее грудь.

Мэри отвела глаза, и он вдруг вспомнил, что говорит с пятнадцатилетней девочкой.

— Таковы требования моды, — быстро продолжил мистер Джонс. — Вырез платья становится все глубже с каждым годом. Некоторые мастера, что делают корсеты, используют для переда стальные полоски, — добавил он. — Но, по моему мнению, китовый ус ничуть не хуже, к тому же он более гибкий.

Она по-прежнему не решалась поднять взгляд. Может быть, она одна из этих чудных современных девушек, жертв собственной скромности?

— А сколько тут швов? — тихо спросила она.

— О, некоторые нерадивые люди обходятся всего пятью или шестью. Но я считаю, что их должно быть не меньше десяти, иначе это просто стыд. — Он потрогал корсетные лямки. — В лямки я тоже вставляю китовый ус. Именно такие маленькие штришки выделяют хорошую работу из сотен

других. Великий мастер Козинс, из Лондона…

— Как корсет может выделяться из других, если его никто не видит? — перебила Мэри.

Мистер Джонс слегка улыбнулся.

— Те, у кого есть глаз, всегда видят форму, и не важно, сколько корсажей и жакетов надето сверху.

— Как будто одежда стеклянная? — завороженно спросила она.

— Именно. Французы называют нас tailleurs de corps, портные тела. Мы художники, которые работают с костью. Хотя, строго говоря, китовый ус — это что-то вроде огромных рыбьих зубов. — Он положил маленькую щепочку ей на ладонь. — Некоторые мастера, те, что подешевле, берут гусиное перо или дерево, но мне кажется, нет ничего лучше настоящего гренландского товара.

Мэри распахнула глаза.

— Ты когда-нибудь видела кита, Мэри?

— Нет, сэр. В Лондоне нет китов.

— В Монмуте тоже нет, — хмыкнул он. — Я хочу сказать, кита на картинке.

Опершись на руки, он тяжело встал. Девчонка торопливо отступила назад, словно опасалась, что они столкнутся. В два прыжка мистер Джонс

добрался до маленького книжного шкафа, открыл его и достал толстый журнал в позолоченном переплете. Пролистав страницы, он нашел нужную картинку и показал ее Мэри. Толстое чудовище бороздило волны. Мистер Джонс постучал по линии, обозначавшей берег.

— Гренландия, — сказал он. — Три месяца пути отсюда.

Мэри взглянула на картинку. Только когда мозолистый палец хозяина указал на изображенную рядом маленькую лодочку с крошечными человечками, до нее дошло, каковы размеры кита на самом деле. Она тихонько охнула.

— Говорят, его зубы пятнадцать футов длиной, Мэри.

— Правда?

— Не знаю. — Мистер Джонс задумчиво посмотрел на картинку. — Надеюсь, что да.

Мэри сказала, что, пожалуй, пойдет, поскольку не желает отвлекать хозяина от дела, но он заверил, что сейчас ему не помешает помощь. Дэффи не было дома, он развозил заказчикам чулки. Поэтому Мэри пришлось держать длинную полоску китового уса, изогнутую наподобие лука, пока мистер Джонс вшивал ее в предназначенный для нее узкий карман. Он заметил, что руки у

лондонской девчонки на удивление крепкие и совсем не дрожат.

Беспокойнее всего она чувствовала себя днем. Иногда хозяйка замечала это и посылала Мэри куда-нибудь с поручением под предлогом того, что «Эби сегодня выглядит уставшей, не правда ли?». Сама же Эби в эти дни работала только по указке и выполняла лишь самые необходимые задания. На лице у нее при этом появлялось упрямое ослиное выражение, которое Мэри прекрасно понимала. «Пусть лондонская девчонка сделает» — вот что означали гримасы негритянки.

Но Мэри была только рада лишний раз выбраться из дома. Сегодня у нее был целый список дел, который пришлось держать в голове, — и заканчивался он «половиной фунта кофе из бакалейной лавки, и смотри же, не забудь попросить их записать его в долг до пятницы». *Смотри же.* Так всегда говорила ее мать. Но в отличие от Джейн Джонс Сьюзан Дигот всегда указывала на какое-нибудь несчастье: что-то пролитое, или сломанное, или еще один несчастливый день.

Грязный снег сгребали прямо к стенам домов. За те несколько недель, что Мэри прожила в Монмуте, Инч-Лейн сузилась до размеров ее юбки. Неужели эта зима будет длиться вечно?

Здесь не было тротуаров, как в Лондоне, и приходилось пробираться прямо сквозь мусор и дерьмо, выглядывавшее из-под снега. Миновав Инч-Лейн, Мэри обнаружила, что находится в самом сердце Монмута, точно между благородными домами на Уайткросс-стрит и вонючими маленькими хибарами. Такая теснота не переставала ее удивлять: знать и бедняки жили не больше чем в двух минутах ходьбы друг от друга. Все дома были выбелены известью; медные ручки дверей сияли.

С самого первого дня Мэри настороженно вглядывалась в прохожих на улице, боясь наткнуться на того самого валлийца, с которого она содрала целый фунт на постоялом дворе в Колфорде за якобы потерянную невинность. Но он не встретился ей ни разу. Должно быть, он жил не в Монмуте, а где-нибудь на ферме за горами, решила она.

Она уже выучила названия дюжины улиц — да больше в этом крошечном городке, зажатом между двумя речками и закованном в снега, кажется, и не было. Там, за излучиной, где тоненькая Монноу встречалась с полноводной Уай, простирались луга Чиппенхэм-Медоуз. По словам Дэффи, местные жители любили прогуливаться

там летними вечерами. Но лето представлялось ей чем-то ненастоящим. В этой части света время стояло на месте. В доме на Инч-Лейн на стенах все еще висели ветки хвойных деревьев, которыми комнаты украшали к Рождеству.

От ветра у нее заслезились глаза. Мэри закрыла лицо платком и натянула митенки на голые кончики пальцев. Тонкие башмаки скользили по слежавшемуся снегу. Теперь она уже не помнила, почему так мечтала выйти на улицу. Поверх плаща Мэри завязала целых две шали, и все равно ей было нестерпимо холодно. Воздух был до странности чист и прозрачен; он не пах вообще ничем.

Она купила немного соли, завернутой в бумажку, в бакалейной лавке; закупоренную склянку с зеленой мазью для больных ног миссис Эш в аптеке Ломакса; кусок свежего масла в лавочке у моста. Через час Мэри брела вдоль Уай с тяжело нагруженной корзиной в руках. В кармане у нее лежало полкроны — сдача для миссис Джонс. Потерять эти деньги было невозможно. С того самого дня, как мать отлупила ее за оброненный пенни, Мэри всякий раз, опуская руку в карман, проверяла, нет ли в нем дырок.

— *Всегда носи с собой полкроны, чтобы при*

случае доказать, что ты не шлюха.

— Как полкроны могут доказать, что ты не шлюха, Куколка?

— Ты заплатишь их констеблю-«исправителю», дурочка!

Долл Хиггинс всегда носила в туфле полкроны и никогда не пропивала их, никогда — даже если ей приходилось закладывать плащ в самую дурную погоду. Долл Хиггинс, которая больше смерти боялась потерять свободу и думала, что полкроны спасут ее от любой беды!

Мимо прошла женщина с тремя детьми.

— Праздные руки. Займи руки! — буркнула она.

Мэри вздрогнула. У женщины был такой сильный акцент, что поначалу она даже не разобрала слов. Мэри посмотрела в ее мутно-карие глаза, затем перевела взгляд на руки. Прямо на ходу незнакомка чесала шерсть. Семенившие следом за ней дети делали то же самое.

— Я несу корзину, — возмущенно возразила Мэри. Собственный голос показался ей слишком визгливым.

— В следующий раз неси ее на локте, а руки пусть работают, — не замедляя шага, бросила женщина.

Дети пробежали мимо. Они работали не так слаженно, как мать, их пальцы двигались гораздо медленнее, как у неопытных музыкантов.

Мэри бросила взгляд на свои руки. Кончики пальцев, торчащие из митенок, онемели и почти посинели от холода. Но насколько они нежнее и мягче, чем пальцы любой местной женщины, с несколько злобным удовольствием отметила она. В прежней жизни единственная работа, которую приходилось проделывать ее рукам, — это приподнимать юбки, чтобы они не волочились по грязи, и — иногда — возвращать к жизни орудие какого-нибудь старика. При этой мысли она даже фыркнула от смеха. Как бы назвали ее местные, если бы знали об этом?

Покупательницы в бакалейной лавке гомонили, как гусыни, но, когда вошла Мэри, все разговоры вдруг стихли. Она до сих пор не понимала, на каком языке говорят между собой эти люди: на валлийском или на английском, но с ужасным валлийским акцентом. Лавочник оказался довольно дружелюбным.

— Дочка Сью Рис, не так ли? — спросил он, заворачивая кофе в бумагу.

Мэри изумленно кивнула:

— Неужели это можно сказать вот так, по ли-

цу?

Лавочник расхохотался; женщины присоединились к нему.

— Нет, дорогуша. Просто мы про тебя слышали, только и всего.

— Добро пожаловать домой, — добавила одна из покупательниц.

Мэри сухо поблагодарила ее и как можно скорее вышла. *Добро пожаловать домой!* Господи, они что, все сумасшедшие?

Когда она шла по Монмут-стрит, ветер вдруг взметнул снег, словно невидимой огромной метлой. Густая белая пыль стояла в воздухе, похожая на шелковую завесу; она то собиралась в облака, то снова рассеивалась. Это был снегопад наоборот, снизу вверх. Снег летел Мэри в лицо, забивал нос и глаза. Прикрываясь рукой, она взглянула на шпиль церкви Святой Марии. Над ним висел мутно-белый шар солнца. Далекие крыши были точно такого же тускло-коричневого оттенка, как и голые деревья. Это был мир, лишенный цвета, и Мэри не могла отделаться от ощущения, что медленно слепнет.

Что-то черное метнулось над головой, и она посмотрела вверх. К тощему буку со всех сторон слетались вороны. Они качались на ветках,

вертели головой и истошно каркали, будто напрашиваясь на неприятности. Мэри подняла голову и попыталась их сосчитать.

Пять к потере,

Шесть к деньгам.

Она задрала подбородок еще выше. На соседнем дереве сидела еще одна. И еще.

Семь к дороге,

Восемь к ворам.

Вороны кружились над головой. У Мэри заслезились глаза. Их крики сливались в один большой общий стон. Она сморгнула снег с ресниц. Десятки, сотни птиц облепили голый скелет дерева. Время от времени они делали попытку подняться в воздух, но тут же снова опускались на бук, как будто что-то притягивало их назад. Некоторые устроились на самых кончиках веток и хлопали крыльями, готовые в любой момент сняться с места, но Мэри знала, что они этого не сделают. Кажется, им было некуда лететь.

Только теперь она осознала, что слышит этот крик все утро. Громкое, сварливое карканье, пустое и бессмысленное, не рассчитывающее ни на ответ, ни на признание, ни на утешение. На что

же они жалуются? — подумала Мэри. На то, что мало червяков? На то, что весна так далеко? Может быть, на то, что они не родились павлинами? Черные клювы раскрывались словно бы против воли, глотки испускали негодующие вопли — не потому, что хотели, но потому, что не умели издавать других звуков, забыли об изначальной причине своего недовольства. Серое небо дрожало от пронзительных жалоб.

Вдали, за рекой, несколько человек двигались через белое поле, таща за собой большие бочки. Густой, острый запах накрыл город.

— Что они делают там, в поле? — спросила Мэри, протиснувшись мимо коловшего дрова Дэффи. Слишком маленький двор, мелькнуло у нее в голове.

— Разбрасывают навоз, — ответил он и занес над колодой топор.

Длинное полено разлетелось надвое.

— Разбрасывают навоз? — презрительно повторила Мэри.

Дэффи выдохнул облако пара.

— Чтобы подготовить поле к пахоте. Удобрить землю, сделать ее плодороднее.

Какая чепуха. Она скривила губы.

— И что же они собираются сеять?

— Жеребячье копыто. — Он на секунду оперся на топор. — Медвежью лапу. Может быть, вороний чеснок.

Мэри расхохоталась.

— Уж не думаешь ли ты, что я поверю этим дурацким названиям?

— Как будто городская девчонка может отличить одну траву от другой, — бросил Дэффи.

Наверное, не врет, подумала Мэри. Но разумеется, она не собиралась в этом признаваться. Ступеньки на крыльце совсем обледенели. Она помедлила еще немного. Когда Дэффи поднимал топор в воздух, его плечи казались крепче и шире.

— Так вы меня все и называете, верно? Лондонская девчонка.

Он замер и посмотрел на нее.

— Я слышала твой разговор с хозяином в корсетной мастерской. И с Эби тоже.

— Тогда вот тебе еще одна деревенская пословица. — Дэффи расколол пополам очередное полено. — Тот, кто подслушивает у дверей, не узнает о себе ничего хорошего.

— Значит, ты на меня злишься? — весело спросила она.

Топор застрял в полене, и он стукнул им о ко-

лоду.

— Мне нечего скрывать, я могу сказать это прямо тебе в лицо, — мрачно заметил Дэффи. — Тебе отдали место, которое должна была получить другая девушка.

Так, значит, вот в чем дело, подумала Мэри. В этой чертовой работе. Она тут же сделала ответный выпад, как учила Куколка.

— Та другая девушка, — сладким голосом начала она, — это, случайно, не та грязноватая коротышка, с которой я видела тебя на рынке? Вы так мило ворковали.

Дэффи выпрямился.

— Моя кузина Гвинет, — сквозь зубы процедил он, — самая восхитительная женщина, которая когда-либо появлялась на свет.

Он сам подставил горло под нож, и они оба прекрасно это понимали.

— Прошу прощения, — пропела Мэри. — Значит, я перепутала твою восхитительную кузину с какой-то бродяжкой, что выпрашивала рыбьи головы и хвосты на задах лавки.

Она бы не удивилась, если бы он ее ударил. Но Дэффи только крепче ухватился за топор и перевел взгляд на стоявшее на колоде полено. Это произвело на Мэри некоторое впечатление.

Может быть, он просто подивился про себя, как это она умудрилась превратиться в такую ведьму, не достигнув и шестнадцати лет. Иногда Мэри и сама задавала себе такой вопрос.

— В один прекрасный день, когда для тебя самой настанут тяжкие времена, ты пожалеешь о своих недобрых словах, — наконец выговорил он.

Она уже немного о них пожалела. Порой слова казались ей осколками стекла, застревающими в горле.

Каждый последний понедельник месяца начинался для Эби задолго до рассвета. Нанятые на день прачки доверяли ей помешивать кипятившееся белье, пока сами отмеряли щелок. Только согнувшись над раскаленным котлом, она начинала чувствовать хоть какое-то тепло. Прачки бывали счастливы, когда миссис Джонс присылала Эби им в помощь — она могла выдерживать горячий пар вдвое дольше, чем любая христианская женщина.

— Это все потому, что вместо кожи у нее подметка, — говорили они.

Они думали, что она ничего не понимает, просто потому, что Эби не считала нужным присоединяться к их глупым разговорам. Она очень быстро поняла, что иногда полезно казаться

дурочкой или, как в ее случае, наполовину обезьяной.

На кухонный стол поставили бадью для белого белья и налили в нее кипяток.

— Давай-ка пошевеливайся, Эби, — громко сказала самая младшая из прачек и вывалила в пену кучу вещей.

Эби улыбнулась не разжимая губ. Она знала, что ее белоснежные зубы смущают белых людей и иногда даже вызывают у них нервный смех. Она погрузила руки в горячую воду, и розовые трещины на ладонях тут же защипало. Вещи не таили от нее никаких секретов. Каждое пятно могло рассказать целую историю. Взять хотя бы девочку, Гетту. Ее шерстяной корсаж стирался легко; достаточно было просто отпереть его большим и указательным пальцами. На нижней юбке были желтые потеки. Как там обычно говорит хозяйка? Подобное подобным. Что означало: после первого застирывания нижнюю юбку придется прокипятить в горшке со свежей мочой.

Прачки хохотали совсем как пьяные. После того, как они уйдут, нужно будет проверить пиво в бочонке, подумала Эби.

Украшенные рюшами рукава лондонской девчонки были испачканы воском. Мэри Сондерс

явно не умела снимать нагар со свечи. Придется оттирать их горячей коркой хлеба — и никто не скажет Эби за это спасибо. Рубашка новой служанки пахла ее лимонными духами. Она утверждала, что ей пятнадцать, эта Мэри Сондерс, но ее глаза были вдвое старше. Откуда у нее этот жесткий взгляд? Впрочем, может быть, в Лондоне все такие.

Эби сожалела, что в свое время не оказалась в большом городе. Восемь лет назад, после долгого путешествия, ее хозяин, доктор, приехал в Монмут из Бристоля, чтобы провести здесь зиму, и заказал Джонсам новое платье, весь костюм целиком, от шляпы до пряжек на туфлях. Когда пришло время отправляться в путь, в следующем марте, он был все еще должен им шесть фунтов и десять пенсов. Вместо денег он отдал им Эби. Она беззвучно проплакала три дня подряд — не потому, что скучала по доктору, но потому, что все в Англии было непривычным и чужим.

Вначале Джонсы не знали, что им с ней делать, но очень скоро Эби стала весьма полезной. В этом холодном доме на Инч-Лейн она научилась делать мыло из золы и щепать лучину, вовремя приседать, говорить *да, сэр,* и *да, мадам* и не раздражать кого не надо — в основном это

относилось к миссис Эш. Слуга мистера Джонса, Дэффи, предложил обучить ее чтению, но поначалу Эби отнеслась к этой затее с подозрением. С каких это пор белый человек предлагает что-то за так? Но даже потом, когда она согласилась и позволила ему показать ей страницу книги, непонятные закорючки на бумаге вызвали у нее неодолимое отвращение. Это была магия, к которой Эби не хотелось прикасаться.

— Эби? — В дверях стояла лондонская девчонка с охапкой белья в руках. — Хозяйка послала меня постирать эти новые косынки.

Эби прочистила горло.

— Подожди. Эта вода грязная.

— Очень хорошо, — с подозрительной вежливостью отозвалась Мэри Сондерс. Она свалила вещи на стол и пододвинула к себе табурет.

Чувствуя себя несколько скованно под ее пристальным взглядом, Эби продолжила работу.

Через пару минут молчания Мэри Сондерс по-детски подперла подбородок ладонями.

— Не сказать, что ты болтушка, а? — пробормотала она.

Эби принялась еще яростнее тереть белье.

— Так, значит, в Вест-Индии не говорят по-английски?

— Режут сахарный тростник, — буркнула Эби. — Некогда болтать.

— А я люблю поговорить, когда работаю.

Что она о себе думает? И это она называет работой? Как будто стирку можно сравнить с изнурительным трудом на тростниковом поле! Эби бросила в лохань мужское нижнее белье: фланелевые панталоны, муслиновые рубашки, шерстяные чулки и подвязки, все почти одинаковое, мало чем отличающееся друг от друга.

— Это хозяина? — спросила Мэри. Она успела ухватить за отворот штанины чьи-то бриджи, прежде чем они погрузились в воду.

Эби покачала головой.

— Ах да. Ворс короткий, и вот тут дырочка. Должно быть, это Дэффи. Полагаю, он слишком занят учебой, чтобы поставить заплатку. Странный парень, тебе не кажется? Дэффи, я имею в виду, — повторила она, как будто Эби не услышала ее первый раз.

Эби пожала плечами и взялась за очередную вещь.

— Он здесь уже давно? Много лет?

Неопределенный жест.

— Года три-четыре?

— Может, год, — неохотно выдавила Эби.

— А где он был до этого?

— Работал в гостинице у отца.

Мэри Сондерс покивала, оценивая услышанное.

— Да-да. Я так и вижу, как он наливает сидр гостям. Заляпал себе весь сюртук. — Она вытащила из кучи бархатные бриджи. — Ну, эти точно хозяина. Вот здесь ткань совсем не изношена, начиная с того места, где он подхватывает ее пуговкой. Расскажи мне, как он потерял ногу? Или он такой родился?

Эби снова пожала плечами — она и в самом деле не знала. Ей никогда не приходило в голову об этом спрашивать. Потерять часть тела так легко; просто удивительно, что люди доживают до смерти целыми и невредимыми. Она потыкала одежду палкой, глядя, как грязь поднимается кверху. Может быть, Эби и работала медленно, но зато она никогда не останавливалась. Это было первое, чему она научилась, когда вышла в поле, десяти лет от роду. *Шевелись. Двигайся. Будь всегда занята.*

Мэри оглядела пару шелковых чулок.

— Очень мило, — заметила она и провела пальцем по изящному узору. Она уже собиралась бросить их в лохань вместе с остальным бельем,

но Эби ее остановила.

— Эти идут в холодную воду. — Она показала на другую бадью.

— А эти кружевные рюши? Наверное, это хозяйкины.

— Не мочить совсем. Чистить отрубями, чтобы убрать жир.

Мэри кивнула и подошла к бадье с отрубями.

— Я никогда не занималась стиркой в Лондоне. Для нас стирала соседка. Это ужасно сложно. Не знаю, как ты держашь все это в голове и ничего не путаешь.

Старается подольститься, поняла Эби. Не обращать внимания.

Мэри вытянула батистовую сорочку.

— Ну а это наверняка принадлежит миссис Эш. Запах такой же кислый, как ее лицо.

Эби почувствовала, как уголки ее губ невольно ползут вверх.

Лондонская девчонка сняла с чепца миссис Эш несколько длинных седых волос.

— О-о-о… если она будет продолжать в том же духе, то скоро станет лысой, как яйцо. Так от чего умер ее муж? Она замучила его проповедями?

Прачки выжимали простыни; они не могли слышать ни слова из их разговора.

— Не умер, — пробормотала Эби. — Я слышала, сбежал.

Мэри вскинула бровь.

— Это многое объясняет. И кто его обвинит?

Эби сжала губы, чтобы не улыбнуться.

— Когда это случилось?

— Двадцать лет назад. Я слышала. — Эби еще ниже склонилась над бельем.

Мэри расхохоталась и прикрыла рот рукой.

— Значит, никто не дотрагивался до старой перечницы… с 1743 года?

Эби фыркнула от смеха. Подошли прачки, и она стала вытаскивать вещи из лохани. Лондонская девчонка трудилась бок о бок с ней.

В тот же день, когда Мэри и миссис Джонс сидели за шитьем, не больше чем в двух футах друг от друга, Мэри решилась задать интересовавший ее вопрос:

— Я хотела спросить, мадам… А Эби — рабыня?

— Вовсе нет! — Миссис Джонс подняла на нее изумленный взгляд. — Мы никогда в жизни не продадим нашу Эби!

— Тогда кто она?

— Служанка, — неуверенно сказала миссис Джонс. — Член семьи.

Мэри немного подумала. Какие только стран-

ности не прикрывает слово *семья.*

— Но она не может уйти, если захочет, так?

— Уйти? Но куда ей идти? Разве мы плохо с ней обращаемся?

— А плату она получает?

— Ну… нет. Но что бедной Эби делать с деньгами?

Миссис Джонс пришла в такое замешательство, что Мэри не стала расспрашивать дальше. Здесь, в захолустье, люди и понятия не имеют, что порядок вещей не везде одинаков. Что может быть и по-другому.

Через три недели в доме на Инч-Лейн Мэри и сама едва помнила, что можно жить и по-другому. Яркие шелка и тафта с Севен-Дайлз, хранившиеся в сумке под кроватью, казались ей даже не остатками прежней жизни, а костюмами из пьесы. Глядя в свой осколок зеркала, Мэри не узнавала саму себя. Какой невероятно приличной девушкой она выглядела в снежно-белом чепце и простых шерстяных чулках, с легчайшей, едва заметной тенью кармина на губах, какой юной! И как гоготали бы шлюхи из прихода Святого Эгидия, если бы увидели Мэри Сондерс, зарабатывающую себе на жизнь честным трудом, не раздвигая ноги!

Хозяйка удивляла ее безмерно. Казалось, в миссис Джонс не было вообще никакого женского тщеславия. У нее было милое, довольно привлекательное лицо, особенно когда она улыбалась, — ну разве что чуть-чуть изможденное. Но она смотрелась в зеркало только в тех случаях, когда оказывалась за спиной клиентки, примеряющей новое платье.

— Почему вы всегда носите черное? — спросила как-то раз Мэри. — Для простоты или потому что не хотите быть наряднее заказчиц?

— По правде говоря, я и сама не знаю, Мэри, — задумчиво проговорила миссис Джонс. Она трудилась над особенно сложным швом. — Я надела траур после того, как умер мой последний мальчик, да, кажется, так его и не сняла…

Первый раз за все время она упомянула других своих детей, тех, что скончались. Мэри ужасно хотелось узнать больше: сколько их было, как их звали, — но она не решилась спросить; это могло оказаться слишком болезненным.

Миссис Джонс постоянно была чем-нибудь занята, и Мэри приходилось не отставать от хозяйки. Самый светлый угол магазина, в котором они работали, являл собой картину настоящего хаоса из рулонов ткани, лент, катушек с нитками

и ножниц, но миссис Джонс утверждала, что она прекрасно знает, где что лежит, хотя порой искала нужную вещь едва ли не по полчаса. Весь январь напролет они работали над костюмом для верховой езды для толстой миссис Форчун, из такой мягкой серой шерсти, что пальцы Мэри почти тонули в ворсе. Она всего лишь подрубала край, но делала это безупречно; миссис Джонс никогда не позволяла ни малейшей небрежности в работе.

Она отдыхала только в те минуты, когда задерживалась в коридоре между корсетной мастерской и магазином или выбегала во двор по нужде, обнимая себя обеими руками, чтобы защититься от пронизывающего ветра. В такие моменты Мэри чувствовала острое желание оставить заднюю дверь нараспашку открытой, выбежать на Инч-Лейн и рвануть прочь из этого узкого тесного городка.

Однажды утром выпал град. Он шел целых полтора часа, с десяти до половины двенадцатого. Никогда в жизни Мэри не видела ничего подобного. В этой части света непогода не знала никаких ограничений; ничто не могло ее усмирить. Мэри стояла у окна и смотрела, как ледяные осколки барабанят по крышам. Вернулся посланный на

рынок Дэффи. Его шея была в крови, а ухо рассечено — на нем красовалась ссадина длиной в полдюйма. По его словам, кто-то в городе видел, как с неба свалилась ворона с расколотой головой.

— Я слышала, ты раньше работал в таверне своего отца, — сказала за обедом Мэри. — Но разве он не викарий?

Дэффи бросил на нее странный взгляд.

— О, Джо Кадваладир вряд ли смог бы заработать себе на хлеб, если бы рассчитывал только на доход викария, — вступилась миссис Джонс.

— Верно, — поддержал мистер Джонс. — Бедный парень давно протянул бы ноги, если бы не гостиница и таверна.

Миссис Эш, которая сидела уткнувшись в свою Библию, подняла голову.

— Екклесиаст говорит, *лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа*[14].

Все промолчали.

— Воронье гнездо, — выпалила Гетта.

— Верно, моя умница. — Миссис Джонс потрепала девочку по светлым волосам. — Отец нашего

---

[14] Сноски: 14
Екк., 4: 6.

Дэффи — владелец «Вороньего гнезда».

Разговор был явно неприятен Дэффи, поэтому Мэри не могла не ковырнуть поглубже.

— Если у тебя была работа в таверне отца, почему ты тогда работаешь здесь? — невинным тоном спросила она.

Дэффи отодвинул стул и встал.

— Я лучше пойду отнесу эти шляпы, — сказал он миссис Джонс.

Когда дверь за ним закрылась, Мэри картинно распахнула глаза.

Мистер Джонс потянулся за костылями.

— Неплохо, что Дэффи работает у нас и обучается ремеслу, — мрачно заметил он. — Но мне не нравится вставать между сыном и отцом. — С этими словами он тоже вышел.

— Что такого я сказала? — удивленно спросила Мэри.

Миссис Джонс покачала головой:

— Ах, дурная кровь.

Иногда днем Мэри тихонько ускользала наверх и валилась в кровать, просто чтобы побыть одной. Постоянно находиться в окружении людей, знающих ее имя и чего-то от нее требующих, казалось ей невыносимым. Как ни странно, но оставаться в одиночестве посреди шумной тол-

пы прихода Святого Эгидия было гораздо легче. Мэри лежала на боку и перелистывала «Дамский альманах», за который заплатила целых девять пенсов на последней Варфоломеевской ярмарке. С обложки смотрела молодая королева Шарлотта; взгляд у нее был довольно мрачный, несмотря на роскошный отороченный мехом плащ. Мэри на секунду прикрыла глаза и представила этот восхитительный мех вокруг своей шеи.

— Мэри? — Голос хозяйки показался ей пронзительным, словно крик дрозда. — Ты мне нужна.

Лондон был местом, где правила неограниченная свобода. Теперь Мэри казалось, что она заложила свою жизнь Джонсам. Эта работа как будто снова вернула ее в детство, когда надо было вставать и ложиться по прихоти других людей. Целыми днями она подчинялась чужим приказам, трудилась на чужое благо. Ей не принадлежало ничто, даже собственное время.

— Иду, хозяйка! — крикнула Мэри в ответ и направилась к двери.

Когда Гетте удавалось улизнуть от миссис Эш, она ходила за новой служанкой как хвостик, держась за ее юбки. Вопросы сыпались на Мэри один за другим.

— Как называется этот цвет?

— А скоро обед?

— Сколько тебе лет?

— Угадай, — пропыхтела Мэри, выгребая из печки золу.

— Десять?

— Нет. Больше.

— Сто?

— Я что, выгляжу на сто лет? — Мэри рассмеялась и смахнула со щеки пыль. — Мне пятнадцать, и это чистая правда.

— Моему брату было девять. Гранцу.

— Вот как? — Мэри бросила на девочку любопытный взгляд.

— Он стал очень тоненький и улетел на небо в колеснице.

— Ага.

— Я не тоненькая, — виновато заметила Гетта.

Мэри проглотила смешок.

— Полагаю, нет.

— Миссис Эш называет меня ненасытным маленьким поросенком.

Не сдержавшись, Мэри расхохоталась.

— А у тебя правда нет матери? — спросила вдруг Гетта.

Смех Мэри оборвался.

— Правда.

— Она улетела в рай?

— Надеюсь, что да, — печально сказала Мэри и взяла ведро с золой.

Этот день показался ей самым длинным из всех — но, по крайней мере, в основном Мэри сидела за шитьем. Она даже задремала над работой, подрубая юбки и корсажи представительниц самых лучших семей Монмута. Кожевенники, торговцы шляпками, владельцы кузниц — это был самый цвет. Ни одного виконта. За спиной Мэри миссис Джонс своими огромными изогнутыми ножницами смело резала шелк и парчу, то и дело сверяясь с одной из кукол-образцов, привезенных на прошлой неделе Джоном Ниблеттом. Передники у них были не длиннее двух дюймов, а юбки шириной с кочан капусты. Мэрри подумала, что с этими тоненькими, как прутики, ручками и толстыми шеями они похожи на крыс, наряженных графинями.

Миссис Джонс могла часами говорить о романе, который читала. Иногда она даже рассказывала о сыне, которого потеряла прошлым летом, о своем любимом Грандисоне, названном, разумеется, в честь героя лучшего романа мистера Ричардсона. Про себя Мэри считала, что мальчик и не должен был прожить долго с таким тяжеловесным име-

нем. Если верить миссис Джонс, это был самый славный, самый умный ребенок на свете, но Дэффи однажды признался, что видел, как тот совал хвост кошки в горячие угли.

Подумав обо всем этом, Мэри зевнула.

— Ты не привыкла работать так много, не так ли? — слегка насмешливо спросила хозяйка.

Мэри покачала головой.

— В Лондоне я часто ничем не занималась, — призналась она.

— Но я думала, ты ходила в школу?

— О да. — Во рту у Мэри вдруг пересохло. *Осторожнее, птичка моя,* сказала Куколка у нее в голове. — Я хотела сказать, в последние несколько месяцев, перед тем как мама…

Миссис Джонс сочувственно закивала — у нее был полный рот булавок. Еще минуту они молчали.

— Полагаю, ты оставила школу, когда пришлось ухаживать за бедной Сью? — спросила наконец миссис Джонс.

Мэри молча кивнула, как будто воспоминания причиняли ей слишком большую боль.

Около четырех дневной свет начал угасать. Миссис Джонс велела Мэри заняться более простыми сорочками и чулками — заказчицы

победнее покупали их готовыми, так что, если шов выходил не особенно ровным, это было не так страшно. Сидя рядом с хозяйкой, Мэри вдруг подумала, что именно о такой судьбе для дочери и мечтала Сьюзан Дигот. Она стиснула зубы. Надо же было такому случиться! В конце концов сделать так, как и хотела эта бессердечная сука, выкинувшая зимой на улицу собственную дочь. Что ж, во всяком случае, мать никогда не узнает, чем все закончилось. Пусть Сьюзан Дигот до конца своих дней гадает, что же случилось с Мэри, родила ли она дитя в промерзшей вонючей канаве. Так она и отправится в могилу, и так ей и надо.

— Мэри?

Мэри опасливо взглянула на миссис Джонс: вдруг мысли как-то отразились у нее на лице? Но хозяйка озабоченно улыбалась.

— Ты уколола палец.

Мэри даже не заметила, как кровь запачкала подол зимней юбки миссис Джеррет де Смит.

— Скорее сбегай на кухню и замой пятна. Попроси Эби, чтобы она дала тебе холодной воды и ломтик лимона.

— Но это всего лишь дешевый хлопок, — возразила Мэри.

— Так пусть он будет хотя бы безупречно чистым.

— Почему я не могу вместо этого заняться шелковой накидкой мисс Барнуэлл?

— Потому что это наш хлеб, Мэри.

Вернувшись с кухни, Мэри встала к окну, за которым уже начали сгущаться сумерки. На крыши Монмута медленно опускалась темнота.

— Моей матери здесь нравилось? — вдруг спросила она.

Миссис Джонс подняла на нее изумленный взгляд.

— Что за странный вопрос, Мэри?

— И все же?

Хозяйка снова склонилась над шитьем.

— Сью не задавала себе таких вопросов.

— Почему?

— Да никто из нас не задавал. Это был наш дом, только и всего. То есть это и теперь наш дом, — поправилась она.

— Значит, вы останетесь здесь навсегда? — с любопытством спросила Мэри.

Миссис Джонс на мгновение задумалась.

— Куда же нам еще идти?

У Мэри всегда было чутье на хорошую одежду, и она понимала, как много означает платье. Но

теперь она училась читать костюм, словно книгу, распознавать мельчайшие детали, признаки бедности или богатства. Ее вкус заметно развился; большинство из тех туалетов, на которые она тратила все свои заработки в лавках на Севен-Дайлз, теперь казались ей дешевым вульгарным барахлом. Хорошая ткань — вот что было самым главным, по мнению миссис Джонс, и чистые линии. А самыми лучшими платьями были отнюдь не самые яркие и цветастые, но те, на которые ушли месяцы кропотливого труда, украшенные тончайшим кружевом или расшитые мелким бисером. В этом деле нельзя было ни сжульничать, ни облегчить себе работу: самая суть красоты заключалась в количестве затраченных усилий.

Ей открылся еще один секрет: почти так же много, как платье, означало то, как его носят. Сутулая деревенщина могла испортить самый изящный наряд из шелка. Все дело было во взгляде, в осанке, в походке. Мэри старалась двигаться так, будто тело — несовершенное и мягкое — было таким же идеальным, как платье.

Когда в дверь стучали особенно громко, Мэри уже знала, что это лакей, возвещающий о прибытии своей знатной хозяйки. Тогда она быстро освобождала от вещей маленький диванчик, сто-

явший в магазине, оправляла передник и бежала открывать. Днем в доме Джонсов обычно бывало беспокойно и шумно, как в осином гнезде. Заказчицы осаждали миссис Джонс просьбами, и, как правило, они требовали изменить что-то в самую последнюю минуту.

Например, в субботу у миссис Джонс кончились желтые ленты, и она была вынуждена огорчить миссис Ллойд, которая хотела именно этот оттенок, чтобы приколоть к шляпе шелковую хризантему. Потом зашла миссис Ченнинг, чтобы укоротить подол своего нового «роб а-ля франсез», платья во французском стиле, примерно на полдюйма. Она вдруг испугалась, что запутается в нем, пока будет идти в церковь. Мэри ползала вокруг с булавками, подкалывая фиолетово-розовый шелк, а миссис Ченнинг вещала.

— У нас тоже есть черный, — сказала она, заметив в коридоре Эби с ведром грязной воды. — Мальчишка-лакей, вполовину меньше вашей служанки. Я назвала его Купидон. Мой муж приобрел его на Ямайке — там они продаются всего по шести пенсов за фунт. — Миссис Ченнинг пронзительно рассмеялась. Ее толстые трясущиеся колени напоминали пудинг.

Мэри могла сразу отличить действительно

знатную заказчицу от менее знатной — по тому, как они умудрялись следовать за ней от двери до магазина, не подавая ни малейших признаков, что вообще заметили ее существование. Это было ужасно неприятно. В прежние времена клиенты хотя бы смотрели ей в лицо. Настоящие же леди и джентльмены, судя по всему, видели лишь свое отражение в блестящем зеркале.

Заказчицей, которой миссис Джонс гордилась больше всего, была миссис Морган, жена почтенного члена парламента.

— Морганы всегда представляли Монмут в парламенте, — удивляясь невежеству Мэри, заметила она.

Миссис Морган, особа с поразительно плоским лицом, зимой и летом носила отороченную мехом черную накидку и разъезжала в носилках. Перед ними всегда бежал огромный француз-лакей по имени Жорж, который отгонял прохожих взмахами большого веера из слоновой кости.

В день, когда миссис Морган привела на примерку свою младшую дочь, миссис Джонс, по мнению Мэри, вела себя особенно глупо.

— Я полагаю, это будет самый первый сезон мисс Анны? — почти пискнула она и нагнулась, чтобы отряхнуть грязный снег с ботинок дев-

чонки.

Старшая Морган царственно кивнула.

— Ну что ж. В таком случае смею предположить, что распашная юбка поверх стеганой нижней юбки, из этого атласа оттенка розы, прекрасно подойдет для одного из тех многочисленных раутов или балов, на которые приглашена мисс Анна.

Мэри закусила губу — ей было стыдно за хозяйку. Миссис Морган потерла атлас двумя пальцами, как будто пыталась найти изъян в ткани.

Миссис Джонс повернулась к Мэри и улыбнулась, не разжимая губ, чтобы скрыть отсутствие зуба.

— Наша новая служанка прибыла к нам из самой столицы, не правда ли, Мэри?

— Да, мадам, — пробормотала Мэри. Ее раздражало, что ее демонстрируют заказчицам, словно отрез новомодного шелка.

— Разумеется, я не бываю там сама, мадам, поскольку семейные дела удерживают меня здесь, но у меня есть свои осведомители! Да-да, Мэри рассказала нам все о чудесах большого города.

— О каких чудесах? — поинтересовалась мисс Анна, девица с длинной шеей и голубыми, как плесень на сыре, глазами, прикладывая к себе

лиф в мелкую крапинку.

Слишком хорош для нее, подумала Мэри. Все посмотрели на нее. Она быстро перебрала в памяти свои воспоминания. О чем же рассказать мисс Анне Морган? О толпе, срывающей с петель двери? О горничной, что выпрыгнула из горящего дома в Чипсайде? О мертвой Куколке в тупике за Крысиным замком, белой, словно китовый ус?

— Там бывают фейерверки — помнишь, ты говорила, Мэри? — В голосе миссис Джонс послышалось отчаяние.

Миссис и мисс Морган не сводили с нее глаз.

— Да, мадам, — неохотно выдавила Мэри. — Несколько раз в год.

— Будто бы звезды падают с небес ради того, чтобы развлечь beau monde! — пропела миссис Джонс. — Могу ли я предложить мисс Анне эту зеленую накидку? Самая подходящая вещь для Воксхолл-Гарденз!

Миссис Морган забрала ткань в горсть и снова отпустила.

— Мы редко посещаем Воксхолл. Но другие сады…

— Ну конечно, — пробормотала миссис Джонс.

Как будто бедняжка понимала разницу! Мэри вспомнила Воксхолл в полночь, росу на траве и

как она заработала денег на дорогу до дома.

— Мы не видим вас в церкви, миссис Джонс, — заметила жена члена парламента.

— Да, мадам. — Миссис Джонс немного поколебалась. — Видите ли, здоровье моего мужа…

— Вполне позволяет ему прыгать по Уай-стрит, как и любому здоровому мужчине, — проскрежетала миссис Морган.

— Конечно, мадам, — пробормотала миссис Джонс.

Кажется, она вот-вот попросит разрешения облизать их туфли, подумала Мэри.

Миссис Морган оглядела свое белое бархатное платье. Несколько дюймов подола были расшиты серебряными змейками и яблочками.

— Что-то медленно продвигается ваша работа, миссис Джонс.

— Мадам, уверяю вас, дело пойдет гораздо быстрее в следующем месяце, когда дни станут немного длиннее.

— Ваша лондонская помощница умеет вышивать?

Мэри уже открыла рот, чтобы сказать «нет», но миссис Джонс ее опередила:

— Конечно. Она знает все новейшие модные приемы.

Снова царственный кивок. Миссис Морган приложила к голове крошечную шляпку, украшенную бабочками, и повернулась к высокому зеркалу. Миссис Джонс встала на цыпочки и приколола убор к ее седеющим волосам.

— Как восхитительно это кружево оттеняет ваши волосы! Я только что получила эту шляпку из Бристоля.

— Мне кажется, у миссис Форчун точно такая же.

— Мадам! Клянусь вам, ничего похожего. Та и вполовину не такая изящная. А эта — точная копия шляпки, в которой миссис Сиббер с Друри-Лейн играет Джульетту. Мне сказала Мэри.

Миссис Морган нахмурилась.

— Вы уверены, что я не попаду в смешное положение, если повстречаюсь с миссис Форчун на балу в Жирный вторник?

— Боже упаси, — заверила миссис Джонс. Она порылась в огромном сундуке и вытащила что-то кружевное. — Могу ли я заинтересовать мадам еще чем-нибудь? Возможно, вам понравится эта прелестная косынка, украшенная сценами Утрехтского мира?

Миссис Морган не отрывала глаз от своего отражения в зеркале.

— Я возьму шляпку, — даже не взглянув на миссис Джонс, бросила она и приподняла ее с головы, словно маленькую корону. — Можете записать ее на мой счет. — Она жестом велела Мэри принести ее черную накидку.

Миссис Джонс бросилась помогать. Лакей Жорж уже ждал хозяйку в темном коридоре; на нем была роскошная ливрея с карманами шириной в целый фут. Он церемонно распахнул перед женой почтенного члена парламента дверь.

Когда Морганы наконец удалились, Мэри раздраженно вздохнула.

— Значит, она проводит здесь целый час и покупает только клочок ткани с кружевом за полкроны? Да к тому же просит записать это в кредит?! — с негодованием воскликнула она.

— Миссис Морган не всегда бывает в настроении делать покупки, — устало выговорила миссис Джонс.

— И к чему вы сказали ей, что я умею вышивать? — возмущенно спросила Мэри, но тут же спохватилась и улыбнулась, чтобы смягчить нахальный тон.

— Потому что ты научишься этому в два счета, я уверена. — Миссис Джонс взяла ее за руку и погладила пальцы. — Это у тебя в крови. И кроме

того, я никогда в жизни не смогу закончить его одна, — грустно добавила она, окинув взглядом белый бархатный водопад.

К концу недели рабочее место Мэри было завалено фиалками, листьями, крученными нитками и лентами. Хозяйка оказалась права: у нее был прирожденный талант. Ее пальцы не дрожали, глаза не уставали, и она никогда не путала оттенки цветов.

Совсем скоро миссис Джонс разложила на ее коленях край белого бархатного платья-полонез и вдела в ее иглу серебряную нить. Ее глаза при этом подозрительно блестели. Да она чуть не плачет, поняла вдруг Мэри и смутилась.

— Что такое, мадам?

— Да просто… если бы только тебя видела твоя бедная мать!

Мэри натянуто улыбнулась. На какое-то мгновение и она поверила в картинку, нарисованную миссис Джонс: добрая покойная мать с мягкими белыми ангельскими крыльями смотрит с Небес на дочь и плачет от радости. Она воткнула иголку в ткань; ткань была мягкой, словно шкурка кролика.

В иные дни стук в дверь раздавался едва ли не каждые полчаса. И как бы ни была занята миссис

Джонс, она всегда предлагала монмутским леди чашку чая. Ей и в голову не приходило проявить невежливость. Одна или две заказчицы всегда являлись в сопровождении горничных, таких важных и надменных, что они не могли ждать хозяек в кухне, как все остальные, а стояли у них за спиной, сложив руки, и смотрели, не обнаружится ли где в углу пыль.

Основной предмет местных бесед составляли сплетни.

— После игры в футбол на прошлой неделе на поле остались двое мертвецов.

— Ужас.

— Ужас!

— Я слышала, на Сент-Джеймс-сквер поселилась новая семья. Они знакомые Филпоттов.

В таких случаях Мэри почти слышала, как движутся мысли хозяйки. Может быть, стоит пораньше нанести визит на Сент-Джеймс-сквер и оставить там визитную карточку миссис Джонс?

— Дочь вдовы Оуэн выглядит не слишком хорошо.

Несмотря на ханжески-сострадательные кивки, все прекрасно понимали, что это значит. Мисс Оуэн вряд ли понадобятся красивые платья этой весной или вообще когда-либо.

— Что вы говорите, похороны будут на следующей неделе в церкви Святой Марии? — с интересом переспросила миссис Джонс. — А какой был герб на карете?

— Две птицы.

— Да нет, три.

— Значит, это Хардингсы из Пентвина.

Мэри встретилась взглядом с хозяйкой. Хардингсам будет нужно траурное платье. Возможно, у них не будет времени, чтобы заказать его в Лондоне…

Потом Мэри приносила большой фарфоровый чайник, которым так дорожил мистер Джонс. Он не позволял Эби дотрагиваться до своего сокровища, и даже Мэри должна была строго выполнять все его указания. Посетительницы наливали чай в блюдечко, клали туда сахар и деликатно прихлебывали. Мэри с жадностью наблюдала за ними.

Мистер Джонс научил ее делать реверанс каждый раз, когда она выходит из комнаты. Он продемонстрировал это на своей единственной ноге.

— Даже если они не смотрят в мою сторону?

— О, если ты этого не сделаешь, можешь быть уверена, что это-то они как раз заметят, — захо-

хотал он.

И в самом деле, монмутским леди было далеко не безразлично, кто такая Мэри Сондерс и как она себя ведет.

— Ваша служанка не здешняя, насколько я понимаю? Но ее мать была из этих краев?

В сотый раз слыша свою историю из уст миссис Джонс — все рассказывалось весьма тактично и вполголоса, но сцена смерти Сьюзан Сондерс становилась все более патетической, словно в романе мистера Ричардсона, — Мэри чувствовала себя немного пристыженной. Иногда она ощущала почти непреодолимое желание рассмеяться — особенно сильно в тот раз, когда она подкалывала подол платья вдовы Таннер, которой принадлежало несколько домов и рощ в Монмуте. Когда рассказ миссис Джонс достиг своей трагической кульминации и толстая миссис Таннер сочувственно вытаращила глаза, Мэри, не сдержавшись, пробормотала что-то о дополнительных булавках и выскочила из магазина.

Она стояла за дверью, зажимая ладонью рот, и тряслась от истерического смеха. Из мастерской доносились приглушенные голоса. Миссис Джонс посетовала, что, кажется, огорчила Мэри. Вдова же Таннер придерживалась мнения, что служан-

ке, вынужденной зарабатывать себе на жизнь подобным трудом, вовсе не пристало быть такой чувствительной.

* * *

Дэффи Кадваладир знал, что он совсем не красавец. Короткие грубые руки, вечно воспаленные от чтения по ночам глаза — любоваться было особенно нечем. Но когда он шел по Монноу-стрит рядом со своей кузиной Гвинет, то чувствовал себя ни много ни мало юным Давидом, победившим Голиафа, — он видел такую гравюру в «Журнале для джентльменов».

Сегодня она не взяла его за руку. Дэффи видел, что ее что-то гнетет, но не стал допытываться.

Несмотря на то что для семьи Гвинет настали тяжелые времена — с тех пор, как они потеряли свою землю возле Тинтерна, — ее щеки были по-прежнему розовыми, а руки, выглядывающие из потрепанных оборок на рукавах, мягкими и округлыми. Из-под чепца виднелись сливочно-желтые волосы. Вообще Гвинет обладала такой внешностью, что чернявым и костлявым созданиям наподобие Мэри Сондерс должно было быть просто стыдно. И кроме того, она была разумнее, чем девушки вдвое образованнее ее. Сегодня она

была не слишком-то разговорчива, но Дэффи был счастлив всего лишь идти с ней по улице — чтобы все видели их вместе и могли делать собственные выводы.

И он плевать хотел на тех, кто называл ее нищенкой. Дэффи был уверен, что времена подобного снобизма подходят к концу. Наступает эра разума. В будущем человека будут оценивать не по тому, кем он родился или в какой семье его воспитали, а по тому, чего он сумел достичь, что из себя сделал. Кроме того, у женщины нет своего собственного звания; она всегда может подняться до положения того, за кого выйдет замуж. Дэффи взглянул на изношенные розовые туфли своей возлюбленной. Они были сильно забрызганы грязью.

— Дэфф, — Гвинет наконец нарушила молчание, — ты знаешь, то, что между нами происходит…

Его лицо расплылось в улыбке.

— Можешь больше ничего не говорить.

— Но…

— Гвин, — перебил Дэффи. Он взял ее руку и сжал в своих ладонях. Она попыталась отдернуть ее, но Дэффи не дал. — Тебе нечего бояться.

Она закусила розовую губку.

— Два года назад, в День святого Иоанна, мы прекрасно друг друга поняли. И, как я думаю, все по-прежнему продолжается.

Гвинет открыла рот и снова закрыла. Узкий солнечный луч упал на мокрую мостовую, и он заговорил живее и громче, словно кто-то его приободрил.

— Я не всегда буду слугой. Через пару лет я буду сам себе хозяин… и у меня будет порог, через который я смогу тебя перенести.

Гвинет моргнула, и Дэффи заторопился.

— И еще я хочу тебе сказать, моя дорогая Гвинет, — он сжал ее ладонь еще сильнее, — что беды, постигшие твою семью, никак не повлияют на мое решение. Все переменится, нужно просто проявить терпение.

Она все же выдернула руку из его влажных ладоней.

— Дэфф… мне очень, очень жаль, — сдавленно произнесла она.

Он уставился на нее.

— Мы… не то чтобы мы друг друга поняли тогда, верно? Мы беседовали о разных вещах, но сказать, что мы договорились…

До него наконец дошло, почему она ведет себя так странно. О, что за сердце у этой девушки!

Словно золотое яблоко! Она не хочет, чтобы он был связан обещанием, боится утянуть его за собой вниз. Как будто жениться на ней, лелеять и оберегать ее не было его самым огромным желанием! Он почувствовал, что снова улыбается.

— Меня обещали Дженнету Гелдеру. — Гвинет опустила глаза.

Ноги Дэффи продолжали двигаться помимо его воли; он шел по улице как петух с отрубленной головой. Он взглянул на Гвинет. Как, почему она могла сказать такую вещь?

— Это будет в октябре, после урожая.

Он наконец разлепил губы.

— Но мы же поняли друг друга…

— Мы просто… увлеклись.

— Увлеклись? — повторил Дэффи. Он был словно в тумане. Нужно собраться с силами, мелькнуло у него в голове. — И ты выйдешь замуж за Дженнета? За человека, который зарабатывает себе на хлеб, отрезая яйца у хряков?

Гвинет вспыхнула — то ли от его грубости, то ли от стыда за собственное предательство, тут он сказать не мог.

— Он взял моего отца в компаньоны, — еще тише проговорила она.

Понятно.

— Отец сказал, ты ему очень нравишься, но мы должны прислушаться к разуму. Понимаешь?

К разуму? До сих пор за разум всегда отвечал он. Он научил ее вести разумный разговор, слушать доводы другого и приводить свои.

— Сейчас ты слуга, — пробормотала Гвинет. — А слуга жениться не может.

— Но у меня большие планы…

— Мечты, — мягко поправила она.

Дэффи отвернулся. Он вдруг увидел себя таким, каким его видят все остальные: слуга с жалованьем десять фунтов в год, которому слегка маловат парик.

* * *

За ужином миссис Эш придирчиво оглядела поникшего Дэффи. Его плечи были опущены, и он не отрывал глаз от тарелки. Вот тебе и благотворное влияние чтения, подумала она. Такой образованный, постоянно за книгами — и не может обрести утешения, которое ей дарует одна-единственная, главная Книга.

Гетта попыталась вывернуться из ее рук.

— Сиди спокойно, милая, — мягко сказала миссис Джонс.

— Но я хочу к Мэри.

Лондонская девчонка с невинным видом подняла взгляд — как будто она не перемигивалась с девочкой последние полчаса.

Миссис Эш почувствовала, как ее рот наполнился горечью. Она поковыряла вилкой соленую треску. Конечно же она нужна этой семье. У нее есть мудрость, которая приобретается только с возрастом, жизненный опыт, в конце концов, набожность. А у новой девчонки ничего этого нет, ведь так? Она посмотрела на косынку, прикрывавшую упругую молодую грудь Мэри Сондерс. Эта грудь никогда не кормила ребенка, не знала прикосновения жадного младенческого рта. Эта девушка и понятия не имеет, что такое быть нужной.

Гетта снова завертелась и сползла под стол. Через несколько секунд ее белокурая головка вынырнула на другом конце. Ухмыляясь во весь рот, девочка устроилась между Мэри и Дэффи, который даже не обратил на нее внимания. Все дети — предатели, подумала миссис Эш. Они целуют тебя в щеку, словно Иуда, а сами смотрят через плечо.

— Не шали, Гетта, — пробормотала миссис Джонс.

— Почему ты хочешь сидеть с Мэри? — без

особого интереса спросил мистер Джонс, очищая картофелину.

Гетта показала свои детские зубки.

— Потому что от нее лучше пахнет.

— Гетта! — Миссис Джонс резко встала, перегнулась через стол и шлепнула дочь по руке. Та немедленно заревела в ответ.

Мэри Сондерс украдкой посмотрела на Гетту и ослепительно ей улыбнулась. Миссис Эш чувствовала ее запах прямо с того места, где сидела: испорченные фрукты, и спирт, и еще что-то невообразимо порочное.

Повысив голос, чтобы перебить всхлипывания Гетты, миссис Эш спросила:

— Что станет с глазом, насмехающимся над отцом и пренебрегающим покорностью к матери?

Лондонская девчонка дико взглянула на нее, словно кормилица внезапно сошла с ума. Явно не знакома с Писанием, отметила миссис Эш.

— Ну, Гетта? Что случится с этим глазом?

Гетта проглотила слезу и наморщила личико, пытаясь припомнить.

— Вороны?

— Его *выклюют вороны дольные и сожрут птенцы орлиные*! — процитировала миссис Эш и торжественно кивнула. — Притчи, глава тридца-

тая, стих семнадцатый.

— Скорее вороны сожрут его сами, а не отдадут птенцам орлиным, — пробубнила Мэри Сондерс с набитым ртом.

Миссис Эш бросила на нее уничтожающий взгляд.

— Так себе еда для стаи орлиных птенцов, один крошечный глазик.

Миссис Джонс тихонько хихикнула. Гетта неуверенно засмеялась. Мэри встретилась глазами с хозяйкой и улыбнулась.

Миссис Эш прекрасно поняла, что над ней потешаются. Они глумились над Священным Писанием и смеялись ей в лицо. Она отдала этой семье свои лучшие годы; они буквально выпили из нее все соки.

— Нет ли каких вестей о войне с Францией, сэр? — спросил Дэффи. Он даже не пытался скрыть, что хочет поменять тему, сделать это как-то поизящнее.

— О, ну, знаешь, как это бывает на войне, — довольно угрюмо ответил мистер Джонс. — Одну битву выигрываешь, другую проигрываешь.

Девчонка Сондерс посадила Гетту на колени, обхватила ее своими гладкими руками и зашептала что-то на ухо. Миссис Эш замерла и сжала в

кулаке нож. Она представила себе, как огромный топор опускается на эти точеные плечи и обрубает руки, а из ран хлещет кровь. Словно у той девы из древней легенды.

Свечи всегда были заботой миссис Эш, но теперь обязанность зажигать их и снимать нагар легла на плечи Мэри. Ей нравилось злить противную старую праведницу, ощущать, что одержала над ней верх хотя бы в такой вот мелочи. Как говорила Куколка, *заполучить врага — это не так уж плохо. Сразу чувствуешь себя в своей тарелке.*

Теперь Мэри точно знала, сколько воска нужно, чтобы продлить день на один час. Свет был признаком достатка и более высокого положения. Джонсы могли не ложиться спать чуть дольше, чем их соседи по Инч-Лейн, отодвинуть ночную тьму, разрешить себе чуть более долгий день. На окраине города, в жалком грязном переулке под названием Бэк-Лейн, семьи отправлялись в постель в шесть часов вечера, без ужина — что еще им оставалось делать в темноте? Если ты не можешь позволить себе свет, пусть даже огарки или лучину, при свете которой Дэффи читал у себя в комнатушке, то ты ничем не отличаешься от животного, поняла Мэри. Когда-нибудь у нее будет дом, полный канделябров со свечами, и она

будет зажигать их все сразу, даже в тех комнатах, где никого нет. Она будет ужинать в десять и пить кларет в три утра, и плевать на темноту.

Джонсы ужинали в семь в своей маленькой гостиной. К этому часу они обычно бывали страшно голодны, но гордились тем, что ужинают в «благородное» время. Суп из турнепса или яйцо-пашот на кусочке поджаренного хлеба, но никогда и то и другое вместе. После того как Эби убирала посуду, все придвигали свои стулья с твердыми спинками поближе к огню и слушали, как завывает за окнами ветер. Миссис Эш бормотала себе под нос стихи из Библии — недостаточно громко, чтобы ее можно было расслышать, но так, что это довольно сильно раздражало. Обычно в это время дня миссис Джонс принималась за штопку, и Мэри чувствовала себя обязанной ей помочь. Она никогда не видела, чтобы кто-то работал так же много, как ее хозяйка, разве что мать. Но у миссис Джонс, в отличие от Сьюзан Дигот, никогда не было этого мученического вида. Может быть, все дело в Лондоне, думала Мэри. Может, это он превращает людей в вечно недовольных и угрюмых? Если бы жизнь сложилась по-другому и Джонсы отправились в большой город, а Сондерсы остались в Монмуте, может быть, мрачные

морщины теперь красовались бы на лбу у Джейн Джонс? Может, это она смогла бы выбросить на улицу свою единственную дочь?

Только после ужина хозяин позволял себе скинуть с плеч ежедневный груз забот. Он часто поддразнивал Дэффи насчет его пристрастия к чтению:

— Что это там у тебя? Сказки, наверное?

Дэффи бросил на хозяина обиженный взгляд и показал свою книгу: «Полная география мира».

Мэри тихонько хмыкнула над своим чулком. Он может сколько угодно разглядывать картинки; все равно у него не хватит смелости хоть раз в жизни выбраться куда-то дальше Абергавенни. Уже две недели лицо Дэффи напоминало печальную морду бассет-хаунда, и это начинало всерьез действовать Мэри на нервы.

Хозяин уважительно присвистнул:

– *Полная*, вот как? И все-то там есть? Ни одного острова в Южном море не пропустили?

Миссис Джонс укоризненно цокнула языком.

— Ты права, моя дорогая, свист — дурная привычка. Это очень вульгарно, и, если мы хотим подняться выше в этом мире, я должен от нее избавиться. Ты ведь не будешь свистеть, когда вырастешь, не правда ли, Гетта?

Девочка, сидевшая на коленях у матери, помотала головой. Миссис Джонс пригладила спутанные белокурые локоны и вполголоса пропела:

Migildi, Magildi, hei now, now,
Migildi, Magildi, hey now, now.

— Что это означает? — спросила Мэри.

Миссис Джонс задумалась.

— По правде говоря, я и сама не знаю, Мэри. Так всегда пела моя мать.

На этом краю света ничто не имеет смысла, с раздражением подумала Мэри. Никто не задает себе вопроса «почему», просто поступает так, как было заведено сто лет назад.

Гетта выпуталась из объятий матери и забралась на колени к мистеру Джонсу.

— Папа, — прошепелявила она. — А где твоя нога?

Мэри навострила уши.

— Она здесь, у меня в панталонах, — совершенно серьезно сказал мистер Джонс.

— Нет, папа! — Девочка забарабанила по его груди. — Другая нога!

— Господи боже мой, да ее нет! — Мистер Джонс с выражением ужаса на лице пощупал свою

пустую штанину. — Должно быть, я уронил ее в реку.

— Нет! — расхохоталась Гетта.

Он задумчиво нахмурился.

— Тогда… наверное, я прислонил ее к ограде, а когда вернулся за ней, ее уже не было.

— Нет! — взвизгнула Гетта. Она была в полном восторге.

— Ну, тогда… думаю, прошлой ночью твоя мать стаскивала с меня башмак, и нога осталась в нем.

— И она еще там, в башмаке?

— Полагаю, что да.

— А где этот башмак, папа?

— Должно быть, я уронил его в реку.

Гетта снова залилась смехом.

В восемь часов, когда мистер Джонс прихватил фонарь и отправился в свой «Торговый клуб» («Сплетни и дешевый порто в «Кингз армз», — доверительно шепнула Мэри миссис Джонс), девочка была все еще не в постели. Она толкала Мэри под локоть, вырывала у нее из рук штопку и просила разрешить сделать хоть один стежок; Мэри с трудом одолевала желание хорошенько кольнуть ее иглой.

— Иди сюда, cariad, я расскажу тебе одну исто-

рию. — Миссис Джонс привлекла девочку к себе.

Гетта уселась на подол ее платья. Дремавший в кресле Дэффи подвинул ноги, чтобы ей было просторнее.

— Жили-были однажды муж с женой, уже немолодые…

— Как их звали?

— Хью. И Бет. — Миссис Джонс лизнула нитку.

Мэри, которая сидела по другую сторону маленького столика, заваленного требующими штопки вещами, бросила на нее внимательный взгляд. Интересно, она придумывает все это на ходу?

— И как-то раз они отправились на зимнюю ярмарку в Аберистуит и наняли себе там служанку.

— Как ее…

— Элин. — Миссис Джонс сказала это так уверенно, что Мэри даже подумала, уж не подлинная ли это история. — И она была очень, очень хорошей служанкой.

Мэри незаметно скривила губы. Она ненавидела истории о хороших служанках. Учителя в школе обожали рассказывать сказки о преданных слугах, наградой которым в конце становилось Царствие Небесное. По мнению Мэри, Господь Всемогущий в этих рассказах выглядел словно

хозяин, годами задерживающий верным слугам жалованье.

— И вот они счастливо прожили зиму на своей ферме, укрытой от бурь и непогоды холмами.

Откуда людям знать, что они были счастливы, подумала Мэри. Кто может сказать наверняка, что Элин не мечтала об огнях большого города, таких ярких, что она почти чувствовала на языке их вкус?

— Когда пришло лето, — продолжила миссис Джонс, — Элин стала выходить со своей прялкой на луг, к ручью. Она сидела на берегу, пела и пряла пряжу. Хозяин и хозяйка были очень довольны, что Элин так много работает. По вечерам они считали мотки с пряжей и говорили: «Как же нам повезло, что мы нашли такую усердную и работящую служанку!»

Мэри зевнула и прикрыла рот рукой. Она начала подозревать, что сказка предназначалась скорее для нее, чем для Гетты.

— Но вот чего Хью и Бет не знали, так это того, что прясть Элин помогал Маленький Народец.

Мэри усмехнулась. Можно было и догадаться. В этих краях полно суеверий. Деревня. Они не могут отличить настоящую жизнь от собственных фантазий.

— А эти феи, или как их там, помогают тем, кто шьет? — пробормотала она, сжимая губами булавки.

— Никогда о таком не слышала. Только пряхам.

Миссис Джонс быстро улыбнулась, показав щель между передними зубами. Поняла ли она, что Мэри просто насмехается? Она повернулась к Гетте, и ее голос снова обрел загадочную «сказочную» интонацию.

— Так вот. Элин всегда держала при себе маленький острый кинжал, на случай если Маленький Народец попытается утащить ее с собой.

Гетта кивнула.

— Но однажды она забыла свой кинжал дома.

Девочка в ужасе вздохнула.

— В тот вечер она не вернулась обратно на ферму, — понизив голос, проговорила миссис Джонс. — Ни в тот, ни в следующий, ни в следующий за ним. Всю зиму Хью и Бет ждали свою служанку, но она так и не пришла домой.

Гетта прильнула к юбкам матери.

— Потом, когда снова наступила весна, как только растаял снег, Бет пошла к ручью, чтобы поискать Элин.

Как же, подумала Мэри. Стала бы она беспо-

коиться.

— Она обошла все берега и вернулась к ручью на следующий день и в день вслед за этим. И однажды, когда Бет шла вдоль русла, она вдруг провалилась в огромную пещеру под водой. И как ты думаешь, кого же она там нашла?

Гетта широко улыбнулась:

— Элин! Но она…

Миссис Джонс прижала палец к ее губам.

— Но хоть Бет и старалась изо всех сил, что бы она ни делала — она так и не смогла спасти Элин.

Гетта прикусила верхнюю губу.

— Потому что теперь Элин была женой злого волшебника, и родила от него дитя, и она уже не могла вернуться в наш мир, к прочим смертным.

Она замолчала. В комнате воцарилась тишина; было только слышно, как потрескивает пламя в камине.

— Какая дурочка, — заметила Мэри. — Забыть кинжал дома.

Миссис Джонс грустно улыбнулась.

— Это случается даже с самыми умными.

Гетта задумалась.

— А Хью и Бет, они так и остались одни? — наконец спросила она.

— Вовсе нет, — встряла Мэри. — Они отправились на следующую ярмарку и наняли себе другую служанку, поумнее этой.

Дэффи вдруг прочистил горло. Все вздрогнули от неожиданности — предполагалось, что он давно спит.

— Ты ведь не знаешь эту историю, — резко бросил он. — Почему бы тебе не придержать свой чертов язык?

Мэри посмотрела в его сторону. Свечи отбрасывали неровные тени, и она не могла разобрать выражения его лица. Она аккуратно воткнула иголку в ткань.

— В таком случае я иду спать, — сухо сказала она, положила штопку на стол в общую кучу и вышла из комнаты.

* * *

Вернувшись из детской — она укладывала Гетту в постель, — миссис Джонс обнаружила, что Дэффи по-прежнему сидит на своем стуле и бездумно смотрит на догорающие в камине дрова. Он покусывал мозоль на большом пальце. Как правило, Дэффи никогда не грубил и не срывался, и миссис Джонс считала его добродушным парнем. Мэри Сондерс каким-то чудом сумела

вывести его из себя.

Колючка и задира — такой казалась дочка Сью Рис на первый взгляд. Но это была всего лишь ее защитная оболочка. Это становилось ясно каждому, кто мог заглянуть в ее темные серьезные глаза. Всего пятнадцать лет — и уже потеряла мать! Оказалась совершенно одна, словно ребенок, выброшенный в сточную канаву! Миссис Джонс не любила думать на эту тему, это было слишком болезненно. Когда она представляла себе судьбу Сью Рис, ее жизнь в Лондоне, то невольно вздрагивала от ужаса и благодарила Создателя за то, что он дал ей мужа, на которого можно опереться в любых трудностях, и достойное ремесло, и дом, в котором можно растить дочь и — может быть — сына в будущем.

Она взяла в руки штопку и снова уселась напротив Дэффи. Легче всего было бы не говорить ничего, оставить все как есть, но миссис Джонс вдруг подумала, что слишком часто в жизни она выбирала самый легкий путь и не затрагивала больных вопросов.

Однако Дэффи заговорил первым.

— Я прошу прощения за то, что выругался.

— О, дело не в этом, Дэффи. Ты был слишком резок с бедной девушкой, только и всего, — мягко

сказала она.

— Если и так, то она это заслужила, — рыкнул он.

— Да что с ним такое? — удивилась миссис Джонс.

— Но…

— Она просто злая, дерзкая, наглая девчонка, — перебил он. — Не можете же вы этого не видеть. Расхаживает тут по дому со своим важным городским видом и распускает язык…

— Она здесь чужая, Дэффи. Она не знает, что и как у нас принято.

— Тогда пусть не насмешничает и не придирается!

Миссис Джонс устало вздохнула. Соблюдать необходимую дистанцию со слугами всегда казалось ей довольно трудным. Живя с ними под одной крышей, она привыкла считать их членами семьи, чем-то вроде приемных детей.

— Ты ведь не знал Сьюзан Рис, не так ли? — спросила она.

Дэффи с недоумением посмотрел на нее, словно она сделала не самую удачную попытку переменить тему разговора.

Миссис Джонс цокнула языком.

— Ну конечно же! О чем я только говорю, глу-

пая голова. Она же уехала в Лондон, когда ты был совсем еще ребенком. Что я хочу сказать… знаешь ли, Сью — то есть Сьюзан Сондерс, как ее стали звать после замужества, — была восхитительной женщиной.

— Значит, это от нее у девчонки эти глаза? — безразлично поинтересовался он.

Да он не остался равнодушным к «этим глазам», отметила миссис Джонс. Забавно.

— Нет, Дэфф. Я имею в виду не красоту. Она была очень доброй. Мы с Сью были лучшими подругами, пока муж не увез ее в Лондон. Только представь себе, Мэри выросла с такой прекрасной матерью, и они были невероятно близки, и вдруг судьба отнимает у нее самого родного человека — в мгновение ока… — Ее голос задрожал. — И Мэри приезжает сюда, на свою родину, но не знает ее обычаев, она совсем тут чужая… ну конечно же первое время девочка будет грустить и злиться. Что тут удивительного?

— Сочувствую ей в ее горе, — холодно сказал Дэффи.

Миссис Джонс вдруг почувствовала себя совершенно разбитой.

— Просто постарайся понять ее. Уверена, что ты сможешь; ты ведь прочитал столько книг, ты

должен владеть этим даром — понимать других!

Дэффи слегка пожал плечами. Можно было не льстить так открыто, подумал он, глядя на тлеющие угли.

— Горе может проделывать с людьми чудные вещи, — тихо заметила миссис Джонс. — Сердце выворачивается так, что его и не узнать.

Она вовсе не собиралась напоминать ему о своих собственных потерях. Последнее, чего хотела миссис Джонс, — это вызвать в Дэффи жалость к себе самой. Но он посмотрел на нее так, словно она произнесла единственные подходящие слова.

— Я постараюсь, — сказал он и улыбнулся.

— Спасибо, Дэффи.

Когда Дэффи отправился спать, миссис Джонс все еще сидела за штопкой, пытаясь поймать последние угасающие отсветы горячих углей.

В ту ночь Мэри Сондерс лежала в кровати и никак не могла уснуть — так сильно она устала за день. Эби лежала рядом, неподвижная, словно мертвое тело. Часы на церкви Святой Марии пробили одиннадцать. Еще одна ледяная ночь. Скоро веки Мэри сомкнутся, и скорее, чем можно себе представить, она вновь откроет глаза — чтобы встретить еще один ледяной день.

Она совершила ужасную, роковую ошибку.

Как она могла подумать, что сможет быть служанкой, пусть даже на короткое время, — она, которая, как никто, ощутила, что такое свобода? Она провела в этом узком высоком доме меньше месяца и окончательно уверовала, что у нее нет к этому никакого призвания. Мэри могла играть роль почтительной, благодарной прислуги час или два, но потом ее острый язык обязательно давал о себе знать.

Что ж, теперь все ясно. Конечно, она не выдержит еще одного путешествия в дилижансе по этому страшному холоду, но как только немного потеплеет, она снова отправится в путь. Возвращаться в Лондон все еще опасно, это Мэри понимала. Цезарь наверняка будет ждать ее со своим ужасным ножом. Но есть же на свете и другие места. Бристоль, или Бат, или Ливерпуль — хоть что-то, похожее на город. Где найдется применение ее талантам.

Как всегда, когда было трудно уснуть, Мэри уткнула лицо в подушку и начала представлять себе, как она одевается. Сначала рубашка из нежнейшего белого шелка. Потом шитые серебром чулки. Раздумывая, что лучше — зеленый ли с цветочным узором или розовый с рюшами, —

она почувствовала, как руки и ноги наливаются приятной тяжестью.

Скоро ее пребывание в этом чистилище подойдет к концу. Но до тех пор, пока не придет оттепель, нужно будет носить свою маску. Еще несколько недель — и она уберется из этого города, где никогда ничего не происходит и не произойдет до скончания веков. А пока нужно делать вид, что это и есть ее жизнь и она не желает никакой другой.

Эби уже не спала; Мэри поняла это по тому, как внезапно стихло ее дыхание. Она повернулась и положила руку поверх одеяла. Бледный луч луны высветил старый шрам.

— Эби, — прошептала Мэри, — что случилось с твоей рукой?

Эби молчала так долго, что Мэри уже и не надеялась услышать ответ. Она и сама не знала, зачем пытается разговорить эту угрюмую женщину, но, в конце концов, другого общества у нее не было. И кроме того, ей нравилось принимать вызов.

— Проткнули ножом, — пробурчала наконец Эби.

— Правда? — спросила Мэри, побуждая ее рассказать больше. Однако Эби снова замолчала. — Как это произошло?

Она почувствовала, как Эби медленно пожала плечами и что-то пробормотала; Мэри не смогла понять, что именно.

— Что? — переспросила она.

— Воткнули в руку, и все, — прошептала Эби и не то усмехнулась, не то кашлянула — разобрать было трудно. Закутавшись в одеяло, она повернулась на другой бок, но отчего-то это не показалось Мэри недружелюбным. Спина к спине, они коротали эту долгую ночь, ожидая наступления утра.

Глава 5. Оттепель

Пришел февраль, свежий и яркий, как яблоко. Снег растаял, Уай и Монноу разлились. Всюду, куда ни падал взгляд Мэри, она видела влажную зелень. Никогда раньше она не знала, что земля может быть похожа на изумрудный бархат.

Миссис Эш заявила, что одной неделей тепла и света ее не обмануть, и вспомнила старую примету: если на День свечей[15] будет тепло и ясно, то жди вторую зиму.

Но, несмотря на ее мрачные предсказания, погода оставалась мягкой и теплой. Каждый новый день был еще на несколько минут длиннее предыдущего. Мэри даже не осознавала, насколько угнетающе действовала на нее темнота, пока ее настроение не начало день за днем улучшаться.

Однажды она вдруг поймала себя на том, что называет Джонсов «своей семьей».

— Моя семья — Джонсы с Инч-Лейн, — обронила она, болтая с другой служанкой у насоса на Монноу-стрит.

---

[15] Сноски: 15

День свечей — Сретение, христианский праздник, отмечаемый в католицизме, православии, некоторых протестантских конфессиях.

— Сестры Робертс первые в этих краях завели карету, — сообщила миссис Джонс вполголоса, так чтобы не услышал кучер. — Раньше они никогда не пользовались моими услугами. Как великодушно с их стороны послать за нами карету!

Мэри порылась в дорожном сундуке, стоявшем у нее под ногами.

— Возможно, стоит показать им вот этот поплин цвета бургундского?

— Непременно. И розовый тоже. Они любят яркое.

Колеса кареты вязли в густой грязи на Монноу-стрит. Мост в этой части города был очень древним, из серого с розоватым оттенком камня. Там движение совсем замедлилось; повозки и телеги плелись еле-еле. Въезжая на мост, навьюченные мешками лошади спотыкались, из прорех сыпалось зерно. Мэри заметила крохотную дверь. Кто-то жил там, в башне над воротами, у них над головой. Как только они оказались по другую сторону, что-то словно разжалось у нее в груди, как будто с нее сняли замок. Стало гораздо легче дышать. Мэри вспомнила, что сегодня первый раз, как она выехала за пределы города.

— А они красивые, эти сестры? — спросила

она.

Карета подпрыгнула на ухабе и покатилась по подъездной дорожке. По обеим сторонам от нее тянулись густые заросли какого-то кустарника, а окна и без того были заляпаны грязью, так что теперь в карете было почти темно. Однако Мэри все же удалось разглядеть впереди Драйбридж-Хаус с цветными ставнями и резной дверью, и она тут же вообразила себе двух героинь из благородной комедии, блондинку и брюнетку.

— Когда-то, возможно, и были, — усмехнулась миссис Джонс. Ее позабавил этот вопрос.

Никогда в жизни Мэри не видела таких древних старух вблизи. Мисс Мария была тощей и высохшей, словно стручок фасоли, а ее лицо напоминало маринованный грецкий орех. На ней было закрытое платье с оранжевыми кружевами. Ее сестра, мисс Элизабет, вышла им навстречу в грязноватых французских туфлях без задников и зеленом шелковом платье-сак. Оно было старым, но прекрасной работы. «Если бы оно было на мне, все бы шеи свернули», — жадно подумала Мэри.

Хозяйка бросила на нее многозначительный взгляд, и Мэри поспешно присела в глубоком реверансе. Вся ее задача заключалась в том, чтобы держать, завязывать, разворачивать и

сворачивать, и выглядеть при этом усердной и почтительной. Убеждать и уговаривать — это было дело миссис Джонс. Мэри казалось, что в воздухе стоит густой запах лести.

— Для зимнего бала? Как восхитительно. Нет-нет, мисс Мария, *отнюдь*! Это прекрасно подойдет для леди вашего возраста — как только вы могли усомниться!

Мисс Элизабет окружало воздушное облако розовой тафты.

— Видите, как этот цвет подчеркивает свежесть вашего лица?

Мэри опустилась на колени, на роскошный восточный ковер, чтобы застегнуть вышитую золотом подвязку на ее дебелой ноге. Жир собирался в толстые складки, словно атлас.

— Немного туговато, — пожаловалась мисс Элизабет.

— Ваша служанка ущипнула мою сестру! — рявкнула мисс Мария.

Служанка рассыпалась в извинениях. Хозяйка выразила свое бесконечное сожаление по этому поводу. В комнате становилось жарко. Розовые с золотом чулки морщились и не желали натягиваться.

— Принесите фижмы моей сестры, — приказа-

ла мисс Мария.

Мэри бросилась в чулан и вернулась с самыми огромными фижмами, которые ей только доводилось видеть. Должно быть, такие носили лет тридцать назад, не меньше, подумала она. Вместе с миссис Джонс они растянули их так, чтобы мисс Элизабет могла в них войти, а потом завязали у нее на талии. Фижмы коробились и раскачивались, и одна сторона почему-то все время оказывалась выше другой. В конце концов Мэри встала на карачки и забралась внутрь. Едва не теряя сознание от духоты и странного запаха, она возилась с запутавшимися лентами. Как же уродлива обратная сторона элегантности, пришло ей в голову. Снаружи доносились приглушенные голоса. Когда мисс Элизабет переминалась с ноги на ногу, пластины китового уса в ее корсете скрипели, словно оснастка корабля. Иона во чреве кита, вспомнила Мэри и хихикнула.

Извиваясь, она выбралась наружу. Мисс Элизабет любовалась своим отражением в большом зеркале и улыбалась, как дитя. Мэри незаметно стряхнула с себя пыль.

— Крайне вульгарно, — провозгласила мисс Мария.

У мисс Элизабет вытянулось лицо.

— Сними это, Элизабет. Ты знаешь, что я права.

Леди не полагалось думать о времени, поскольку они обедали не раньше шести. Желудок Мэри урчал, словно недовольный зверь. Но она была на подхвате, внимательно слушала, то и дело приседала, делала все, о чем ее просили обе мисс Робертс, и даже старалась предугадать их желания, так что в конце концов заслужила слабую улыбку мисс Элизабет.

— Ваша служанка очень проворна, — заметила она миссис Джонс.

— Это правда, мадам. Не представляю, как бы я без нее справлялась.

Это было сказано обычным тоном, без тени лести или угодливости. Мэри, стоявшая лицом к стене, почувствовала, как у нее по спине пробежала дрожь удовольствия.

— Не заинтересованы ли мадам в покупках сегодня?

Как выяснилось, нет, не заинтересованы. Все как-то не подходит. Но они могут снова прислать за миссис Джонс и ее служанкой.

* * *

— Он хороший человек, очень добрый, — призналась миссис Джонс.

Они сидели рядом и подрубали очень широкий подол нового лавандового robe à la français миссис Гардингс, двигаясь навстречу друг другу. — Он никогда в жизни не поднимал на меня руку, понимаешь? — Она понизила голос. — Не то что Джед Карпентер, который охаживает жену кнутом, — можешь себе представить?

— А как он потерял ногу, мадам? — спросила Мэри.

Миссис Джонс улыбнулась. Это была одна из ее самых любимых историй, хотя она никогда не рассказывала ее никому, кроме членов семьи.

— Знаешь что? Мистер Джонс — самый храбрый человек на свете. Тогда ему было всего лишь девять лет — маленький мальчик, совсем дитя. — Рассказывая, она продолжала класть крохотные ровные стежки. — Он помогал конюху в «Робин Гуде», за два пенса в день. И в тот день приехала карета из Глостера, с четверкой лошадей. Кучер соскочил с подножки и направился в гостиницу, а бедный Томас бросился к лошадям, подхватить поводья. И та лошадь, что была ближе всего, на-

ступила на него.

— Лягнула его?

— Нет-нет. Просто переступила и поставила копыто прямо ему на ногу. А он был без башмаков. — Миссис Джонс видела описанную сцену так ясно, словно это была цветная картинка в книге. Блестящие гладкие коричневые бока лошади, ярко-алое пятно на снегу. — И размозжила ее в кашу.

— Уфф! — Мэри скривила губы.

Миссис Джонс сложила руки.

— И вскоре нога почернела, что твой башмак, честное слово, и начала гнить. На следующий день до колена, еще через день — до самой ляжки. — Она показала это на своей юбке.

— Разве это происходит так быстро?

— Не успеешь оглянуться. Словно плесень на фруктах, — с удовольствием добавила она. — Так вот. Дай Барбер пришел к ним, чтобы отрезать ногу, но мать Томаса — очень хорошая женщина, была нашей соседкой, — мать Томаса заявила: «Убери свою пилу. Мой мальчик умрет со всеми своими членами в целости и сохранности». Мы слышали это своими ушами. — Миссис Джонс прищурилась и вдела в иглу новую нитку. Глаза у нее были уже не те, что раньше.

— И что же было дальше? — Мэри вытянула перед собой затекшую руку.

— Томас лежал в постели. «Послушай-ка, мать! — гаркнул он так, что слышала целая улица. — Я не собираюсь умирать — не так скоро. Принеси мне топор, и я сам отрублю эту проклятую ногу».

Мэри с подозрением глядела на хозяйку. Уже не первый раз миссис Джонс замечала у нее этот недоверчивый взгляд. Откуда он мог взяться у столь юного существа? Должно быть, Лондон ожесточает людей.

— И вот что я тебе скажу, Мэри. Сроду я не слышала такого ужасного звука, как звук той пилы.

— Так, значит, мистер Джонс сам отпилил себе ногу?

Миссис Джонс покачала головой:

— Нет, это сделал Дай Барбер, своей пилой. Он напоил Томаса джином, но бедный мальчик все равно кричал, хоть и был в беспамятстве. Никто из нас на Бэк-Лейн в ту ночь и глаз не сомкнул.

Мэри нахмурилась.

— Так вы жили на Бэк-Лейн? — с любопытством спросила она.

К чему притворяться, подумала миссис Джонс. От слуг все равно ничего не скроешь, это давно

всем известно.

— Да, — согласилась она. — Мы с Томасом оба выросли там, дверь в дверь.

Она отметила, как Мэри размышляет над тем, что только что услышала. В такие минуты у нее бывало точь-в-точь такое же задумчивое выражение лица, как у Сью Рис.

— Но что же было дальше с ногой?

— Они обмакнули обрубок в соленую воду, и все зажило начисто — словно бы локоть. Через месяц мальчик уже прыгал по улице, будто одноногий петушок. — Миссис Джонс улыбнулась.

В молчании они подрубили еще один фут отделанного рюшами шелка. Миссис Джонс набрала в грудь воздуха и выдохнула, отгоняя усталость.

— Выходит, он не умер, несмотря на все страхи его матери, — заметила Мэри.

— Нет, слава Создателю. — Миссис Джонс рассмеялась. — Иначе где бы я сейчас была?

— Здесь.

Миссис Джонс уставилась на Мэри. Иногда эта девочка говорила очень странные вещи.

— В Монмуте — может быть, не стану спорить. Но я не была бы миссис Джонс.

— Что, если бы вы вышли замуж за Неда Джонса, пекаря? — лукаво спросила Мэри.

— И в самом деле! — Миссис Джонс рассмеялась и ткнула ее в бок. — Но тогда я была бы *другая* миссис Джонс, не так ли? По самые брови в муке… ты бы меня и не узнала. — Отчего-то ей и самой понравилось это воображаемое лицо — неузнаваемое, белое как мел. Ее игла заходила еще живее.

Если бы кто-то увидел их вместе, вдруг подумала миссис Джонс, то принял бы их за подруг или за мать и дочь. Она знала, что ей недостает строгости в обращении со слугами. Не то чтобы она не понимала, как следует себя вести. Все книги для хозяек предупреждали, как важно избегать любых проявлений панибратства, а в романе, который она сейчас читала, говорилось как раз о том, как опасно заводить дружбу с теми, кто ниже тебя по положению. *Стоит только раз допустить чрезмерно дружелюбный или вольный тон, и это приведет к дерзости.* Героиню, кстати, в итоге скомпрометировал некий герцог.

Но что же она могла поделать? Миссис Джонс забывала обо всех советах и предостережениях, когда они с Мэри садились рядом и принимались за шитье. Да, у девочки не было ни гроша за душой, потому что ее никчемный отец умер в тюрьме, ничего не оставив дочери, но разве не была она дочкой Сью Рис? Разве не умела она читать,

и писать, и сводить счета — даже лучше своей хозяйки, если уж на то пошло? Миссис Джонс поерзала на стуле. Как же странно, внезапно подумала она. Джейн Ди, выросшая на Бэк-Лейн и бегавшая в детстве без башмаков, теперь являлась госпожой дочери своей лучшей подруги. Как причудлива бывает судьба, как непредсказуемы ее взлеты и падения! Невозможно хоть чуть-чуть не сблизиться с этой девочкой, когда работаешь бок о бок с ней над одним и тем же куском шелка, который шелестит и колышется, словно живой.

— А она все еще болит?

Неожиданный вопрос вывел миссис Джонс из раздумий. Мэри, отодвинув оборку на рукаве, разглядывала свой локоть.

— Нога? Нет. Только иногда зудит в мороз. Томас всегда говорит: то, что он потерял ногу, — это только к лучшему.

— К лучшему? — с ужасом переспросила Мэри.

Как объяснить это пятнадцатилетней девочке, с нетронутым телом и неповрежденной душой, перед которой расстилается целая жизнь, словно один бесконечный праздник?

— С ним уже случилось все самое худшее, — тихо сказала она. — Ему больше нечего бояться.

Побег из города, однако, пришлось отложить.

При каждом удобном случае Мэри донимала мистера Джонса расспросами о Бристоле, где он учился ремеслу. Он утверждал, что это самый большой город после Лондона, — не то чтобы он при этом видел Лондон, но исходя из всего, что она услышала, Мэри сделала вывод, что на самом деле Бристоль мало чем отличается от Монмута. Она попробовала разузнать у Дэффи о ближайших городах, до которых можно добраться за пару дней, но получила только лекцию об истории их основания и развития, начиная от времен Римской империи и до наших дней, и список того, чем они торгуют. Все это звучало довольно жалко. Если уж нельзя вернуться в Лондон, подумала Мэри, — к Цезарю и его ножу, — то лучше остаться на прежнем месте. Сидеть тихо, есть, что дают, и зарабатывать деньги.

Просыпаясь среди ночи, она успокаивала себя тем, что оглядывала комнату на чердаке. По крайней мере, у нее есть место в кровати, а не просто соломенный тюфяк. По крайней мере, одеяло не кишит блохами. В стенах нет дыр, через которые свищет ветер. Никто не барабанит кулаками в дверь, требуя платы. Она держит себя в чистоте, никто до нее не дотрагивается. Мэри лежала на кровати и представляла себе самое худшее, что

было в Лондоне, чтобы ощутить хоть какую-то благодарность судьбе. Здесь, на Инч-Лейн, она может смотреть на луну сквозь окно, вместо того чтобы подставлять лицо ее холодным лучам в тупике за Крысиным замком… где все еще сидит Куколка, синяя и начинающая разлагаться, теперь, когда пришла оттепель.

Мэри перевернулась на другой бок. Спиной она ощущала ровное тепло Эби. Нет, она не будет думать о Куколке. Что прошло — то прошло, и нечего об этом вспоминать.

Эби была в том странном состоянии между сном и бодрствованием, когда до нее донесся голос лондонской девчонки.

— Эби, — прошипело где-то у нее над ухом. — Ты спишь?

Эби услышала, как она заворочалась и взбила подушку.

— Я не могу уснуть. Слишком устала.

Эби застонала и уткнулась лицом в одеяло.

— Мне кажется, Джонсы не должны так с тобой обращаться, — заметила Мэри.

Эби чуть приподняла голову с подушки, как черепаха, и немного подумала. Не только над тем, что было сказано, но и зачем это было сказано.

— Одна моя подруга, — продолжила Мэри, —

всегда говорила: «Никогда не расставайся со своей свободой».

Эби поразмыслила и над этими словами.

— Ты знаешь, что такое свобода? Когда принадлежишь только сама себе?

— У меня никогда не было, — сказала наконец Эби.

— Не может быть, — нетерпеливо возразила Мэри. — Что было до того, как тебя продали в рабство? Когда ты была маленькой и жила в Африке?

Эби потянулась.

— Нет, — медленно сказала она. — Тогда я принадлежала королю.

— Какому? Королю Георгу?

— Нет. Нашему королю. Я, и моя мать, и многие, многие, сотни, женщины, дети — мы все принадлежали королю.

— Как? — поразилась Мэри. — Ты была рабыней даже там, в Африке?

Эби неловко пожала плечами.

— М-м-м… это была семья. Он был отец.

— Так, значит, твой отец держал тебя в рабстве?

Ничего не понимает, подумала Эби и зевнула.

— Была неплохая жизнь. Мало работы, много

еды.

— Но он продал тебя белым?

Эби спрятала нос в подушку. Об этом она вспоминать не любила.

— Было нужно оружие, — приглушенно выговорила она.

Тишина длилась так долго, что она начала проваливаться в сон, но Мэри Сондерс заговорила снова:

— Почему у тебя на плече написано «Смит»?

— Был хозяин.

— Тот, который привез тебя в Англию?

— Нет, другой.

— Сколько вообще у тебя было хозяев на Барбадосе? — с любопытством спросила Мэри.

— Не помню.

— Знаешь, а в Лондоне полно людей вроде тебя.

— Вроде меня? — хрипло повторила Эби и опять подняла голову.

— С черными лицами, — пояснила Мэри и хихикнула. — Я хочу сказать, с черным всем.

Это было кое-что новое. Эби кашлянула. В спящем доме это прозвучало слишком громко.

— Сколько? — прошептала она.

Одеяло чуть натянулось — Мэри Сондерс пожа-

ла плечами:

— Много.

— Но сколько? — С тех пор как доктор привез ее в Монмут, Эби видела всего троих чернокожих. Все они были лакеями у путешествующих джентльменов; ни один не жил в городе.

— Откуда я знаю? — немного высокомерно отозвалась Мэри. — Много. Может быть, по два на каждую оживленную улицу.

Эби попыталась представить, как это может выглядеть.

— Хозяева отпускают их на улицу? — спросила она спустя целую минуту.

— О, у большинства из них нет хозяев. В Лондоне полно беглых. Весь Ист-Энд кишмя кишит свободными неграми. У некоторых даже жены-англичанки.

— Но свободные женщины? Есть?

— Конечно есть. Я знала одну индианку, которую хозяин просто бросил — чтобы не платить за дорогу до Голландии. Да, и еще есть клуб, где все девушки — черные.

— Клуб? — Эби представила себе собрание почтенных торговцев на втором этаже «Кингз армз».

Мэри нетерпеливо вздохнула.

— Ну, место, где девушки танцуют. Клуб.

— Для белых?

— Да… большей частью. В общем, для того, кто заплатит, — с некоторой неловкостью добавила Мэри. — Но они не такие, как ты, эти девушки. Они получают деньги, понимаешь?

Эби прикрыла свои тяжелые веки и попыталась нарисовать себе это исключительное место. Что на них надето, на этих девушках, таких же, как она, и в то же время совершенно других? Как они танцуют? Как в Африке? Или как рабы на Барбадосе? Или выделывают всякие сложные фигуры, как англичане?

— Сколько денег? — спросила она наконец.

— О, меня можешь не спрашивать. Но самое главное, что они свободны — могут идти, куда им вздумается.

Идти, куда им вздумается, подумала Эби.

— А белые плюются?

Мэри привстала и оперлась на локоть.

— Что?

— Иногда, когда я прихожу что-то передать, люди плюются.

Мэри секунду помолчала.

— Деревенские свиньи, — с презрением бросила она. — Что еще ожидать в этой дыре. Они

просто до смерти пугаются, когда тебя видят. Через год или два они к тебе привыкнут.

— Восемь, — очень тихо сказала Эби.

— Что — восемь? — Мэри подвинулась немного поближе.

— Я здесь уже восемь лет. Больше.

Снова повисла тишина. Судя по всему, Мэри Сондерс было нечего на это сказать. Она рухнула на матрас, так что затряслась вся кровать.

— Расскажи мне еще, — шепнула Эби.

— Про Лондон?

Эби кивнула, забыв, что ее не видно в темноте.

Мэри сладко зевнула.

— Хм. Что-то я не помню, чтобы там плевали при виде черных. Лондонцы приберегают свои плевки для французов. Черные живут сами по себе и никому не мешают. Кажется, они все друг друга знают, — добавила она. — Если один вдруг попадет в тюрьму, другие обязательно придут к нему и принесут еду и одеяла и всякое такое. Однажды я даже слышала, что кто-то устраивал званый вечер — это что-то вроде бала, — она еще раз зевнула, — и пускали туда только черных.

Больше Эби ни о чем спрашивать не стала. Ее голова была уже полна; казалось, мысли громыхали в ней, словно камешки в кувшине. Она

лежала молча и слушала, как вдохи и выдохи Мэри становятся все длиннее и длиннее.

О, дитя мое. Разве ты не понимаешь, как это глупо?

Мэри с головой погрузилась в рутину, словно бы нырнула в глубокую воду. Она оценила сладость размеренной предсказуемой жизни — когда знаешь, что будешь делать в тот или иной час каждого дня; когда ты не только уверен в том, что тебя ждет завтрак, но и в том, что именно ты будешь есть.

Больше всего она любила время чая. Если не было заказчиц, Мэри и ее хозяйка на четверть часа откладывали работу и вдвоем пили в мастерской чай. Поначалу напиток был таким горячим, что обжигал внутренности, но в блюдечке он быстро остывал. Мэри пила его маленькими глоточками, чтобы продлить удовольствие, и чуть прикусывая зубами тонкий фарфор. Как легко хрустнет блюдце, если нажать посильнее! Иногда ее одолевали мысли вроде этой, какая-то непонятная страсть к разрушению. Однажды правда выйдет наружу, думала Мэри. Однажды, словом или жестом, она выдаст себя, свою истинную сущность или, может быть, свою бывшую сущность.

— Еще капельку, Мэри?

— Да, мадам, большое спасибо.

Как-то раз, предложив Мэри добавки, миссис Джонс вдруг заговорщически склонилась к ней, как будто хотела поделиться секретом.

— Знаешь, Мэри… — начала она и осеклась. — Я хочу сказать… мой муж, он, конечно, совершенно прав насчет идеи в общем, но…

Мэри вопросительно посмотрела на хозяйку.

— То есть, конечно, ты должна называть меня «мадам», когда мы не одни, это само собой разумеется. Но если мы вдвоем… — Она снова замялась. — Словом, это не так уж и обязательно.

Мэри уткнулась в блюдце с чаем, чтобы скрыть улыбку. Победа, сладкая, словно ананас.

Ну почему ее родила не Джейн Джонс, а Сьюзан Сондерс? Эта мысль пронзила Мэри, словно кинжал. Она не хотела иметь руки своей матери. Она не хотела быть дочерью своей матери. В этом доме отмывались все пятна, становилась правдой любая ложь — во всяком случае, так ей начинало казаться. Мэри и в самом деле была усердна и трудолюбива, и вышивала, словно ангел. Она уже почти поверила в то, что снова сделалась девственницей.

Вечерами она старалась улучить десять минут перед ужином, чтобы полюбоваться своими

богатствами. У нее было по кусочку ткани от каждого платья, над которым она работала: атлас цвета шампанского от ночного наряда миссис Тэннер, муар цвета зеленой морской воды от юбки в мелкую складочку для мисс Партридж и еще с дюжину разных клочков. Теперь, зная, что такое хороший материал, Мэри поняла, что за дрянь хранится в ее сумке под кроватью. Ткани были ужасны: дешевые, с тусклым ворсом, отвратительно окрашенные, так что цвет был неровным и линял при первой же стирке или выгорал на солнце. То самое открытое платье лососевого цвета, с фестончатым подолом, в которое она влюбилась, увидев его в лавке на Мерсер-стрит… теперь Мэри краснела при одной мысли о том, что заплатила за него четыре шиллинга. Ярко-синий жакет уже выцвел на спине. Какое барахло. А покрой! Как она могла разгуливать по улице в платьях с такими кривыми швами?

Ее новые сокровища были не более чем лоскутами, ненужными остатками, которые она украдкой засовывала в карман. Миссис Джонс ни разу не заметила, что чего-то не хватает. Но Мэри уже сшила себе косынку из шести треугольников самого лучшего белого батиста и отделала ее голубой лентой по краю. И иногда вечером она

прихватывала к себе в комнату огарок свечи с полдюйма высотой и работала над шарфом из серебристого газа — длинная полоса ткани осталась от верхней юбки мисс Форчун. Конечно, сейчас в ее жизни нет места красивым и роскошным вещам, но когда-нибудь…

Она была по-прежнему убеждена, что услужение — это глупая затея и зарабатывать этим на хлеб невозможно. Но сейчас Мэри не могла придумать ничего другого. Прежнее ремесло воспринималось как нечто немыслимое. Все, что происходило на Севен-Дайлз, казалось представлением, зловещей драмой, разыгранной куклами-марионетками на фоне черной ширмы.

Одна мысль тревожила ее довольно сильно. Рано или поздно кто-нибудь в доме заметит, что у нее нет месячных, как у любой девушки в ее возрасте. Мэри даже подумывала о том, чтобы раздобыть немного свиной крови и вымазать ею тряпки. Но однажды миссис Джонс остановила ее в узком коридоре. В руках у обеих было по стопке тканей. Хозяйка погладила ее по плечу и прошептала, что она все прекрасно понимает и знает, что Мэри совсем еще юная девушка.

Мэри озадаченно улыбнулась.

— У меня и у самой все началось поздно, только

на семнадцатом году. Но когда твое время придет… если ты однажды увидишь, что твое белье *запачкалось*, — шепнула она еще тише, — сразу же приходи ко мне.

— Да, — прошептала Мэри с каменным лицом.

— В такие минуты девочке нужна мать.

Мэри проводила ее взглядом. Все это время она еле сдерживала истерический смех, так что теперь ее даже слегка затошнило. Подумать только, она раз и навсегда разобралась со всеми своими женскими делами еще в четырнадцать лет, в вонючем подвале Ма Слэттери, но в этом доме ее принимают за маленькую девочку, у которой даже ничего не началось!

Ей вдруг захотелось разрыдаться.

Обманывать Джонсов было слишком легко. *Легче, чем кровать описать*, как любила говорить Куколка. Как и все приличные люди, они видели только то, что хотели видеть. Это напоминало ей историю про некую воровку по имени Мэри Янг. У этой пройдохи были искусственные руки — по крайней мере, так утверждали рассказчики. Обычно она сидела в церкви, чинно сложив набитые соломой перчатки на коленях, в то время как ее настоящие руки проворно шарили по карманам направо и налево. Мэри Янг промышляла

этим много лет и успела наворовать много всякого добра, прежде чем ее отвезли в Тайберн.

Даже Гетта доверяла новой служанке. Она постоянно льнула к Мэри, просила побрызгать на нее «водой венгерской королевы» или научить играть, как это делают лондонские дети. За обедом она часто слезала со своего места, подбиралась к стулу Мэри и стояла рядом до тех пор, пока Мэри не сдавалась и не брала ее на колени. Мэри и сама не знала, почему девочка так к ней привязалась, — ну разве что, думала она, кто угодно покажется хорошим после этой ядовитой миссис Эш.

Любой, кто видел Мэри в эти дни, подумал бы, что эта девушка никогда в жизни не была на улице после полуночи. Возможно, она слишком остра на язык, да, но в целом очень и очень добропорядочна. По внешности Мэри ни за что нельзя было догадаться о ее старом ремесле. Иногда она и сама забывала, что ее история — ложь от начала и до конца, и ощущала себя беззащитной сиротой, которую жестокая судьба вырвала из объятий лучшей из матерей.

Как-то раз, когда миссис Джонс сидела за чаем с заказчицами, разговор коснулся некой Салли Моул. Впрочем, хозяйка и ее гостьи говорили о

ней очень туманно, одними намеками.

— Ты с ней никогда не встречалась, — заметила миссис Джонс позже на вопрос Мэри: «Кто же она такая?»

— Она уже умерла. — Миссис Джонс покачала головой, делая мелкие, идеально ровные стежки. — Несчастное создание. У нее были… осложнения.

— Что за осложнения?

Миссис Джонс закатила глаза.

— От тебя так просто не отделаешься, Мэри Сондерс. Хорошо, если уж тебе так необходимо это знать, она была…

— Да?

— Салли Моул, она была местной… девицей. Она имела дело… с мужчинами. С разными мужчинами. — Миссис Джонс прикрыла рот рукой. — Боже мой. Какой ужас. Даже мурашки бегут по спине.

Мэри почувствовала, как внутри ее горячей волной поднимается стыд. Ей было почти дурно. *Разные мужчины*, подумала она. *Мурашки по спине.* Кровь обожгла ей щеки.

— Вот видишь? Я вогнала тебя в краску. — Миссис Джонс снова покачала головой, на этот раз укоризненно. — В твоем возрасте неподобает

слушать о таких жутких вещах.

Мэри склонила голову и погрузилась в шитье.

Уже некоторое время Нэнс Эш старалась не сводить с лондонской девчонки глаз. Должен же хоть кто-то в этом доме быть бдительным. Поначалу она еще сомневалась и спрашивала себя: может ли быть так, что ее неприязнь к Мэри Сондерс вызвана всего лишь молодостью и привлекательностью этой девушки? Разумеется, она раздражалась, наблюдая за тем, как Мэри, такая юная и полная жизни, играет с Геттой в салки. Они гонялись друг за другом, словно щенки, натыкаясь на мебель и задыхаясь от хохота. И потом, новая служанка взяла за правило оспаривать или ставить под сомнение авторитет миссис Эш в самых незначительных и мелких вещах: в выборе слова, например, или в верности приметы. Разумеется, это делалось для того, чтобы подорвать доверие к ней в более серьезных вопросах. Мэри Сондерс была очень близка с хозяйкой; теперь эти двое были неразлейвода. В доме только и было разговоров, что о «руках ее матери» и «прирожденном таланте к шитью». Как будто пару вышитых цветочков можно назвать настоящей работой, достойной доброго слова! Как будто это можно сравнить с ежечасным трудом по воспи-

танию ребенка — да еще такого надоедливого и избалованного, как Гетта, если уж на то пошло!

Поэтому миссис Эш продолжала молиться и просить Господа ниспослать ей понимания, и терпения, и сил, поскольку делить кров с новой служанкой было нелегким испытанием. Лишь через несколько долгих недель она утвердилась во мнении, что лондонская девчонка на самом деле испорчена насквозь. У Мэри Сондерс было совершенно гнилое нутро.

Пока что у нее не было доказательств, лишь ощущения. Она чувствовала исходившую от девчонки порочность, и рано или поздно та должна была прорваться на поверхность и обнаружить себя. Миссис Эш находила утешение в Книге Иова.

Часто ли угасает светильник у беззаконных, и находит на них беда, и Он дает им в удел страдания во гневе Своем?

Они должны быть как соломинка пред ветром и как плева, уносимая вихрем.

— Есть в ней что-то неправедное. Тебе так не кажется? — спросила она однажды у Дэффи. Он вырезал для Гетты маленькую деревянную лодочку во дворе.

— В ком? — Дэффи удивленно посмотрел на кормилицу.

— В лондонской девчонке конечно же.

— О, вы все еще называете ее лондонской девчонкой?

— Я думаю, она красит лицо. Эти губы… у них очень неестественный оттенок.

— По-моему, ничего себе губы, — легко заметил он.

Миссис Эш бросила на него подозрительный взгляд. Не может быть, чтобы эта Сондерс уже запустила свои когти и в него?

— И я нисколько не удивлюсь, если она окажется воровкой. Говорят, в больших городах одни воры.

— Мне кажется, вы чрезмерно строги к ней. — Дэффи склонился над игрушкой; его парик слегка съехал набок.

— Знаешь, если заметишь за ней какую-нибудь ложь, ты должен немедленно сказать хозяйке. В этом состоит наш христианский долг, — важно добавила миссис Эш.

— А я думаю, наш христианский долг состоит в том, чтобы не совать нос в чужие дела, — пробормотал он.

Щеки миссис Эш побагровели. Раньше Дэффи

никогда не отвечал ей так задиристо и непочтительно. Очевидно было одно: Мэри Сондерс заражала все вокруг неповиновением и дерзостью.

Однажды, когда девчонка отправилась на рынок, миссис Эш не поленилась забраться по скрипучей лестнице в комнату на чердаке, где спали обе служанки. И здесь она наконец-то нашла долгожданное доказательство. На матрасе были разложены лоскуты шелка и тафты всех возможных расцветок, свернутая в колечко серебряная нить и полоска кружев, намотанная на клочок бумаги — кажется, страницу из книги. На тонком коричневом одеяле бесстыдно распростерся сам грех, вернее, грехи: тщеславие, праздность и плод их союза — воровство.

Несколько часов миссис Эш хранила это знание в себе. Но днем, проходя мимо Мэри Сондерс в узком коридоре, она все же не выдержала.

— Я знаю о твоем преступлении, — без всякого вступления сообщила она и выставила руку, чтобы преградить девчонке путь.

Новая служанка заметно побелела.

— Следует ли мне сказать обо всем хозяйке, — почти вежливо продолжила миссис Эш, — или ты признаешься ей сама?

У Мэри Сондерс задрожал подбородок.

— В чем я должна признаться? — слабо спросила она.

Миссис Эш придвинулась ближе.

— Я знаю, ты нас презираешь и считаешь темными крестьянами, которые ничего на свете не видели. Ты думаешь, что ты лучше, потому что приехала из Лондона. Да мы и башмаков своих не замараем грязью этой мерзкой Гоморры! — почти выплюнула она и облизнула губы. — Но мы не настолько невежественны, чтобы не знать законов.

Мэри попыталась протиснуться мимо.

— Не укради! — возвестила миссис Эш голосом Моисея.

Девчонка замерла и уставилась на нее.

— Не укради? — повторила она.

Как будто она и понятия не имела, как это называется!

— Разве закон не считает это воровством? Утаивание остатков от хозяев, не важно, при каком ремесле, не важно, для продажи или с другими намерениями. Это, — она рывком вытащила из кармана разноцветный лоскутный ворох, — принадлежит твоим хозяевам, и ты прекрасно это знаешь. Это шелк! — Миссис Эш потрясла ярко-синим лоскутом. — Этот закон известен даже мне,

и не притворяйся, что ничего не понимаешь!

И здесь лондонская девчонка повела себя очень странно. Она не стала оправдываться и не сделала попытки отнять свои клочки. Ее лицо вдруг просветлело, на нем проступило даже что-то вроде облегчения. Она откинула голову назад и звонко расхохоталась. Ее зубы были белыми и ровными, и миссис Эш показалось, будто они сверкают.

Потом она ушла. Миссис Эш осталась стоять в коридоре, сжимая в руке цветные обрывки.

Пламя свечи дрожало, и игла Мэри то и дело замирала над тканью. По истончившемуся от стирок льну прыгали тени, и на секунду ей показалось, что это пятна крови. Неровный желтый свет заливал комнату; все плыло перед глазами, и она не могла сказать, изнанка перед ней или лицо. Чтобы справиться с приступом дурноты, Мэри вскочила и стала снимать нагар со свечи. Она любила делать это еще до того, как миссис Джонс ее попросит. Так Мэри чувствовала себя нужной.

Ее желудок как будто сжимала невидимая рука. О лоскутах пока не было сказано ни слова. Мэри и понятия не имела, что существует этот проклятый закон — если только миссис Эш не выдумала его от начала и до конца. Может быть,

она все же решила не говорить ничего хозяйке? Или выжидает более удобной минуты, желая опозорить ее перед всей семьей? Мэри то и дело ощущала на себе ее тяжелый взгляд.

Мистер Джонс, устроившись в своем старом коричневом кресле, читал газету. Мэри исподтишка посматривала на него из-под чепца. Он сидел так же ровно и прямо, как и любой человек с двумя конечностями. Казалось, его вторая нога на месте, просто она невидима или мистер Джонс ее куда-то запрятал. Мэри все время пыталась отыскать ее глазами. Несмотря на рукава, было заметно, какие мускулистые у хозяина руки.

Какие части тела необходимы человеку? — подумала Мэри. Мистер Джонс казался вполне целым и в таком виде, но что, если бы у него не было обеих ног? Если бы от него остался лишь обрубок на тележке, был бы он тогда мистером Джонсом или нет? Как может человек потерять часть себя и все равно остаться самим собой? А как насчет его хозяйства, пришло ей в голову. Без него — это будет все тот же мистер Джонс?

Он вдруг поднял голову и посмотрел на нее.

Мэри покраснела и отвернулась.

Мистер Джонс громко прочистил горло и перевернул страницу.

— Эти фактории, из-за которых мы воюем с французами… должен признать, я что-то все время их путаю. Вот, скажем, Квебек: где это находится? Наверное, в Индии.

— Что за языческие названия, — пробормотала миссис Эш.

— Пишут, что премьер-министр предупредил американских колонистов: если они и дальше будут притеснять краснокожих, то дело кончится большой дракой.

— Подумать только. — Не отрывая глаз от иголки, миссис Джонс покачала головой.

— А вот пишут о большом пожаре в Лондоне, Мэри, — заметил мистер Джонс. — На улице под названием Стрэнд. Ты такую знаешь?

Мэри едва удержалась от возгласа. Перед ее внутренним взором тут же возникли огромные роскошные дома, в три раза больше любого здания в Монмуте, объятые пламенем; мечущиеся по улице мисс в юбках, запачканных сажей…

— Знаю, — слабо выговорила она.

Миссис Джонс потерла уставшие глаза.

— Скажи-ка, Мэри… а какой он вообще, Лондон?

С чего бы начать?

— Ну, все улицы там освещены. Все время, —

сообщила Мэри хозяйке. Конечно, она преувеличивала, но иного выхода не было: иначе они никогда не смогут представить великолепия большого города.

Миссис Джонс усмехнулась, как будто услышала хорошую шутку.

— Как глупо тратить столько свечей, — буркнула миссис Эш из своего угла.

Мэри не удостоила ее даже взглядом.

— Это не свечи, это масляные лампы на высоких шестах, — хвастливо заявила она. — И пламя в них всех цветов радуги.

— Не может быть, — возразил Дэффи.

— А вот и может, — нахально бросила Мэри. — Ты что, был там, что так много об этом знаешь?

— Нет, — спокойно ответил он. — Но полагаю, я знаю больше, чем ты, о химических процессах горения.

Мэри закатила глаза. Неужели он надеется ослепить ее своими сложными словами? Какой любопытный парень. Они живут под одной крышей уже больше месяца, а ему ни разу не пришло в голову попытаться ее поцеловать. Разумеется, она бы ему не позволила… но все же это странно. Мэри никак не могла привыкнуть к тому, что мужчины вокруг нее не хотят ее или, во всяком

случае, никак этого не показывают.

Миссис Джонс все еще думала о фонарях.

— Подумать только, — мечтательно протянула она. Ее небольшие глаза сияли.

После того как Дэффи удалился к себе в подвал с «Редкими растениями острова Британия» и полудюймовым огарком свечи, Мэри совершенно потеряла меру и принялась плести все, что ей вздумается. Они все равно не узнают, решила она, поэтому можно рассказывать все что угодно. Ей казалось, в эту минуту она сама создает Лондон, творит его прямо из застоявшегося спертого воздуха маленькой гостиной. Например, она уверяла, что на улицах так много голландцев, магометан и индийских принцев, что иногда можно прогуливаться по городу целых полдня и так и не встретить ни одного обычного английского лица.

— Магометане? В самом деле? — с интересом спросил мистер Джонс.

— Тысячи! — подтвердила Мэри.

Еще она сказала, что у всех леди шлейфы в десять ярдов длиной, и дрессированные спаниели носят их в зубах; а в Сент-Джеймсском парке каждый час происходят дуэли, так что в воздухе беспрестанно звенит сталь, а трава все время

мокрая от крови. Она даже изобразила крики уличных торговцев, чем немало позабавила всю семью:

— Лучшие ракушки, шпроты, миноги!.. Прекрасное мыло, подходи, покупай!.. Яблоки пепин, сладкие, красные, лучше вишни!.. Снимаем мозоли!

Все хохотали во все горло над выговором кокни — за исключением миссис Эш, которая ушла спать на середине представления.

— В моих романах Лондон совсем не такой, — сказала наконец миссис Джонс. — Там все только и делают, что покупают перчатки и наносят визиты.

Мэри замерла. Она совсем забыла, что миссис Джонс большая любительница романов. Лгать о своем прошлом стало для нее настолько привычным, что теперь ей было трудно остановиться.

— Ха! Писатели! — презрительно фыркнула она. — Да они и половины не видят из того, что происходит вокруг. Сидят целыми днями согнувшись над своими перьями.

— Верно, верно, — кивнула миссис Джонс. — Я почти понимаю, почему твои родители решили перебраться в Лондон. Должно быть, жизнь там и вправду волнующая… временами.

Внезапно Мэри захотелось дать ей подзатыльник за глупость. Почему, ну почему эта женщина верит всему, что ей говорят?

Она попыталась представить их вместе — свою мать с вечно угрюмым лицом и Джейн Джонс с ее звенящим голосом, постоянной улыбкой на губах. Но тогда надо было бы вообразить их до того, как их судьбы разошлись, словно тропинки в лесу. Тогда надо было знать, как выглядела девушка по имени Сью Рис до того, как все в ее жизни пошло не так, до того, как дурак, за которого она вышла замуж, потерял свои одиннадцать дней.

— Ах да, Мэри, пока я не забыла. — Миссис Джонс полезла в карман, вытащила оттуда горсть ярких цветных обрезков и протянула их Мэри.

Все, что отняла у нее миссис Эш! Все до единого клочка было на месте. Дрожащими руками Мэри взяла свои богатства и уставилась на хозяйку.

— Я полагаю, вполне естественно для девушки собирать всякие лоскутки, — легко произнесла миссис Джонс. — Да и вряд ли я смогу сделать с ними что-то сама. В следующий раз просто спроси меня, и посмотрим — может быть, у меня получится выкроить тебе кусочек на маленькую накидку.

У Мэри защипало в глазах.

— Вы слишком добры, — тихо сказала она.

Миссис Джонс махнула рукой, будто отгоняла муху, и снова взялась за шитье. Минуту спустя она прикрыла рот ладонью и тихонько рыгнула.

— Кажется, это пиво было лишним, — заметила она.

— Что тебе нужно, так это немного хорошего сидра, — отозвался мистер Джонс.

— Что ж, думаю, это пошло бы мне на пользу.

В комнату вошел Дэффи с охапкой дров.

— Дэффи, сходи-ка в «Воронье гнездо» и принеси хозяйке пинту сидра, — сказал мистер Джонс.

Дэффи застыл на месте.

— Иди, — мягко поторопил мистер Джонс. — Уже поздно.

Дэффи кашлянул.

— «Кингз армз» ненамного дальше.

Миссис Джонс положила руку на рукав мужа.

— Дорогой…

— Довольно этого вздора, Дэффи. — Мистер Джонс повысил голос. — «Воронье гнездо» ближе всего к нашему дому, и там дешевле, и к тому же давно пора положить конец этой вашей глупой распре с отцом.

— Я схожу, — вмешалась Мэри.

Хозяин и хозяйка уставились на нее.

— Мне будет в радость немного пройтись и вдохнуть свежего воздуха. — Она зевнула. — Я только возьму плащ.

Дэффи одарил ее такой благодарной улыбкой, что Мэри изумилась. Неужели он думает, что она сделала это ради него?

Мистер Джонс нахмурился.

— Даже не знаю, — неуверенно сказал он. — Можно ли девушке выходить на улицу так поздно?

— О, но это всего лишь за углом, — возразила миссис Джонс. — Если уж она сумела не пропасть на улицах Лондона, Томас, полагаю, она сумеет дойти до Медоу. Просто иди вниз по Грайндер-стрит, Мэри. И скажи Кадваладиру, чтобы он записал это на наш счет.

В этом городе все всего лишь за углом, подумала Мэри.

Пятно света от ее фонаря описывало небольшие круги. Мэри шла по Грайндер-стрит и чувствовала, как холодный воздух начинает понемногу пробираться под плащ. Она повернула за угол; впереди простирался луг, Медоу. В ночи он казался бесконечно-черным, словно море. А вот и «Воронье гнездо». Вместо нормальной нарисованной вывески над дверью было прибито настоящее

воронье гнездо, растрепанное и неряшливое; в нем еще оставались осколки скорлупы от яиц. Мэри задула фонарь.

Таверну освещали только два очага, но Мэри все равно сощурилась — таким ярким ей показался свет после полной темноты снаружи. Внутри стоял крепкий запах пива и соломы. Несколько стариков играли в кости на плотно сбитом земляном полу, и Мэри аккуратно их обошла. Один пробормотал что-то ей вслед, но она не обратила на это внимания. Плащ она расстегивать не захотела, несмотря на то что от пылающего очага ей почти сразу же стало жарко. Так, значит, вот что представляет собой наследство Дэффи, с любопытством отметила она. То самое, от которого он отказывается. Убогое захудалое местечко с низкими потолками.

Мальчишка в углу за бочками поднял голову. На вид ему было лет десять.

— Стаканчик грушевого сидра, красотка? — нахально спросил он.

— Яблочного. Для миссис Джонс. И смотри нацеди свежего. — Мэри протянула ему высокую кружку с крышкой.

— У нас всегда свежий, — вздохнул мальчишка и вытащил затычку из бочки.

Когда кружка наполнилась, он протянул ее Мэри. Она кивнула и сделала шаг к двери.

— Пенни и еще полпенни, — сказал он громче, чем это было нужно.

Несколько посетителей повернулись в их сторону. Мэри слегка покраснела.

— Миссис Джонс сказала записать это на ее счет.

— Черта с два! Плати или давай сидр обратно.

Несносный дурак. Мэри направилась к выходу.

— Кадваладир! — завопил мальчишка.

Из задней комнаты появился владелец в кожаном переднике.

— Что такое?

— Я служанка миссис Джонс, портнихи, сэр, — вмешалась Мэри, до того как мальчишка успел сказать хоть слово. — И она послала меня…

Только теперь она его узнала. Отца Дэффи. И заледенела от ужаса. Она не знала его имени, но хорошо запомнила эти кустистые белые брови и вес его тела, когда он навалился на нее в маленькой грязной гостинице в Коулфорде.

Черт бы его задрал! Сначала исчез без следа, а теперь появился, словно призрак! С тех пор как они вылезли из дилижанса Ниблетта, тогда, в начале января, она ни разу не столкнулась с

ним в городе. И вот что оказалось! Он владелец ближайшей таверны. И, судя по всему, он тоже ее узнал, хотя она тут же отвела глаза и надвинула на лицо капюшон. Мэри чувствовала, как взгляд Кадваладира обжигает ей щеку.

— Она не хочет платить за сидр, — пожаловался мальчишка.

— Запиши на счет, — бросил Кадваладир.

— Но я же не мог знать, про какую миссис Джонс она говорит, — проворчал подмастерье, но хозяин отпихнул его в сторону.

— Иди вытри лучше лужу в подвале.

Мэри упорно смотрела под ноги. Был слышен только глухой стук костей о земляной пол.

Как только мальчишка убрался, Кадваладир сделал шаг к ней.

— А я ведь тебя знаю, не так ли? — тихо проговорил он.

Мэри решила, что будет играть до последнего.

— К несчастью для меня, — со слезами в голосе произнесла она.

Он придвинулся совсем близко, так что его большой нос оказался всего в дюйме от ее подбородка.

— Нет нужды изображать из себя невинность, мисс, — жарко прошептал он. — Через неделю

после Коулфорда я нашел у себя триппер!

Мэри состроила недоумевающее лицо. Ее сердце колотилось, словно крыса в клетке. Значит, это правда, то, что сказала однажды Куколка, подумала она. Даже если у тебя исчезли все признаки болезни, ты все равно можешь заражать других.

— Мистер Кадваладир, я понятия не имею…

— Кое-что ты все-таки имеешь, потому что передала это мне. Я думаю, ты одна из самых отъявленных бесстыдных шлюх, которые когда-либо расхаживали по Стрэнду, — прогремел он.

Он даже и не подозревал, насколько это было близко к истине. Глаза Мэри заметались. Она могла бы достойно ответить этому так называемому священнику, который получил то, что и заслужил, за свое поганое распутство, но приводить его в ярость было ни к чему. Стоит ему только повысить голос, и он опозорит ее на весь город. Некоторые пьяницы уже бросали в их сторону заинтересованные взгляды.

— Для начала ты должна мне фунт, — уже чуть громче сказал он.

Мэри распустила губы и сморщила нос. Ее глаза заблестели. Она судорожно пыталась припомнить что-нибудь очень грустное, чтобы вызвать слезы. Подвал Ма Слэттери, Куколка, гниющая

на куче щебня… но, как назло, заплакать никак не получалось. Все эти ужасы казались просто историей, несчастьями, которые произошли с какой-то другой девушкой. Она вдруг вспомнила холодную ночь, давным-давно, сто лет назад. *Мама*, подумала она и разрыдалась.

Оперевшись на стойку, она склонилась к самому уху Кадваладира. Ее голос был глухим от слез.

— Как вы смеете обвинять меня в таких ужасных вещах… после всего, что сделали с беззащитной девушкой!

Она схватила кружку с сидром и выскочила вон, не дав ему ответить. Только пробежав половину улицы, Мэри осознала, что забыла зажечь фонарь. Снаружи было темно, как в бочке с дегтем. Придется пробираться на ощупь, как слепые, подумала она.

Ее мысли метались как сумасшедшие. Теперь Кадваладир знает, что девчонка, которая обманула его и заразила триппером, служит в семье Джонс в Монмуте. Разумеется, он захочет все рассказать и погубить ее репутацию — кто бы не захотел? Возможно, в эту самую минуту он уже рассказывает свою историю, потешая неотесанных мужланов-посетителей. В таком городишке, как Монмут, где, как правило, совершенно не о

чем говорить, сплетни распространятся со скоростью чумы. Может быть, Джонсы узнают новость уже утром, от молочника.

Будь он проклят, проклят, проклят!

Она потеряет место. Даже хуже. По одному только слову священника она может оказаться в тюрьме на окраине города — за проституцию.

Самое время бежать. Когда еще, если не сейчас? Она знала, что нужно уезжать из этого чертова города с первой же оттепелью! Значит, нужно как можно скорее добраться до дому, сложить вещи в сумку и улизнуть, пока не наступит рассвет. И сесть в первый же дилижанс, который идет до Бристоля. Пора начинать все сначала.

Подол платья был заляпан грязью. Мэри почувствовала, что ее ноги онемели и словно бы не хотят идти дальше. Как будто кто-то приковал к ним свинцовые гири. При одной только мысли о предстоящем путешествии у нее начинало сосать под ложечкой. Неужели она так изменилась за те два месяца, что прожила в Монмуте? Неужели она растеряла всю свою храбрость?

Правда, открывшаяся ей в это мгновение, на грязной мостовой, под мутными звездами, заставила ее замереть на месте. На самом деле Мэри хотелось остаться.

* * *

Каждое утро следующей недели, пока свет был еще ярким, а их глаза еще не устали, миссис Джонс и Мэри вышивали белое бархатное платье миссис Морган. Хозяйка решила больше не загружать Мэри домашней работой. Эби справится и одна; для возни с тряпками и щетками у Мэри были слишком ценные пальцы. Они трудились не покладая рук, и миссис Джонс не раз испытывала странное ощущение, что они не служанка и госпожа, а просто люди, которые работают вместе, помогают друг другу.

У них уже появились свои маленькие шутки, иногда понятные только им двоим.

— Куда же я задевала эту иголку, Мэри?

— Вы воткнули ее в пояс передника, мадам.

— Верно! — Миссис Джонс вытаскивала иголку и изумленно разглядывала ее, словно видела первый раз в жизни. — И что бы я без тебя делала, Мэри.

— Сели бы на иголку, мадам.

Она делилась с Мэри вещами, которые ни за что не рассказала бы служанке, да еще и такой юной, если бы только дала себе труд задуматься над тем, что подобает, а что нет!

— Это наша соседка, Сэл Белтер, научила меня, как сделать мальчика, — призналась она как-то утром.

— Так что же, вы сделали его не обычным способом?

— Ах ты нахалка. — Миссис Джонс рассмеялась и почувствовала, как порозовело ее лицо. — И о чем я только думаю! Разговаривать о таких вещах с молодой девицей!

Мэри опустила голову еще ниже, делая маленькие ровные стежки.

— Я легла на правый бок, а Томаса заставила лечь на левый. Поэтому дитя было зачато в правой полости — и это оказался мальчик.

Мэри недоверчиво подняла бровь.

— Значит, с Геттой вы этого не делали?

— О, делала, конечно. Я делала так с ними со всеми — ну, во всяком случае, когда не забывала. И трое других были мальчиками. — Ее голос вдруг зазвенел, как хрусталь. — По крайней мере, я так думаю, потому что один из них… понимаешь, было слишком рано и нельзя было сказать наверняка. Первый из наших мальчиков дожил до шести лет, — живо добавила она.

— О, вот как?

— А потом он подхватил лихорадку в шахте.

— Где это? — спросила Мэри, немного подумав.

— В лесу, за пастбищами. Возможно, мне не следовало называть его Орландо. Слишком обременительное имя для маленького мальчика. — Миссис Джонс замерла и уставилась на свою иглу, воткнутую в мягчайший бархат. — Но Томас решил, что все дело в нездоровом воздухе в шахте. Вот почему он никогда не позволял Грандисону помогать шахтерам. К тому времени мы уже потеряли всех остальных. Томас говорил, что с Грандисоном все будет по-другому. Что он будет учиться на ошибках других, и заботиться о своем здоровье, и вырастет настоящим джентльменом и гордостью нашей семьи. — Она слегка задрожала, словно ветка на ветру.

Мэри продолжала шить, то и дело бросая на миссис Джонс встревоженные взгляды. Наконец она не выдержала и положила ладонь ей на юбки.

Миссис Джонс благодарно сжала ее руку. Ее глаза блестели от непролитых слез.

— Не обращай на меня внимания. Я просто глупая женщина со слишком чувствительным сердцем, — тихо сказала она.

Мэри решила переменить тему разговора, чтобы дать хозяйке прийти в себя.

— Что за человек отец Дэффи? — безразличным тоном спросила она.

— Кадваладир? О, даже не знаю.

— Я думала, вы с ним знакомы?

— Разумеется, так и есть. Именно поэтому мне трудно описать его в двух словах. Бедный Джо, — со вздохом заметила миссис Джонс. — Он неважно выглядит. Неудивительно — за ним ведь некому присмотреть. Он не женился аж до тридцати лет. А потом наконец нашел себе невесту — нездешнюю, она жила где-то за Абергавенни. И что же? Не прошло и года, как она умерла в родах! Я слышала, что ребеночка пришлось вырезать из ее живота, — с ужасом добавила она.

— Выходит, Дэффи никогда не знал матери?

Миссис Джонс покачала головой.

— Они с отцом справлялись в одиночку. Хотя я старалась помогать бедному мальчику, чем могла, и бог знает сколько раз он играл у меня здесь, в мастерской. Боюсь, что именно тут он и проникся нашим ремеслом.

— Ага.

Эти темные глаза так и светятся умом, подумала миссис Джонс.

— Значит, когда он подрос…

— То заявил, что не желает служить под началом отца в вонючей старой таверне, а собирается работать на Томаса Джонса.

Мэри улыбнулась; сверкнули ярко-белые зубы.

— И разразилась война?

— Ты себе не представляешь! Он способный парень, наш Дэффи, надо отдать ему должное. И отлично управляется с ножом и иголкой. Томас бы без него не справился.

Мэри помолчала.

— А теперь… — начала она. — Кадваладир, у него… как вы полагаете, мог бы он жениться во второй раз?

— Уверена, что нет. — Эта мысль показалась миссис Джонс почти забавной.

— А он мог бы… — Мэри слегка покраснела. — Он мог бы иметь дело с дурной женщиной? Вроде Салли Моул, когда она была еще жива?

Миссис Джонс бросила на нее суровый взгляд.

— Мэри! Как ты можешь говорить такое о нашем священнике, слуге Господа!

— Я только спросила, — заметила Мэри.

— Достаточно только взглянуть на Джо Кадваладира, и любому станет ясно, что это невозможно, — ответила миссис Джонс уже чуть мягче. — От него так и веет одиночеством. Ну,

словно… луком пахнет.

Мэри задумчиво кивнула и вдруг снова сменила тему разговора. Миссис Джонс уже начала привыкать к этим неожиданным переходам.

— Я должна вам в чем-то признаться, мадам.

— Что такое?

— Я уехала из Лондона в большой спешке, и я… осталась кое-что должна.

— Долги, Мэри? — Игла миссис Джонс замерла.

— Только один, — торопливо заверила Мэри. — Плата за комнату. Видите ли, когда мама заболела, она была уже не в состоянии зарабатывать, и, конечно, нам было нечем платить за жилье, а наша хозяйка на Черинг-Кросс… — Она замолчала.

— Ты хочешь сказать, она не простила долг умирающей? — с негодованием спросила миссис Джонс.

Мэри грустно покачала головой.

— Сколько ты должна ей, дитя мое?

— Около фунта, — почти прошептала Мэри. — Я знаю, это очень дурной поступок — сбежать не заплатив… но мне было некуда идти, не к кому обратиться, только к вам. А теперь я все время думаю об этом…

— Ну конечно, — пробормотала миссис Джонс.

— …то есть, я хочу сказать, меня мучает совесть. Я не смогу успокоиться до тех пор, пока не отошлю хозяйке деньги.

Что за сокровище эта девочка, подумала миссис Джонс. Всего пятнадцать лет от роду, но мудрости хватит на женщину вдвое старше.

— И я решила… подумала… возможно, вы сможете дать мне фунт стерлингов вперед? В счет моего заработка?

— Даже не знаю, — протянула миссис Джонс. — Видишь ли, Мэри, у нас это не принято. Никаких денег на руки до конца года, таково правило. И вряд ли Томас согласится его нарушить.

Мэри уныло кивнула.

Но миссис Джонс уже знала, что собирается сделать. Она чувствовала небывалую легкость и восторг одновременно.

— Но у меня кое-что отложено на случай непредвиденных расходов, — шепнула она в самое ухо Мэри. — И если я выдам тебе фунт в счет будущего жалованья из этого запаса, нам незачем будет беспокоить Томаса, не так ли?

Снова эта быстрая ослепительная улыбка.

— Так мы и поступим, Мэри. Тебе больше незачем волноваться. Это будет наш маленький секрет.

Мэри порывисто схватила руку хозяйки и прижала ее к губам. Мягкие, как у ребенка, подумала миссис Джонс.

На этот раз Мэри велела мальчишке из «Вороньего гнезда» сразу позвать хозяина — да поворачиваться побыстрее. Когда вошел Кадваладир, она выступила на свет. Да, это правда, подумала Мэри, глядя в его усталые глаза. Вполне возможно, последние двадцать лет он не касался ни одной женщины — кроме нее. А значит, болезнь он мог подхватить только от нее, и нет смысла притворяться и делать вид, что она тут ни при чем.

— Снова ты, — презрительно протянул Кадваладир. — Невинная дева.

Мэри облизнула пересохшие губы.

— Мы оба сделали то, чего не следовало делать, преподобный, — почти прошептала она.

— Преподобный я только по воскресеньям. — Он угрожающе сдвинул свои косматые брови. — А здесь я — хозяин.

— Ну, как бы там ни было, — примирительно сказала Мэри. — Болезнь, что вы получили, быстро излечивается. Пройдет, будто ничего и не было. Так что я обещаю не говорить никому ни слова — если и вы промолчите.

Кадваладир мрачно улыбнулся и оперся о стойку.

— У нас с вами разные обстоятельства, мисс. Что касается меня — мои прихожане давно знают, что я обыкновенный мужчина из плоти и крови. А известно ли твоим хозяевам, что ты шлюха, — вот вопрос.

Мэри прикрыла глаза. Она так давно не слышала этого слова, что на мгновение оно будто выбило почву у нее из-под ног.

Кадваладир наклонился поближе. В его дыхании чувствовался крепкий запах пива.

— Джейн Джонс! Из всех женщин ты выбрала именно ее, чтобы воспользоваться ее добротой! Интересно, как ей понравится новость о том, что она приютила под своей крышей потаскуху?

В ней вдруг вспыхнул гнев. Если бы сейчас в кармане у Мэри оказался нож, она бы не задумываясь вонзила его Кадваладиру в грудь. Но она открыла глаза и увидела перед собой старого разбитого человека. Конечно же ему хотелось ее наказать — не за триппер и не за деньги, но за ночь на вонючем матрасе в Коулфорде, за то, что она притворилась девственницей и заставила его снова почувствовать себя молодым и опасным.

— Пожалуйста, — с усилием выговорила она. —

Пожалуйста, не надо. Мне нужно сохранить это место.

Он сложил руки.

— Я придумал, как ты можешь отдать мне долг.

— Да? — с любопытством спросила Мэри. Возможно, ей удастся сохранить деньги в кармане.

Он кивнул на кучку пьяных, сгрудившихся в самом темном углу.

— Один заезжий спрашивал сегодня девушку. Я сказал ему, что с тех пор, как померла Салли Моул, у нас в городе их нет.

Мэри замерла в ожидании.

— Салли обычно отводила их в комнату над конюшней. — Он мотнул головой. — Лестница там, за домом.

Ну конечно. Можно было догадаться и раньше. Он просто хотел ее унизить.

— Шиллинг мне, шиллинг тебе, — добавил Кадваладир. — С такой ценой ты быстро выплатишь мне этот фунт.

Мэри позволила себе улыбнуться. Очень медленно она сунула руку в карман, вытащила оттуда несколько монет и положила их на стойку.

— Большое спасибо, — с наслаждением сказала она. — Вы очень добры, но в этом нет нужды. Вот

ваши деньги, преподобный.

Кадваладир вытаращил глаза. Мэри подхватила фонарь, кружку с сидром для миссис Джонс и пошла к двери.

* * *

Дэффи стоял у стены, засунув руки в карманы. Мэри вышла наружу; дверь за ней захлопнулась. У нее были красные щеки. Должно быть, жар от очага, подумал он.

Заметив его, она подпрыгнула и едва не разлила сидр.

— Боже мой! Зачем ты ко мне подкрался! Что ты вообще тут делаешь?

— Дожидаюсь тебя, — с легкой обидой отозвался Дэффи. — Ночь темная. Я подумал, тебе не помешает провожатый. — Он взял у нее из рук фонарь и открыл окошечко, чтобы подправить свечу.

— Что ж… спасибо, — почти кротко сказала Мэри.

Не дожидаясь, пока Дэффи предложит ей руку, она оперлась на его локоть, и они медленно двинулись вверх по Грайндер-стрит.

Дэффи попытался придумать интересную тему для разговора, но, как назло, в голове было совер-

шенно пусто.

— Неплохая таверна у твоего отца, — ровно заметила Мэри.

Дэффи презрительно фыркнул.

— Ты так не думаешь?

Слова вдруг полились из него потоком.

— Да ведь там все так же, как было при моем деде! И при прадеде тоже! Он не пожелал ни расширить дело, ни улучшить его. Да что там говорить, за двадцать лет он даже стены ни разу не побелил!

— А ты бы побелил?

То, как она умела попасть сразу в точку, всегда поражало Дэффи до глубины души. Он немного подумал.

— Может быть, и нет. Наливать пиво — не особенно прибыльное занятие. Хоть бели стены, хоть не бели.

— Еще менее прибыльное, чем быть слугой?

Он бросил на нее подозрительный взгляд, но Мэри лукаво улыбнулась. Дразнится, подумал Дэффи.

— То же самое говорил мой отец, — сказал он. — Он все еще думает, что я приползу домой в надежде унаследовать в один прекрасный день этот чертов амбар. Он заявил, что его сын

и наследник не должен исполнять приказания другого человека. Но он не знает одного… — Дэффи понизил голос. — У меня в жизни есть и более высокая цель. — Мэри улыбнулась еще шире, и ему захотелось рассказать ей все до конца. — Я ведь скорее подмастерье, чем слуга. Тот последний корсет для вдовы Воган — я почти полностью сделал его сам.

— О, в самом деле?

— И еще пару простых корсетов для семьи квакеров. Со временем спрос на это ремесло будет только расти, я уверен. Город ведь тоже растет. Теперь зимой к нам приезжает все больше знати; Монмут — это следующая большая остановка после Бата. Точно говорю тебе, Мэри: когда-нибудь здесь будет вывеска с надписью: «Дэвид Кадвалладир, мастер по изготовлению корсетов»!

Она засмеялась, низким, бархатным смехом. Дэффи отдернул руку, как будто внезапно понял, что держит змею. Мэри остановилась. Они уже подошли к углу Инч-Лейн.

— Можешь смеяться сколько тебе угодно, — хрипло бросил он.

— О, Дэффи! Я смеялась вовсе не над тобой, — ласково и серьезно сказала она. — Скорее над тем, с какой… страстью ты говорил.

Он пожал плечами и сложил руки на груди.

— Мне важно мое будущее, — сухо заметил он. — На что же еще мне тратить свою страсть?

Она надула губы. Ее рот был совсем как розовый бутон, нежный и еще не распустившийся.

— На Гвинет, к примеру.

— А! Нет, — отмахнулся Дэффи и поразился тому, как легко он это сказал. — Никакой свадьбы не будет.

Мэри удивленно вздернула брови.

— Но хозяйка говорила, вы вместе уже сто лет.

— Мою кузину просватали за парня, который выхолащивает свиней. Поэтому между нами все кончено. — В это мгновение он почти поверил в это сам.

— Не может быть! — Мэри Сондерс прищурила свои черные глаза.

— Я ее не виню, — легко пояснил Дэффи. — Ее семья едва сводит концы с концами, они почти голодают, а я пока не в том положении, чтобы жениться. Кто упрекнет ее в том, что она захотела пожить получше?

В молчании они повернули на Уай-стрит. Луна в небе была огромна. В темноте смутно белели первые цветущие кусты. Над головой нависали ветки деревьев; острые зеленые почки на них

напоминали ногти на руках. Дэффи пощупал крошечную нежно-твердую шишечку. Она приятно покалывала пальцы. В воздухе было разлито неясное томление, словно нужно было что-то сделать, и как можно скорее. Но в феврале всегда так бывает, подумал он. Ты чувствуешь, будто что-то новое пробивается сквозь кожу.

Возле дома на Инч-Лейн Мэри остановилась и повернулась к нему:

— Честное слово, я не смеялась над твоими устремлениями.

Дэффи понимающе кивнул.

— У меня и у самой есть кое-какие замыслы, — загадочно добавила она.

Раньше она никогда не говорила с ним так доверительно. Мэри взлетела вверх по узким ступенькам, а Дэффи все стоял и выворачивал шею, провожая ее взглядом.

— Давай, сделай это сегодня, — сказала Мэри утром, когда они с Эби одевались.

— Не знаю.

— Чего ты так боишься? — Мэри потуже затянула ее кожаный корсет.

Эби пожала плечами.

— Неприятностей, — пробормотала она и влезла в коричневую юбку из голландского полотна,

которую перешила для нее Мэри.

Мэри расхохоталась.

Эби думала об этом целых две недели, но все равно, при одной мысли, что придется обратиться к хозяйке, она чувствовала, как на лбу выступает холодный пот. Просить о чем-то означало проявить слабость. Все равно что подставить голую спину под кнут.

Миссис Джонс вышла из кладовой, на ходу вытирая руки о передник. Эби оторвалась от теста.

— Хозяйка, — тихо сказала она.

— Знаешь, Эби, эти пышки с мясом совсем зачерствели, — рассеянно отозвалась миссис Джонс. — Боюсь, нам придется их выбросить.

— Да, хозяйка. Но пожалуйста?

— Что такое, Эби?

Эби посмотрела на свои руки, погруженные в тесто. Что-то словно сжимало ей горло — так трудно ей было говорить.

— Я думаю… интересно… Я слышала… — Она замолчала. Упоминать Мэри было нельзя — это означало ябедничество самого худшего сорта. На плантации за такое можно было проснуться с перерезанным горлом. Вернее, не проснуться.

— Ну же, скажи мне, что такое? В чем дело? — слегка нетерпеливо сказала миссис Джонс. — Это

насчет пышек?

Эби покачала головой.

— Некоторые говорят… — Она снова осеклась, помялась и вдруг выпалила: — Я хочу жалованье.

— О боже. — Миссис Джонс озадаченно сморгнула. Повисла долгая тишина. — Это довольно неожиданно, Эби. После всех этих лет, что ты у нас прожила… Скажи мне, ты чем-то недовольна?

Эби неловко пожала плечами.

— Чего тебе не хватает? Что бы ты желала? Может, новое платье к Пасхе? Я не знала, что тебя интересуют такие вещи.

Эби замотала головой.

— Жалованье, — упрямо повторила она, будто это было какое-то заклинание.

— Но для чего? Я имею в виду, что ты хочешь на него купить? — Не получив ответа, миссис Джонс продолжила: — Ты же знаешь, ты так и не привыкла к нашим деньгам. Помнишь тот случай, когда тебя заставили заплатить целый шиллинг за старый кусок солонины?

Эби прикусила губу. Она так и знала. Неудачи всегда следовали за ней по пятам. Чертов сукин сын мясник. Конечно, она прекрасно его помнила. Это был ее первый год в Монмуте. Когда она

спросила сдачу, он нагло заявил, что она дала ему всего три пенса.

— Я просила прощения.

— Ну конечно, и все давно прощено и забыто. — Миссис Джонс потрепала ее по припудренной мукой руке.

— Я просто хочу жалованье, — с отчаянием в голосе выговорила Эби.

— Что ж… — Лицо хозяйки неуловимо изменилось. Она словно ушла в себя. — Разумеется, я должна обсудить это с хозяином. Но боюсь, я знаю, что он мне ответит. Сейчас у нас нет ни единого лишнего пенни. У нас ведь такие огромные расходы, а ты прожила с нами достаточно долго и сама знаешь, что стоит оплачивать счета.

Эби не сводила с нее глаз. Она не желала согласно кивать.

— Но, может быть, к Рождеству, — торопливо добавила миссис Джонс. — Если наши дела будут в лучшем состоянии. Да, на Рождество — это будет лучше всего. Не то чтобы жалованье, а нечто вроде подарка, чтобы вознаградить тебя за все те годы, что ты была частью нашей семьи. — Она покивала, словно удачно разрешила трудный вопрос, и торопливо вышла.

Эби уставилась ей вслед. Восемь лет она счита-

ла миссис Джонс хорошей женщиной и доброй хозяйкой — самой доброй из всех, что у нее были. Но сегодня она заглянула ей в душу и увидела ее настоящую суть. Трусливую суть.

Она растянула тесто в руках и разорвала его, словно это была плоть.

Было первое воскресенье марта, и солнце казалось необычайно ярким и желтым, словно сердцевинка у нарцисса. После обеда у всех слуг был выходной, и Дэффи, как обычно, незаметно ускользнул из дома. Но, не пройдя и полмили по дороге в Абергавенни, он развернулся и сложил руки на груди:

— Что тебе от меня нужно, Мэри Сондерс?

— Каждый имеет право гулять там, где ему вздумается. — Она выступила из тени вишневого дерева, на котором уже раскрылись несколько бутонов.

— В следующий раз, когда захочешь пойти за кем-нибудь тайком, сними свои клацающие каблуки. Так ты и глухого кролика не выследишь.

Мэри улыбнулась — быстро и неожиданно, как всегда.

— Так вот, значит, чем ты занимаешься в свои выходные дни? Выслеживаешь кроликов?

Дэффи покачал головой.

— Тогда что ты тут делаешь?

Он пожал плечами:

— Хожу. Смотрю. Пытаюсь насладиться тишиной, — саркастически добавил он.

— На что здесь смотреть?

— Много на что.

Они пошли вверх по холму. От ходьбы Дэффи слегка разогрелся и разрумянился; Мэри же дышала тяжело, как больная собака. Ее дурацкие фижмы раскачивались из стороны в сторону, щеки были пунцовыми. Он слегка сбавил шаг. Надо отдать девчонке должное, она не собиралась сдаваться. Они миновали стадо пасущихся ягнят, худых после зимы. Дэффи заметил клочки белой шерсти на кустах терновника. Здесь он на минуту остановился — полюбоваться зайцем, несущимся через поле, и дать Мэри перевести дух.

Почти нехоженая тропинка была усеяна засохшими коровьими лепешками. Они напоминали темные тучки на зеленом травяном небе, в некоторых застыли крохотные лужицы, оставшиеся после недавнего дождя. Дальше тропинка становилась довольно каменистой. Через несколько секунд Дэффи вдруг услышал шорох гравия и обернулся. Мэри Сондерс стояла на одном колене, и на ее юбке красовалось грязное пятно с проре-

хой посередине. И даже не вскрикнула, подумал он и невольно рассмеялся.

— Чума на твою голову, — огрызнулась она.

— Это всего-навсего маленькая дырка.

— Это всего-навсего мое лучшее синее платье.

— Зачем же ты полезла за мной в своем лучшем синем платье? — Он подал ей руку, чтобы помочь встать, и еще раз, когда нужно было перебраться через кучу камней. — Это Кимин, — пояснил Дэффи.

— Я еще никогда не взбиралась на гору, — задыхаясь, сообщила Мэри.

Он снова расхохотался. Он даже не помнил, когда смеялся так последний раз.

— Это не гора! Эх ты, девчонка. Кимин не более чем холм, да и то низкий. А вот там… — он махнул рукой в сторону Монмута, который казался совсем крошечным, — вот там — гора.

Зеленое на зеленом, с белыми горошинами овец. Дэффи подождал, пока ее глаза не отыщут очертания горы, ее длинный хребет и острую вершину. На фоне ясного неба и с такого расстояния серо-голубой камень казался почти прозрачным.

— Она тоже не самая высокая, но все равно красавица, — заметил он.

— Как она называется?

— Скиррид. Они словно три спящих чудовища: Сахарная Голова, Блориндж и Скиррид.

— А ты на нее поднимался?

— На Скиррид? Да, поднимался.

Мэри прикрыла глаза рукой.

— Мне только непонятно, зачем вообще надо карабкаться на огромную скалу? Только затем, чтобы скатиться с обратной стороны?

— Чтобы знать, что ты там был, — сказал Дэффи.

Она неуверенно нахмурилась.

— Все склоны там поросли мхом и черникой. Когда я забрался на самый верх, то чуть не умер от страха. Ведь гребень горы шириной не больше кровати, — заторопился он, заметив ее насмешливый взгляд. — Но я все равно прошел по нему до конца.

Мэри сдвинула брови.

— Но зачем?

— Я хотел набрать земли с того места, где раньше стояла часовня. Считается, что это священная гора.

— И набрал?

— Целую сумку. Она лежит у меня в сундуке, — признался Дэффи. — Говорят, она отгоняет болезни — если рассыпать ее под кроватью. И

успокаивает дух мертвых — если бросить горсть на гроб.

Мэри язвительно улыбнулась:

— Значит, и ты, такой умный и начитанный, веришь в эти суеверия!

Дэффи смущенно усмехнулся:

— Не то чтобы я в это верил… но лучше уж подстелить соломки. И там, на горе, какой-то особенный воздух, словно и правда святой. С вершины видно целых девять графств.

Он подумал, что сейчас она попросит их назвать, но Мэри только огляделась по сторонам.

— А почему некоторые поля огорожены, а другие нет? — спросила она.

— А, — важно сказал Дэффи. — Сейчас ты видишь, как пишутся скрижали истории. — Он искоса взглянул на нее, чтобы увидеть, произвела ли фраза впечатление, но наткнулся на ее презрительную улыбку. — К тому времени, как мы умрем, ты и я, каждый дюйм почвы в Британии будет приспособлен под сельское хозяйство. Общинных земель не останется. Именно так семья Гвин потеряла все, что имела, — добавил он. — Они пасли свиней на общинных землях в Чепстоу, а потом землевладелец закрыл их для других.

— Выходит, эти изгороди — зло?

Дэффи грустно покачал головой:

— Сложно сказать. Для прогресса это естественно, а мы не можем стоять у него на пути.

Мэри рассеянно кивнула.

— Я могу дать тебе хорошую книгу, как раз об этом, — предложил он.

— Где мне взять время на книги? — Ее губы дрогнули в улыбке.

— А вот это уже невежество! — с укором сказал Дэффи. — Так называемое женское образование в наши дни ужасающе несовершенно. Я заметил, что у тебя выдающийся ум…

— Именно, — перебила Мэри. Ее черные глаза ехидно блеснули. — Поэтому я могу думать сама, а не повторять премудрости из книг.

Над их головой пролетела ворона. Мэри задрала подбородок и проводила ее взглядом.

Дэффи произнес какое-то слово, осторожно и выразительно, словно пробуя его на вкус.

— Прошу прощения?

— Так мы называем ворону по-валлийски.

— Какая ерунда, — презрительно заявила Мэри. — Ты вычитал это в книжке?

— Нет, слышал от бабушки.

Мэри посмотрела на растрепанную птицу —

она уселась на куст неподалеку.

— Не сказать, что красавица, а? — пробормотала она.

— Да, но вороны — умные и сообразительные птицы.

— Грязные и надоедливые.

Дэффи снова покачал головой, удивляясь тому, как мало она знает.

— Конечно, любая ворона обязательно украдет то, что блестит, но при этом у них прекрасное чувство юмора — хочешь верь, хочешь нет. И еще они знают всякие штуки.

— Какие еще штуки?

— Когда пойдет дождь, например.

Мэри закатила глаза.

— И говорят, они могут предсказывать будущее. Не сказать, что я в это верю… но я читал, что одна ворона прожила целых сто лет.

— В книгах полно врак, — засмеялась она.

Ворона подлетела поближе, словно хотела послушать, как ее хвалят. Она устроилась на изгороди, ухватив ее когтистыми лапами, — как будто объявила ее своей собственностью — разинула клюв и испустила хриплый крик.

— Кстати, ворон убивать нельзя, — сказал Дэффи.

— Но фермеры убивают, разве нет?

— Иногда… но считается, что это дурная примета. Она может вернуться ночью, когда ты будешь спать, и выклевать тебе глаза.

Мэри снова засмеялась, но он расслышал в ее голосе нотки страха.

— Это совсем не такие вороны. Я видела воронов в Тауэре, в Лондоне — это огромные страшные птицы, с изогнутыми клювами.

– *Ты забыл, что я из Лондона, парень*, — передразнил Дэффи.

Так она сказала в самый свой первый день в Монмуте. Было трудно заставить Мэри Сондерс покраснеть, но он мог поклясться, что сейчас ее скулы немного зарумянились.

— Конечно, если прожить всю жизнь в забытом богом углу, то сложно себе представить, что ты теряешь, — высокомерно произнесла она и, не давая ему возразить, продолжила: — В Лондоне есть такие вещи, для которых у тебя даже слов не найдется, несмотря на всю твою ученость и все твои книжки! Там… стены в комнатах обиты такими шелками и атласами, что ты и вообразить не можешь!

Дэффи вдруг нагнулся, сорвал маленький хрупкий белый цветок и протянул его Мэри.

— Анемона, — сказал он и заставил ее несколько раз повторить название, пока она не произнесла его правильно. — Найди мне шелк, который будет нежнее этих лепестков.

Мэри скривила губы.

— Мы с миссис Джонс можем вышивать самые прекрасные цветы на свете, и нам не надо искать их в грязи.

— Пфф! — фыркнул он. — Скучные плоские цветочки — вот что вы вышиваете. И все одинаковые. Это не природа.

Она пожала плечами. Ее косынка немного развязалась, и было видно сливочно-белую тонкую ключицу.

Дэффи рвал все новые и новые цветы и складывал их ей в передник. Дрёма, розовая и атласная, словно изнанка губ. Дубровка, собранная из маленьких пушистых сине-лиловых иголочек. Вика — каждый цветочек будто крохотный капюшон. Кукушкин цвет — незаметное, бледненькое создание. Хотя некоторые называют его горицвет, заметил Дэффи. А еще — зорька.

— Для чего ему три имени? — спросила Мэри.

— А для чего тебе три платья?

— Ты, видимо, смеешься надо мной. — Мэри уставилась в передник и зашевелила губами. —

Девять.

— Цветков?

— Платьев. Это если считать юбку и корсаж как одно целое.

Дэффи присвистнул:

— Откуда у тебя такое приданое?

Она немного порозовела.

— Большую часть я купила в Лондоне, по дешевке.

— И зачем тебе все эти платья, — поддразнил он, — когда полевые цветы прекрасно обходятся без них?

— А! — презрительно бросила она.

Это восклицание она позаимствовала у хозяйки, Дэффи заметил это еще раньше.

— Жалкими бы мы были существами, если бы расхаживали голыми.

На мгновение перед ним возникло видение: Мэри Сондерс, совершенно обнаженная, поднимается вверх по холму Кимин. Дэффи потряс головой.

— Взять хотя бы хозяина, — сказала Мэри. — Ему, например, не нужны даже две ноги.

— Мистер Джонс — удивительный человек. Замечательный, — серьезно сказал он. — Суметь пережить такое несчастье, будучи еще мальчи-

ком, — вот что я называю сильным духом.

— Значит, он для тебя образец для подражания? — Кажется, она снова принялась его поддразнивать. — Ты мечтаешь стать одноногим корсетных дел мастером и жениться на портнихе, как и он?

Дэффи почувствовал, что краснеет, хотя и сам не знал почему. Его шея под шейным платком стала совсем малиновой.

— Миссис Джонс, она… лучшая из женщин. Когда я был маленьким — а отец ведь был таким растяпой, — она нас просто спасала. Она приходила в наш грязный дом с корзиной еды и чистым бельем, и у отца прояснялось лицо, как будто он видел перед собой ангела.

— Может быть, он был в нее влюблен? — спросила Мэри. — Он говорит о ней очень восторженно, — хитро добавила она.

Дэффи остановился.

— Ты хочешь сказать, когда он овдовел? — озадаченно спросил он.

— А может быть, еще до этого, когда они все были молодыми. Кадваладир ведь долго не женился, не так ли? Только через много лет после того, как миссис Джонс вышла замуж. И потом, когда твоя мать умерла, он не стал приводить в

дом вторую жену, хотя, видит бог, вы нуждались в помощи, верно?

— Верно, — неохотно пробормотал Дэффи.

— И если твой отец в самом деле был влюблен в миссис Джонс, — оживленно продолжила Мэри, — это объясняет, почему он так не хотел, чтобы ты работал на мистера Джонса. — Она как будто рассказывала историю из книги.

— Вовсе нет, — вяло возразил Дэффи. Мысли у него в голове вдруг сделались густыми и вязкими, как грязь. — Отец думает, что таверна…

— К черту таверну! — Черные глаза Мэри сияли. — Это же чистой воды ревность! Он не может пережить, что ты прислуживаешь человеку, отнявшему у него женщину, которую он любил.

Дэффи помотал головой, как будто хотел отделаться от надоедливой мухи.

— Ты читаешь слишком много романов, — с нажимом сказал он. — Тебе стоит попробовать энциклопедию.

— Романы могут научить куда большему, — весело возразила Мэри. Она то и дело забегала вперед, оборачивалась и почти пританцовывала.

— А вот и нет. Они ввели тебя в заблуждение. Люди не всегда поступают, руководствуясь низ-

менными мотивами, — сурово сказал Дэффи. — А душа человека — вовсе не такая сточная канава, как тебе представляется.

Она подошла очень близко и заглянула ему в глаза.

— Дэффи, — совсем тихо произнесла она, — можешь мне поверить. Я знаю о душе человека такое, что ты не прочтешь ни в одной энциклопедии.

Что-то такое промелькнуло в ее глазах, горечь или печаль, и это его поразило. Почему у нее такие глаза — в пятнадцать лет? Что могло с ней случиться? Ему захотелось прикрыть их своей мозолистой ладонью. Ему захотелось впиться в ее губы и целовать до тех пор, пока мир не закружится вокруг них.

Она отвернулась, словно прочитала его мысли.

— Скажи, а какая у хозяина нога? — спросила она через минуту, беззаботно как всегда.

— Что? — Дэффи чувствовал себя как пьяный.

— Нога, которую ему отрезали. Какая она?

Какая-то сложная философия, с трудом подумал он.

— Я имею в виду, то, что от нее осталось, боже мой, — нетерпеливо добавила она. — Что она, зазубренная? Можно разглядеть следы пилы?

— Я никогда ее не видел.

— Не может быть!

Дэффи покачал головой.

Мэри придвинулась ближе.

— Может быть, там еще чего-нибудь не хватает? — шепнула она.

Что за странная девушка! Какая прямолинейность. Жар бросился ему в голову. Дэффи отвернулся, подставил лицо прохладному ветерку и посмотрел вниз, на долину.

— Вон Сахарная Голова, — немного помолчав, сказал он. — А вон там — Гламорган. Там уже не говорят по-английски.

Мэри взглянула на расстилавшуюся внизу чужую страну. Через несколько минут она заговорила снова, будто продолжая начатый разговор:

— Ты мог бы найти себе что-то получше.

Дэффи бросил на нее изумленный взгляд.

— Эта Гвин… Она все равно тебе не подходила — из того, что я успела услышать. И потом, двоюродные братья и сестры не должны жениться — у них могут родиться странные дети. Уверена, ты мог бы найти себе кого-то получше.

Не зная, что на это ответить, Дэффи промолчал. Ему хотелось засмеяться, но отчего-то не получалось.

Мэри показала на цветок с крупной белой головкой:

— А это как называется?

— А, это черемша. Она славится своим ароматом. Попробуй потри ею запястья.

Ни о чем не подозревая, она раздавила цветок в пальцах и сделала так, как он сказал. В воздухе разнесся знакомый острый запах.

Дэффи расхохотался:

— Некоторые называют ее диким чесноком.

Она швырнула в него переломанные стебли и побежала вниз по холму.

Еще никогда мистеру Джонсу не приходилось выполнять такую большую работу: в новый корсет старой толстой миссис Таннер нужно было вставить шестьдесят пластин. И она хотела его к Пасхе. Что ж, подумал мистер Джонс. Если удастся закончить его к Страстной пятнице, он возьмет с нее вдвое. И пусть только она попробует поспорить! Мэри Сондерс держала изогнутую полоску китового уса, а он вшивал ее в нужное место. У нее были крепкие руки, и они никогда не дрожали.

— Не буду называть имен, Мэри, — пробормотал мистер Джонс и вытянул иголку с ниткой, — но некоторые мастера просто вставляют пластин-

ку в паз, не пришивая, и она гуляет там, как ей захочется.

Мэри в ужасе ахнула. Конечно, он понимал, что она насмешничает, но нисколько не обиделся и тоже усмехнулся, не отрывая глаз от работы. Он уже видел скелет будущего корсета. Понадобится еще не меньше трех дней работы, прежде чем можно будет добавить шнуровку — целых три шнуровки, впереди, сзади и сбоку, для обширных телес миссис Таннер.

— А он будет шелковый?

Мистер Джонс бросил на нее веселый взгляд. Эта девочка его забавляла. Он не знал никого, кто бы питал такое пристрастие к хорошим тканям.

— Сверху — да. Но это не самое главное. Любой корсет может выглядеть красиво, в то время как внутри скрывается паршивая работа. — Он чуть передвинул руку Мэри, чтобы изменить угол сгиба. — Форма — вот что имеет значение.

— Я знаю, — немного нетерпеливо заметила она. — Но этот новый зеленый шелк пу-де-суа гораздо красивее, чем старая парча, что вы использовали для корсета мисс Прингл.

Мистер Джонс слегка улыбнулся.

— Красота… Красота — она ведь требует жертв.

— Жертв?

— Французы этого никогда не понимали, — заявил мистер Джонс. — Их изделия слишком свободные, они совсем ничего не держат. Для них главное — это чтобы было пышное декольте, да напришивать побольше блестящих бантиков. Но здесь, в Англии, мы делаем самые твердые, самые неподатливые корсеты в мире. Прямая спина — честная душа. Талии наших английских леди так тонки, что природе и не снилось.

— Но корсеты — это больно. Вот бы вам их попробовать, — вполголоса добавила она.

Мистер Джонс решил закрыть глаза и на эту дерзость.

— Слабый пол не может не подчиняться тем требованиям, что предъявляет всеобщее поклонение красоте. Ты когда-нибудь видела сестер Ганнинг, Мэри?

Она покачала головой.

— Ну конечно нет, ты тогда была еще совсем дитя. Так вот. Они считались величайшими красавицами своего времени, мисс Мария и мисс Сюзанна. Знаешь, от чего умерла мисс Мария?

Она снова покачала головой, чуть более нетерпеливо.

— Отравилась гримом. Она пользовалась белилами, чтобы кожа была гладкой и мрамор-

но-белой, и в конце концов они и привели ее к гибели.

Мэри слегка вздрогнула.

— Так, значит, вы сделаете Гетте корсет? — спросила она немного погодя.

Мистер Джонс удивленно поднял брови.

— Разве вы не слышали, как она просит корсет?

— Да ей еще и шести нет, — пробормотал он и воткнул иголку в жесткую льняную ткань.

— Выходит, когда речь идет о вашей дочери, вы признаете, что корсеты вредны?

У этой девушки ужасная привычка все время поддразнивать, подумал мистер Джонс, скрывая улыбку.

— Думаю, Гетта вполне удовлетворится корсетом из холста, со свободной шнуровкой. Между прочим, я всегда был против того, чтобы моя жена слишком затягивалась.

Она бросила взгляд на свою талию, и он невольно посмотрел туда же. Мэри Сондерс была прямой и тонкой, словно молодое деревце, — и в то же время для пятнадцати лет у нее были вполне развитые формы.

— Где ты купила этот корсет? — спросил он с интересом.

— В Лондоне.

— Да, но в каком магазине?

Ее глаза затуманились. Что сказать? — торопливо подумала Мэри.

— Подруга… оставила мне его. Она умерла.

Мистер Джонс вернулся к работе.

— Вещь простая, — сухо заметил он. — Он не слишком жесткий. Но линии чисты и верны. — Он помедлил, выбирая нужную пластину. — Должен сказать, я не слишком люблю таких заказчиц, как ты.

— Вот как?

— В тебе нечего исправлять. Такая девушка, как ты, и в мешке бы выглядела неплохо. — Он намеренно не отводил глаз от работы — вдруг она покраснела от смущения.

— Значит, вы предпочитаете уродство? — чуть хрипловато спросила Мэри.

— В каком-то смысле. Взять хотя бы корсет, что я сделал для миссис Лич, — вот это была работенка. Настоящий вызов природе. Видишь ли, Мэри, я могу придать фигуре такие очертания, какие захочу. И я стремлюсь к гармоничной симметрии. Мне нравится думать, что в этом отношении я совсем как мистер Адам. — Вполне возможно, девочка не поняла намек, решил он, и

добавил: — То есть мне кажется, я могу считать себя в некотором роде творцом женщин.

— О, так вы исправляете работу Создателя? — довольно нахально спросила Мэри.

Мистер Джонс задумался.

— Скорее продолжаю ее. Я беру то, что Он предоставил человеку, и довожу Его замысел до совершенства. — Он поднес к глазам белую изогнутую пластину, чтобы рассмотреть ее получше. — Но я люблю корсеты и сами по себе, как вещи. Их сложность… их силу.

— Да?

— То, как они удерживают все там, где нужно.

Мэри улыбнулась. У нее и в самом деле слишком пухлые губы, внезапно подумал он. Слишком полнокровные. Как там говорится? Какой у мужчины нос, такой и инструмент; какой у женщины рот, такая и…

Он покраснел и наклонил голову пониже.

Вошел Дэффи с целой охапкой коробок. От него пахло улицей, тяжелой работой на свежем воздухе.

Мистер Джонс поднял взгляд, чтобы задать ему какой-то вопрос, и увидел, что Дэффи пялится на Мэри Сондерс, а Мэри Сондерс, не отрываясь, смотрит на Дэффи. *Мэри и Дэффи*, подумал он

и отвернулся. *Дэффи и Мэри*. Словно в старой песенке.

За дверью взвизгнула Гетта, и тут же раздался сердитый окрик миссис Эш. Послышались быстрые легкие шаги — Джейн — и ее ласковый голос, успокаивающий ребенка, а заодно и няньку.

У него перехватило горло и слегка затошнило. Задрожали руки. Мистер Джонс положил нож. Он вдруг почувствовал себя старым и увечным. Нога, которую он потерял четверть века назад, снова заболела.

Нэнс Эш проснулась со странным ощущением — будто что-то давит ей на лицо и руки. Сегодня же Пасха, вспомнила она. *Христос воскрес.* Она попыталась пробудить в себе чувство радости, но ничего не вышло.

Пасха всегда была ее любимым праздником. В нем не было того легкомыслия или даже ветрености, как в Рождестве. Пасха была напрямую связана с болью и страданием, и весь ее смысл заключался в страдании, и торжестве над страданием, и в утешении, что следует за ним. Но сегодня утром в ее сердце было глухо, как в могиле, и надгробный камень был слишком тяжел, чтобы сдвинуть его с места.

Хозяйка была уже на ногах — миссис Эш слы-

шала ее шаги. По справедливости Нэнс Эш могла бы назвать ее доброй женщиной — даже если за все эти годы миссис Джонс много раз вставала на чужую сторону (последний и самый неприятный случай был с теми злосчастными обрезками) и к тому же имела склонность доверяться ложным друзьям, таким как Мэри Сондерс. Хорошая хозяйка; лучше многих — и не хуже некоторых. Не особенно благочестивая — но в то же время и не отъявленная безбожница. Женщина, сумевшая из ниоткуда (нет, не из ниоткуда, а с Бэк-Лейн, что гораздо хуже, мысленно поправилась миссис Эш) подняться до некоторых высот, и все за счет умения обращаться с иголкой и ниткой и брака с трудолюбивым мужчиной. *Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает*[16].

По причинам, ведомым Ему одному, Господь поставил миссис Джонс во главу семьи, дал ей надежного и любящего супруга. А ее, Нэнс Эш, он назначил этой женщине в служанки.

Миссис Эш никогда не приходило в голову ставить под сомнение Его святую волю. Он даровал ей прекрасных хозяев — хозяев, которые не прогнали ее после того, как иссякло ее молоко, но

---

[16] Сноски: 16
1 Цар., 2: 7.

держали при себе из милосердия. Из милосердия! Эти слова царапали ее язык, словно сухая корка хлеба, но, в конце концов, на что еще она могла надеяться? В тысячный раз миссис Эш заставила себя смириться и повиноваться. *Ангел Господень сказал ей: возвратись к госпоже своей и покорись ей*[17].

Все это можно вынести. Человек может перенести и куда больше — в надежде на воскрешение из мертвых.

Она оделась точно так же, как и в любой другой день. Принарядиться к Пасхе — вряд ли это может произвести впечатление на воскресшего Иисуса. Свернув на лестничную площадку, миссис Эш почти врезалась в лондонскую девчонку и Дэффи. Они были увлечены беседой и не заметили ее приближения. Между их лицами при этом было не более фута. При виде миссис Эш служанка и слуга отпрянули друг от друга; она почти видела чувство вины, повисшее в воздухе, словно пылинки в луче света.

— Доброе утро, миссис Эш, — оживленно произнес Дэффи. — Могу ли я первым поздравить вас с этим радостным праздником?

---

[17] Сноски: 17
Быт., 16: 9.

— Воскресение нашего Господа — это не карнавал, — процедила миссис Эш и протиснулась мимо. Ей даже не нужно было оглядываться, она и так знала, какое лицо сейчас у Мэри Сондерс — смесь наглости и непотребства. Какое нахальство — утвердиться под этой крышей затем, чтобы отвлекать молодого человека от исполнения своих обязанностей! Миссис Эш уже казалось, что Дэффи был образцовым юношей, пока лондонская девчонка не околдовала его своими черными глазами.

Что ж… им лучше быть поосторожнее. Потому что миссис Эш не собиралась закрывать глаза на эти обжимания по углам — в отличие от других. О, она прекрасно понимала, что они сейчас чувствуют; она помнила это ощущение еще со времен своей помолвки — нечестивое волнение, нетерпеливое ожидание. И это могло разрушить их в любую минуту, словно ураган.

На пасхальный обед у Джонсов был пирог с зайцем — благодаря Дэффи, который неожиданно раздобыл двух. Смазывая корочку желтком, миссис Джонс улыбнулась: дни поста окончились.

За последнее время миссис Морган дважды указала ей на то, что не видит их в церкви, — так что был самый подходящий момент, чтобы появиться

там всей семьей. В церкви Святой Марии женщины всегда сидели справа. Ради особенного случая миссис Джонс надела вставные зубы и теперь все время напоминала себе не улыбаться слишком широко, чтобы металл не отразил ненароком пламя свечи. Церковь была забита до отказа. Миссис Эш устроилась слева от хозяйки. Едва ли не в ту же минуту, как они вошли, она опустилась на колени и больше не поднималась. Бросив взгляд на ее низко склоненную голову, миссис Джонс вдруг ощутила прилив раздражения. Краем глаза она видела своего мужа и Дэффи слева, на мужской стороне. Дэффи смотрел в потолок, как будто пауки у него над головой занимались чем-то невероятно интересным. Мистер Джонс сидел чинно сложив руки на коленях, настоящий образец благочестия. Никто на свете не догадался бы, что всего лишь несколько дней назад он признался своей супруге, что англиканская церковь, по его глубочайшему убеждению, прогнила насквозь и что трудно придумать худшее место для воссоединения с божественным духом.

Миссис Джонс глубоко вздохнула и решила, что будет наслаждаться происходящим, несмотря на непривычное ощущение во рту — будто там слишком много зубов и они страшно ей мешают.

Она то и дело узнавала свою работу. Заметив миссис Теодозию Форчун, она подтолкнула Мэри локтем. На миссис Форчун была та самая накидка из тафты с фестончатым подолом, с которой они так долго возились. Миссис Хафпенни, в своей чудесной новой шляпке, деликатно посапывала носом — ее сморил сон. Миссис Джонс вытянула шею. Муж миссис Хафпенни сидел на противоположной стороне; что-то было вложено в его молитвенник, и он читал, смешно шевеля губами.

Забавная мысль пришла ей в голову. Все леди в Монмуте были словно бы ее куклами, ходячими манекенами, демонстрирующими ее наряды. Дамы потщеславнее вертели головой, будто голуби, пытаясь разглядеть, у кого на платье больше рюш. От всех этих ярких юбок, пышных перьев, разноцветных витражей маленькая церковь казалась красочной и свежей, словно блюдо с фруктами. Даже облачение Кадваладира было ярко-фиолетовым, словно синяк.

Проповедь посвящалась одежде.

— Разве женщина — это пустой сосуд? — печально вопросил Кадваладир. — Для чего она так заботится о своей внешней оболочке?

Миссис Хафпенни проснулась. Рядом с ней,

раздраженно подрагивая перьями на шляпе, восседала величественная миссис Моррис из Чепстоу. Она была должна Джонсам пять гиней — и еще бог весть сколько другим людям.

— Пустая трата времени и денег на платье приведет эту страну к нищете. Если только дамы… — его красный палец указал на скамьи, — по своей собственной воле не отринут тщеславие и не обратятся к трезвой бережливости.

Дамы зашевелились.

— И это говорит человек, торгующий спиртными напитками! — прошипела миссис Хафпенни.

— Этот парень пытается подорвать нашу торговлю, — прошептала миссис Джонс на ухо Мэри. Она никогда не слышала, чтобы дамам говорили неприятные вещи в лицо.

Должно быть, Кадваладир тоже понял, что зашел слишком далеко, потому что примерно на середине проповедь изменила направление. Внешняя чистота и опрятность означала чистоту внутреннюю; он даже пошел дальше и объявил, что красота творений Божьих прославляет и самого Творца.

— Но прежде всего Он требует от нас кристальной прозрачности души. — Кадваладир возвысил голос. — Чтобы люди Его были тем самым, чем

кажутся снаружи.

Миссис Джонс заметила, что Мэри выпятила подбородок. Кажется, священник ей сильно не нравился. Что за непредсказуемая девушка, эта дочка Сью Рис, подумала она. Впрочем, и сама Сью, мир ее праху, была подвержена частым сменам настроения и разнообразным причудам.

К тому времени, как проповедь закончилась, в церкви Святой Марии было жарко, как в печке. За запахом ладана и помады скрывался крепкий запах пота… и еще какой-то аромат, странно знакомый, темный и очень земной. Только когда толпа медленно двинулась к выходу, миссис Джонс вспомнила, что это за запах. За длинными рядами скамей находились усыпальницы знатных семей. В углу пол был вскрыт; над местом погребения возвышалась горка земли, засыпанная цветами и листьями. Должно быть, похороны были зимой — теперь, к февралю, зелень успела превратиться в слизь… и все это одуряюще, дерзко и всепобеждающе пахло жизнью.

* * *

— Иногда, — мечтательно произнес Дэффи, — когда у меня целый день выходной, я иду в Долину, в старое аббатство в Тинтерне. Там ни-

когда нет ни души. Я люблю лежать на траве и считать окна. И знаешь, у меня всегда получаются разные числа!

Они лежали рядом, на лугу Чиппенхэм-Медоуз, и лицо Мэри было всего дюймах в шести от лица Дэффи. Был чудесный, мягкий апрельский вечер. На своей щеке Мэри чувствовала его горячее дыхание — Дэффи был из тех людей, от которых словно бы всегда исходит облако жара. Оно чувствовалось даже сквозь сюртук из толстого сукна с подкладкой.

— А небо между этими старыми колоннами кажется таким голубым! Знаешь, на что это похоже, Мэри? Как будто мимо проходил великан и поднял крышу, чтобы посмотреть, что там внутри. Может, сходим в Тинтерн как-нибудь летом? Это довольно неблизко, но у тебя больше сил, чем ты думаешь.

Мэри рассеянно кивнула, почти не слушая. Она подперла подбородок кулаком и быстро взглянула на свою грудь, чуть выглядывающую из корсажа.

Дэффи уже рассказывал что-то о воронах, показывая на темнеющий горизонт.

— Они отправляются на поиски пищи поодиночке, в сумерках, — с увлечением говорил

он. — Но потом вожак созывает их всех домой. Иногда они гоняются друг за другом — просто играют. Но спят они всегда вместе, на одном большом дереве. Их сила — в количестве, понимаешь?

Мэри зевнула, перевернулась на спину и придвинулась еще чуть-чуть ближе, как будто бы ненароком. Краем глаза она заметила, как натянулись впереди панталоны Дэффи. Осознание собственной силы и власти бурлило в ней, словно вода в горном ручье. Я могу сделать так, что он встанет, как колос, подумала она.

О, этот восхитительный миг до того, как будет предъявлено требование, до того, как оно будет встречено отказом! Потому что, разумеется, она собиралась сказать ему «нет». Ей вовсе не хотелось ставить под удар свою новую жизнь ради того, чтобы поваляться в траве с Дэффи Кадваладиром.

Лучше ему даже не пробовать. Она не позволит ему ни единой вольности. Даже не нужно будет ничего говорить — она просто отпихнет его в то же мгновение, как он замолчит и навалится на нее. Потому что такое происходит с каждым мужчиной. Для старых и молодых, скромных и наглых, куртуазных и грубых — для всех них

наступает секунда, когда то, что происходит у них в штанах, оказывается гораздо важнее того, что происходит в голове. В такие моменты даже самый галантный джентльмен способен подмять под себя девушку, словно она не более чем соломенный тюфяк. Они не в силах это превозмочь — такова их низменная природа. И расстраиваться по этому поводу тоже не стоит. Как там говорила Куколка? *Они будут делать это с козой, если не найдут женщину. Они будут делать это с дыркой в стене!*

Она не заметила, как Дэффи замолчал — как будто у него внезапно кончились слова. И тут он сделал очень странную вещь — протянул руку и коснулся ее щеки, очень нежно и аккуратно, словно смахивая невидимую пылинку. Мэри вдруг вспомнила Куколку в то самое, первое утро, как она отерла грязь с лица чужой потерявшейся девочки.

У нее перехватило горло. Если бы они могли навечно остаться в этом мгновении, в высокой траве, в последних лучах солнца, ласкающих монмутские луга. Без всяких просьб, без всяких отказов. Чтобы этот странный, робкий юноша смотрел на нее так, будто она действительно чего-то стоит.

В конце концов, все всегда сводится к цене, напомнила себе Мэри. Когда зерна много, цена хлеба падает. Когда женщина отдает что-то мужчине, она дешевеет, а мужчины хотят только то, что не могут себе позволить. Несмотря на всю ученость Дэффи, она была уверена, что в итоге он поведет себя так же, как все другие. Он может говорить сколько угодно приятных слов — Мэри точно знала, что ему от нее нужно. *Дырка в стене*.

Никогда в жизни Мэри Сондерс не отдавала ничего задаром. Не собиралась она делать этого и сейчас. Огрубевшие пальцы Дэффи коснулись ее губ, и она приготовилась решительно отвергнуть его притязания.

— Будь моей женой, — просто сказал он.

Мэри поднялась так стремительно, что оцарапала локоть. Мир завертелся у нее перед глазами.

— Что?

— Разве ты не слышала? — Он покраснел.

У нее кружилась голова, почему-то тошнило, и она не нашла ничего лучше, чем рассмеяться. Дэффи закрыл ее рот рукой.

— Дай мне сказать, — торопливо проговорил он. — Дай мне минуту. У меня есть очень разумный план.

— Глупости.

— Нет. Нет. Послушай же. Я осмотрительный человек…

— Ты дурень, у которого распухло в штанах!

Он растерянно заморгал. Очень хорошо; пусть знает, какой грубой она может быть. Пусть поймет, насколько невозможно то, о чем он просит.

Дэффи встал на одно колено и сцепил руки.

— Я клянусь… я клянусь, что дело не только в… влюбленности. Мне кажется — не сейчас, а уже некоторое время, — поправился он, — что у нас с тобой много общего.

Мэри криво улыбнулась. Значит, вот как он это называет?

— Я хочу сказать, на первый взгляд у нас обоих нет возможности добиться признания в обществе — пока нет, — поспешно добавил он, — но если поразмыслить, наше нынешнее положение довольно выгодно.

— Дэффи, бога ради, о чем ты говоришь?

Он откашлялся.

— Я знаю, ты любишь эту семью, и я тоже их очень люблю, но все же они не могут ожидать, что мы останемся с ними навсегда. Что я хочу сказать… к концу года я смогу открыть свое собственное дело, стать мастером по изготовлению

корсетов. А ты — ты же почти настоящая портниха, разве нет? И миссис Джонс всегда говорит, что ты схватываешь все на лету. Значит, пройдет совсем немного времени и мы сможем…

— Пожениться? — помолчав, спросила Мэри.

Дэффи закивал с такой силой, что она побоялась, как бы у него не оторвалась голова.

— Я бы хотел… — начал он, с трудом подбирая слова, — быть таким мужем, который не только… возлюбленный, но и друг. Ты меня понимаешь? Я предлагаю быть… партнерами. Во всех смыслах этого слова.

Ее мысли лихорадочно заметались. Она ему нравится, он хочет ее, он, так же как и она, не боится тяжелой работы и стремится к большему. Разве это не есть состояние само по себе? Что было у Джонсов, когда они начинали? Только чувства друг к другу, ремесло и желание подняться выше.

— Я знаю, ты еще очень молода, — снова заговорил Дэффи. — И если ты захочешь, мы можем подождать. Надеюсь только, что не очень долго. То есть если ты скажешь «да».

Мэри опустилась на траву. Ее сердце билось как сумасшедшее.

— Пожалуйста, — добавил он. — Я забыл ска-

зать, пожалуйста! Я все обдумал. Я только об этом и думал! Я несколько недель не брал в руки книгу!

Мэри расхохоталась. Ее черные глаза встретились с его светло-голубыми.

— А что же Гвин? — спросила она, растягивая удовольствие.

Его щеки были темно-красными, а парик съехал на сторону.

— Я никогда не чувствовал такого прежде, — просто сказал он. — Я даже не думал, что это вообще возможно.

Каково это, быть с таким мужчиной? В мечтах о своем блистательном будущем Мэри не представляла себе ничего подобного. Перед ней была возможность отринуть свое старое «я» раз и навсегда. Она может снова стать обычной девушкой, а потом обычной женой. В конце концов, все дороги ведут именно в этот город. Так кончаются все истории на свете.

— Может быть, — выдохнула она.

— Да? — Его голос был хриплым, словно у солдата в разгар битвы.

— Может быть, да.

Глава 6. Опавшие лепестки

— И не забудь про рябину.

— Рябину? — переспросила Мэри, перевязывая прутиком растрепавшуюся ручку корзины.

— Чтобы прибить ее над дверью, — терпеливо объяснила миссис Джонс. — Это отгоняет от дома ведьм.

Мэри округлила глаза и беспомощно пожала плечами:

— Как скажете.

Была Вальпургиева ночь, и миссис Джонс освободила Мэри от работы над бесконечным подолом муслиновой накидки миссис Воган с тем, чтобы она сходила в лес и нарвала цветущих веток.

— Это впускает в дом лето, — полушутя-полусерьезно объяснила она. — Если мы не украсим дом зеленью до утра, то на деревьях не завяжутся плоды.

И в самом деле, подумала Мэри. В мире полно странных вещей. Какой вред от того, чтобы прибить на стены несколько зеленых веток?

Стоял теплый вечер, и на реке было полно лебедей и чаек. Деревья тряслись от криков ворон. На пути то и дело попадались какие-то пышные

лиловые кусты, и, только подойдя поближе и вдохнув их аромат, Мэри узнала их. Сирень. Ей вспомнились корзины в Ковент-Гарден и сладкий запах, перебивавший вонь гнилых фруктов под ногами. Она углубилась в лес. Старое дерево с рассохшейся корой ожило и зазеленело; сквозь трещины пробивались молодые побеги, жадно стремясь к свету, к солнцу.

Она вышла на полянку. Несколько местных отсекали ветки от огромной поваленной березы, размером с четырех высоких мужчин. Джаррет Смит поднял голову и отер лоб, заодно размазав по нему несколько мошек.

— Как тебе нравится наше майское дерево, Мэри Сондерс?! — крикнул он.

Мэри улыбнулась.

— Надеюсь, этот шест для тебя достаточно длинный! — выкрикнул кто-то еще и захохотал.

Кто это сказал? Может быть, тот рыжий сзади — некоторые из этих мужчин были ей незнакомы. Но они явно знали ее. Мэри прибавила шагу; ее сердце заколотилось. Возможно, сегодня они говорят такое всем женщинам — все цветет и зеленеет и сезон сальных шуточек в разгаре.

«Никакой опасности нет, — напомнила она себе. — Мне еще нет шестнадцати, и я девствен-

ница без всякого прошлого. Моя единственная тайна — то, что я помолвлена с Дэффи Кадвала-диром, двадцати лет, слугой и вполне достойным молодым человеком».

Нет ничего невозможного.

Мэри не знала, какое из деревьев — рябина, и стала ломать все подряд. Если принести домой всего понемногу, то точно не просчитаешься, решила она.

Сзади хрустнула ветка, и она обернулась. Дэффи, с сияющим, как римская свеча, лицом, смотрел на нее и улыбался.

— Ты что, за мной подглядываешь? — строгим голосом спросила Мэри.

— Миссис Джонс послала меня помочь донести твою корзину.

— Ничего она тебя не посылала!

— А вот и посылала!

— Значит, она все знает.

Дэффи подошел поближе и ткнулся щекой ей в губы.

— Она невероятно романтичная особа.

— Она не может знать, — встревоженно возразил он. — Я не говорил никому ни слова. Мы же договорились — никому до Рождества.

— Но у нее есть глаза, — заметила Мэри. — Да

это прямо витает в воздухе. Посмотри — каждая птаха и каждая травинка в этом лесу ищет себе пару. Такое время.

Он молча высвободил из-под накрахмаленного чепца ее длинные темные волосы и уткнулся в них лицом. Его горячее дыхание обжигало ее затылок. И вдруг, первый раз в жизни, Мэри ощутила *это*. Трепет в животе, волнение, острое и пронзительное, словно птичья трель. Должно быть, это то самое, что чувствовала Куколка со своим плотником. То, что чувствуют обычные женщины в объятиях обычных мужчин.

Может быть, это и в самом деле такое время — все цветет, все стремится соединиться? Или дело в том, какие ласковые у него пальцы? Ее била крупная дрожь. Нельзя было терять ни секунды. Она рванула пуговицы на его панталонах; одна с треском отлетела в кусты.

— Подожди, — задыхаясь, прошептал Дэффи.

Она ничего не ответила. К чему? Растрепавшиеся волосы лезли ей в глаза. Она уже не заботилась о том, что выдаст себя своей прямолинейностью, что ее пальцы действуют с заученной легкостью шлюхи. Все, что сейчас имело значение, — удержать этот трепет внутри, ухватиться за него, пока он не исчез навсегда.

Она оказалась сверху, потом они поменялись местами. В его парике была какая-то труха и прутики, ее каблук запутался в плетях плюща. Вокруг стоял ошеломляющий, пьянящий запах раздавленных цветов. Его губы все время двигались, будто он пил из невидимой бутылки сладкое вино, а ноги подрагивали.

Она направила его в себя, поглотила его. Его тело вдруг напряглось и замерло. Только в этот миг она осознала, что он никогда не делал этого раньше. Такой новичок конечно же не мог распознать, что она не девственница. Она испытала радость и отвращение одновременно. Он был совсем близок к триумфальному завершению, и она приготовилась впитать его, разделить его восторг.

Но все оказалось совсем как всегда. Соприкосновение. Временное соединение. Она не почувствовала ничего. Ее тело молчало. Она была за миллионы миль отсюда. *И вполовину не такой большой, как у его папаши, а?* — отметила Куколка у нее в голове.

Мэри зажмурила глаза. Ее собственные мысли вызывали у нее омерзение.

Все заняло считаные минуты.

— О, Мэри! — выкрикнул он ей в ухо. — О, Мэри,

о, Мэри, о, Мэри…

Он обрушился на нее всем своим весом, как любой другой мужчина… все та же тяжесть и невозможность дышать, то же липкое ощущение между ног, тот же холодок. Мэри невыносимо хотелось спихнуть его с себя, однако у нее все же хватило милосердия просто лежать спокойно.

Наконец Дэффи поднял голову. Глаза у него были мокрые.

— Это был самый счастливый час в моей жизни, — хрипло шепнул он.

Мэри вытянула шею и неуклюже поцеловала его в глаз. Невозможно, все это совершенно невозможно.

Он поднялся на колени и пошарил вокруг себя, в надежде отыскать потерянную пуговицу.

— Давай приходить сюда, на это самое место, каждую Вальпургиеву ночь, до конца наших дней.

Мэри перестала отряхивать юбку.

— Но, Дэффи, — осторожно начала она, — мы же не останемся в Монмуте навсегда.

— Где же еще нам быть?

У нее в голове вдруг застучало — словно сторож загремел своей трещоткой, предупреждая об опасности.

— Но здесь нам не будет места.

— Монмут растет, — бодро заявил Дэффи. — Очень скоро здесь будет достаточно места для двух портних и для двух корсетных мастерских. Возможно, начинать нам придется в каком-нибудь другом городе в Валлийской марке, но очень скоро мы сможем вернуться домой.

Домой. Ее рот наполнился горькой слюной. Вот где ловушка. Теперь она все поняла.

— Для меня это Лондон, — почти грубо сказала Мэри. — Я не знаю другого дома. Я лондонская девчонка.

Дэффи терпеливо покачал головой, словно разговаривал с неразумным ребенком.

— Уже нет, моя милая. Если бы ты только видела, как ты изменилась…

От гнева у нее потемнело в глазах.

— Я такая же, как всегда! А что касается тебя — я думала, у тебя есть хоть капля честолюбия! Я и понятия не имела, что ты намереваешься влачить жалкое существование в паршивом вороньем городишке!

Он побледнел.

— Если этот город достаточно хорош для Джонсов…

— К чертовой матери Джонсов! — выкрикнула

Мэри. — Я хочу большего. Я не желаю становиться миссис Джонс для бедных!

Дэффи сцепил пальцы так крепко, что они побелели. У него было странно-болезненное выражение лица, будто у человека, который пытается припомнить второй куплет песни.

— Мэри, — взмолился он. — Пусть даже мы отбросим остальное в сторону, но… подумай, как нам растить детей в большом городе?

Она уставилась на него. На долю секунды она забыла, как мало он о ней знает. Он даже не представляет себе, кто она такая на самом деле: прожженная шлюха. Бесплодная тварь. Его наивность была настолько же отвратительна, насколько ее ложь.

Между ними не было ничего общего, теперь Мэри видела это совершенно ясно. Они были совместимы не более чем вода и масло. Они хотели от жизни разного, и у них были разные пути для того, чтобы добиться своих целей. В этой истории не было места для старого доброго «и они жили долго и счастливо…». Почему же она не видела этого раньше? Как она могла быть такой дурой?

— Я совершила ошибку, — тихо сказала Мэри и нагнулась, чтобы подобрать корзину.

— Что ты хочешь сказать?

— Я не могу стать твоей женой.

— Пока нет, я знаю, — заикаясь, выговорил он. — Но со временем…

Как ей вообще могло прийти в голову, что она способна выйти замуж за такого скучного, ничем не примечательного человека?

— Никогда, — бросила Мэри и устремилась прочь.

Джон Ниблетт привез новость, что война с Францией после семи долгих лет наконец окончена и что правительство приказало устроить празднования в каждом городе. Но мистер Джонс, весь вечер читавший «Бристоль меркюри», за оладьями на ужине вдруг заявил, что этот так называемый мир на самом деле позор и бесчестье.

— Мы побили этих собак вчистую, а теперь отдаем им Гваделупу и Мартинику!

Мэри с удовольствием прогулялась бы до Чиппенхэм-Медоуз, где устраивался большой костер — и, по слухам, танцы, — но боялась столкнуться там с Дэффи. Все эти дни он ходил с красными глазами и все время пытался приблизиться к ней, будто собирался сделать какое-то важное, решительное заявление. Но Мэри делала все, чтобы не оставаться с ним наедине. Что бы он ни сказал, это все равно ничего бы не изменило.

Через пару недель все лепестки на цветущих деревьях опали, и они снова стали казаться голыми. Миссис Джонс сказала, что в это время года ей всегда бывает грустно — ведь цветение оканчивается так быстро. Ветки, прибитые к стенам дома, вскоре засохли, но их запах стал только сильнее.

Для Эби, однако, в нем всегда чувствовалась гниль. В одну из теплых майских ночей она лежала на кровати и смотрела в окно. Ставни были раскрыты, чтобы впустить в комнату свежий воздух; был виден только прямоугольник темно-синего неба. Мэри Сондерс вдруг испустила длинный прерывистый вздох.

— Ссорилась с твоим парнем? — поинтересовалась Эби.

Мэри быстро повернулась к ней:

— С каким еще парнем?

Эби хмыкнула. Взглядами, которые бросал на нее Дэффи в последнее время, можно было разжигать костер.

Мэри снова отвернулась.

— Он не мой парень, — тихо сказала она в темноту.

Что означало — да. Поссорились, и еще как. Эби промолчала. Иногда молчание звучало громче,

чем любой вопрос.

— Кроме того, — Мэри перевернулась на спину и уставилась в потолок, — я уверена, что добьюсь большего в одиночку, а не с этим глупым теленком. Все равно я уеду.

— Куда?

— Не твоего ума дело.

Эби снова замолчала. Мэри Сондерс всегда огрызалась; она уже привыкла не обижаться и обращалась с девчонкой, словно с кошкой, у которой не в меру острые когти.

— В Лондон, куда же еще, — наконец выговорила Мэри. Как будто темнота вытягивала из нее слова.

— Когда?

— Не в ближайшее время, но когда-нибудь. Какой смысл возвращаться, пока у тебя нет хорошей одежды и денег? Явиться в этот город с пустыми руками — все равно что лечь посреди дороги, чтобы тебя переехала ломовая телега, — презрительно добавила Мэри.

Эби закрыла глаза и вдруг перенеслась в Бристоль, в тот самый день девять лет назад, когда корабль с Барбадоса причалил к английскому берегу. Шел самый холодный дождь на свете. Кожа на ее шее, в том месте, где ее касался мед-

ный ошейник, была содрана и саднила. Улицы были шириной с раскинутые руки и кишели людьми, словно мусорная куча — крысами, и все лица были белыми. Эби стояла в стороне, ожидая, когда доктор соберет все свои многочисленные сундуки. Мимо с грохотом промчалась огромная повозка, и в какой-то миг Эби захотелось выступить на дорогу и броситься прямо под колеса. Что же ее тогда остановило? Трусость? Или страх, что ее дух, освобожденный от тела, затеряется на этих перепутанных улицах и никогда не найдет дорогу домой, в Африку?

— Я спросила жалованье, как ты сказала.

— О, вот как? — оживленно заметила Мэри. — Я думала, ты ни за что не решишься. И что же?

Эби молча покачала головой.

Мэри возмущенно фыркнула.

— Одна девушка в Лондоне как-то сказала мне, что хозяева — это все равно что клиенты.

— Клиенты?

— Ну… мужчины, которые ходят к шлюхам, — нетерпеливо объяснила Мэри. — Вот хозяева — они точь-в-точь как эти мужчины. Используют тебя и отбрасывают в сторону, словно ненужную бумажку. Что он сказал, когда ты его спросила?

— Она, — поправила Эби. — Была хозяйка.

— О… — Мэри секунду подумала. — Я думала, это будет хозяин. Но все равно, миссис Джонс не сказала бы ничего, что идет вразрез с его волей, не так ли? В конце концов, жена — это всего лишь нечто вроде старшей служанки.

— Может, мне подарок на Рождество, — бесцветным голосом сказала Эби.

Мэри вдруг нашарила ее руку и крепко сжала. Это было странное ощущение — неловкое и в то же время очень успокаивающее. Эби попыталась припомнить, когда ее последний раз держали за руку — просто так, не заставляя что-либо делать.

Тонкие пальцы Мэри погладили шрам у нее на ладони.

— Как это случилось? — прошептала она. — Я знаю, что это был нож, но как это произошло на самом деле? Это было давно?

Эби тихонько вздохнула. В глубине души она надеялась, что, если промолчит достаточно долго, Мэри просто уснет. Но рука, сжимавшая ее ладонь, так и не ослабела.

— Я вошла в дом, — начала она.

— В этот дом?

— Нет, нет. Большой дом, на Барбадосе. Была из домашних рабов тогда. Легче. Осталась жива, знаешь. Работала в поле — не осталась бы.

— Продолжай.

Эби поежилась. Она никогда не облекала эту историю в слова — а уж тем более в английские слова.

— И вот. Дверь открыта.

— Да?

— И хозяин на полу, весь в крови.

Мэри слегка присвистнула.

— В глазу большой нож. Страшно. Очень ужасно.

— И что ты сделала?

— Хотела вытащить, но он застрял. Крепко сидел.

— Фу!

Эби болезненно усмехнулась.

— Прибежали соседние мужчины и нашли меня с кровью.

— На руках?

— Везде.

— И они подумали, что это сделала ты? — Мэри приподнялась на локте.

— Они уверены, — поправила Эби. — Из-за крови. И они хотели… как это? После убийства?

— Суд?

Эби замотала головой.

— Они хотели «да». «Да», что я убила.

— Признание?

— Да, это слово. Но я не сказала «да». Я не убивала. Была не я.

— И они тебя отпустили?

Эби посмотрела в черный потолок. Какой смысл ворошить прошлое, если эта девчонка даже не представляет себе, какая жизнь была там, на островах?

— А дальше? — требовательно спросила Мэри, как ребенок, которому недорассказали сказку на ночь.

— Они положили меня на кухонный стол, — с усилием выговорила Эби. — И сказали: сейчас они воткнут нож в одно место, потом в другое, потом в другое, пока я скажу «да». А потом убьют меня быстро.

Повисла тишина. Мэри была потрясена.

— Господи, — прошептала она.

— Начали с руки, — закончила Эби и наконец высвободила свою ладонь.

— Что же помешало им закончить?

— Пришел еще другой соседний мужчина и сказал: они поймали мужчину с кровью на рубашке.

— Какого еще мужчину?

— Кто убил. Был хозяйский кошелек у него в

кармане.

— Он поспел вовремя!

Эби хмыкнула.

— Ты ничего не знаешь.

— Ну так расскажи мне!

— Потом они отвезли меня на торги, продать и заплатить за похороны хозяина.

— И сколько за тебя дали?

— Двадцать фунтов, — сообщила Эби.

Почему она молчит — потому что сумма произвела на нее впечатление или, наоборот, показалась пустяковой?

— Могла больше, — добавила она. — Но была кровь из руки.

Мэри ничего не ответила. Кажется, она все же уснула.

В конце концов Эби была рада, что рассказала эту старую историю. Так она казалась менее страшной, и было гораздо легче завернуть ее в слова и убрать подальше. Она улеглась поудобнее, засунула голову под подушку и принялась ждать, когда придет сон.

В день рождения Мэри случилось так, что в Монмут со скачек вернулся мистер Ченнинг и полностью заплатил Джонсам по всем счетам, которые ждали его целых девять месяцев. Чтобы

отпраздновать оба события, мистер Джонс велел жене достать бутылку лучшего порто, что хранилась в кладовой. Мистер Ченнинг выпил всего одну рюмку и уехал, но мистер Джонс еще долго сидел за столом и провозглашал тосты за короля, за свою страну, заказчиков и за всю свою семью.

— За нашу служанку Мэри, лучшую из всех юных дев, с самыми сердечными поздравлениями в ее шестнадцатый день рождения.

Все подняли стаканы.

— За Генриетту Джонс, — объявил мистер Джонс немного погодя. — Молодую леди, которую ждет оглушительный успех!

— Почему оглушительный? — спросила Гетта, дергая отца за рукав.

— Потому что ты слишком много шумишь, — заметила миссис Эш, не отрывая глаз от Библии.

— Нет, моя дорогая, — поправил мистер Джонс и усадил девочку на колени. — Это означает, что ты вырастешь очень красивой и все будут тебя любить.

И в самом деле, подумал он, с нежностью глядя на белокурую головку. Он не смог бы желать лучшей дочери. И для большинства мужчин этого было бы более чем достаточно. Имея такую дочь, они не просыпались бы среди ночи от снов,

как они едут в карете рядом со своим красивым взрослым сыном.

Гетта запрыгала.

— Папа, куда подевалась твоя нога?

Это была ее любимая игра.

Мистер Джонс удивленно посмотрел на дочь.

— Разве я тебе не говорил? Однажды ночью я крепко уснул, и ее отгрызла большая крыса.

Гетта завизжала от страха и восторга.

— Нет!

— Да. Ты никогда не чувствовала, как по ночам кто-то гложет твои маленькие пальчики?

— Не пугай ребенка, — с улыбкой вмешалась миссис Джонс.

После девятой рюмки мистер Джонс почувствовал, что его голову окутал приятный туман. Слова выливались из него будто сами по себе. Он даже настоял на том, чтобы и Гетте смочили губы порто — «чтобы она ощутила вкус к самому лучшему». Миссис Джонс и миссис Эш ушли, чтобы уложить девочку в постель, но мистер Джонс чувствовал, что у него нет сил подняться со своего кресла. Оно казалось невероятно, сказочно удобным; каждый волосок набивки будто бы льнул к его телу. В конце концов возле стола остались только он и служанка Мэри. Подперев

щеку кулаком, она слушала разглагольствования хозяина.

— О, у меня большие планы, Мэри. Поистине грандиозные. Через несколько лет я приобрету еще и мануфактурную лавку. И тогда Джонсы из Монмута будут известны как самые крупные поставщики портновских услуг к западу от Бристоля. — Он с удовольствием прислушался к собственным словам.

— Через несколько лет — сколько это? — спросила Мэри.

Он беззаботно пожал плечами.

— К тому времени, как родится наш сын.

Она как будто бы насторожилась, но он продолжил:

— Умные люди говорят, наше дело должно вырасти в цене раза в три.

— В самом деле, сэр?

Кажется, в ее голосе прозвучало сомнение? Иногда Мэри отвечала слишком сухо, почти резко — совсем как ее мать, Сью Рис. Чего мистер Джонс не позволял себе в присутствии супруги — так это вспоминать о том, что ему никогда не нравилась ее лучшая подруга.

— Гетту мы отправим в школу для молодых леди, а мой сын вырастет настоящим джентльме-

ном, — заявил он.

— Как вы можете быть в этом уверены? — с любопытством спросила Мэри.

— Я найму ему лучших учителей и…

— Нет, я… — Она явно не знала, как выразить это потактичнее. — Откуда вы знаете, что у вас еще будут дети?

Мистер Джонс широко улыбнулся. Порто бурлило у него в крови, и все тело как будто бы пело.

— Моя жена еще молода. С Божьей помощью… — Он облокотился о стол и придвинулся совсем близко. — Он мне должен, — прошептал он.

Мэри откинулась назад.

— Ты понимаешь? — Мистер Джонс никогда не говорил об этом вслух. Единственный раз, когда он попытался объяснить свою теорию жене, она заткнула уши и сказала, что это чистое святотатство. — Это нечто вроде… *сделки.*

Мэри бросила на него настороженный взгляд.

— Я понимаю это так, — запинаясь, выговорил он. — Господь задолжал мне за ногу.

Он снова расплылся в улыбке, и она невольно улыбнулась в ответ.

— В конце концов будет ясно, что оно того стоило. — Он посмотрел на свою подвернутую штани-

ну. — Каждый раз, когда болит эта плоть, которой больше нет, я напоминаю себе об этом. У меня будет сын, которым я буду гордиться, и состояние, чтобы сделать его достойным джентльменом. Он станет адвокатом или доктором, и будет ездить в карете, запряженной шестеркой лошадей, и у него будут лакеи, одетые в ливрею! — Мистер Джонс рассмеялся, но в действительности он никогда еще не был так серьезен. — Так и будет, Мэри, говорю тебе! Разве не был этот знаменитый стихоплет сыном торговца льняными товарами?

Мэри нахмурила брови.

— Ты знаешь, о ком я. Мистер Потт? Пост? Понд? Поэт. — Его мысли словно разбегались в разные стороны.

— Поп?

— Точно. Вот умница. Крошечный человечек, горбун, ростом не выше нашей Гетты.

— В самом деле?

— В самом деле, — заверил мистер Джонс. — И разве это помешало ему прославиться? Ничуть. — Он неожиданно зевнул. — А что же ты, моя девочка? Какие мысли владеют тобой в этот праздничный день? — добродушно спросил он и наклонил свою рюмку, чтобы вытряхнуть из нее последние капли.

— Я?

— Каковы твои… устремления? Если они у тебя есть? — Мистер Джонс заглянул ей в лицо. Эта девочка была бы настоящей красавицей, подумал он, если бы улыбалась почаще. — Шестнадцать лет — возраст еще юный, но в один прекрасный день ты выйдешь замуж, обзаведешься семьей. — Он наклонился ближе. — Наверное, ты уже положила глаз на какого-нибудь крепкого валлийца, а?

— Нет, — холодно ответила Мэри.

Вероятно, он ошибался в отношении ее и Дэффи. Судя по тому, как они перебегали из комнаты в комнату последнее время, стараясь не оставаться наедине, они с трудом выносили общество друг друга.

— И тем не менее никогда не знаешь, что может случиться, — ласково заметил он. — Я расскажу тебе одну чудную историю, про моего знакомого джентльмена. Несколько лет назад он путешествовал по Африке и поймал там одного черного. И привез его в свою деревню, Долгеллау. И научил его английскому и валлийскому, и назвал его Джон Истанллин — и в конце концов парень стал произносить свое имя не хуже любого валлийца! Теперь он садовник и управляющий и ухаживает

за одной из служанок, как я слышал.

По ее лицу было видно, что она ничего не поняла.

— Видишь ли, Мэри, человеку может казаться, что ему выпала незавидная доля, но, если терпеливо нести свою ношу и стараться изо всех сил, можно добиться большего.

Мэри покачала головой.

— Я вернусь в Лондон, — ровным тоном сказала она.

— И поступишь в услужение там?

Она отвернулась и прикусила большой палец.

— Может быть, я стану актрисой.

— Актрисой? — Уголки его рта невольно дрогнули.

— Или женой богатого человека. Словом, кем-то, кто может целые дни напролет носить шелковые платья. Что позволит мне… возвыситься над толпой.

Мистер Джонс почувствовал, что его добродушный настрой вдруг улетучился. Он выпрямился; его голова гудела, а во рту был кислый привкус.

— Девочка, твои слова меня очень огорчают.

Ее глаза были темными и круглыми, словно камешки на дороге.

— Разве твоя мать не научила тебя не забывать

о том, кто ты и где ты?

Мэри все так же смотрела на него. Иногда она казалась почти слабоумной.

— Должно быть, это выпивка ударила тебе в голову. Или вино для тебя слишком крепкое. Ты говоришь о своем будущем так, будто это игра с переодеванием.

— Это не игра.

Он решил, что следует быть помягче.

— Моя дорогая девочка, сейчас ты служанка. И скорее всего, ею ты и останешься, в том или ином виде, замужем или незамужем… до конца своих дней.

— Значит, вы никогда не читали писем Памелы Эндрюс? — пронзительно спросила она. — Она была простой служанкой, но в конце заполучила лорда.

Мистер Джонс рассмеялся.

— Мэри, Мэри… но это всего лишь выдумка.

Она отвернулась, как будто не хотела этому верить. Что это, неужели девчонка плачет? Мистер Джонс взял ее за рукав. Под тонкой тканью чувствовалась ее теплая кожа.

— Моя дорогая… это словно большая река, — ласково сказал он.

Она обернулась. Ее глаза были совершенно

сухими.

— Что — словно большая река?

— Общество. — Мистер Джонс попытался собраться с мыслями. Он слышал это в какой-то проповеди, скорее всего у Джо Кадваладира. Надо бы, конечно, быть потрезвее, чтобы внятно растолковать ей эту теорию, подумал он. — Некоторые плавают на поверхности воды. Их греет солнце, они свободно расстилаются во все стороны, как водоросли. Другие — как я и моя семья — находятся где-то посередине. — Он заговорил живее. — Мы начинаем в темноте…

— На Бэк-Лейн, хотите вы сказать?

Он нахмурился.

— К примеру, да. Но волей Божественного Провидения мы продвигаемся сквозь толщу воды наверх, ближе к солнцу. Если только на пути у нас не возникнет какое-либо препятствие.

— А где же я? — подозрительно тихо спросила Мэри.

— Полагаю, на дне реки. — Мистер Джонс смущенно пожал плечами. Правильно ли он поступает? Нельзя ли объяснить все это более деликатно? — Ты и твое сословие составляют фундамент, на котором стоит все наше общество.

Она чуть вздернула густую бровь.

— Но подумай о преимуществах своего положения, Мэри, — бодро заметил он. — Тебе не нужно поддерживать свое знатное имя, добывать на это средства… ты свободна от тех волнений, что терзают тех, кто выше тебя.

— Значит, вы лучше меня, мистер Джонс?

Она смотрела ему прямо в глаза. За такую дерзость девчонка вполне заслуживала пощечины, но он был не из таких хозяев. Кроме того, вопрос был справедлив.

— Возможно, и нет, Мэри, — наконец сказал он и облизнул края рюмки, — но Господь поставил меня выше тебя. — Он помолчал и добавил: — Я не хочу с тобой спорить, особенно в твой день рождения.

— Я тоже, сэр.

— Я знаю, что ты хорошая девочка.

Она улыбнулась — очень странно, даже загадочно.

У него закружилась голова. Сделав над собой усилие, он все же поднялся.

— Оставить тебе фонарь?

— Не нужно.

Прихватив фонарь, мистер Джонс заковылял к спальне. Желтый круг света прыгал по стенам. В дверях он оглянулся. Мэри Сондерс стояла у окна

и смотрела на убывающую луну.

На следующий день, после ужина, Мэри заметила, что у миссис Джонс снова болезненный вид. Она то и дело прижимала к губам край передника.

— Что такое, моя дорогая? Пиво снова не пошло тебе на пользу? — спросил мистер Джонс.

Такую возможность упускать было нельзя. Мэри встала так быстро, что толкнула стол.

— Я могу принести вам свежего сидра, мадам, — предложила она.

Миссис Джонс растерянно моргнула.

— О, тебе в самом деле нетрудно, Мэри? Полагаю, он бы очень помог моему желудку.

На середине Грайндер-стрит Мэри пошла помедленнее. Незачем привлекать к себе излишнее внимание. Она — приличная девушка, служанка, которую хозяева летним вечером послали с вполне приличным поручением. Ее подмышки были мокрыми от пота.

Сзади раздались чьи-то шаги. Увидев, кто это, Мэри отвернулась и почти побежала.

— Ради бога! — выкрикнул Дэффи. — Почему ты не хочешь со мной говорить?

— Нам не о чем разговаривать.

— Это из-за того, что мы сделали в лесу? — за-

дыхаясь, спросил он. — Я вовсе не хотел воспользоваться обстоятельствами. Когда я смотрю на миссис Джонс и думаю, как бы она разочаровалась…

— Она ничего не знает, — холодно заметила Мэри.

Он кивнул.

— Тогда в чем причина? В Лондоне? — В его голосе послышалось отчаяние. — Я мог бы… можно подумать о том, чтобы пожить там, но недолго, год или два. Только пока не родится наш первенец.

— Забудь об этом, — сквозь зубы процедила Мэри. — Забудь обо мне.

— Но как? — почти прорычал он. — Мы спим под одной крышей.

— Мы друг другу не подходим. — Она повернулась, чтобы он увидел ее каменное лицо. На самом деле она хотела быть с ним помягче, но это только продлило бы его страдания. — Видишь ли, я не такая, как Гвин.

— Так дело в этом? — В нем снова взметнулась надежда. — В том, что раньше я ухаживал за другой девушкой? Потому что если ты боишься…

Мэри покачала головой и почти улыбнулась.

— Я — не то, что тебе нужно.

Он открыл рот, чтобы возразить.

— Поверь мне, — серьезно сказала она. — Если бы ты знал меня получше, ты бы и сам не захотел иметь со мной дело.

Она развернулась и решительно направилась прочь. Некоторое время Мэри прислушивалась, не идет ли Дэффи за ней, но все было тихо.

Решение было принято. Пьяная лекция мистера Джонса окончательно убедила ее в том, о чем она и так догадывалась. Она никогда не попадет туда, куда хочет, оставаясь простой служанкой. Как бы старательно ни карабкалась она вверх по лестнице, эта лестница обязательно сползет в грязь или кто-то, кто стоит ступенькой выше, отдавит ей пальцы. И она никогда не наберет денег на триумфальное возвращение в Лондон, если не вернется к старому ремеслу. В конце концов, какой смысл посвящать всю жизнь одному хозяину, когда можно сдать себя внаем многим? Ей казалось, что она сможет забыть о прошлом, перечеркнуть свое старое «я», но это были всего лишь глупые мечты. *Когда сомневаешься,* сказала Куколка у нее в голове, *делай то, в чем точно уверена.*

Сегодня Кадваладир налил ей пинту сидра собственноручно. Время от времени он вопроси-

тельно посматривал на Мэри, ожидая, что она заговорит первой. Двое парнишек рядом играли в какую-то игру с монетками. Они вполне могли услышать их разговор.

— У вас сегодня есть… э-э-э… свежая треска? — Мэри бросила выразительный взгляд на компанию выпивох в углу.

Долгое молчание. Она уже приготовилась к тому, что Кадваладир рассмеется ей в лицо, но…

— Может быть, — пробормотал он.

— И она… по-прежнему по шиллингу за штуку?

Кадваладир кивнул. Его лицо было совершенно непроницаемым.

Вокруг стоял крепкий запах навоза. Ночь выдалась беззвездной, а луна, хвала Создателю, еще не взошла. Мэри поставила кружку с сидром на кирпич и осторожно двинулась вперед, к заднему входу. Вот и лестница. Она положила руку на шаткие перила; в желудке вдруг громко заурчало.

Он уже ждал ее, заезжий коммерсант с красным и обвисшим, словно вымя, лицом. Когда он сделал шаг вперед, полы его сюртука распахнулись; внутри была пестрая мешанина из разноцветных завитков. Торговец лентами. Мэри почувствовала, как кисло стало во рту, и чуть не

расхохоталась.

Несколько секунд она просто стояла и смотрела на него. Вот она, прежняя жизнь, явилась, чтобы засосать ее снова. Время — это петля, а не прямая, подумала Мэри. Ей снова было четырнадцать, и она приближалась к торговцу лентами у Святого Эгидия, и убежать было невозможно.

Она обогнула торговца и стала подниматься наверх по скрипучим деревянным ступенькам. Они были скользкими от мха. Торговец в восторге икнул и последовал за ней. В комнатушке не было ничего, кроме соломенного тюфяка и нескольких ящиков. Все насквозь пропахло пивом; казалось, эта вонь сочится из стен, как пот. Не теряя ни минуты, Мэри подняла юбки, заткнула их за пояс и лицом вниз улеглась на тюфяк. Так она его хотя бы не увидит.

Немного повозившись, он взгромоздился сверху и одним махом вошел в нее. Жесткая солома колола ребра; Мэри почувствовала, как непроизвольно сжимаются мышцы внутри. *Это все равно что танцевать джигу*, произнесла Куколка. Тело все помнит само. Торговец пыхтел, но усердно делал свое дело. Животное, обитавшее внутри его, понуждало его двигаться из последних сил. Мэри вспомнила петушиные бои, что

видела в Жирный вторник на рыночной площади. Полумертвые петухи, окровавленные петухи продолжали наскакивать друг на друга до тех пор, пока хохочущие владельцы не добивали их дубинками. «Зачем люди это делают?» — спросила тогда Гетта, и Мэри не нашла что ей ответить, кроме «Им это нравится».

Судя по всему, это обещало затянуться надолго — торговец был уже немолод. Начинало сводить ноги. Мэри сжала его изо всех сил, хотя после долгих часов с тяжелым чугунным утюгом и новыми юбками миссис Хардинг у нее нещадно ныла спина. Чтобы ускорить дело, она стала тихонько постанывать — не от удовольствия, поскольку это могло, наоборот, сбить клиента с толку, но словно бы от боли.

Часы на церковной башне пробили десять. Какой ужас. Даже миссис Джонс ни за что не поверит, что нацедить пинту сидра занимает столько времени. Теперь Мэри по-настоящему заволновалась. «О, милосердное провидение, не дай им послать за мной Дэффи», — взмолилась она про себя.

Может, спихнуть торговца на солому и поскорее броситься домой? Но тогда она не получит своего шиллинга — а ведь он пользуется ею уже

добрых четверть часа. Упираясь ладонями в тюфяк, она покорно принимала все новые и новые толчки.

В конце концов она вспомнила спасительную фразу, всегда выручавшую ее в случаях, когда пожилой клиент никак не мог закончить начатое.

— Вы делаете мне больно, — жалобно прохныкала она, повернув голову.

Торговец засопел ей прямо в ухо.

— Вы слишком большой.

Толчки стали резче. Еще минута.

— Вы разорвете меня!

Она почти ощутила, как ее слова сгущаются у него в голове, заставляя его убыстрять темп, ускоряя разрядку.

Через мгновение все было кончено, и его семя намочило края ее чулок.

Торопливо шагая по Инч-Лейн — монеты приятно позвякивали в кармане, — Мэри который раз повторяла то, что скажет сейчас хозяйке. Чувство вины сковывало ее липкие ноги не хуже кандалов с ядром.

Камин в гостиной уже почти потух. Миссис Джонс дремала над штопкой.

— Торговец лентами толкнул меня в переулке, мадам, — выпалила Мэри. — Я разлила весь

сидр, и мне пришлось снова бежать в «Воронье гнездо».

— Ничего страшного, Мэри. — Миссис Джонс зевнула и сделала маленький глоточек сидра. — Ты добрая девочка, спасибо, что ты не побоялась выйти из дому так поздно. О, как вкусно. Мне сразу стало легче.

Огромная лысая луна светила сквозь ставни комнатки на чердаке. Эби уже лежала в постели. Мэри наклонилась, чтобы снять туфли; невыносимая тяжесть давила ей на грудь.

Грязная шлюха — вот что она такое. Она всегда была шлюхой и будет ею до скончания веков, да к тому же еще и круглой дурой, если она вообразила себе, что может стать кем-то еще. Может быть, повивальная бабка, принявшая ее, головой вперед, в этот холодный, продуваемый сквозняками мир, пометила ее как шлюху? Может быть, где-то на ее теле стоит маленькое невидимое клеймо? Подумать только — она проехала через полстраны только затем, чтобы снова оказаться лицом вниз под грязным клиентом! Как там все время шутила Куколка? *Х… — он и везде х…*

В руке она сжимала двенадцать пенсов, свою долю. Как мало, какая ничтожная сумма за «разик» с кривоногим торговцем лентами! Но… когда

ей было не мало? Был ли хоть один раз, когда она уходила от клиента, чувствуя себя справедливо вознагражденной за труды?

Мэри вгляделась в исполосованную лунным светом темноту. Эби лежала неподвижно, словно изваяние на могиле. Лунный луч отражался от ее блестящей коричневой скулы.

— Эби? — осторожно шепнула она.

Ни звука в ответ. Тишина укрывала Эби, словно одеяло.

Сумка была под кроватью. Мэри медленно, с едва слышным шорохом, вытащила ее наружу. Заглядывать в чулок было не обязательно; она и так знала, сколько там лежит. Осторожно, одну за другой, Мэри переложила туда все монеты.

У нее не было никакого плана. Чувство, владевшее ею, было похоже скорее на голод. На самом деле Кадваладир оказал ей огромную услугу. Десять фунтов в год, обещанные Джонсами, были только началом. Прожив какое-то время здесь, в Монмуте, где у нее не было никаких расходов, и занимаясь столь хорошо знакомым ремеслом, можно было скопить недурную сумму, неплохой задел на будущее, защиту от бедности. Если все пойдет как надо, то она сможет вернуться в Лондон, возможно, уже следующей весной; и ее

возвращение будет совсем не таким, как отъезд. Она прибудет в город с сундуком, полным хорошего белья, с новыми, изысканными платьями и тяжелым кошельком, чтобы откупиться от всех бед и несчастий.

Укладываясь в постель, Мэри подумала о Дэффи. Спит ли он сейчас или лежит без сна и проклинает ее? Как разительно может измениться жизнь от единого слова, от простого «да». Быть женой и матерью в маленьком провинциальном городе — такую жизнь ведут миллионы женщин, а другие миллионы молятся о том, чтобы Бог послал им такую участь. По какому праву она, Мэри, отвергла скромный домашний очаг и возжелала шелков и золота? Что за червь точит ее изнутри, заставляя хотеть большего?

Миссис Партридж еще не завершила свой туалет, сообщил дворецкий, когда миссис Джонс и Мэри прибыли в Монноу-Хаус. Высокий дом в три этажа выглядел суровым и чопорным; казалось, он брезгливо подобрал юбки, чтобы не запачкать их в пыли. Каково это — быть такой богатой, что можно спать почти до полудня, подумала Мэри, взглянув на большие блестящие окна. Миссис Джонс сделала маленький реверанс разряженному в ливрею лакею и сказала, что, с позволения

хозяйки дома, зайдет еще раз в двенадцать.

В этом было нечто странное, почти противозаконное — разгуливать по церковному двору в разгар дня. Первый раз за все время Мэри видела свою хозяйку без дела. Воздух был пронизан солнечным светом, и от деревьев исходил острый запах свежей зелени.

Миссис Джонс повела ее к северному краю двора. Густая ровная трава покрывала небольшие холмики, но надгробий почему-то не было.

— Отчего здесь никого не хоронят? — спросила Мэри.

— О, хоронят, моя дорогая. Некрещеных младенцев и нищих из другого прихода.

Они завернули за угол. Двое мальчишек, прогуливающих школу, прыгали через старые могильные плиты. Миссис Джонс улыбнулась и не сказала им ни слова. На белой стене церкви была вырезана полустертая временем картина.

— Что это — какая-нибудь битва? Солдаты? — спросила Мэри.

Миссис Джонс прищурилась.

— Я полагаю, это Адам и Ева. Во времена моей бабушки было видно лучше. — Она отступила назад и показала наверх. — Смотри-ка. Говорят, наш шпиль высотой целых двести футов.

Мэри уважительно кивнула. Разве можно описать все величие лондонского собора Святого Павла женщине, которая никогда не выезжала дальше Челтнема? Подул ветерок, и позолоченная птица на верхушке легко повернулась вокруг своей оси, совсем как петушок на церкви Святого Эгидия в то утро, когда она сбежала из Лондона. Блеснул золотой хвост, как будто дразня ее.

Чтобы отвлечься, Мэри стала читать надписи на надгробиях.

Мое тело вышло из земли и уходит в землю. Ныне моя душа не скована плотью, я навсегда освобожден от ее уз.

Она подумала о своем собственном теле, гибком и влажном. О том, как оно ей служит. О том, как оно ее утомляет.

— Как верно сказано, — заметила миссис Джонс. — Прочитай мне еще что-нибудь; у меня так устали глаза.

И Мэри принялась читать эпитафии различных Лукасов, Проссерсов, Ллойдов и Адамсов.

– …в память о своей дражайшей супруге, подарившей ему двух сыновей и дочь и скончавшейся в родах в июне 1713 года в возрасте 38 лет.

Миссис Джонс слегка поежилась.

— Джесси Адамс. Она была подругой моей ба-

бушки.

Мэри подошла к следующему надгробию. Новое, еще не успело порасти мхом, мелькнуло у нее в голове.

– *Грандисону Джонсу…* — У нее вдруг перехватило горло.

– *…возлюбленному сыну Томаса Джонса из Монмута и его жены Джейн,* — мягко закончила миссис Джонс.

Мэри растерянно молчала, не зная, что сказать.

— Тут и Дельмонт, наш третий. — Миссис Джонс указала на следующую надпись. — Это имя я взяла из романа миссис Хейвуд. Хотя она была и негодницей!

Мэри пересчитала имена. Надгробие было небольшим, с четко высеченными буквами. Интересно, сколько это стоило, подумала она.

— Возможно, Томасу было бы лучше с молоденькой девушкой, которая родила бы ему полдюжины мальчишек, — легко сказала миссис Джонс, как будто речь шла о погоде.

Мэри уставилась на нее.

— Но кто подходит ему лучше, чем я? Кто знает его и его привычки так, как знаю я? — Она перешла к соседней могиле. — Кроме того, я пока еще

не сдаюсь… — пробормотала она.

Что-то в ее голосе заставило Мэри насторожиться. Неужели?.. Но нет, конечно же нет.

Миссис Джонс тихонько рассмеялась и пригладила свой простой черный корсаж.

— Но вы же не…

— Разве я что-то сказала? — невинно поинтересовалась миссис Джонс.

Мэри широко улыбнулась.

— Но я думала… — Она осеклась, осознав, что чуть не сказала грубость.

— Ты думала, что я слишком стара. Да. — Миссис Джонс слегка задумалась. — Я тоже этого опасалась.

Они прошли еще немного. Мэри остановилась, чтобы прочитать еще одну эпитафию; букв было почти не разобрать.

> *Всех ждет конец, людской известен путь;*
>
> *Однако полон твой стакан, а мой уж пуст.*

Миссис Джонс взяла ее под руку.

— Имей в виду, Томасу я ничего не говорила.

— Но почему? — При мысли о том, что она первая, кому хозяйка доверила свой секрет, Мэри

ощутила восторг — чистый и сладкий, как кусок сахара.

— О, я не хочу понапрасну возбуждать его надежды. Раньше я сообщала ему сразу, как только замечала первые признаки, но в конце концов все заканчивалось плохо и это только причиняло ему больше страданий. Кроме того, в прошлом году, когда Господь забрал нашего Грандисона, он был совершенно убит горем. Впрочем… эта беда не минует ни богатых, ни бедных, — добавила миссис Джонс и оглянулась на Монноу-Хаус, самое высокое здание в ряду одинаковых сливочного цвета домов. — Эта мадам рожала десять раз. Ни одного живого.

Мэри попыталась представить себе, каково это. Что-то вроде подвала Ма Слэттери, но в десять раз хуже. Когда все твои надежды и устремления заканчиваются лужей крови.

Они подошли к реке, и Мэри поразилась синеве воды. Солнце скрылось за облаками, но Монноу сверкала, словно кинжал, прорезающий себе путь сквозь поля. В ней отражается небо, вот в чем дело, поняла Мэри. Она подняла голову и увидела кусочек ярко-голубого между белым и воздушным. За последними домами начинался луг; тропинка была довольно грязной, и им при-

ходилось ступать довольно осторожно, чтобы не запачкать туфли.

Берег был мягким; земля крошилась и осыпалась в реку. Мэри взглянула на воду и удивленно нахмурилась.

— Я думала, она течет в другую сторону, к Чепстоу?

— Так и есть, — подтвердила миссис Джонс. — Приглядись.

Мэри посмотрела еще раз, внимательнее. Волны оказались всего лишь рябью на поверхности, которую нагонял ветерок.

— Взгляни на вон тот прутик и листья — на самом деле они плывут к нам, просто рябь на воде скрывает их истинный путь.

Церковный колокол возвестил, что наступил полдень. Миссис Джонс и Мэри заторопились обратно в Монноу-Хаус.

Мистер Джонс проверял книгу приходов и расходов. Что означало — он стоял, облокотившись о маленький полированный столик, и смотрел через плечо Мэри Сондерс, которая считала куда быстрее его.

— Хм-м-м… — время от времени восклицал он.

На самом деле его голова была занята совсем другим.

Он прочитал все нужные книги. В свое время мистер Джонс заплатил хорошие деньги за труды с названиями вроде «Шедевр Аристотеля» и «Супружеская любовь»; он держал их запертыми в ящике стола, чтобы не увидели слуги. Из этих сочинений он почерпнул много мудрого, как то: никогда не исполняй супружеских обязанностей на голодный желудок. Или — если женщина находится сверху, она зачнет карлика. Томас Джонс считал себя добросовестным мужем. Он внимательно наблюдал за Джейн, пытаясь разглядеть признаки беременности — утолстившиеся щиколотки или вздувшуюся под глазом вену. Он делал все, чтобы доставить ей удовольствие, потому что знал: без этого женщина никогда не затяжелеет.

Но последнее время он чувствовал, что Джейн от него отдалилась.

Мэри Сондерс то и дело хмыкала и фыркала. Наконец она подняла голову и потыкала в страницу разлохматившимся пером.

— Двадцать два фунта, пять шиллингов и шесть пенсов!

Он заглянул в книгу.

— А, Морганы.

— За четырнадцать месяцев они не заплатили вам ни пенса!

Мистер Джонс облизнул губы.

— В самом деле? Так долго? Что ж, наш достопочтенный член парламента — весьма занятой человек.

— Его супруга вплывает к нам в магазин каждый месяц, словно белая лебедь.

— Мэри. — Он вздохнул. — Ты не осознаешь всех трудностей нашего положения. На заказчиков вроде Морганов нельзя давить.

— Но вы же не червяк у них под каблуком!

Мистер Джонс бросил на нее ледяной взгляд и постучал по книге, призывая вернуться к счетам. Мэри прикусила губу.

Интересно, где теперь Джейн? Видимо, сидит за шитьем в мастерской, а ее иголка проворно, словно ласточка, снует туда-сюда. Она всегда сообщала ему, если собиралась отправиться к заказчице на дом, и докладывала, что велела приготовить на обед. А когда он спрашивал, как ее здоровье, всегда отвечала: «Очень хорошо, спасибо, мой дорогой» или жаловалась на какой-нибудь пустяк — ячмень или небольшой ишиас. Но уже довольно давно она не разговаривала с ним ни на какие важные темы. И самое важное, то, чему он не находил объяснения, — когда вечером они наконец-то отправлялись в спальню,

Джейн умудрялась заснуть за те считаные минуты, что он укладывался в постель.

Мистер Джонс не был слишком требовательным супругом. Нет, таковым он себя не считал. В прежние времена, когда жена бывала в положении, ему тоже приходилось сдерживаться, потому что он понимал, что это может растрясти дитя в утробе. Это было нелегко, но тогда он хотя бы чувствовал себя заодно с Джейн, словно они заговорщики, затевающие какое-нибудь дельце. Сидя за чаем, они встречались глазами; он делал глоток обжигающе горячего напитка и думал, что его самообладание будет в конце концов вознаграждено. После того как они потеряли Грандисона, в прошлом году, они тут же попробовали снова, но ничего не вышло, да и он не хотел так скоро подвергать Джейн испытанию. Но шли месяцы, а она не поворачивалась к нему в постели или делала это так редко, что он едва помнил, когда это было последний раз. Он не хотел настаивать, но, учитывая ее возраст, у них оставалось совсем немного времени. И нынешнее положение — ждать, не зная когда и чего, — казалось ему совершенно невыносимым.

Ужасная мысль вдруг пронзила его, словно молния. Ведь они не говорили о том, что будут

пытаться снова! Возможно, Джейн устала. Возможно, она молча сдалась. И кто он такой, чтобы снова внушать ей напрасную надежду? Что он знает о потрясениях и разочарованиях, которые испытывает женский организм, ее душа?

Из коридора доносился смех Гетты — она все время наталкивалась на что-то, и это страшно ее веселило. Конечно же он благодарил Небеса за то, что у него есть дочь. Но дочь, даже самая любящая и преданная, принадлежит родителям только временно. Дочери выходят замуж, уходят в чужую семью и рожают детей с совсем другим именем. Разве это дерзновение — мечтать об одном-единственном сыне? Наследнике, который принял бы у него дело и позаботился о родителях, когда они состарятся и будут не в силах работать? Да, он просил многого. Но это была часть их молчаливого уговора с Создателем. Это было то самое прекрасное будущее, на которое мальчик Томас обменял свою ногу.

Мэри тяжело вздохнула.

— Что, сходится? — спросил он.

— Пока нет.

Она была необыкновенно хороша, когда напряженно думала, — вот так, как сейчас: алые от покусывания губы, сдвинутые брови, устремлен-

ные в книгу глаза. Джейн уверяла, что эта девочка еще даже не женщина, но мистер Джонс верил в это с трудом. Впрочем, горе и печаль вполне могли замедлить естественный процесс взросления. В глубине души он надеялся, что она не оставит их еще долго, лет десять, несмотря на свои глупые мечты пойти на сцену или подцепить богатого муженька. В конце концов, она выйдет замуж за местного ремесленника или — кто знает, — возможно, даже за перчаточника или чулочника. Женщина не должна посвящать свои лучшие годы услужению, постепенно превращаясь в высохшую старую деву. Взять хотя бы бедную миссис Эш; кто поверит, что она на четыре года моложе его жены?

Мистер Джонс попытался проследить за цифрами, выскакивающими из-под пера Мэри, но очень скоро у него зарябило в глазах. Они никогда не сойдутся. Поставщики тканей требовали денег вперед, а заказчики задерживали плату или не платили совсем, и даже в удачные месяцы у них порой не хватало денег, — и разумеется, во всем были виноваты голландцы. Иногда он удивлялся тому, что на столе каждый день есть ужин. Джейн прекрасно управлялась с хозяйством, она никогда ни на что не жаловалась. А в последнее время

так и вовсе перестала делиться с ним своими тревогами. Вместо этого она доверяла их Мэри Сондерс. За работой в мастерской они жужжали, словно пчелы, но, когда бы он ни вошел, ему не удавалось поймать ни слова из их разговора. Странную наперсницу выбрала его супруга — девчонку, постороннюю в этой семье, без всякого жизненного опыта, не умеющую утешить… да, в конце концов, кто мог любить Джейн Джонс больше, чем он?

Что такое есть у этих женщин, отчего слова льются из них легче, чем молоко из кувшина? Что такого его жена могла сказать Мэри, но не могла сказать ему?

Однажды днем по несчастному стечению обстоятельств миссис Хардинг и мистер Валентин Моррис одновременно прислали на Инч-Лейн слуг с про шлогодними костюмами и просьбами убрать дюйм здесь и прибавить пару дюймов там, и придать вон тому воротнику более модный фасон, и к тому же не могла бы миссис Джонс потом все отгладить, так чтобы платье было готово к Майскому балу? Лакей-немец мистера Морриса и горничная-француженка миссис Хардинг громко переругивались в коридоре.

— О, Мэри… я уже ничего не понимаю. Что за

безумный мир! — Миссис Джонс на мгновение обессиленно прислонилась лбом к стене. Ее мучили сильные сердцебиения, и тело казалось тяжелым, словно бревно, хотя ее фигура пока совсем не изменилась. — Новые фасоны каждый год, стежки такие крохотные, что я едва их вижу, и столько новых названий, которые я даже и произнести как следует не могу… Будет ли этому конец?

— Но ведь моды всегда менялись, разве нет? — сказала Мэри.

Миссис Джонс расправила затекшие плечи.

— Теперь все происходит куда быстрее. Иногда я думаю: что будут надевать в церковь мои внуки? И понимаю, что я, скорее всего, и слов-то таких не знаю, потому что их еще не придумали. — Она положила руку на свой все еще плоский живот и еле заметно улыбнулась.

Гетта шалила и капризничала. Она настояла на том, чтобы ей дали поиграть со шкатулкой для булавок. Миссис Эш трижды заходила в мастерскую и предупреждала, что она ее уронит, и в конце концов так и случилось. Гетта была выведена из комнаты за ухо, причем миссис Эш бормотала: «Вот что бывает, когда ребенка называют именем из романа». Разумеется, это говорилось не для

Гетты, а для ее матери. Миссис Джонс опустилась на колени рядом с Мэри, чтобы собрать крошечные булавки.

— Гетта ее ненавидит, — прошептала Мэри. — И разве это удивительно?

— О, Мэри. — Миссис Джонс ссыпала булавки в шкатулку. — Ты должна быть добрее к бедной миссис Эш. Она же не останется здесь навсегда… ты понимаешь.

Мэри распахнула глаза.

— Вы хотите сказать…

— Видишь ли, нам понадобится кормилица…

Мэри восторженно кивнула:

— Значит, миссис Эш уйдет?

— Что ж, я… Мне нужно начать подыскивать ей другое место, вот и все, что я хочу сказать.

— Я слышала, в Виргинии не хватает женщин…

— Мэри Сондерс! — Миссис Джонс хлопнула ее по руке, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не улыбнуться. Ее слегка беспокоило, что она не чувствует себя виноватой при мысли о том, что придется расстаться с миссис Эш, преданно служившей семье много лет. Ничто в эти дни не имело значения… кроме того, что происходило у нее внутри. Это было словно трубный глас среди

абсолютной тишины.

Иногда ей казалось, что двадцать лет свернулись, словно ковер, и она снова девушка, и сидит рядом со своей подругой Сью Рис за штопкой. Время от времени она разговаривала со Сью; последние месяцы это случалось чаще, особенно после того, как она узнала о своем положении. *Сью,* мысленно говорила миссис Джонс. *Спасибо тебе за твою дочку. Жаль только, что ты не можешь увидеть мою.* Под ребрами уже образовалась едва заметная округлость, но, конечно, посторонний глаз еще ничего бы не разглядел. Она закрывала глаза и молилась. Пусть это будет мальчик. Пусть он выживет.

У Томаса последнее время было грустное, измученное лицо. По ночам, когда они лежали в кровати, он молча смотрел в потолок, даже не подозревая, что в эту минуту его будущее растет и развивается рядом с ним, словно побег из семечка. Она бы утешила и успокоила его самым лучшим из известных ей способов, но это могло навредить ребенку. Раньше она рассказывала Томасу все, но это было давно, до того, как их семья увеличивалась и снова уменьшалась; тогда еще не было нужды хранить что-либо в тайне. Ей не терпелось сообщить ему прекрасную новость,

но что-то внутри ее останавливало этот порыв. Словно бы прохладная рука ложилась ей на лоб и уговаривала потерпеть еще немного. Совсем немного. Может быть, все неправда. Может быть, это не продлится долго, дитя не выживет. Так что миссис Джонс держала тайну в себе, будто драгоценную жемчужину во рту. Она двигалась, вставала и садилась так осторожно, словно ее юбки были расшиты серебром и дорогими камнями, но никто ничего не замечал — кроме Мэри.

Они как раз хохотали над какой-то шуткой, когда в мастерскую вошел Дэффи с охапкой поленьев. Смех Мэри тут же замер — как будто захлопнулась дверь. Миссис Джонс подняла голову от шитья и заметила, что двое ее слуг стараются смотреть куда угодно, но только не на друг друга.

— Мэри, — тихо сказала она через пару минут после того, как Дэффи вышел. — Ты не хочешь мне ничего рассказать?

Не отрывая глаз от иголки, Мэри покачала головой.

— То есть, видишь ли… одно время мне казалось, что между Дэффи и тобой начинает завязываться… симпатия. Я ошибалась?

— Нет, — пробормотала Мэри.

— Такое случается, когда люди живут в одном

доме, — заметила миссис Джонс. — Это естественно.

Мэри наконец взглянула на нее. Ее щеки пылали.

— По правде говоря… он просил меня выйти за него замуж.

— В шестнадцать-то лет! — Миссис Джонс в ужасе приоткрыла рот.

— Он хотел жениться на мне и увезти меня отсюда, но я сказала нет.

— Мэри! — воскликнула миссис Джонс. Ее глаза налились слезами. — Моя бедная, бедная девочка!

Мэри застенчиво улыбнулась. Миссис Джонс зашарила по карманам в поисках платка.

— Не обращай внимания, это глупости, — всхлипывая, сказала она. — Просто мое положение.

Мэри протянула хозяйке чистый сложенный носовой платок, и миссис Джонс промокнула глаза. Она была счастлива. Какая преданность! Эта девочка верна ей настолько, что не захотела покидать своего места даже ради брака! Она будет с ней рядом и в печали и в радости!

* * *

— Я слышала, что сидр первые месяцы очень укрепляет, — говорила Мэри и частенько вызывалась сбегать в «Воронье гнездо» после ужина. Что касалось мистера Джонса, он приветствовал все, что могло вернуть румянец на щеки его жены.

Жизнь Мэри напоминала платье; у нее была лицевая, дневная сторона и ночная, изнаночная — и, видя одну из них, никто даже не догадывался, какова на самом деле другая. И сама она тоже не знала, какая из двух Мэри настоящая. Это было странно, но тем не менее именно так.

Шитый золотом чулок, спрятанный в сумке под кроватью, становился все тяжелее; монет в нем прибавилось. Старые и потертые, новенькие и блестящие, парочка с откусанными краями и даже одна целая крона, которую пьяный адвокат из Эдинбурга засунул ей между грудями в качестве чаевых, — вероятно, думая, что это пенни. Кадваладир держался вежливо; только в его кустистых бровях крылась издевательская усмешка. Он всегда давал ей несколько минут на то, чтобы неспешно выйти и пробраться в комнатку наверху, и только потом посылал к ней клиентов. Он называл ее Сьюки. «Скажи Сьюки,

что я тебя прислал», — говорил он клиентам. Все они были приезжими, путешественниками, останавливавшимися в Монмуте по пути в Бристоль или на север — по торговым делам или в поисках работы. Мэри с самого начала предупредила Кадваладира, что не будет иметь дело с местными или теми, кто живет в Валлийской марке, чтобы избежать сплетен в городе.

В целом она легко перевоплощалась в Сьюки. Было немного странно заниматься этим поспешно и тайно, в комнате за гостиницей, к тому же с ненакрашенным лицом и в приличной одежде, — но в общем ремесло было привычным, как старая перчатка. Однажды Мэри обнаружила, что за конюшнями ее ожидают сразу три йоркширца; они громко спорили о том, кто будет первым. В другой раз пьяный житель Корнуолла пожелал сделать это стоя, но кончил тем, что свалился на Мэри и испачкал в грязи ее синее платье.

Она не тратила время на подготовительные игры — за исключением тех случаев, когда клиенту это было необходимо. В прежние времена, в Лондоне, Мэри находила особую гордость в том, чтобы доставить мужчине настоящее удовольствие, заставить его приходить к ней еще и еще. Сейчас все было по-другому. Она торопилась и ду-

мала только о том, как получить свою половину из двух шиллингов, заплаченных незнакомцами за наслаждение посреди просторов Валлийской марки. Иногда они держали ее за грудь, бормоча что-то невнятное. Если она была на спине, то приходилось терпеть еще и пивное дыхание клиента. Как-то раз один из них попытался ее поцеловать, но Мэри успела отвернуться. Она предпочитала лежать на тюфяке лицом вниз и думать о других вещах, например о юбке, которую вышивала для мисс Люси Аллен… насколько лучше эта юбка смотрелась бы на ней самой!

Иногда, когда все было кончено и клиент, ослабев, валился на тюфяк, Мэри приближала губы к самому его уху и шептала, что если он скажет хоть слово о Сьюки кому-нибудь в Монмуте, то она придет к нему с ножом и сделает из него кастрата.

Она вела себя очень осторожно. Для выпивох из «Вороньего гнезда» Мэри была всего лишь служанкой, забегавшей к Кадваладиру за свежим сидром для своей хозяйки, скромницей, которая никогда не задерживалась в таверне, чтобы пофлиртовать с посетителями или сыграть в кости. Она никогда не шла в комнату над конюшней, если кто-то мог ее увидеть. А Кадваладир, пока по-

лучает свою долю, будет держать язык за зубами, не так ли? Но иногда Мэри вспоминала его лицо, в тот вечер, когда он узнал в новой служанке Джейн Джонс девчонку, надувшую его в гостинице в Коулфорде, его горящие от ярости глаза под мохнатыми бровями, и ей делалось не по себе.

В один холодный вечер пропахший табаком ирландец с крошечным, с червячка, инструментом попытался уговорить ее сбросить цену.

— Шесть пенсов тебе и шесть хозяину.

— Это еще почему? — нагло поинтересовалась Мэри. — Потому что у тебя только половина нормального размера?

Он влепил ей такую пощечину, что у нее пошла носом кровь. Мэри вернулась домой с пустыми руками. Хозяйке она сказала, что в переулке у нее вдруг началось кровотечение из носа.

— Ты увидела черного кролика? — догадалась миссис Джонс.

Мэри покачала головой, и еще одна алая капля упала ей на носовой платок.

— Если человек увидит черного кролика, у него обязательно пойдет кровь из носа. Разве ты не знала?

Это был единственный раз, когда ей не заплатили. Как правило, Мэри была дома уже через

четверть часа, с одним или двумя шиллингами в кармане.

— Какая ты славная девушка, — говорила миссис Джонс, прихлебывая сидр.

Эби снилась еда, которой их кормили на плантации: скумбрия, пироги с голубями… Глоточек рома — иногда, если повезет. Саподилла, джамбалайя — одни только названия согревали ей рот.

Очнувшись от сна, она увидела, что Мэри Сондерс при свете тонкой сальной свечи вылезает из своих юбок. Было уже поздно. От Мэри исходил запах, показавшийся Эби странно знакомым.

— Ты была с мужчиной? — с любопытством спросила она.

Мэри чуть не подпрыгнула от неожиданности.

— Конечно нет! — с негодованием возразила она.

— Просто спросила, — пробормотала Эби и уткнулась в подушку.

Мэри бережно развесила платье на стуле, как будто это была королевская мантия.

Интересно, кто это? — подумала Эби. Точно не Дэффи Кадваладир; последнее время у него был совсем несчастный вид, и каждую свободную минуту он утыкался в «Историю Гебридских островов» — как будто книга была его единственной

реальностью. Неужели она нашла себе другого любовника среди бледнолицых мужчин Монмута?

Мэри забралась в постель; Эби накрылась одеялом. До нее донеслось слабое позвякивание: словно звенья цепи, или ожерелье, или… монета и другая монета? Затем шорох сумки, заталкиваемой обратно под кровать, — и Мэри снова улеглась на место.

Эби вдруг поняла, что все это означает, и ее пронзила острая грусть.

Она знала нескольких девушек-рабынь, которых хозяева в трудные времена заставляли зарабатывать деньги подобным образом, но никогда еще Эби не встречала женщину, которая торговала бы собственным телом по доброй воле. Женщину, имевшую работу, кусок хлеба и крышу над головой. Значит, даже Мэри Сондерс, дерзкая, беззаботная Мэри Сондерс, лондонская девчонка с честолюбивыми замыслами, не была свободна. Это разбивало Эби сердце.

Она все же решилась спросить напрямую:

— Мэри. Ты делаешь это за деньги?

Тишина, наступившая вслед за этим, была ужасна. Эби уже начала горько сожалеть, что не сдержала язык за зубами, но Мэри вдруг негромко

вздохнула:

— Я не знаю, зачем еще это можно делать.

На это Эби ответить не смогла. Она не была с мужчиной так давно, что уже забыла, каково это. Последним был доктор, который привез ее в Англию. Просыпаясь с утра, он был уже твердым и первым делом принимался за нее. Эби отдавалась ему, а море за окнами их каюты рвало и метало, словно взбесившееся зеленое чудовище. Однажды он вгляделся в ее женские органы и заметил, что они «в высшей степени интересны». По его словам, у английских женщин была совсем другая форма. Он даже зарисовал ее, чтобы поместить в книгу, над которой работал. Ноги Эби дрожали от холода, но доктор велел ей лежать смирно и «потерпеть ради науки». Через несколько дней труда он с гордостью показал ей рисунок, и она вскрикнула от ужаса. Ни лица, ни тела, только раскрытый плод, истекающий соком.

— Ты ведь никому не скажешь? — спросила Мэри.

Эби презрительно фыркнула.

— Когда я приехала жить на Инч-Лейн, — добавила она, немного подумав, — я лежала здесь и не спала, и ждала — хозяин пришлет за мной.

— Что? Мистер Джонс? — Мэри хихикнула.

Эби пожала плечами.

— Хозяева так делают со служанками. Потом я думала, может, мистер Джонс потерял не одну ногу, а больше.

Мэри расхохоталась.

— Теперь я думаю, в этой стране все по-другому.

Они немного помолчали.

— Тебе этого не хватает? — спросила Мэри.

Это был нелегкий вопрос.

— Может быть, только самый конец, — наконец ответила Эби. Она вспомнила жар и влагу внутри, в те разы, когда ее сводили с огромным рабом с плантации, чтобы получить потомство, — хотя из этого ничего и не вышло. — Все спокойно. Никакого шума, никакой суеты. — Никаких просьб и требований, никакого страха, что сделаешь что-то не так, не надо угадывать чьи-то желания и просить прощения.

В субботу миссис Джонс, пожаловавшись на боли в спине, снова отправилась спать пораньше, и мистеру Джонсу оставалось только гадать, не очередной ли это предлог, чтобы не ложиться в постель вместе с ним. Все домочадцы разошлись по своим комнатам. Он уселся в кресло с «Бристоль меркюри», но пламя свечей прыгало,

слова сливались, майская ночь стучала в окна, и в воздухе веяло ароматами цветов. Первый раз за много лет он почувствовал, что не может усидеть дома, и решил отправиться в таверну.

Подойдя к двери с растрепанным вороньим гнездом, он ощутил нужду освободиться от лишней жидкости. Мистер Джонс завернул за угол, обошел гостиницу и вдруг наткнулся на Мэри Сондерс.

— Мэри? — глупо спросил он. — Я думал, ты давно в кровати.

Она вскинула руку, чтобы прикрыть лицо, но бессильно ее уронила. Ее глаза тускло блестели, словно две запачканные дегтем монеты, брошенные на белоснежную ткань. Уж не потеряла ли она внезапно рассудок, подумал он. Возможно, ей стало дурно и она не понимает, где находится.

— Мэри? — повторил он. Да точно ли это она? — Что случилось?

— Ничего, сэр, — выговорила она. Ее голос показался ему слишком хриплым и странно непристойным.

— Но что, ради всего святого, ты тут делаешь?

— Я не знаю, сэр.

Ну и дура же ты, подружка. Как быстро ты теряешь голову, когда нужно соображать поживее!

Словно наяву Мэри услышала язвительный смех Долл Хиггинс. Можно было придумать столько объяснений! Скажем, что она решила немного размять ноги, пока Кадваладир наливает сидр. Или что ей стало нехорошо и она вышла наружу глотнуть свежего воздуха. Да даже просто решила полюбоваться луной! Вот только луны на этой неделе на небе не было. Ну тогда — звездами! Над головой как раз висела Большая Медведица.

Однако теперь, после этого глупого «я не знаю», ходу назад уже не было. Мистер Джонс, опираясь на костыли, подошел ближе. Выражение его лица неуловимо изменилось: на нем все более явственно проступало подозрение. Мэри не могла произнести ни слова. Надвигалась ужасающая катастрофа.

Послышались шаркающие шаги. Клиент Сьюки, словно актер в плохой комедии, выдвинулся из-за угла и тяжело оперся о черную от сажи стену. Его лицо светилось от предвкушения. Мэри уставилась в небо. Конечно же, увидев мужчину и женщину, занятых беседой, он просто справит нужду и вернется в гостиницу?

— А где же шлюха? — спросил незнакомец.

Мэри зажмурилась.

— Прошу прощения? — изумленно переспро-

сил мистер Джонс.

— Хозяин сказал, над конюшней будет ждать молодая шлюшка, которая сделает это за два шиллинга. — Он посмотрел в сторону Мэри. — Я подожду своей очереди, — дружелюбно предложил он, — но недолго.

Мэри постаралась изобразить потрясение и ужас, но слово «виновна» было написано у нее на лбу.

Мистер Джонс шумно выдохнул:

— Иди-ка ты восвояси, парень.

— Мои деньги ничуть не хуже твоих, а?

— Убирайся, или я позову констебля! — гаркнул мистер Джонс и угрожающе поднял костыль.

Забрызганные грязью панталоны скрылись за углом. Не в силах сдвинуться с места, Мэри стояла перед своим хозяином. Судорога свела ее тело. Очень медленно он опустил костыль. «Если бы он хотел побить меня, — подумала она, — то уже бы начал».

Словно двое благовоспитанных незнакомцев, они ждали, когда другой заговорит первым. Мэри судорожно пыталась придумать, что сказать, но мысли текли медленно, будто патока. Ее тело соображало быстрее. Она рухнула на колени, обвила хозяина руками и прижалась к нему лицом.

Острый камешек больно впился в колено. Она ощутила его пряный мужской аромат, и из глаз у нее вдруг хлынули слезы, намочив потертый бархат его панталон.

До этого мгновения она даже не осознавала, что ей на самом деле хочется попросить прощения. За то, что она есть и чем будет, за все, что она сделала и не сделала. За то, что ей была дана возможность все исправить, вернуться к обычной жизни, но она отвергла ее. Чего она хотела от этого человека? Наказания или прощения? Заслуженных оскорблений или ласковой руки, возложенной на лоб? Но прежде всего ей требовалось его соучастие.

Она не сказала ни слова.

Она уткнулась в пуговицы его штанов. *Есть ли кто живой на нижнем этаже,* как говорила Куколка. Его тяжелые руки опустились ей на плечи; он попытался оттолкнуть ее, но она уцепилась еще крепче. Где-то наверху, на краю земли, раздалось беспокойное покашливание. Она приподняла подбородок и потерлась об него носом, глазами, мокрыми щеками.

А. Ага! Не все так плохо. Она пробормотала нечто, что можно было принять за одобрение. Он сделал шаг назад и почти потерял равновесие, но

она двинулась вперед вместе с ним и удержала его. Ее пальцы впивались в его напряженные ягодицы — она чувствовала их твердость даже сквозь парчу камзола. Он отшатнулся и чуть не упал, но она не отставала.

— Пожалуйста, сэр, — прошептала она, не поднимая головы, как будто произносила заклинание. Это было опасно. Услышав ее голос, он мог очнуться и обрушить ей на голову свой костыль — и тогда все точно было бы кончено. — Пожалуйста, сэр… я хорошая, сэр, — повторила она, словно ребенок, едва понимая, что говорит. — Пожалуйста, сэр. Бесплатно. Все, что вы захотите. Умоляю вас, сэр.

Зверь, свернувшийся в его панталонах, услышал это и воспрянул со всей своей первобытной мощью. Она обхватила его губами сквозь горячую ткань и услышала сдавленный стон. У нее так сильно болели колени, что это перебивало все ее мысли. Если отпустить его, он все еще может отступить. Но можно стоять на коленях до тех пор, пока они не врастут в грязь. Ждать от него ответа было бессмысленно; что бы ни сделал этот мужчина, он никогда не сможет произнести свое «да» вслух.

Она поднялась на ноги. Не пытаясь поймать его

взгляд, она отвернулась к стене, расставила ноги, как можно выше подняла свои юбки и замерла.

Ничего. До Мэри вдруг дошла вся нелепость этой сцены. Она представила, как белеет в темноте ее зад, заменяя отсутствующую на небе луну. Влажный воздух холодил ее тело; мускулы непроизвольно сжимались. Тяжелые обручи фижм давили на запястья. Чулки, намокшие от грязи, начали сползать с колен. Не самый привлекательный вид, особенно для мужчины, который никак не может решиться. Она бы с радостью игриво вильнула задом или сказала что-нибудь непристойное, если бы только знала, что это поможет. Однако вместо этого Мэри просто прижалась щекой к холодной кирпичной стене и закрыла глаза. Потянулись мучительные секунды. Возможно, мистер Джонс сейчас как раз поднимает костыль, чтобы нанести сокрушительный удар. Или он уже развернулся, чтобы идти домой и поскорее вышвырнуть ее пожитки из окна прямо в грязную лужу во дворе. Сколько же еще ей стоять? Не пора ли признать, что время вышло?

Легкий стук костылей за спиной. Она обернулась, чтобы посмотреть, не упал ли он, но он был прямо за ней.

Мистер Джонс искренне верил в то, что он собирается всего лишь одернуть ее юбки, чтобы прикрыть срамоту. Что сейчас все будет кончено. Что он не настолько жалкий грешник, чтобы позволить женской наготе сбить себя с пути.

Он не хотел касаться ее белоснежной кожи. Не хотел расстегивать панталоны. Не хотел погружать в нее свои дрожащие пальцы, чтобы ощутить ее влажный огонь. Он не из тех, кто поддается соблазнам в темном переулке. Он не овладеет собственной служанкой у грязной стены — такие низменные удовольствия не для него. Он не почувствует, как ее тугая плоть обволакивает его, как сжимается это ужасное «о», как она увлекает его в жаркую черную пещеру в самом сердце ночи.

Благодарю тебя, Создатель, за твое безграничное милосердие, как говорила сестра Батлер, подумала Мэри. Только стена конюшни видела ее непристойную ухмылку. Мистер Джонс держал ее за бока; корсет скрипел, когда он двигался взад и вперед. Его жар наполнял ее. Она сжала его изо всех сил. Может быть, если она постарается сделать ему очень хорошо, это спасет ее? Может быть, этот джокер поможет ей выиграть?

Он торопился; куда только подевалась вся его

благовоспитанность?

Интересно, занимаются ли Джонсы этим каждую ночь — после того, как наденут свои ночные колпаки, — или едва ли раз в год? И как это происходит? Долго и мучительно, поскольку ее плоть давно не представляет для него интереса, или наоборот — один шаг до наслаждения, потому что после стольких лет миссис Джонс наверняка научилась доставлять мужу удовольствие? Чувствует ли госпожа то же самое, что сейчас служанка? Она подумала о том, как эта же самая плоть входит в святая святых хозяйки, и по ее телу пробежала дрожь.

Сегодня, когда мистер Джонс вернется домой, он принесет на себе ее влагу и аромат. Он осквернит супружеское ложе непристойными соками своей служанки. Возможно, миссис Джонс проснется и ощутит знакомый запах близости, и ей захочется того же самого. Она раскинет ноги и направит его в себя, даже если он будет возражать, что у него нет сил. А он — подумает ли он о Мэри, вспомнит ли ее затянутое в корсет юное тело, смятое, раздавленное о грубую стену «Вороньего гнезда»? Может быть, он снова восстанет и изольет все, что у него осталось, в свою жену? И смешает их нектары, и ароматы, и…

Ослепительная молния вдруг пронзила ее с головы до ног, прошла через каждый палец, каждый ноготь, каждый волос на голове. Что за дьявол и все его…

Когда все кончилось, она схватилась за стену, чтобы не упасть. Мир вокруг кружился как безумный, все казалось не таким, как раньше. Все изменилось навсегда.

Немного погодя она осознала, что он уже не в ней, а по ноге у нее стекает его семя.

— Спасибо, сэр, — непроизвольно сказала она и отпустила наконец юбки.

Когда она ушла, он все еще стоял, уткнувшись лбом в стену.

В конце концов он все же потерял равновесие. Его единственная нога дрожала, а костыли свалились в грязь. Тело сковала ужасная слабость; девчонка выжала его до последней капли.

Он никогда не делал этого стоя. Он никогда не делал этого нигде, кроме как в своей кровати. Он никогда не касался иной женщины, кроме своей жены. Последний раз он чувствовал такое ошеломляющее горе, когда умер его сын.

За завтраком Мэри сидела с непроницаемым лицом. Глядя на эту строгую девушку в накрахмаленной косынке на шее, никто на свете не

догадался бы, что с ней могут происходить такие вещи. Она напряженно думала; ей казалось, что мысли в голове тикают, словно часы. Она взглянула на руки мистера Джонса, ловко управляющиеся с ложкой и ножом, и вдруг вспомнила, как вчера ночью они держали ее за бока. Ее возбуждение и торжество уступили место стыду. И хозяин, и служанка старались не встречаться глазами. Мэри неохотно откусывала маленькие кусочки хлеба и старалась не забывать о том, что нужно дышать. Этот мужчина имел над ней власть — не меньшую, чем она над ним.

Может быть, он пошлет своей жене анонимное письмо? *Твая служанка шлюха. Пасматри на нее.* Но к этому Мэри была готова. В таком случае она разразится слезами и признается, что хозяин преследовал ее с самого первого дня в этом доме. Однако поможет ли это? Кому поверит миссис Джонс? Дочери своей обожаемой Сью или мужу? Возможно, она встанет на его сторону в любом случае; в конце концов, какое значение имеют шашни со служанкой? Мужчины есть мужчины.

Ей оставалось только надеяться, что чувство вины, смятение и вожделение смешаются в душе мистера Джонса в такой густой суп, что в итоге он не скажет и не сделает ничего.

В полдень, сидя за вышиванием в мастерской, Мэри немного запуталась с цветом нитки и ей понадобилось задать вопрос миссис Джонс. Однако хозяйки нигде не было. Обыскав весь дом, она поднялась в хозяйскую спальню и постучала в тяжелую дверь.

Изнутри слышались какие-то странные звуки — словно билась птица, попавшая в ловушку. Мэри постучала еще раз и, не дождавшись ответа, толкнула дверь.

Миссис Джонс скорчилась на полу. Ее лицо было мокрым от пота. Мэри быстро закрыла дверь и привалилась к косяку. Хозяйка подняла голову и попыталась что-то сказать, но так и не смогла выдавить из себя ни звука. Неужели она знает? О том, чем занимались Мэри Сондерс и ее муж прошлой ночью? Может быть, она нутром почувствовала измену и теперь это разрывает ей сердце?

— Вам дурно?

Молчание.

— Госпожа! Может, мне позвать миссис Эш?

Миссис Джонс яростно замотала головой. В следующее мгновение ее лицо как будто бы раскололось, как фарфоровая чаша, и из всех трещин сразу хлынули слезы.

Мэри присела рядом и попыталась поднять ее, потянуть к постели, но миссис Джонс приросла к полу, словно юбки не давали ей подняться.

— Кровь, — наконец выговорила она дрожащими мокрыми губами и повторила снова: — Кровь.

— Может быть, совсем немного, — поспешно сказала Мэри и вытащила из-под юбок ночной горшок.

На деревянном полу собралась лужица темной крови. Но в переполненном горшке плавало что-то еще. Мэри крепко прижала голову хозяйки к своему плечу, не столько ради утешения, сколько затем, чтобы не дать ей это увидеть. Миссис Джонс затряслась, словно в припадке.

«О господи, — подумала Мэри. — Неужели это сделала я?» Что, если это и есть гнев Божий? Но в таком случае он упал на неповинную голову. Она вспомнила подвал Ма Слэттери, Куколку, сжимающую ее запястья, красного червячка в помойной лохани. Но она была только рада избавиться от помехи, в то время как для миссис Джонс этот зародыш был дороже всех сокровищ на свете. Она еще крепче прижала мокрое от слез лицо к своей груди.

Миссис Джонс что-то сказала, но Мэри не разо-

брала слов.

— Теперь все кончено, — повторила миссис Джонс, когда она ее отпустила.

— Нет, — быстро возразила Мэри. — конечно нет. У вас еще есть время.

— Мне сорок три года, — безжизненно сказала миссис Джонс. — Я никогда не подарю мужу сына.

Пошатнувшись, она поднялась на ноги и подняла горшок. Мэри приняла его у нее из рук, как в любой другой день, но ей пришлось немного потянуть, чтобы миссис Джонс разжала пальцы.

— Я принесу воды, — сказала она, прикрыв горшок тканью. — Чтобы вымыть пол.

— Хорошо.

— Может быть, вы ляжете в постель, мадам?

Не разгибаясь, миссис Джонс вытерла лицо рукавом.

— Нет, Мэри. Слишком много работы.

Они вдруг отвернулись друг от друга, как будто чего-то устыдились.

— Мэри?

Мэри замерла у двери.

— Я рада, что ты была со мной.

Острая боль пронзила ее сердце, глаза заволокло слезами.

— Да, мадам.

— И еще. Никто не должен знать.

Мэри кивнула.

Спускаясь по лестнице, она чувствовала себя так, словно на ноги ей надели кандалы. Поравнявшись с миссис Эш, Мэри подняла горшок повыше, как будто в нем были только обычные ежедневные отправления.

В последнюю неделю мая снова похолодало, как будто год решил повернуть вспять.

С каменным лицом Дэффи сделал запись об этом необычном природном явлении на последней странице своей потрепанной, с оторванной обложкой копии «Редкостей Монмутшира» — и будь на то его воля, он никогда не поднимал бы глаз от страницы. Эби намотала на себя две одолженные у Мэри шали и ходила съежившись. Миссис Эш вставила в треснувшую раму своего окна бумагу. Для нее кружащиеся в воздухе снежинки были еще одним знаком, посланным с Небес, чтобы предостеречь грешников. Чума и казнь египетская. Пейзаж за окном будто бы полили молоком.

Мэри припомнила снежную бурю в свою первую зиму в Крысином замке, поломанные вязы в Гайд-парке, окна и двери домов, заметенные

сугробами, и семью на Бэдфорд-стрит, все члены которой умерли с голоду, не дождавшись, пока их откопают. А еще запах горячих жареных каштанов, которые они с Куколкой ели, прогуливаясь вдоль замерзшего берега Темзы.

Мистер Джонс и она по-прежнему отводили друг от друга глаза. Он еще ничего не сказал жене, в этом она была уверена, но возможно, он просто придумывал историю поправдивее. Что же касалось самой миссис Джонс, то она, несомненно, заметила бы, что с супругом происходит что-то неладное, но и сама она в эти дни передвигалась по дому словно бесплотный дух. Мэри казалось, что зима снова накрыла их всех своим ледяным покрывалом и стряхнуть его уже невозможно.

В последний вечер мая, когда мистер Джонс отправился в свой клуб, Гетта попросила мать рассказать историю о королеве.

— Но это зимняя история, милая, — возразила миссис Джонс.

— Но сейчас холодно, как зимой, — справедливо заметила Гетта и села на корточки у камина.

Миссис Джонс прикрыла уставшие глаза.

— На королеве Шотландской было черное бархатное платье, расшитое желудями из жемчуга и черного янтаря, — нараспев произнесла она.

Мэри, сидевшая рядом со штопкой в руках, одобрительно кивнула.

— На голове у нее было длинное кружевное покрывало, как у невесты, — продолжила миссис Джонс. Ей нравилось представлять себе эту картину — отчего-то это очень успокаивало.

— Белое? — спросила Гетта. Она уже устроилась на костлявых коленях миссис Эш.

— Конечно. Невесты всегда надевают белое — ты же знаешь. — Губы миссис Джонс дрогнули в улыбке. — На ногах у нее были туфельки из черной испанской кожи, шитые серебром чулки и зеленые шелковые подвязки.

— Откуда вы знаете? — вдруг спросил Дэффи.

Миссис Джонс бросила на него озадаченный взгляд.

— Я хотел сказать — как можно… как кто-то мог увидеть ее подвязки? — смущенно пояснил он.

Мэри хихикнула. Миссис Эш возмущенно кашлянула:

— Следует ли этому молодому человеку находиться среди дам!

— Он не имел в виду ничего дурного, — вступилась миссис Джонс.

— Что за непристойный вопрос! — прошипела кормилица.

— О подвязках известно всем, — торопливо пояснила миссис Джонс. — Вероятно, ее придворные дамы впоследствии все записали. — Она собралась с мыслями. — Итак. Королева встала в середине зала, и ей помогли снять платье. Она осталась в малиновой бархатной юбке и малиновом атласном лифе. А рукава у нее были красные, в тон.

— Цвета крови, — заметила Мэри.

— В самом деле. — Миссис Джонс чуть беспокойно улыбнулась. — И после того, как королева простила своего палача и заплатила ему, она взяла белый, вышитый золотом платок, и завязала себе глаза, и покрыла свои чудесные золотисто-каштановые волосы. — Она на секунду замолчала, чтобы все могли вообразить убранные под чепец медные кудри.

Миссис Эш, со Священным Писанием в руках, сделала вид, что не слушает.

— Потом она опустилась на колени. — Голос миссис Джонс обрел силу. — И спину она держала прямо, потому что была настоящей королевой. На одно мгновение она положила свои маленькие белые руки на плаху, чтобы сохранить равновесие.

— Видимо, она была вся в крови.

— Кто, Мэри?

— Плаха. После предыдущей казни.

— Может быть, ты дашь рассказать историю до конца?! — гаркнул Дэффи из своего угла.

— Не нужно, Дэффи. Что ж, я полагаю, ты права, Мэри, — должно быть, так оно и было. — Миссис Джонс подумала о кровавых пятнах, покрывающих деревянную плаху.

— А дальше, мама? — поторопила Гетта. — Что королева Мария сделала дальше?

— Ты же знаешь, — усмехнулась миссис Джонс. — Покажи нам.

Гетта соскочила с колена миссис Эш, на котором минуту назад устроилась, вытянула вперед шею и завела руки за спину.

— Именно так, — похвалила миссис Джонс. Что за умная девочка у нее растет. Нужно благодарить Господа за милость. В конце концов, она не бездетна. Многих он забрал к себе, но одну оставил.

Гетта села на пол у ее ног. Белокурый локон выбился из-под ее маленького чепчика, и, прежде чем убрать его, миссис Джонс на мгновение задержала шелковистую прядь в пальцах.

— А потом они и вправду отрубили ей голову, мама?

— Понадобилось целых три удара, — подтвер-

дила миссис Джонс. Некоторые считали, что детей следует оберегать от подобного знания, но мир жесток, и рано или поздно им все равно придется об этом узнать. — А затем… затем случилось нечто очень странное. — Об этой подробности она совсем забыла. — Палач снял с головы чепец и поднял голову за волосы, чтобы показать всем. Но волосы вдруг остались у него в руке, а голова, подпрыгивая, покатилась по полу.

Мэри вздрогнула и отвернулась.

— У нее отвалились волосы?! — вскрикнула Гетта. — Ты никогда не рассказывала об этом раньше!

— Это был парик — разве ты не поняла, *cariad*? Рыжий парик, который она надевала, чтобы закрыть голову… Бедняжка потеряла все свои волосы за долгие годы, проведенные в тюрьме. — Голос миссис Джонс дрогнул. Внезапно она ощутила острую жалость к несчастной королеве. После всего, что ей пришлось пережить, еще и закончить свои дни лысой!

— Я читал в одной книге, что потом они подняли голову и ее губы шевелились еще с четверть часа, — тихо сказал Дэффи. — Но никто не мог разобрать, что она говорила.

Об этом миссис Джонс еще не слышала, и образ

не пришелся ей по вкусу: царственные губы, лепечущие бессмысленную чепуху.

— Все, что я знаю, — это что королева Мария взошла на плаху с истинным величием и благородством, — закончила она.

— Как король Карл Первый, — подхватила Мэри. — Который надел сразу две рубашки, чтобы не дрожать на эшафоте.

— Верно, моя дорогая. — Миссис Джонс взяла ее за руку и ласково сжала холодные пальцы.

— Королева Шотландская была католичкой, — возразила миссис Эш.

— Как бы то ни было, она была храброй женщиной, — виновато заметила миссис Джонс. — И кроме того, прошло уже много лет.

— И умерла она за дурной поступок, — упрямо пробормотала миссис Эш.

Иногда миссис Джонс изумлялась, что столько лет прожила под одной крышей с такой ведьмой.

— Как мне представляется, миссис Эш, — тихо сказала она, — то, как она встретила свою кончину, — урок всем нам держаться достойно в тяжелые времена. Особенно это касается тебя, Мэри Сондерс. — Миссис Джонс снова нащупала ее ледяную руку. — В час, когда придет беда,

помни о своей тезке.

— Какая беда? — с беспокойством спросила Мэри.

— О, беда приходит ко всем нам, — с легким смешком заметила миссис Джонс. — Это случается с каждым — вопрос лишь в том когда.

Она встала и почувствовала, как печаль, словно свинцовый плащ, снова ложится на ее плечи. Нужно было закрыть ставни. Подойдя к окну, миссис Джонс увидела, что идет снег. Судя по всему, мело весь вечер. Прямо у нее на глазах воздух распадался на крохотные бриллианты, которые легко и радостно устремлялись к земле, словно были счастливы избавиться от сковывавших их пут. Каждая снежинка была единственной в своем роде, исключительной, свободной — в течение нескольких мгновений, пока не ложилась на землю и не становилась частью пушистого белого покрывала, застелившего поля. Все очертания, будь то некрасивая изгородь или ржавый плуг, были сглажены и смягчены; грязь, вязкая глина, развороченная земля, обугленные головешки — все было вычищено и выбелено. Даже уродливые колеи, что оставили колеса дилижанса Джона Ниблетта на Грайндер-стрит, превратились в сказочные сверкающие завитки.

В ту ночь миссис Джонс снова снился сон о снеге. Все дела были переделаны, в доме было тихо и спокойно. Она неслышно подняла щеколду на задней двери и выскользнула в сад. Ее башмаки остались дома; снег обжигал босые ноги, и это было невообразимое блаженство. Очень скоро ее стопы стали как будто хрустальными, и она пошла дальше. Никакой тропинки в саду не было, ее вели только снежинки, все падавшие и падавшие с неба. Она остановилась возле дерева, сорвала с ветки замерзшее яблоко, и ледяная сладость наполнила ее рот.

Потом ей захотелось спать, и она улеглась прямо под деревом. Снег был и подушкой, и одеялом, и пуховой периной; он тут же укрыл ее с головой. Она чувствовала, как тончайшие, невесомые покрывала одно за другим окутывают ее тело. Спать, спать. Ее руки и ноги отяжелели. Никогда еще она не чувствовала такой чистоты, такого спокойствия. Теперь она в безопасности. Теперь она может уснуть.

Вскоре проложенную ею тропинку занесло снегом, и во всем мире от нее не осталось ни единого следа. И сколько бы раз она ни видела этот сон, эту его часть миссис Джонс никогда не помнила утром или, может быть, не разрешала

себе вспоминать. Во сне тоже было утро, и все искали ее, везде, где только возможно. Они заглянули в каждый уголок… но никто не догадался посмотреть в самом конце сада, под яблонями, где было больше всего снега и где мягкие сугробы напоминали белые груди матери-земли.

Глава 7. Наказание

Безумный майский снег растаял за одну ночь, и наступил июнь, теплый и мягкий. Говорили, что на званом вечере, устроенном Морганами в честь двадцатипятилетия короля, мороженое растаяло еще до того, как его подали гостям.

Месяц выдался жарким и безветренным. Каждый вечер Мэри Сондерс сидела дома и ждала конца.

К чему оставаться в этом несчастном городишке, спрашивала она себя. Дэффи теперь и на дух ее не выносит. Миссис Эш ненавидела с самого начала. Лицо мистера Джонса последнее время напоминало погнутый щит. Каждый божий день Мэри готовилась к тому, что он сломается и расскажет жене, что за девица на самом деле дочка Сью Рис. Она совсем издергалась и несколько раз в день собиралась пойти наверх, сложить свои вещи в сумку и сбежать прочь из этого дома.

Но сделать этого она не могла. Для начала, ей было некуда идти. Несмотря на всю абсурдность ситуации, Джонсы являлись ее самыми близкими людьми, ее единственной семьей. И потом… Мэри чувствовала, что она не может оставить

миссис Джонс — после того, как нашла ее на коленях на полу спальни, над ночным горшком, где утонула в крови ее единственная надежда на будущее. Хозяйка сильно похудела, стала почти прозрачной, и нуждалась в Мэри больше чем когда бы то ни было.

Шли недели. В конце концов Мэри убедилась, что мистер Джонс ни словом не обмолвился жене о происшествии в «Вороньем гнезде» — и, скорее всего, сохранит эту тайну навсегда. Что бы ни случилось между ним и его служанкой в ту ночь, он явно намеревался об этом забыть. Что ж… это было вполне объяснимо. Многие мужчины предпочитают не помнить о подобных вещах. Как бы то ни было, Мэри испытала глубокое облегчение.

— Сидр, — напоминала она бледной миссис Джонс. — Сейчас вам необходимо что-нибудь укрепляющее, или у вас совсем не будет сил. А вы очень нужны своей семье.

Мэри бегала в «Воронье гнездо» едва ли не каждую ночь. Летом в Монмуте было полно путешественников, которые были не прочь провести четверть часа в комнате над конюшней наедине со Сьюки. Чулок под кроватью стал тяжелым, как череп.

Целый месяц она и миссис Джонс не покладая

рук трудились над бархатным платьем миссис Морган, стараясь не запачкать его мокрыми от пота пальцами. На белоснежной ткани поблескивали миниатюрные серебряные яблочки и извивающиеся змейки.

— Откуда она взяла этот рисунок? — спросила как-то раз Мэри. — Я никогда не видела ничего подобного.

— О, это я его придумала, — беззаботно ответила миссис Джонс. — Миссис Морган хотела что-нибудь на тему райского сада.

Однажды вечером миссис Партридж прислала лакея передать, что ее корсаж из пу-де-суа и рукава должны быть перелицованы и отделаны новыми лентами к празднику летнего солнцестояния.

— Но это же в среду, не так ли?! — воскликнула Мэри. Она вытерла вспотевший лоб рукой, осторожно, чтобы не намочить иголку с ниткой. — Как же мы сумеем закончить еще и рюши на новой юбке миссис Форчун?

Миссис Джонс в эти дни была бледнее чем брюхо рыбы, но она нашла в себе силы рассмеяться.

— Это по городскому времени, моя девочка. — Она погладила щеку Мэри. — Ты все еще думаешь как жительница Лондона. Здесь, в Валлийской

марке, мы живем по старому стилю, а это означает, что настоящее летнее солнцестояние будет не раньше, чем через две недели.

Мэри уставилась на хозяйку во все глаза.

— Вы хотите сказать… здесь этого не было?

— Чего не было?

— Изменений, — в замешательстве пояснила Мэри. — Нового календаря. Когда я была маленькой…

— Ах, это, — перебила миссис Джонс. — Да, разумеется, даты были сдвинуты, все как велел указ. Но никто не может изменить время.

Миссис Джонс не отрывала взгляда от иглы и серебряной нити и не видела искаженной улыбки Мэри. *Я нашла твои одиннадцать дней, отец,* подумала она. *Оказывается, они все время были здесь.*

К тому времени, как начали разжигать праздничный костер на вершине Кимина, уже совсем стемнело. Джонсы и Мэри стояли чуть ниже; она держала на руках Гетту, которая настояла на том, чтобы пойти вместе с ними. Миссис Эш назвала все это «языческой гадостью».

— Это делается ради хорошего урожая, — радостно пояснила миссис Джонс. — Чтобы разжечь костер, нужно потереть две дубовые щепки. А

хворост должен быть девяти разных видов.

Мэри кивнула и переложила тяжелую девочку на другую руку. Над ушами огромного плетеного человека показался первый дымок. Он был воздвигнут на куче старых бревен и костей животных; это и было сердце костра. Мэри всем своим существом чувствовала близость мистера Джонса. Он смотрел в другую сторону, на город.

Каким красным было пламя! Куда ярче, чем дома, в очаге. Огонь нельзя держать в маленькой клетке, подумала Мэри. Он должен гореть на вершине холма. Пусть великан выпрямится и вытянет сотни своих рук. Пусть этот многоголовый дракон оживит ее своим жарким дыханием.

Густой белый дым окутал плечи плетеного человека. Гетта закашлялась.

— Он горит! — в восторге прокричала она.

— Твоя правда, — ответила Мэри.

Казалось, огонь хочет улететь вместе с дымом.

Языки пламени рвались в небо и на мгновение действительно взлетали — но тут же теряли свои крылья и исчезали, как будто, разлучаясь с костром, с ветками и старыми костями, приковывавшими их к земле, сразу забывали, каково это — гореть. Ветер переменился, облака приобрели багровый оттенок. Нестерпимый жар

обжигал глаза Мэри; ей вдруг захотелось броситься в объятия огня и позволить ему раскрасить ее во все цвета радуги.

— Смотри же! — Миссис Джонс подтолкнула ее локтем.

Плетеный человек был объят пламенем, его голова превратилась в огромный пылающий шар. Должно быть, шея уже сгорела, потому что внезапно голова под невообразимым углом наклонилась назад и рухнула на землю. Мистер Джонс схватил Мэри за рукав. Она подпрыгнула от неожиданности и едва не уронила Гетту. Он оттолкнул их в сторону; через секунду огненный шар промчался мимо и покатился вниз, к подножию холма.

— Спасибо, сэр, — пробормотала Мэри, но ее слова заглушили крики празднующих.

Толпа ликующе завопила, словно какой-нибудь невидимый святой Георгий обезглавил ужасное чудище. В некоторых местах, там, где голова плетеного человека касалась земли, загорелась трава. Трое мужчин бросились вслед за ней, чтобы затушить пламя. Небольшая неосторожность — и вспыхнет весь холм, подумала Мэри. Вот это будет зрелище! Она представила себе, как одна травинка занимается от другой, и весь

Кимин превращается в пламенеющий курган, огненный маяк, который будет виден даже в Лондоне.

Запели дудки, барабаны подхватили ритм. Несмотря ни на что, Мэри почувствовала, что счастье распирает ей грудь, и начала приплясывать на месте.

— Танцы! Танцы! — завопила Гетта.

Мистер Джонс, оставляя глубокие круглые отметины в мягкой земле, двинулся к своей жене. Его улыбка показалась Мэри довольно жутковатой. Он отбросил костыли в сторону и с грацией зайца начал подпрыгивать в такт барабанам. Мэри смотрела на него во все глаза. Миссис Джонс рассмеялась, вложила свои руки в руки мужа и присоединилась к танцу.

— Да, твой отец всегда был славным танцором! — крикнула она Гетте.

Девочка потянулась к родителям; Мэри опустила ее на землю, подошла поближе и взяла миссис Джонс за руку. Ее ладонь была мягкой и чуть влажной. Теперь они танцевали вокруг Гетты, словно бы образуя магический круг, защиту от ночной тьмы. Пользуясь возможностью, Мэри протянула руку и мистеру Джонсу, но встретилась с ним взглядом и испуганно застыла на месте. В

отблесках пламени его глаза казались красными от ярости. Он вдруг остановился и подхватил одной рукой Гетту, а другой свои костыли.

— Давно пора уложить это дитя в постель, — отрывисто бросил он и прижал девочку к груди, словно это было величайшее сокровище в мире.

— Но, Томас, такая ночь бывает всего раз в году…

— Оставайся, — перебил мистер Джонс. — Я отнесу ее домой.

Не дав жене ответить, он развернулся и поковылял вниз по холму, на удивление неловкий с двумя костылями в одной руке. Гетта, уцепившись за его шею, долго провожала их взглядом. У нее был одурманенный, почти пьяный вид.

Миссис Джонс с тревогой посмотрела им вслед.

— Мне и в самом деле кажется, что сегодня можно было разрешить ребенку не ложиться подольше.

Мэри закрыла лицо руками. Ее зубы стучали, будто от холода. Что она сделала с этой семьей?

— Мэри, милая, что такое? У тебя что-то болит?

— Я… я должна вам что-то сказать, — всхлипнув, проговорила она.

— Да?

Но признание было невозможно. Что бы она ни

сказала, это только причинило бы миссис Джонс еще больше боли, еще больше зла, чем она уже сделала.

— Я… не такая, как вы думаете, — хрипло выдавила она.

За их спинами ревел костер. Миссис Джонс смотрела на нее так простодушно, что Мэри не выдержала.

— Моя мать… я всегда ссорилась с ней, — выпалила она. — То есть до ее смерти. Я ей не нравилась. Она меня никогда не любила. Она… хотела бы иметь другую дочь, не такую, как я. — На ее воротник упала слеза.

— О, Мэри. — Лицо миссис Джонс странно исказилось, и на мгновение Мэри показалось, что на нем проступил ужас, но хозяйка вдруг тихо рассмеялась, сжимая живот, как будто ей было все еще больно, как будто она по-прежнему кровоточила внутри. — О, Мэри, моя дорогая. Мы все ссоримся с матерями.

— Правда? — глупо переспросила Мэри.

— Конечно. И мы вспоминаем об этих ссорах только после их смерти. Именно из-за смерти, понимаешь?

Мэри молча вытерла слезы.

Миссис Джонс притянула ее к себе.

— Ну будет, будет, cariad. Послушай-ка, сейчас я открою тебе один секрет, и ты хорошенько посмеешься, — прошептала она.

В этих объятиях Мэри чувствовала себя в совершенной безопасности.

— Этого не знает даже Томас.

Уткнувшись носом в ее прохладную косынку, Мэри кивнула.

— Коб Сондерс — твой отец — ухаживал за мной до того, как обратил внимание на твою мать.

Мэри уставилась на нее.

Миссис Джонс смущенно улыбнулась и прикрыла рот ладонью.

— Он мечтал жениться на мне и увезти в большой город, но я испугалась. Коб, конечно, был чудесным парнем, никто не мог перед ним устоять, но он был… не совсем надежным. А я, стоило мне только подумать обо всем этом шуме, и грязи, и тысячах, тысячах незнакомых лиц… — Ее голос оборвался.

Мэри пожала плечами и утерла нос.

— Лондон ничуть не хуже, чем другие города.

— Что ж, я только рада, что отправиться туда пришлось не мне. Потому что, пока я раздумывала да прикидывала, Коб положил глаз на Сью!

Есть ли в этом мире настоящая дружба, поду-

мала Мэри. Такая, в сердце которой не кроется предательство?

— Не могу сказать, что мне было все равно, особенно поначалу, — продолжила миссис Джонс. — И я даже здорово поссорилась со Сью. Но, сказать по правде, у меня ведь была возможность выйти замуж за Коба, еще до того, как появилась Сью. Да и, кроме того, какой смысл без конца гадать: «а что, если бы…» А потом, два года спустя, из Бристоля вернулся Томас, настоящим мастером, и через месяц мы уже были женаты. Сплетники называли меня «чужими объедками», но Томас никогда этому не верил.

— Но вы все еще…

— О, твоего отца я забыла быстро. Мы с Томасом открыли мастерскую и магазин, и мне стало совсем некогда сидеть и пережевывать старое. Может быть, когда-то я и пожалела о своем решении, но разве что на мгновение.

Мэри подумала, что эта история могла закончиться совсем по-другому, и у нее снова защипало в глазах.

— Что такое, дитя мое? Что еще?

— Но это значит… — Ее горло как будто распухло, с таким трудом выходили из него слова. — Это значит, вы могли бы быть моей матерью. — Сле-

зы хлынули с новой силой.

Миссис Джонс опять привлекла Мэри к себе и прижала ее голову к своей мягкой груди.

— Тихо, — пробормотала она. — Не плачь, cariad. Никогда не плачь.

Мэри от души разрыдалась. Какая роскошь — позволить себе поплакать. Какое блаженство.

Миссис Джонс погладила ее по голове.

— Разве я не мать тебе теперь? — шепнула она.

Было жаркое воскресное июльское утро. Вся семья отправилась на службу в церковь Святой Марии. Оставшись одна, Эби вдруг почувствовала, что стены кухни будто наваливаются на нее, не давая дышать. В одном углу громоздилась гора грязной посуды, которую нужно было оттереть песком, в другом — полгоршка масла, уже начинавшего портиться. Тишину нарушало только осторожное царапанье мышей.

Минуту спустя она уже мчалась вниз по Монноу-стрит, оставляя за собой звон церковных колоколов и благочестивых городских леди в широченных юбках и с жесткими постными лицами. Эби редко выходила из дому, и каждый раз, когда все же выбиралась наружу, быстро вспоминала почему. При виде ее маленький ребенок застыл посреди улицы с открытым ртом.

Мальчик постарше зачерпнул пригоршню прошлогодних листьев и запустил их в Эби.

— Черная! — крикнул он.

Порыв ветра швырнул листья обратно ему в лицо.

Эби прибавила шагу. Земля сама убегала у нее из-под ног. Начав движение, она уже не могла остановиться. Теперь она могла бы обойти вокруг света, и никто не сумел бы ее задержать. Она могла бы добраться до самого солнца — настоящего солнца, а не его водянистого подобия, которое висело в небе у нее над головой. Ей вспомнились воскресенья на острове… палящий зной, тень хижин, усталость, не дающая пошевелиться, музыка, разливающаяся в воздухе, словно звуки в лихорадочном бреду.

— Если хозяйка не хочет и слышать о жалованье, можно попробовать поговорить с квакерами, — сказала Мэри Сондерс несколько ночей назад.

— Зачем?

— Все знают, они любят черных, — небрежно заметила Мэри и зевнула.

Эби знала только, что в городе живет кучка странных людей, которые одеваются в серое, не носят шляп и называют себя квакерами. Она не

представляла, как они могут помочь ей в ее положении. Наполняя утюг раскаленными углями или помешивая суп, она размышляла над тем, что могут значить эти слова: «Они любят черных». Любят ли они их так, как мужчины любят Мэри? Мужчины, которые дают ей все эти монеты, что она прячет под кроватью, когда думает, что Эби спит?

Иногда она от души желала, чтобы Мэри Сондерс никогда не появлялась в доме на Инч-Лейн, не тревожила ее полусонного существования, не произносила слов вроде *жалованье* или *свобода*.

Должно быть, сегодняшняя липкая жара или беспокойство, растворенное в воздухе, заставили ее выйти их дому и все же попробовать поискать помощи у квакеров. Мэри говорила, что они, кажется, собираются в таверне «Робин Гуд» в конце Монноу-стрит, на верхнем этаже. Хозяин бросил на нее любопытный взгляд, но не сказал ни слова. Пол был посыпан опилками. Эби поднялась по скрипучей лестнице наверх и приложила ухо к двери. Ни звука. Она подумала, что встреча уже окончилась, но тут кто-то прочистил горло. Потом еще раз. Казалось, люди ждут, когда заговорит кто-то очень важный. Эби простояла у двери около часа, но никто так и не нарушил

молчания.

В конце концов собравшиеся задвигали стульями, и она быстро выскочила на улицу. Нехорошо, если ее обнаружат у двери, словно какую-нибудь шпионку. Эби укрылась за деревом напротив «Робин Гуда» и подождала еще. Она стояла, облокотившись на перила моста, и отчего-то ей было совсем безразлично, что дома ее могут ждать неприятности. Это было чудесное ощущение — не держать ничего в руках, не готовить, не складывать, не мыть… хотя бы час.

В конце концов из таверны начали выходить люди в сером, по двое или по трое. Сердце Эби бешено застучало. Она решила дождаться, пока кто-нибудь не встретится с ней взглядом, но квакеры не отрывали глаз от земли. Постепенно жидкий людской ручеек иссяк. Возможность упущена, подумала Эби, и прокляла себя за малодушие. Жалкая трусиха, которая заслужила свою жалкую жизнь.

В дверях показался еще один мужчина, с толстой кипой бумаг под мышкой. Стряхнув с себя паралич, Эби последовала за ним. Они прошли через весь Чиппенхэм-Медоуз, но мужчина так и не оглянулся. Казалось, он не слышит шагов за спиной. Эби не помнила, чтобы когда-нибудь в

жизни ей приходилось шагать так быстро. Куэйстрит была совершенно пустынна, и она наконец осмелилась подать голос.

— Сэр? — хрипло позвала она. — Сэр?

Мужчина обернулся. Его лоб собрался в морщины.

— Почему вы так меня называете?

Эби отпрянула. Он оскорбился тем, что она с ним заговорила!

— Я вас знаю? — мягко спросил он.

Она быстро покачала головой.

— Нет, сэр. То есть… нет, — быстро поправилась она.

— Не бойся, сестра, — ласково произнес квакер. — Я такое же Божье создание, как и ты. Меня зовут Дэниэл Флит. Разве человеку нужны титулы?

Эби сощурила глаза. Это был очень странный англичанин. Он не носил парика; волосы у него были седые и редкие. Пуговицы на его костюме были костяными. Его сюртук, рубашка, панталоны — все было серым, одного и того же оттенка, словно его выкупали в краске. Однако его лицо было коричневым от солнца, а глаза — блестящими и яркими.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил он.

Эби растерялась, не зная, с чего начать.

— Не желаешь ли ты пройти немного со мной? — Он сделал несколько шагов вперед, и она послушно двинулась за ним.

— Меня зовут Эби, — наконец выговорила она.

— Эби — а дальше?

— Эби — и все. — Она едва удержалась от того, чтобы добавить «сэр».

— У тебя нет фамилии?

— Некоторые люди говорят: Эби Джонс, — нашлась Эби.

— Хорошо, — терпеливо заметил квакер. Он говорил с ней словно с ребенком.

— Но Джонсы — не моя семья, — выпалила она. — Они мои владельцы.

Это как будто разбудило Дэниэла Флита. Он остановился и осторожно взял Эби за запястье.

— Сестра. Никто не может тобой владеть.

Иногда лучше соглашаться со всем, что говорят белые, — это она знала точно.

— Ты принадлежишь Создателю, но твоя душа свободна, — продолжил Дэниэл Флит. — Ни один человек не имеет права провозглашать другого своей собственностью.

— Джонсы — мои хозяева, — мрачно повторила Эби. — Мы живем на Инч-Лейн.

— И ты не получаешь вознаграждения?

Она озадаченно моргнула.

— Платы, я хочу сказать. Жалованья.

— Нет, сэр… — Она тут же вспомнила, что он не любит титулы, и запнулась. — То есть…

— Не важно, — перебил Дэниэл Флит с ледяной улыбкой и сжал ее руку. — Так, значит, эти люди, Джонсы, держат тебя в прислугах насильно?

— Наверное, — ответила Эби.

Он покачал головой, как будто ему было невыносимо больно.

— Я принадлежу к Обществу друзей. Мы верим, что все мужчины и женщины равны, потому что все мы несем в себе один и тот же свет. Ты понимаешь?

Эби уставилась ему в глаза.

— Во все наши души заложена частица света. Ты меня понимаешь?

Она осторожно кивнула.

— Знаешь ли ты, что говорит о рабстве Библия?

Она покачала головой, но Дэниэл Флит как будто совсем не удивился.

— Она говорит, что хозяева должны давать своим работникам плату, потому что и у них самих есть небесный хозяин, — дрогнувшим голосом

произнес он. — Она говорит: *Ты будешь есть от трудов рук твоих*[18]. И дальше: *Не подвергайтесь игу рабства*[19]. — Он облизнул губы.

Эби поняла, что начинает терять нить разговора. Нужно было задать ему главный вопрос, прежде чем кто-нибудь их прервет.

— Я хотела спросить, может быть, вы придете, — почти прошептала она. — Придете говорить с моими хозяевами.

— А-а-а. — Дэниэл Флит выпустил ее запястье и прикрыл рот рукой, как будто внезапно о чем-то вспомнил. Ногти у него были обкусанные. — Здесь есть некоторая трудность. Должен сказать тебе, сестра, что наше Общество довольно мало и мы не пользуемся особой любовью в этих местах. Поэтому мы… не вмешиваемся напрямую. В семейные дела, я хочу сказать. Риск слишком… то есть, учитывая деликатность нашего положения среди соседей…

Эби почувствовала, что силы покидают ее. Дэниэл Флит на секунду замолчал.

— Я должна идти, — быстро пробормотала она. — Нельзя опаздывать.

---

[18] Сноски: 18
Пс., 127: 2.

[19] Сноски: 19
Гал., 5: 1.

Она развернулась и пошла прочь.

— Но, сестра, если ты придешь на наше собрание…

Эби ускорила шаг. Вот и все, что может принести разговор с незнакомцем: меньше, чем ничего. Однако мужчина в сером даже и не пытался ее остановить. В конце улицы она все же обернулась. Он по-прежнему стоял на месте, опустив руки, и смотрел ей вслед.

Несмотря на горькое разочарование, кое-что из того, что он сказал, нашло живой отклик в ее душе. Труды рук своих. Эби вспомнила фрукты, которые они собирали на Барбадосе. Она не видела их с тех самых пор. Сливы, плоды хлебного дерева, манго. Всю дорогу до дому эти слова звенели у нее в голове, а во рту будто чувствовался незабываемый сладостный вкус.

* * *

В тот день миссис Эш наконец пожала свой урожай. Работа была долгой и трудной, но она принесла невиданные плоды. Бог знает, сколько часов она потратила на бессмысленную болтовню с соседями, выжидая, не мелькнет ли в разговоре имя Мэри Сондерс. И наконец вчера, по невероятному, счастливому совпадению, стоя в

очереди возле аптеки, она увидела буфетчика из «Вороньего гнезда». Парень оказался весьма словоохотливым, особенно после того, как миссис Эш согласилась одолжить ему шиллинг. Его рассказ о девушке по имени Сьюки содержал так много интересных подробностей, что она даже была вынуждена отослать Гетту подождать на улице, чтобы не осквернять слух невинного ребенка.

Подумать только, священник Монмута являлся сутенером этой мерзкой шлюхи! Впрочем, если вдуматься, проповедям Кадваладира всегда недоставало строгости. В них слишком чувствовался тлетворный дух этого грешного мира.

Свое знание миссис Эш хранила до самого воскресенья. Ей хотелось исполнить волю Господа в Божий день. За ужином, макая гречневый хлеб в суп и откусывая маленькие кусочки, она не сводила с лондонской девчонки глаз. Весь вечер миссис Эш выжидала подходящей минуты. Она рано уложила Гетту в постель и наотрез отказалась от всяких сказок. Она не делала ровным счетом ничего до тех пор, пока миссис Джонс не послала свою любимицу в «Воронье гнездо» за очередной пинтой сидра. Тогда миссис Эш поднялась вверх по лестнице, уселась на одной из ступенек поближе к площадке и затаилась,

словно кошка у мышиной норы.

Заслышав шаги Мэри Сондерс, она поднялась на ноги. Ее черная тень метнулась по голой стене. Заметив ее, девчонка вздрогнула. *Нечестивым же нет мира*[20].

— Что же так задержало вас в «Вороньем гнезде, мисс? — сладко спросила миссис Эш.

— Ничего. — Лицо девчонки было совершенно непроницаемым. — Требуется некоторое время, чтобы нацедить сидр, только и всего.

— О, так ли это? — Миссис Эш помолчала. Она знала, что Мэри Сондерс не сможет не ответить.

— Вы мне не верите? — Маленькая потаскушка вздернула подбородок.

Миссис Эш сплела руки на груди.

— Я знаю только то, что слышала.

— Что же вы слышали?

— Что тебя видели, — проговорила она, наслаждаясь каждым звуком.

— Где?

— Позади этого вонючего кабака. С разными мужчинами! — выплюнула миссис Эш.

Мэри изумленно притихла.

— Кто это говорит? — наконец спросила она.

---

[20] Сноски: 20
Ис., 48: 22.

Миссис Эш пожала плечами.

— Это неправда, — прошипела Мэри. — Не знаю, кто наплел вам все эти гадости, но это гнусная клевета!

Ее слова повисли в воздухе. Миссис Эш не торопилась. Она хотела запомнить каждое сладостное мгновение этого разговора.

Мэри глубоко вздохнула и направилась было наверх, но миссис Эш ловко ухватила ее за юбку и расправила складки. А вот и оно. Мокрое пятно на синей ткани, шириной не меньше чем с ладонь.

— А это что такое?

— Должно быть, я на что-то села. — Голос девчонки дрогнул.

Миссис Эш презрительно фыркнула.

— Ну и что же, вы назовете меня лгуньей?! — пронзительно выкрикнула Мэри.

— Нет, — протянула миссис Эш. — Не лгуньей, *Сьюки*.

Мэри Сондерс побелела. Казалось, пол у них под ногами задрожал от напряжения.

– Ты осквернила землю блудом твоим и лукавством твоим[21], — с торжеством провозгласила миссис Эш.

---

[21] Сноски: 21
Иер., 3: 2.

Девчонка смотрела на нее безумными глазами.

— Грязная шлюха! *Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною, и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь*[22]. — Эти слова будто специально хранились в ее памяти ради этой минуты.

— Пустите! — Мэри Сондерс снова рванулась вверх, но миссис Эш удержала ее за подол. Она качнулась, как лодка в бурном море.

– *Поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца*[23].

Уж не собирается ли она заплакать? Глаза Мэри были похожи на две горящих черных дыры.

– *Не судите*, — дрожащим голосом произнесла она. — В Священном Писании говорится также: *не судите, да не судимы*…[24]

Не дав ей договорить, миссис Эш схватила Мэри за руку. Ее костлявые пальцы почти впились в нежную юную плоть.

— Да как ты смеешь цитировать мне Священ-

---

[22] Сноски: 22
Втор., 28: 22.

[23] Сноски: 23
Втор., 28: 28.

[24] Сноски: 24
Мф., 7: 1.

ное Писание, ты, мерзкая маленькая тварь!

Мэри с силой вырвала руку, и миссис Эш заметила, что ее взгляд изменился. Она как будто поняла, что нет смысла притворяться дальше. Прекрасно. Змея отбросила свою личину.

— По крайней мере, мужчины платят за меня хорошие деньги, — бросила она. — А вот тебе придется приплачивать им самой!

У миссис Эш зазвенело в ушах. Она собралась с силами и снова схватила потаскушку за подол.

— Убери руки от моего платья!

Раздался отвратительный треск. Сквозь прореху в синей ткани показалась грязноватая белая рубашка. Мэри наклонилась и толкнула няньку так, что та пролетела на пять ступенек вниз и стукнулась о стену.

— Очень хорошо, — выговорила миссис Эш. Тяжело дыша, она отряхнула платье. — Больше я тебя не задерживаю. Я немедленно отправлюсь наверх и разбужу хозяев — если они уже не проснулись. Тебе лучше пойти и собрать свои пожитки.

— Вы этого не сделаете, — нерешительно протянула Мэри.

Как она молода, вдруг подумала миссис Эш. Что за упоительное ощущение — власть. Никогда

раньше она не чувствовала ничего подобного. Восторг распирал ее грудь, словно дрожжи.

— Погоди — и увидишь.

Мэри спустилась на пару ступенек вниз. Теперь настало ее время склонить голову.

— Пожалуйста…

— Пожалуйста — что, безбожная ты шлюха? Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Тишина была ей ответом. Миссис Эш уперла руки в бока.

— Ты думала, что сможешь заняться своим поганым промыслом в приличном, благочестивом городе и никто ничего не узнает? Превратить нашего священника в похабного сутенера? Как ты смеешь служить доброй, достопочтенной леди в дневное время и обслуживать мужчин по ночам? И тащить свою грязь в этот дом?

— Не говорите хозяйке! — Мэри Сондерс всхлипнула, но ее щеки были сухими. — Она выставит меня за дверь.

— Так тебе и надо.

Ее глаза заблестели.

— Мне больше некуда идти. Пожалуйста, миссис Эш. Простите меня за то, что я сказала. Умоляю, не говорите ей. То, что я делала в «Вороньем гнезде»… меня заставили. — Слова полились из

нее потоком. — Это было всего лишь пару раз. Я очень нуждалась в деньгах.

— Для чего?

— Старые долги.

Слишком быстро ответила, подумала миссис Эш. Может быть, девчонка лжет? Она сузила глаза, вглядываясь в бледное напряженное лицо.

— Я не знала, как мне их выплатить… не могла придумать ничего лучше, — заторопилась Мэри. — Вы ведь знаете, каково это, мадам… когда обстоятельства вынуждают вас…

— Вынуждают к чему? — с угрозой в голосе спросила миссис Эш.

— Вынуждают… зарабатывать на жизнь своим телом.

Миссис Эш замерла. С каким наслаждением она размозжила бы голову этой девчонки о стену! На мгновение она позволила себе небольшую роскошь и вообразила эту сцену во всех подробностях.

— Вряд ли это можно сравнивать, — ледяным тоном сказала она.

— Нет-нет. Разумеется, нет. — Мэри снова всхлипнула. — Простите меня.

Нянька уставилась на шлюху. Триумф был полным, но она вдруг почувствовала, что страшно

устала. Нет, она не пойдет будить миссис Джонс. Не сегодня. Пока еще нет. Это удовольствие можно растягивать сколь угодно долго. Может быть, день, а может, и месяц. Восхитительное чувство — власть и милосердие вместе. И чудный вид — девчонка, которая рыдает на лестнице, как дитя, зная, что миссис Эш может сокрушить ее в любую минуту, когда только захочет.

— Я ложусь спать, — с королевским величием сообщила миссис Эш.

Мэри проводила темную фигуру глазами и несколько раз моргнула, чтобы загнать слезы обратно. Потом она встала и осмотрела платье. Шов разошелся по всей талии. Однажды старая сука за это заплатит, пообещала себе Мэри. И какое лицемерие! Ведь они обе зарабатывают себе на хлеб, сдавая внаем свое тело! Сиську или другое место — какая разница!

Добравшись до своей комнаты, она тихо присела на край постели. Сердце все еще колотилось о ребра. Вот тебе и пример, подумала Мэри. Миссис Эш, женщина, которая ничем не рискнула и ничего не добилась. Вот что получаешь в итоге, если не имеешь никаких иных устремлений и выбираешь «честную» службу: жалкую сморщенную жизнь, похожую на труп, болтающийся на

виселице в назидание всем остальным.

Эби лежала лицом вниз. Должно быть, она очень устала, если не проснулась от всего этого шума за дверью. Мэри нагнулась и достала из-под кровати свою сумку. Чулок был полон; она с наслаждением ощутила его приятную тяжесть. Очень осторожно Мэри высыпала монеты на колени. Их было так много, что они едва уместились. Она потрогала кончиком пальца неровную поверхность одной из них и немного утешилась.

О том, какое лицо будет у миссис Джонс, если нянька все же решит открыть ей правду, она старалась не думать. Вместо этого Мэри сосредоточилась на деньгах. Во всяком случае, у нее есть это. Будущее лежало у нее на коленях. Некоторые монеты блестели, некоторые были тусклыми, и каждая имела свое собственное лицо. Забавно, но теперь она не могла бы сказать, какие из них были получены за неделю кропотливого труда с иголкой в руках, а какие — за четверть часа в комнатке над конюшней. Мэри выбрала самую грязную и потерла ее рукавом. В свое время она проверила каждую из них на зуб, но… а вдруг, пока она не видела, монеты как-нибудь подменили? Или они проржавели? Мэри торопливо надкусила пенни, и острая боль пронзила ее

испорченный зуб. Хорошо бы съесть их все, подумала она. Проглотить монеты, одну за другой, и надежно укрыть их в глубинах своего тела.

Эби больше не могла лежать неподвижно. Когда Мэри наконец запихнула сумку обратно под кровать и скользнула под простыню, она приподнялась на локте и прошептала:

— Мэри!

— Что такое?

— Говорила сегодня с квакером.

— О, правда? — рассеянно переспросила Мэри. — И он придет побеседовать с хозяйкой?

— Нет, — ровным голосом ответила Эби.

Мэри повернулась к ней.

— Тебе надо сбежать, — вдруг предложила она.

Эби скривила губы. Что за ерунду несет эта девчонка.

— Нет, в самом деле, — оживленно сказала Мэри. — Если бы у тебя была хоть капля храбрости, ты бы не стала терпеть такое обращение.

Эби почувствовала, как в ней поднимается негодование. Она рывком сбросила с себя простыню, задрала рубашку до самого бедра и ткнула пальцем в старое клеймо.

— Что это? — спросила Мэри. — Имя еще одного хозяина?

— Посмотри, — хмуро бросила Эби.

Мэри поднесла свечку поближе и разглядела букву «Б», выжженную на черной коже.

— Это значит «беглая», — пояснила Эби, прежде чем Мэри успела задать вопрос. — Значит, я уже делала это там, на Барбадосе. И знаю: сбежать — это не поможет.

— Расскажи мне, — попросила Мэри. — Как это случилось? И когда — давно?

Эби закуталась в простыню и повернулась на бок.

— Я сказала достаточно, — процедила она.

— Хорошо, можешь ничего не говорить. Я только хотела сказать, что в этой стране у тебя больше возможностей. Если ты доберешься до Лондона, то сможешь легко затеряться среди людей. Тебя никогда не найдут.

Эби смутилась, и еще ей отчего-то стало немного грустно. Неужели Мэри пытается от нее избавиться? Может быть, она хочет заполучить всю кровать для одной себя? Выходит, ей не нужно, чтобы Эби была рядом длинными зимними ночами?

— Что тебе за дело? — хрипло спросила она.

Мэри пожала плечами:

— Мне всего лишь… кажется, что хозяева не

должны думать, будто они владеют слугами. Вот и все.

Она наклонилась вперед и двумя пальцами затушила свечу.

Эби немного подумала.

— Если я сделаю это…

— М-м-м?

— Если я убегу. Ты скажешь мне, куда идти? В Лондоне.

— Ну конечно, — живо откликнулась Мэри.

— И дашь мне деньги?

Повисла ледяная тишина.

— Мэри?

— Какие деньги? — холодно спросила Мэри.

Эби вдруг почувствовала, что ее тошнит от притворства.

— Думаешь, я глухая? — Она повысила голос, не заботясь о том, слышно ли ее в комнате внизу. — Не знаю звук денег?

— Это не твое дело.

— У тебя полный чулок!

— Я их заработала.

— Мне нужно немного денег. Я не уйду далеко без денег.

Мэри не пошевелилась. Она лежала рядом, неподвижная и твердая, как дерево.

— Пожалуйста!

— Мне жаль тебя, Эби, но нет. Как говорила одна моя подруга, каждая сама за себя.

Как легко было бы взять подушку и прижать ее к этому надменному, заносчивому лицу, подумала Эби.

— Да, и кстати говоря. Я знаю, сколько у меня там, с точностью до полпенни, — угрожающе тихо заметила Мэри. — И если ты посмеешь хотя бы прикоснуться к моим деньгам, я это замечу. Учти.

Ее пальцы зудели от жажды убийства. Эби сунула их в рот и больно прикусила.

Наступили самые жаркие дни августа. Рукава прилипали к локтям. Все тело нещадно чесалось. В воздухе висели облака пыли — убирали высушенное сено. Первый раз за много месяцев Мэри поняла, что отчаянно скучает по Лондону, даже по самому отвратительному, что в нем есть. Даже по невыносимо воняющей летом Темзе.

Дела в магазине шли ни шатко ни валко. Недавно в городе появилась еще одна портниха, старая дева по имени Рона Дэвис; она открыла мастерскую на Уай-стрит. И хотя Рона не предлагала ничего особенно модного, только самую простую одежду, ее низкие цены переманивали

к себе старых заказчиков миссис Джонс. Пока в доме на Инч-Лейн Мэри потела над счетами, миссис Джонс покусывала ноготь большого пальца. Недостачи, огромные счета, долги. Теперь все зависело только от Морганов, от того, сколько они заплатят. Если гардероб для первого выхода в свет мисс Анны будет заказан у миссис Джонс, а не у какой-нибудь знаменитой портнихи из Бристоля или, чего доброго, в Лондоне, семья будет всю зиму есть хорошее мясо. Большинство прочих заказчиков уехали на воды или сидели дома с огромными бумажными веерами; все были не в настроении платить по счетам.

За завтраком, обедом и ужином, на лестнице и во дворе Мэри чувствовала на себе зоркий взгляд миссис Эш. В любую минуту эта женщина могла обрушить на ее голову карающий меч. Это мучило Мэри больше всего: не знать, когда это произойдет — и произойдет ли вообще. Она смотрела вниз и старалась не раздражать няньку. Однажды утром Гетта забралась к ней на колени и стала просить научить ее вышивать, но Мэри ссадила девочку обратно.

— Иди к миссис Эш, — бросила она.

Разумеется, Гетта решила, что Мэри злится, и у нее тут же задрожали губы. Но что тут можно

поделать? Миссис Эш торжествующе улыбнулась и взяла ее за руку.

К «Вороньему гнезду» Мэри даже не приближалась, из страха, что об этом узнает миссис Эш. Сидр для миссис Джонс она теперь брала в «Зеленом дубе» под предлогом того, что он «намного свежее». Изредка встречаясь с преподобным Кадваладиром — на рынке или на крыльце церкви, — Мэри старательно отводила взгляд. Чулок перестал пополняться. Когда она пересчитывала монеты, они липли к ее рукам. Больше у нее не было ничего — но этого было недостаточно.

С Эби они тоже не встречались глазами. По ночам они лежали в одной кровати, всего в нескольких дюймах, но были бесконечно далеки друг от друга.

Повсюду пахло бродящим сидром. Поперек лба Мэри пролегла глубокая морщина.

— Что с тобой такое последние дни? — спросила как-то миссис Джонс, когда они гладили на кухне простыни.

— Жара, — коротко ответила Мэри.

Весь август был отмечен сильными грозами. Белье не успевало сохнуть — едва его развешивали на веревке, снова начинался дождь. Фермеры жаловались на то, что колосья поражаются муч-

нистой росой. Мэри словно ждала чего-то, но чего — она и сама не знала. Все эти дни она просто убивала время.

В первый день сентября миссис Морган пришла для последней примерки бархатного платья-полонез. Несмотря на жару, она, как и всегда, была в своей черной, отороченной мехом накидке. Миссис Джонс с благоговением развернула снежно-белое чудо и разложила его на коленях у жены достопочтенного члена парламента, так чтобы представить узор из серебряных змеек и яблочек в самом выгодном свете.

— Только представьте себе, мадам, как серебро оттенит ваши волосы! — воскликнула она.

Что означает, со скукой подумала Мэри, что волосы у мадам такие же серые, как шерсть у старой собаки.

— Вы затмите всех в Бате! — пропела миссис Джонс.

Разумеется. Даже если бы это платье надел мул, он бы выглядел в нем красавцем, мысленно съязвила Мэри. Постоянный зуд сводил ее с ума. Чтобы немного отвлечься, она нежно погладила ткань пальцем. На нем уже образовалась мозоль от наперстка.

— Тонкая работа, — наконец выговорила мис-

сис Морган. — Вы хорошо потрудились, миссис Джонс.

Миссис Джонс присела в реверансе.

— Полагаю, что к зиме я закажу у вас костюм для верховой езды. А также три полных комплекта для первого сезона моей дочери. А ваш супруг сделает нам пару корсетов.

Миссис Джонс кивнула. Ее лицо сияло, и от волнения она не могла произнести ни слова. Их глаза встретились, и хозяйка быстро подмигнула служанке. Все наши тревоги позади, говорил ее взгляд. Миссис Джонс подняла платье над головой миссис Морган, и Мэри бросилась ей на помощь. Вдвоем они придержали белое облако над головой миссис Морган, чтобы мадам могла в него втиснуться.

Мэри отступила на шаг назад. Год кропотливой работы — и все напрасно, мелькнуло у нее в голове. В серебристо-белом миссис Морган выглядела еще уродливее, чем обычно. Платье, расправленное на широких фижмах и нескольких нижних юбках, заполнило всю комнату, накрыло пару сундуков и едва не опрокинуло стул. Зрелище было величественным, но в то же время нелепым. Мэри умирала от желания увидеть наряд на себе. Насколько лучше оно смотрелось бы на ней, чем

на миссис Морган! Взять хотя бы грудь — у Мэри она была вдвое больше. Она вдруг почувствовала, что ее так и распирает от смеха.

— Почему ваша служанка так нахально на меня смотрит, миссис Джонс?

Мэри вздрогнула и уставилась на свои руки. Она совсем забыла, что нужно быть начеку.

— Разве, мадам? — замирающим голосом спросила миссис Джонс.

— Вне всяческих сомнений.

Мэри отвернулась и сделала вид, что приводит в порядок жакеты, подвешенные к потолку. Не в силах справиться со смехом, она спрятала в них голову и прикусила губу.

— Ну, мисс, что вы можете сказать в свое оправдание?

Кудахчущий голос миссис Морган развеселил ее еще больше. Мэри уткнулась в прохладный атлас.

— Я прошу прощения, мадам, — приглушенно выговорила она.

— Смотри на меня, когда ко мне обращаешься!

Сделав каменное лицо, Мэри повернулась к миссис Морган:

— Тебе давно пора научиться уважать тех, кто выше тебя.

Ее слова повисли в воздухе. Мэри не проронила ни звука, но ее бровь чуть заметно дернулась вверх. *Ты — выше меня*? — говорило ее лицо.

Миссис Джонс с тревогой перевела взгляд с заказчицы на служанку.

— Я прошу прощения, мадам, — сказала Мэри и на всякий случай сделала глубокий реверанс.

— Она не имела в виду ничего плохого, — с мертвой улыбкой проговорила миссис Джонс.

Миссис Морган вздохнула и посмотрела на свое отражение в большом зеркале.

— Я бы не стала держать у себя такую дерзкую девчонку, — заметила она.

— О нет, мадам, обычно она совсем не такая, — слабо возразила миссис Джонс. — Наверное, это жара.

— Я полагаю, она не стала бы вести себя так вызывающе, если бы ее не поощряли, миссис Джонс.

Миссис Джонс промолчала.

Миссис Морган подняла руки. Безмолвный приказ начинать расстегивать платье.

— Вырез на четверть дюйма ниже, я думаю.

— Очень хорошо, мадам.

С вытянутыми вверх руками она напоминала куклу. Мэри наблюдала за ней из-под полу-

опущенных век. Да ведь богатые беспомощны, осенило ее. Чем больше у них слуг, тем слабее они становятся. Паразиты!

Однако она кинулась помогать миссис Джонс с подчеркнутым смирением. Мэри намеревалась вести себя идеально до конца примерки. И все в самом деле шло прекрасно до тех пор, пока они не начали стягивать с жены достопочтенного члена парламента узкий корсаж. От усилий рубашка миссис Морган распахнулась, и наружу вывалилась одна дряблая, отвисшая грудь. Больше всего она напоминала чуть поджаренное яйцо, удлиненное, мертвенно-бледное и трясущееся. Никогда в жизни Мэри не видела ничего смешнее. Она подняла голову и наткнулась на взгляд миссис Морган, которая, несомненно, поняла, на что уставилась девчонка. Ужасный и неудержимый смех вырвался у нее из груди; Мэри прижала руку ко рту, но было уже поздно.

Что было потом, она помнила смутно. Кажется, она стояла в коридоре, прислонившись лбом к двери, и ее сердце стучало так громко, что почти заглушало вопли миссис Морган:

— Клянусь богом, она надо мной смеялась! Говорю вам, эта поганая шлюха загоготала прямо мне в лицо!

Как ни странно, в памяти у нее осталась не возмущенная физиономия жены достопочтенного члена, но лицо миссис Джонс. Мэри ждала у дверей и тряслась, как ребенок, заблудившийся в лесу.

За ужином миссис Джонс не смогла запихнуть в себя ни кусочка. После трапезы домашние разошлись, и они с мужем остались вдвоем.

— Джейн?

Она подняла голову, удивившись тому, что он назвал ее по имени.

Мистер Джонс накрыл ее руку своей теплой ладонью.

— Нынче вечером ты сама не своя.

— Это ничего. — Она сморгнула набежавшие слезы, благодарная ему за внимание.

— Гетта тебя утомила?

Как бы ей хотелось кивнуть в ответ, списать все на обычный изнурительный день. В конце концов, это было бы не первый раз, когда она скрыла от Томаса правду. На душе у нее были тайны и посерьезнее.

Миссис Джонс с сожалением покачала головой:

— Дело в том, что… Мэри. Она… вела себя дерзко. С миссис Морган.

Мистер Джонс нахмурился:

— Дерзко?

— Она не хотела ничего дурного. Она просто… рассмеялась.

— Рассмеялась? Над чем? — грозно спросил он.

— Ни над чем, — неубедительно соврала миссис Джонс. Она не могла заставить себя рассказать о происшествии подробнее, упомянуть вывалившуюся бледную грудь — отчасти из страха, что может засмеяться сама.

— А что с заказом?

Миссис Джонс поежилась.

— Вот именно это меня и беспокоит. Только поэтому я вообще об этом рассказала. Когда миссис Морган только пришла, она собиралась заказать мне три костюма для мисс Анны…

— А теперь Мэри Сондерс испортила наши отношения с самой значительной из наших заказчиц! — Мистер Джонс произнес это так, будто стоял на кафедре в зале суда.

Миссис Джонс поморщилась.

— Я не уверена, Томас. Миссис Морган отбыла в такой спешке…

Он стукнул ладонью по столу.

— Нам еще очень повезет, если хоть кто-нибудь из этой семьи переступит порог нашего

магазина!

Она закрыла лицо руками.

— Что же касается этой девчонки, то я покажу ей, чего стоит ее дерзость! Я покажу ей «ничего дурного»! Немедленно приведи эту нахалку сюда, и я мигом отучу ее ухмыляться.

Миссис Джонс застыла от ужаса.

— Но, дорогой мой, подумай…

— Говою тебе, приведи ее сюда, и я всыплю ей дюжину розг. С такими, как она, разговаривать бесполезно.

— Томас. — Миссис Джонс собралась с силами. — В нашем доме никого и никогда так не наказывали, и я не могу согласиться с тем, что…

— Вот как? Ты не можешь согласиться? — Вена вздулась у него на переносице. — Я надеюсь, наш дом пока еще не бабье царство и командую в нем я!

За все годы их супружества, в котором были и разногласия по домашним вопросам, и тяжелые времена, и неприятности с деньгами, миссис Джонс ни разу не видела, чтобы у ее мужа было такое лицо. Казалось, своим глупым детским поступком Мэри Сондерс разрушила жизнь своего хозяина.

Мистер Джонс встал и с ужасным скрежетом

оттолкнул стул. Каждой частичкой своего существа миссис Джонс отшатнулась от мужа, но взяла себя в руки и не сдвинулась с места. Она слышала его тяжелое дыхание. На мгновение ей показалось, что его лицо смягчилось, — но нет, это была не доброта, а скорее какое-то неясное сомнение. Он нагнулся за костылями и пробормотал что-то себе под нос, так тихо, что ей пришлось переспросить:

— Прошу прощения?

— Сделай это сама, — буркнул он. — Так будет приличнее.

С этими словами он вышел из комнаты.

— Эби сказала, что я нужна.

Хозяйка стояла посреди гостиной, спрятав руки за спину, словно воришка. Глаза у нее были красные.

— Мэри, — быстро начала она. — Мистер Джонс… то есть мы — мой муж и я — мы решили, что тебя следует высечь за твое сегодняшнее поведение.

Миссис Джонс вытащила руку из-за спины, и оказалось, что она держит березовую розгу. Она растерянно повертела ее в пальцах, словно это была некая новомодная штучка и она не знала, как с ней обращаться.

Мэри в упор посмотрела на хозяйку. Некоторое время обе молчали. Она все еще не могла поверить, что это происходит на самом деле — ее не секли с тринадцати лет, с того самого раза, когда она потеряла деньги.

— Ты совершила дурной поступок, — с трудом выговорила миссис Джонс. Ее губы слегка задрожали.

— Что я такого сделала?

— Ты насмехалась над миссис Морган.

— Я смеялась не над ней. Я не имела в виду ничего плохого. И я попросила прощения!

Миссис Джонс поднесла было руку ко рту, но осознала, что все еще держит розгу, и торопливо ее опустила.

— Все дело в том, как ты смотрела на нее, когда рассмеялась.

— Я не отвечаю за свое лицо, мадам!

Но конечно, это была ложь. Весной ей повысили жалованье, и она охотно согласилась — и это было то же самое, как если бы она продала себя Джонсам со всеми потрохами. Ее спина, руки, слова, лицо — все принадлежало им.

— Твое поведение оскорбило миссис Морган. Возможно, мы потеряли самый важный заказ года.

— В таком случае она слишком обидчива, — пробормотала Мэри.

— О, Мэри. Ну какая же леди не обидится, если на нее так смотреть. В такую минуту!

Даже теперь Мэри не смогла удержаться от улыбки — совсем крошечной, но все же улыбки.

— Если ты ведешь себя как ребенок, я вынуждена обращаться с тобой как с неразумным дитятей. Войди, Эби! — неожиданно громко выкрикнула миссис Джонс.

Только когда Эби, с бесстрастным выражением лица, подошла поближе и немного нагнулась, Мэри поняла, чего от нее хотят. Она должна была расшнуровать корсет, обнажить спину и опереться на спину Эби, и обхватить ее так, чтобы она держала ее за руки. И позволить высечь себя, как настоящую преступницу, в то время как все, что она сделала, — это не вовремя засмеялась. Было очевидно, что приказ исходил от мистера Джонса, который хотел наказать Мэри, и отнюдь не за сегодняшний проступок, но за ту ночь, когда она задрала перед ним юбки.

Она была не обязана это терпеть. Нужно было всего-навсего подняться наверх и уложить свои вещи. Денег с лихвой хватило бы на то, чтобы сесть в дилижанс Ниблетта и начать новую

жизнь в Лондоне.

Однако что-то ее удержало. Возможно, привычка повиноваться. Возможно, странная неподвижность Эби и миссис Джонс, да и ее собственная — все три напоминали актеров в масках, разыгрывающих какую-то пьесу. А может быть, это был взгляд миссис Джонс, моливший: помоги мне, Мэри?

Мистер Джонс прижимался ухом к двери — так крепко, что в конце концов оно онемело. Ему казалось, что от каждого удара, раздававшегося в маленькой гостиной, дерево как будто сотрясается. Других звуков из комнаты не доносилось; никто не сказал ни слова, не вскрикнул от боли. Миссис Джонс делала свою работу на совесть, это было очевидно, хотя она и не знала, что муж слушает у двери. За что бы ни взялась Джейн, подумал он вдруг с восхищением и отвращением, она всегда старается сделать это как нельзя лучше. Даже если ей этого совсем не хочется.

Удары падали тяжело и равномерно, один за другим. После десятого возникла небольшая заминка, словно миссис Джонс сбилась со счета или скорее замерла, увидев первое пятнышко крови, проступившее сквозь рубашку, подумал мистер Джонс. Однако за десятым последовал и

одиннадцатый, а потом и двенадцатый. Затем наступила тишина, и он почувствовал одновременно облегчение и ужас.

Это его нужно было высечь. Теперь, когда он немного успокоился, мистер Джонс понимал это вполне ясно. Это он должен был быть в гостиной, оголив спину перед своей женой и умоляя ее содрать с него кожу. Он должен был упасть перед ней на колени и сказать: «Я нарушил данную тебе клятву верности с грязной шлюхой, той самой, которую ты считаешь своей дочерью. Как я могу загладить свою вину? Чем мне заплатить за свой проступок? Какую сделку нам с тобой заключить, чтобы можно было продолжать жить дальше?»

Злобой не поужинаешь, говорила когда-то мать. Мэри чувствовала, как твердый комок горечи спускается все ниже, словно она проглотила орех, и тот пускает корни глубоко внутри. Питаемый ее густой черной кровью и обидой, он разрастался так быстро, что не давал ей дышать.

В кровати она была одна. Мэри пошевелилась и вздохнула от боли. Она кое-как завела дрожащие руки за спину и принялась расстегивать корсаж. Корсет пришлось снимать целую вечность, но «будь я проклята, если заплачу», — подумала Мэри.

Как там сказала однажды Куколка? *Ни к чему привязываться к людям. В конце концов они всегда подводят.* Корчась от боли, она нащупала под кроватью сумку и вытащила из нее чулок. Маленький червячок, в котором содержались все ее надежды на будущее. Мэри высыпала монеты прямо на грубое одеяло; их вид и приятный звон слегка ее приободрили. Это было все, что стояло между ней и прочими девчонками с улицы. Все, на что она могла положиться: золото, серебро и медь, монетки, твердые и надежные, как кусок мяса. Она разложила деньги по кучкам и еще раз пересчитала. Эти цифры означали одно: свободу.

От свечи остался огарок не больше полудюйма. Она до смерти устала; боль гуляла по спине, как перо по бумаге, как будто кто-то с силой обводил рисунок, чтобы он проявился на другом листке. Глаза закрывались. Мэри упала обратно на кровать и накрыла монеты своим телом, словно дракон, охраняющий сокровище. «Возможно, пока я буду спать, мое сердце превратится в камень», — подумала она напоследок.

Миссис Джонс прислушалась. За дверью стояла полная тишина. Из замочной скважины падал слабый лучик света. Она хотела постучать, но не решилась — руки заметно дрожали, а пальцы

свело судорогой, словно она до сих пор держала розгу.

Она толкнула дверь и за мгновение до того, как погасла задутая сквозняком свеча, успела разглядеть Мэри Сондерс, лежащую поперек кровати прямо в рубашке, как ребенок, которого неожиданно сморил сон. Блеснули темные волосы, и наступила темнота.

Миссис Джонс услышала позвякивание, приглушенный возглас — как будто бы ругательство — и скрежет трутницы.

— Нет-нет, моя дорогая, — начала она. — Я прошу прощения…

— Подожди, — приказала невидимая Мэри.

Снова зажглась свеча. Миссис Джонс подошла к кровати и присела на самый край матраса. Между нею и Мэри лежала тонкая подушка.

— Я думала, это Эби, — холодно заметила Мэри.

— Нет, — слегка охрипшим голосом возразила хозяйка. — Эби сегодня ночует с миссис Эш. Я подумала, что ты лучше выспишься, если будешь в кровати одна. — Она посмотрела на свои сжатые в кулак пальцы. — Я должна тебе кое-что сказать, моя дорогая. Может быть, ты уже догадалась, что именно.

Эти глаза! Словно прожженные в простыне дыры.

— Это было не мое решение — наказать тебя подобным образом. Я знаю, что все вышло случайно — с миссис Морган. — Миссис Джонс откашлялась. В тишине маленькой комнатки этот звук показался оглушительно громким. — Но… у нас с тобой один и тот же хозяин, — почти неслышно закончила она.

Эта дерзкая бровь, недоверчивая, ставящая под сомнение любое слово!

— В каком-то смысле мы все служанки, Мэри, разве нет? — взмолилась миссис Джонс.

Мэри оперлась о подушку и придвинулась совсем близко к хозяйке:

— Возможно, мадам. Но одних секут… а другие держат розги.

Ее горячее дыхание обжигало.

Миссис Джонс почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Она ничего не видела, она слепла, и в ее сердце было черно, словно в угольной шахте.

Собравшись с силами, она протянула Мэри маленькую баночку, прикрытую бумажкой.

— Это мазь. Для твоей спины. Позволь мне намазать тебя.

На мгновение она подумала, что Мэри швырнет баночку ей в лицо, но та только молча повернулась и приподняла рубашку. Ее плечи были гладкими и молочно-белыми — ровно до первой кровавой полосы. Миссис Джонс уселась поудобнее, и подушка, что лежала между ней и Мэри, вдруг подозрительно звякнула. Мэри замерла, и скорее это, чем непонятный звук, заставило миссис Джонс насторожиться. Она приподняла подушку и увидела струящийся через узкую кровать ручеек монет.

— Что это? — изумленно выдохнула она и машинально перевернула несколько самых больших монет. — Сколько здесь?

Мэри обернулась, словно не понимая, о чем идет речь.

— Одиннадцать фунтов, три шиллинга и два с половиной пенса, — после долгой паузы сказала она.

Миссис Джонс молча пошевелила губами, повторяя. Не вполне осознавая, что делает, она положила подушку к себе на колени и прижала ее к животу. На какую-то долю секунды ей захотелось встать, и выйти из комнаты, и забыть, что она вообще сюда заходила, но миссис Джонс овладела собой.

— Мэри Сондерс?

В ее голосе слышались одновременно обвинение, угроза и мольба.

— Что?

— Откуда у тебя эти деньги?

— Они мои.

— Но как это возможно?

Мэри без всякого выражения, как кошка, уставилась на хозяйку.

— Я знаю, что ты солгала мне насчет старых долгов, — уже увереннее сказала миссис Джонс. — Но как у служанки, девушки в твоем положении, может оказаться целое состояние?

Снова вздернутая бровь.

— По-твоему, это не состояние? Одиннадцать фунтов!

Мэри упорно молчала, словно ей склеили губы.

Миссис Джонс на мгновение закрыла глаза. Необходимо быть твердой, напомнила она себе. Этот разговор должен идти в ту сторону, в какую ей нужно.

— Важно не то, сколько здесь денег, а то, как они к тебе попали, — тихо сказала она.

— Это мое дело, — огрызнулась Мэри.

Миссис Джонс приоткрыла рот. Новая жуткая

мысль пришла ей в голову.

— Я не потерплю воровства в этом доме!

— Я ничего не крала.

— Этого не может быть. Должно быть, ты обокрала кого-то из наших заказчиков. Тебе просто неоткуда было взять такую сумму — ведь когда ты пришла к нам, у тебя не было ни гроша! — Смятение и страх не давали ей думать ясно. — Скажи мне, чьи они. Мисс Робертс?

Мэри покачала головой.

— Но ведь не миссис Морган?

Опять тот же жест.

Миссис Джонс застыла от ужаса.

— Наши? Неужели ты пала так низко? Неужели ты смогла украсть из дома вещи и продать их? У своей собственной семьи? Ведь мы твоя семья, ты это знаешь. Больше у тебя никого нет.

Мэри бросила на нее яростный взгляд. Ее глаза заблестели. Непонятно, слезы это или просто отражение свечи, подумала миссис Джонс.

— Я ничего не крала. Эти деньги мои, клянусь. Все до последнего пенни.

— Но откуда они у тебя?

— Какая разница? — Голос Мэри почти сорвался на визг. — Деньги всегда откуда-нибудь берутся. Вернее сказать, отовсюду. Подумайте, в скольких

карманах полежали эти монеты. Главное то, что я их заработала.

— Честно?

Долгое молчание.

— Да.

— Ты лгунья, — бросила миссис Джонс, с трудом проглотив ком в горле. — И я не знаю, кто еще. И даже не хочу знать.

Мэри пожала плечами.

Неуверенным движением миссис Джонс смахнула монеты в передник. Мэри протянула руку, но хозяйка шлепнула ее по пальцам, и она спрятала руку за спину, словно обжегшись.

— Знаешь ли ты законы этой страны, Мэри Сондерс? — Миссис Джонс встала и перевела дыхание. Монеты оттягивали передник. — Если ты украдешь хотя бы носовой платок и это будет доказано, тебя вздернут на виселицу.

— Я не воровка, — сквозь зубы процедила Мэри.

Миссис Джонс подошла к двери и обернулась.

— Молись, — дрожащим голосом выговорила она.

Дверь с треском захлопнулась.

* * *

Наступило утро, такое же, как и любое другое.

Мэри надела корсет на покрытую кровоподтеками спину и затянула его так туго, что даже застонала от боли.

Весь день, работая в мастерской, она не поднимала глаз. Стояла невыносимая сентябрьская жара. Каждое ее движение кричало: *Вспомните. Вспомните, что я хорошая служанка. Вспомните, что вы обещали обращаться со мной как с дочерью.*

Лицо миссис Джонс было бледным, как воск. Сегодня они почти не разговаривали. Никакой обычной дружеской болтовни, только редкие просьбы передать ножницы или нитки. Вся их близость испарилась без следа. У Мэри тряслись руки, а глаза то и дело наполнялись слезами. Она мысленно заклинала: «Верьте мне. Я не могу сказать, откуда взялись деньги. Но все равно — пожалуйста, верьте мне».

В полной тишине они сделали последние стежки на декольте бархатного платья миссис Морган.

К ужину голова Мэри гудела как колокол. Она гоняла еду по тарелке, ни к чему не притрагива-

ясь. Мысли двигались тяжело и медленно, словно мельничные жернова. Она уже поняла, что сваляла дурака. Где-то там, за веками, зудел голос Куколки. *Самое худшее, что может быть, если тебя признают шлюхой, — получишь кнута. Ну или, может быть, запрут в каталажку. Но если эта твоя хозяйка объявит тебя воровкой, тебя ждет пеньковый галстук, моя дорогуша.*

Однако одного Куколка не поняла бы ни за что: как сильно Мэри хотела остаться. Здесь, в маленькой, душной, заставленной мебелью комнате в доме Джонсов на Инч-Лейн, в городе Монмуте в Англии, или в Уэльсе, или где-то между ними. Несмотря на лед в глазах миссис Джонс, несмотря на все, что произошло. До этого бесконечного дня Мэри не признавалась себе в том, что здесь был ее настоящий дом.

И как бы она смогла остаться, если бы произнесла эти слова: *мужчины*, и «*Воронье гнездо*», и *шиллинг за раз*? Правда была столь уродлива, что ни облагородить, ни приукрасить ее было невозможно. Как только это будет сказано вслух, все кончится. Миссис Джонс никогда не сможет ее простить. В этой семье не было места шлюхе.

В то воскресенье Мэри отправилась вместе с Джонсами в церковь, хотя от жары ее кожа по-

крылась красными пятнами, а в глазах плавали цветные круги. Она кротко опустилась на колени, припомнив, как это делалось в Магдалине. Преподобный Кадваладир, сжимая кафедру потными руками, призывал паству встречать неудачи с покорностью и христианским смирением.

— Если ваши замыслы провалились, если ваши надежды потерпели крушение, единственное, что может послужить вам утешением, — это вера во Всемогущего Господа.

На мгновение Мэри захотелось поверить этому человеку, несмотря на то что она, как никто другой, знала о его несравненном лицемерии. Может ли Господь Всемогущий спасти ее от обвинений в воровстве и от петли? Сможет ли он заставить миссис Джонс вернуть ей деньги и снова полюбить ее — как раньше? Сможет ли Мэри сказать хозяйке правду так, чтобы не обрушились Небеса?

— Будьте как тростник, который гнется, но не ломается, — призывал Кадваладир, — в то время как буря вырывает с корнем высокие кедры.

Мэри представила себе бурю, зубами срывающую листья с деревьев. Они рушились на землю одно за другим. Ее сердце вдруг забилось, как крыса в ловушке, к горлу подступила тошнота.

Голос Кадваладира странно отдалился.

— Мэри? — прошептала миссис Джонс.

Она хотела, хотела ответить, но почему-то она была очень далеко. Закружилась голова, горло свело судорогой, и она изо всех сил сжала губы.

Мягкая рука обняла ее за плечи, прохладные, как вода, пальцы коснулись ее лица, губ. Мэри покачнулась, и ее вырвало прямо в ладонь миссис Джонс.

Мэри проснулась посреди ночи, мокрая от пота. Чья-то рука прижимала к ее груди холодное мокрое полотенце. Она стиснула ее и почувствовала слабое ответное пожатие.

— Я не буду долго болеть, — выговорила она. — Клянусь.

— Тихо, тихо, cariad.

— Не прогоняйте меня. — Горячая соленая влага потекла по ее щекам, шее и ушам.

— Успокойся, девочка. Конечно, я не прогоню тебя. Ты — член нашей семьи, я тебе говорила.

— Я буду хорошей, очень хорошей, если вы позволите мне остаться, — всхлипнула Мэри.

— Я знаю. — Голос миссис Джонс был ласковым и мягким, как перышко.

— Пожалуйста, позвольте мне остаться. Мне очень жаль. Простите меня. — Но за что? Что она

сделала? Мэри совершенно об этом забыла.

— Хорошо, хорошо. Конечно.

Она вдруг вспомнила и ужаснулась.

— Я больше никогда не буду, мама. Это было… просто за ленту.

— Ш-ш-ш. — Влажное полотенце легло ей на лоб. — Нет никакой ленты.

Мэри попыталась вскочить.

— Куда она подевалась? — испуганно спросила она.

Мать мягко уложила ее обратно на подушку и поцеловала в лоб.

— Ее убрали, чтобы она не потерялась.

Мэри вяло подчинилась.

— Сначала такая была у Куколки.

— У куколки? Что за куколка?

Она уткнула горящее лицо в подушку.

— Куколка там, за замком, — пробормотала она и провалилась во тьму.

Когда Мэри снова очнулась, она увидела, что над ней склоняется человек с ножом. И она узнала его, узнала эти дьявольские брови! Она завизжала изо всех сил, так что он подпрыгнул.

— Я подержу ее, Джозеф, а ты попробуй еще раз.

Этот нежный голос… конечно, это не мать, осо-

знала Мэри. Это миссис Джонс.

Она плюнула мужчине в лицо.

— Я знаю вас! — дико крикнула она. — С вашим большим ножом и вашими рясами. Вам это обойдется в десять гиней, сэр!

— Тихо, Мэри. Кадваладир пришел, чтобы пустить тебе кровь. Он здесь, чтобы помочь.

Простыни связывали ее тело. Мэри отчаянно забилась.

— Тебе сразу станет легче, моя дорогая, — сказала миссис Джонс. — Нет лучшего средства, чтобы уменьшить лихорадку.

— На простыне уже была кровь, — сообщила Мэри. — Это было вино.

Кадваладир отошел в угол комнаты и сложил руки на груди. Его огромный нож торчал вверх. Миссис Джонс обернулась.

— Иди сюда, Джозеф. Видишь, она бредит.

Мэри попыталась плюнуть в него еще раз, но во рту у нее оказалась одна зола.

Миссис Джонс держала ее за плечи, а Кадваладир быстро провел ножом по ее шее сбоку. Мэри лежала молча, слушая, как в жестяной таз падают тяжелые капли. Кажется, миссис Джонс заплакала.

— Мы спасем тебя, Мэри. Мы делаем это только

для того, чтобы тебя спасти.

Когда миссис Джонс спустилась вниз, ее передник был запачкан кровью. Мистер Джонс ждал ее в гостиной. Он хотел протянуть руки навстречу жене, но они бессильно повисли по бокам.

— Как она? — тихо спросил он.

Миссис Джонс пожала плечами.

— Лихорадка не ушла?

Она уселась за стол и подперла щеку кулаком.

— То отпускает, то снова возвращается.

Он послушно кивнул, словно марионетка. Если девчонка умрет… мистер Джонс знал это совершенно точно, Джейн его никогда не простит.

Миссис Джонс подняла голову.

— Я знаю, ты недолюбливаешь Мэри. Ты ведь всегда ненавидел ее мать, не так ли?

Он изумленно моргнул.

— Ненавидел? Сью Рис? Вовсе нет. За что мне ее ненавидеть? Хотя… — Он заколебался. — Должен признать, я полагал, что она не совсем достойна твоей дружбы. Я хочу сказать, когда вы обе выросли.

Глаза жены впились в него, точно осколки стекла.

— Ты думал, что она сделала плохой выбор, выйдя замуж за Коба Сондерса. И что она заслужила

свое наказание.

Он промолчал, не зная, что сказать.

— Но иногда, Томас… иногда нас наказывают, хотя мы не сделали ничего плохого.

Ее лицо вдруг исказилось. Из глаз хлынули слезы. В два прыжка он подскочил к ней и прижал к себе.

— Что такое, любовь моя?

Ее тело сотрясалось от рыданий.

— Что такое?

— Ребенок.

Ему показалось, что он не расслышал. Он даже наклонил ухо к ее губам.

— Какой ребенок?

— Последний.

Он сжал ее крепче. Джейн плакала; он терпеливо ждал.

В конце концов она выпрямилась, вытерла слезы, и ее губы растянулись в мертвое подобие улыбки.

— Я потеряла его в мае, — еще всхлипывая, выговорила она. — Прости… мне очень жаль, что я не сказала тебе тогда же.

Кто-то словно ударил его в живот. Несколько долгих секунд он не мог вздохнуть.

— В этот раз все продлилось всего несколько

месяцев. Я не знаю, был ли это мальчик или девочка.

Он торопливо опустился перед ней на колени и схватил ее за локти.

— Мы должны попытаться еще раз, — быстро проговорил он. — В конце концов Создатель вознаградит нас. Мы должны верить в его справедливость.

Джейн покачала головой.

— Томас, — прошептала она. И повторила еще раз, тверже: — Томас. У нас есть дочь. — Она запнулась, словно собираясь с силами. — У нас есть… мы. — Снова короткая передышка. — Такова наша участь.

Они долго оставались в этой неловкой позе. Единственная нога мистера Джонса затекла. Затем онемели руки. Через некоторое время он уже не мог отличить свое тело от тела жены.

Церковь Святой Марии была пуста. Миссис Джонс преклонила колени и прочитала благодарственную молитву о выздоровлении страждущего.

В ее кармане лежал чулок с монетами. Сегодня утром она снова пересчитала их. Прикасаясь к золоту и серебру, миссис Джонс чувствовала, как горят ее пальцы. Ее сердце звенело, словно под-

кова на наковальне. *Ради всего святого, где?* Она не могла думать ни о чем другом. *Где девчонка взяла эти деньги?*

Миссис Джонс прижалась лбом к прохладной деревянной спинке скамьи. Мысли разбегались, как круги по воде, в голове стоял густой туман. Для того чтобы заставить человека сознаться в преступлении — так она прочитала в какой-то книге, — нужно отрезать язык у живой лягушки и положить ему на грудь, когда он будет спать. Тогда он заговорит во сне и расскажет чистую правду.

Какая чепуха. Надо было всего лишь спросить у Мэри Сондерс, откуда она взяла деньги; задавать этот вопрос снова и снова, пока она лежала в горячке и медленно выздоравливала, и в конце концов миссис Джонс непременно получила бы ответ. Но она не решилась. Наверное, она и не хотела знать правду — потому что, какой бы эта правда ни была, после нее миссис Джонс должна была бы самое меньшее вышвырнуть Мэри из дома. При одной только мысли об этом ее сердце сжималось. Да, она привыкла полагаться на эту девочку — слишком привыкла, теперь она это понимала. Она проявила слабость. Она сблизилась со служанкой, с юной девушкой, почти

ребенком. Она рассказывала ей о таком, что следовало бы знать только ее мужу. Она доверилась обманщице.

Что ж, по крайней мере, она знала, что делать с деньгами. Миссис Джонс принесла их сюда, чтобы опустить в ящик с пожертвованиями для бедных. Милосердие — высшая добродетель, разве не так всегда говорит Кадваладир в своих проповедях? *Блаженны те, кто отдает.* А ей бы не помешала милость Небес.

Кадваладир никогда не узнает, откуда взялись эти одиннадцать фунтов. Вероятно, он удивится, и обрадуется подобной щедрости, и станет гадать, кто же из богатых прихожан пожертвовал столь огромную сумму. А потом, если кто-нибудь будет расспрашивать ее о деньгах, найденных у Мэри Сондерс, миссис Джонс сможет сказать, что она ничего не знает. Для нее это грязные деньги — до тех пор, пока они не окажутся в ящике для бедных. Теперь они хотя бы смогут несколько месяцев кормить тех несчастных, что остались без крова или без работы, или обеспечить похороны дюжине нищих.

Она встала. Набитый монетами чулок ощутимо давил на бедро, и искушение вдруг овладело ею, словно порыв страсти. В первый раз за все время

миссис Джонс подумала, что можно оставить деньги себе. Она могла бы добавить их к своим личным сбережениям, средствам «на черный день», что хранились в шкатулке на дне ее гардероба. Это поможет семье справиться с потерей заказа от Морганов. Построить еще одну стену, защититься от возможной беды в том случае, если их замыслы по расширению дела обернутся неудачей. Никто никогда не узнает.

У миссис Джонс ослабели ноги. Деньги из ниоткуда! Незаработанные деньги! Деньги, за которые не пришлось попотеть! Несколько секунд она стояла неподвижно; любой, кто увидел бы ее в это мгновение, подумал бы, что она молится. И в каком-то смысле так оно и было. *Правосудие,* напомнила она себе. *Помни о Судном дне.*

Она оглянулась по сторонам. Вокруг никого не было. Миссис Джонс быстро подошла к ящику для бедных, вытащила из кармана чулок с деньгами и принялась одну за другой запихивать монеты в щель.

На второй неделе сентября немного похолодало. Возле реки Дженнет Гелдер охолащивал поросят. Их пронзительный визг разносился по всему городу. Мэри несла домой корзину солода. Ее ноги слегка дрожали, а дыхание было неров-

ным и частым. Поля уже засеяли озимой рожью; над ними собрались птицы. Какой-то ребенок побежал и замахал руками, чтобы их отогнать, и глаза Мэри тут же наполнились слезами. Сколько дней ему понадобится, чтобы заработать пенни? После лихорадки ей то и дело хотелось плакать.

За время болезни она не лежала без дела. В конце концов Мэри сочинила отличную историю. Просто и трогательно; она на чем свет ругала себя за то, что не додумалась до этого раньше. Эти деньги — тайное наследство, полученное от матери, — вот что нужно сказать миссис Джонс. *Никому о них не говори, Мэри, сказала мне мать на смертном одре. Спрячь их до худших времен. Это тебе на старость*. Мэри повторила рассказ сотни раз, пока он не стал звучать так же правдоподобно, как Откровение из Евангелия.

Что-то черное свисало с ограды возле моста. Мэри все еще не очень хорошо видела после болезни, поэтому она подошла ближе, чтобы разглядеть. Мертвая ворона, подвешенная за лапы, раскинула крылья, словно в последнем полете вниз, готовая вот-вот врезаться в землю. Она слегка раскачивалась на ветру. Мэри почувствовала темный, мускусный дух тления и поспешила домой.

Если набраться терпения и подождать, подходящая минута обязательно наступит, это Мэри знала точно. Так оно и вышло.

— Как ты себя чувствуешь, Мэри? — спросила хозяйка.

— Очень хорошо.

И это было почти правдой. У нее только слегка двоилось в глазах, и усилием воли Мэри уже могла сдержать дрожь в руках.

Мистер Джонс был в клубе; теперь он проводил там все больше и больше вечеров. Миссис Эш сидела наверху за Священным Писанием. Дэффи пошел прогуляться к реке. Даже Эби решила выйти подышать свежим воздухом.

Если не спросить сейчас, другой возможности может и не быть.

— Я хотела спросить… — начала Мэри. — Теперь, когда я поправилась…

— Да?

— Могу ли я получить свои деньги обратно?

Любящее, радостное лицо миссис Джонс тут же изменилось.

— О, Мэри… — выдохнула она.

— Теперь я готова сказать вам, откуда они взялись, — добавила Мэри и попыталась изобразить невинную улыбку. — Мне следовало…

Миссис Джонс покачала головой:

— В этом нет нужды.

— Но я хочу сказать, — возразила Мэри. — Я хочу вас успокоить. Я не говорила об этом ни одной живой душе, но вам… вам я могу довериться.

— Мэри. — Миссис Джонс кончиками пальцев зажала ей рот и замолчала сама. — Их больше нет, — наконец выговорила она почти шепотом.

Мэри замерла.

— Нет?

Миссис Джонс нервно облизнула губы.

— Я сделала то, что будет лучше всего.

Снова молчание.

— Я положила их в ящик для бедных.

Мэри прекрасно расслышала каждое слово, но почему-то она никак не могла понять, что они означают. Это было невозможно.

— Видишь ли, моя дорогая, — заторопилась миссис Джонс, — мне ясно, что ты поступила нехорошо, хотя я и не знаю, что именно ты сделала. Как бы то ни было, я уверена, что в глубине души ты совсем не плохая девочка. Теперь эти деньги пойдут на доброе дело и ты от них очистишься. Понимаешь? Они помогут нищим и сиротам.

— Сиротам? — хрипло повторила Мэри.

— Да. Несчастным созданиям, лишившимся родителей, так же как и ты.

«Так пусть они заработают себе на хлеб, как я», — лихорадочно подумала она.

— Теперь ты можешь выбросить их из головы, — заговорила миссис Джонс, не сводя глаз с ее лица. — Начать все сначала. И мы никогда об этом не вспомним. — Она потрепала Мэри по руке и облегченно вздохнула. — А сейчас я, наверное, тоже выйду немного подышать. Вечер уже совсем близко.

Она закрыла за собой дверь. Стены закружились у Мэри над головой. Некоторое время она сидела неподвижно, странностью позы напоминая незаконченную статую. Сплошная путаница и неразбериха. Смысл произошедшего все время ускользал от нее. Должно быть, ее ум еще слаб после лихорадки. Сейчас она все поймет. Сейчас…

На нее вдруг нахлынула ярость, пьянящая, как джин. Благотворительность — вот как они это называют. В школе они учили стишок, где говорилось, что надо быть признательным за благотворительные дары. Но что бы они сказали о благотворительном воровстве? Благотворительном грехе? О самонадеянности женщины, отобравшей у другой ее честно заработанное

состояние и бросившей его в ящик для бедных? Разве есть у кого-то право быть Леди Милосердие за чужой счет? Отнимать плоды сотни ночей, проведенных в комнатушке над «Вороньим гнездом»?

В два прыжка Мэри добралась до лестницы. Пора вернуть свое. Она ворвалась в спальню Джонсов и направилась прямо к гардеробу. Шкатулка была заперта, но это ее не остановило. Мэри сбежала вниз; ее сердце выбивало барабанную дробь. В кухне она схватила то, что первым попалось под руку: огромный мясницкий нож, еще не отчищенный от бараньего жира. Поднимаясь обратно наверх, она заметила, что дышит открытым ртом, как волчица. Кончиком ножа Мэри ковырнула замок, так что он отлетел в сторону, и откинула крышку.

Она пересчитала монеты, а потом пересчитала их снова, не в силах поверить своим глазам. Пять фунтов, три шиллинга и шесть пенсов. Личные деньги миссис Джонс, ее сокровище! На мгновение она почти пожалела хозяйку, но вспомнила о ящике для бедных, и ее гнев вскипел с новой силой. Эта ярость была сильнее, чем лихорадка. Это был ураган, сметающий все на своем пути. Злоба на мужчин, которых ей прихо-

дилось обслуживать, на женщин, провожавших ее неодобрительными взглядами, на мать, даже на Куколку — на всех, кто осуждал ее, и цокал языком, и считал, что им «лучше знать», и тех, кто разочаровывал ее. Выбрасывал ее за дверь, или покидал ее, или и то и другое — всегда и везде. Все ее прежние беды и печали как будто собрались вместе. Но ярость быстро поглотила их. Во рту у нее было горько, ноги сводило судорогой, а руки тряслись. *Эта сука получит то, что заслужила.*

Для начала Мэри высыпала в карман содержимое взломанной шкатулки. Черт ее забери, если она отправится в Лондон без денег и без возможности начать новую жизнь! Потом она сбегала в свою спальню, нарумянила рот и щеки и снова бросилась вниз. Она совсем не чувствовала усталости. Все тем же ножом Мэри открыла буфет — сейчас ее силы хватило бы и на десятерых, — вытащила пробку из бутылки самого лучшего, самого сладкого вина и припала к горлышку. Вино было таким крепким, что она закашлялась, но все равно допила до конца. Вторую бутылку Мэри прихватила с собой в магазин.

Ее мысли расплывались. Если вернуться в Лондон без хорошей одежды, то чем ты будешь отличаться от дикого животного? Кто ты без кра-

сивого платья? Бродяга, вынужденный скитаться из прихода в приход и окончить свои дни в работном доме, с ногами, прикованными к стене. Время как будто замедлилось. Большое зеркало притягивало Мэри, искушало, и она быстро скинула с себя свое простое коричневое платье и влезла в белое бархатное чудо миссис Морган. *Открытое платье для распущенной девки, ты, маленькая грязная шлюшка,* засмеялась Куколка у нее в голове. Еле двигая неловкими от вина пальцами, Мэри застегнула пуговицы. Платье сидело на ней так, будто было сшито только для нее. На длинном шлейфе извивались серебряные змейки. Мэри покружилась перед зеркалом, рассматривая себя, и мир закружился вместе с ней. Охваченная восторгом, она схватила бутылку и подняла тост за себя, всю себя, начиная от алых губ и заканчивая бесконечным шлейфом. Никогда в жизни она не видела ничего прекраснее.

Что еще взять? Ей предстояло нелегкое решение. Все будущее Мэри зависело от правильного покроя или выреза декольте. Так. Новую красную накидку миссис Теодозии Форчун, конечно, и зеленое распашное платье миссис Партридж из пу-де-суа, и… как можно уйти без розового корсажа в складочку, который она сшила для

мисс Элизабет Робертс? В любом случае этой старухе он не по возрасту, подумала Мэри. Что толку наряжаться, когда стоишь одной ногой в могиле? Она хватала все новые и новые наряды, ее руки были полны шелков и скользких атласов, а подбородком Мэри удерживала пару туфель на высоких каблуках. Она могла бы унести все, что было в магазине. Она сшила эти платья своими собственными руками. Она поливала их своим потом. И она будет их носить. Они принадлежат ей.

— Мэри?

Ее ноги внезапно заледенели, а голова пошла кругом. Мэри медленно обернулась, запуталась в своем снежно-белом шлейфе и чуть не упала.

— Мэри!

Никогда раньше она не слышала, чтобы хозяйка кричала. Вздрогнув, Мэри выронила их рук кучу платьев.

— Немедленно сними это! — Лицо миссис Джонс исказилось от гнева.

Мэри взглянула на себя, на белую бархатную реку своего тела и вдруг совершенно протрезвела.

Вот где настоящий конец. Куда ей бежать теперь? Через минуту миссис Джонс позовет констебля и заявит, что ее служанка воровка. Ее

могут вздернуть на виселице. Повесить, веревка будет впиваться в шею, пока она не умрет… «Вся власть в руках у этой женщины, — ясно и отчетливо подумала Мэри. — От ее воли зависит, буду ли я жить или умру. Она называла меня своей дочерью, но если она пожелает, моя жизнь прекратится».

— Не говорите со мной так, — выдавила она. Слова вылезали у нее изо рта медленно, словно грязь. — Вы не знаете, кто я.

— Я прекрасно знаю, кто ты, — бросила миссис Джонс. — Ты — моя служанка.

Вот и вся любовь. Мэри собрала всю желчь, что скопилась у нее внутри, и плюнула своей хозяйке в лицо.

Миссис Джонс, окаменев, уставилась на нее. По щеке у нее сползала капелька слюны.

— Для начала, я не сирота! — крикнула Мэри. — Моя мать жива и прекрасно себя чувствует, и ненавидит меня до глубины души. Все, что я вам рассказала, было ложью. От первого до последнего слова.

Щеки и лоб миссис Джонс покрылись мертвенной бледностью.

— Я шлюха. Разве вы еще не догадались? Не сказать, что вы очень смекалисты, миссис Джонс!

Те деньги, что вы украли, я заработала своей собственной дыркой. Я не пропустила ни одного мужчины, что проезжал через этот жалкий убогий городишко.

По лицу хозяйки пробежала волна боли.

— Да что там говорить! Я делала это даже с вашим собственным мужем! Стоя, у стены!

Безжизненные неподвижные губы.

У нее кончились слова. Она чувствовала себя опустошенной и выхолощенной. Пусть миссис Джонс согнется под бременем того, что узнала. Сейчас Мэри очень хотелось увидеть ее слезы.

Вместо этого, миссис Джонс прочистила горло и почти бесстрастно произнесла:

— Убирайся из моего дома.

Мэри легко двинулась к двери.

— И сними это платье, пока ты его не загрязнила.

Она застыла на месте. Самым странным было то, что хозяйка, кажется, оказалась права. Мэри вдруг ощутила, что каждая пора на ее теле источает яд и грязь, отравляя тончайшую серебряную вышивку. Белый бархат был ее змеиной кожей. Она не могла скинуть его сейчас; если она сделает это, от нее ничего не останется. Мэри покачала головой. Она не могла выговорить ни слова.

Миссис Джонс повелительно протянула руку и щелкнула пальцами.

Нож лежал на швейном столике, там, где она его и оставила. Мэри схватила его и почувствовала его упоительную тяжесть. Именно такую руку она всегда и хотела иметь. Руку, которую никто не может стряхнуть; руку, которой никто не может пренебречь. Теперь она наконец-то стала сама собой. Она была королевой.

Миссис Джонс ничего не заметила. Она сделала шаг вперед и дернула рукав белого платья. Раздался омерзительный треск.

Мэри посмотрела на свое точеное плечо. Оно выглядывало из прорехи, словно кость неведомого животного. Все испорчено, пронеслось у нее в голове. В мире больше не осталось ничего нетронутого и чистого.

Первый удар был на удивление легким. Он получился как будто сам собой, Мэри даже не успела понять, что сделала. Словно нож сам отомстил за платье. Только увидев мелкие капли крови на снежно-белом корсаже, она осознала, что произошло.

Испорчено, все испорчено.

И тогда она перехватила нож поудобнее и нанесла второй удар. В этот раз толстое лезвие

вошло в шею миссис Джонс. Она упала на пол. Кровь брызнула вверх, как фонтан. Как алый фейерверк.

Их глаза встретились. Мэри уже не могла разобрать, кто из них падает, кто истекает кровью. Все напоминало странное причудливое представление. Миссис Джонс пыталась что-то сказать, Мэри пыталась что-то ответить. Их губы шевелились. Они разговаривали друг с другом как животные, на языке, который было невозможно постигнуть.

Умирающая миссис Джонс увидела, как ее служанка упала перед ней на колени, как двигаются ее губы, но слышала лишь громкий, все нарастающий рев. Боли не было, только предметы вдруг потеряли свои очертания. Все расплывалось. Она не понимала, что случилось. Что-то пошло не так. Все неправильно, совсем неправильно. Удивление, и печаль, и гаснет свеча. Кажется, она забыла что-то сказать или спросить, и где же дети? Что такое она собиралась сделать до темноты? Везде было красное — кто теперь это уберет? Пока еще рано ложиться спать. Нельзя ложиться, пока не закончены все дела.

Мэри так и не узнала, когда наступила смерть, — глаза не закрылись. Ей показалось, что прошло уже много часов. Она не знала, как отсчитывать

время; единственным его мерилом была алая лужа, постепенно подбирающаяся к тому месту, где она сидела. Когда подол платья намок от крови, Мэри, шатаясь, поднялась наконец на ноги.

Хозяйка смотрела прямо на нее. Мэри наклонилась вперед и закрыла один глаз. Ее палец оставил кровавую полосу от брови до щеки. Словно актер, разрисовавший лицо для пантомимы на Двенадцатую ночь. Мэри взглянула на свое платье, испещренное красным. *Холодная вода и потереть лимоном — вот и все, что нужно, Мэри.* Ко второму глазу она притронуться так и не смогла. Он наблюдал за ней, пока она пятилась к двери, боясь повернуться к миссис Джонс спиной — словно та была королевской особой. Или демоном.

Не глядя, Мэри схватила кучу платьев. Ее ноги оставляли на полу коридора длинные, красные, липкие следы. Еле шевелясь, она добралась до двери, долго возилась с задвижкой и наконец сумела ее открыть. Краем сознания Мэри понимала, что теперь она преступница, но в то же время ей с трудом верилось, что в мире остался хоть кто-то живой.

— Хозяйка?

Эби открыла дверь магазина и задохнулась от

ужаса.

Она старалась держаться подальше от разливавшейся на полу алой лужи, чтобы не запачкаться. Но кровь вдруг оказалась у нее на руке — длинная красная полоса. Может быть, от двери? Эби затряслась и бесшумно отступила в коридор.

Она привалилась к стене и закрыла глаза, пытаясь изгнать из памяти то, что только что увидела. Она еще не успела пожалеть мертвую миссис Джонс; ее ум лихорадочно трудился над другой задачей. Как доказать, что ее здесь не было? Кто может это засвидетельствовать? Можно убежать прямо сейчас, на другой конец города, но что, если кто-нибудь ее увидит?

Уже несколько недель подряд Эби преследовали воспоминания о Барбадосе. Это началось, когда хозяйка позвала ее помочь с наказанием Мэри Сондерс. Розга ни разу не задела ее саму, но она держала свою так называемую подругу (предательницу!) за руки, ощущала на себе ее тяжесть, и каждый удар березового прута отдавался в теле Эби, как эхо. Страх перехватил ее горло. Она будто снова вернулась на Барбадос, и не на солнечный, плодородный остров, каким он запечатлелся в ее обманчивой памяти, а в

место, где она оставила двадцать лет своей жизни. Двадцать лет тяжелого труда — и каждый день, каждую минуту она ждала, что на ее спину обрушится удар.

Сейчас, глядя на темный омут, серединой которого было рассеченное горло миссис Джонс, Эби понимала, что ее мир снова раскололся на куски. В прошлый раз, когда умер хозяин, ей в руку воткнули нож. Что с ней сделают на этот раз?

Хлопнула входная дверь. Подуло сквозняком, и до нее донесся рассеянный свист Дэффи.

Эби открыла рот и завизжала. Ведь именно так ведут себя невиновные? Она сделала это машинально, словно отпугивая птиц. Теперь надо побежать и привести соседей — так поступила бы невиновная служанка. Едва не сбив Дэффи с ног, Эби выскочила за дверь и понеслась за угол и дальше, вниз по Грайндер-стрит, к ближайшей таверне, над входом в которую висело растрепанное воронье гнездо.

Это напоминало торжественную процессию, только все двигались гораздо быстрее. Древний обряд с особыми костюмами и никому не понятными ритуалами, пронеслось в голове у Дэффи, когда он свернул на Степни-стрит. Впереди бежали мужчины с фонарями; он прибавил ходу

и почти нагнал их. Их крики были словно обрывки песнопений старинного и полузабытого праздника, который не отмечался ни разу за всю их жизнь.

— Держи ее!

— Хватай ее!

Дэффи молчал, стараясь не сбивать дыхание. Монноу-стрит, извиваясь, будто змея, вела их к блестевшей в лунном свете реке. Впереди всех преследующих несся его отец. Его парик съехал в сторону. Дэффи поскользнулся на гнилой кожуре и чуть не упал. Возглавляла процессию Мэри Сондерс. Она шаталась, словно пьяная; белый, светящийся в темноте шлейф ее платья волочился по грязи. К груди она прижимала груду каких-то тряпок — нежно, будто ребенка. Кусок кружев упал на землю, и она на мгновение остановилась, чтобы его поднять.

Все было предопределено. По Монноу-стрит можно было выйти только к реке. Прохожих на улице не было, только загнанный зверь, и погоня, и изредка изумленные лица в окнах. Мэри Сондерс мчалась прямо к мосту. Отсюда отверстия между его каменными опорами казались не больше игольного ушка. Кадваладир был уже в нескольких футах от беглянки. Нет, она не соби-

рается броситься в реку, понял вдруг Дэффи. Она все еще думает, что сможет спастись.

Глава 8. Полет вороны

Всю ночь Томас Джонс просидел возле тела своей жены. Он держал ее у себя на коленях. Один раз дверь со скрипом приоткрылась, и внутрь осторожно заглянула миссис Эш, но он обрушил на нее такое страшное валлийское проклятие, что удивился сам. Он и не знал, что еще помнит эти слова.

Но на дворе стояла слишком теплая для сентября погода. Похороны нельзя было откладывать.

В полдень мистер Джонс вышел из дому и постучал в дверь плотника Джеда Карпентера. Его панталоны были ржавыми от крови. Костыли скрипели и качались. В кармане лежало около двух гиней, из тех денег, что нашли у преступницы. Этого вполне хватало на добротный буковый гроб.

Потом он сделал что-то, чего не делал ни разу за всю свою жизнь. Томас Джонс поднялся наверх в спальню — в середине дня — и улегся в постель. Кажется, он потерял всякое представление о том, где находится; мир кружился у него над головой. Если перестать думать, наступит тишина, а это будет хуже всего, понял он. Поэтому он начал

задавать себе вопросы, один за другим, как ребенок, швыряющий камни в спящую собаку. Когда он сумеет закончить тот атласный корсет для миссис Гриер? Выплатил ли мистер Дженкинс последний шиллинг за свой летний сюртук? Сколько колбасы осталось в кладовой — или, может быть, она уже испортилась?

Горе — дорогое удовольствие. До темноты надо будет дойти до Роны Дэвис на Уай-стрит, теперь единственной портнихи города, и заказать траурные одежды для себя и Гетты, а также и для слуг. Затем надо купить напитков и мяса для ночного бдения. Не то чтобы ему хотелось, чтобы соседи всю ночь глазели на тело его жены, но таков обычай.

Ногу терзала тупая боль. Не настоящую, но ту, что отрезал цирюльник сорок лет назад. Что они сделали с тем почерневшим обрубком? — подумал Томас. Где-нибудь закопали? Возможно, на грядке в огороде позади их старого дома на Бэк-Лейн? Он до сих пор помнил скрежет пилы, впивающейся ему в кость. И свои мысли, мечущиеся, словно звери в клетке. *Какое ремесло мне выбрать — где не нужны две ноги? Как я смогу возместить то, чего мне не хватает?* И самый главный вопрос, что копошился в его детском

сердце. *Господи, чем Ты отплатишь мне за то, что я потерял?*

После ужина, когда Эби унесла его нетронутую тарелку, мистер Джонс впервые внимательно посмотрел на свою дочь. У нее точь-в-точь такие же глаза, как у матери, вдруг заметил он. Как же он не видел этого раньше?

— Папа, — осторожно спросила Гетта. — Куда подевалась мама?

Тишина как будто накрыла их всех огромной сетью.

— В рай, дитя мое, — с усилием выговорил мистер Джонс.

Гетта прижала палец к хлебной крошке и сунула ее в рот. Миссис Эш разглядывала свой передник. Дэффи отодвинул стул, как будто хотел встать из-за стола.

— Она упала в реку? — спросила Гетта.

Миссис Эш набрала воздуху в легкие, чтобы сделать девочке внушение, но мистер Джонс опередил ее.

— Нет, — мягко ответил он.

Трое взрослых уставились на ребенка, словно на грозовую тучу, готовую разразиться дождем.

— Ее съела большая крыса? — Гетта продолжала свою ужасную игру.

Миссис Эш подняла руку, чтобы закрыть ей рот, но мистер Джонс снова оказался первым. Он поставил локти на стол и обхватил пухленькое личико ладонями. Их носы почти касались друг друга.

— Нет. Это была не крыса.

Гетта кивнула. Ее щеки смешно расплющились.

— Ее убила Мэри Сондерс. Ты понимаешь меня, девочка?

Миссис Эш беспокойно шевельнулись, словно у нее внезапно заболел живот.

— Мистер Джонс…

— Гетта? — повторил он. Он должен был удостовериться, что дочь поняла его правильно. И пусть даже она испугается — сейчас ему было важно сказать правду вслух и донести ее до ребенка.

— Наша служанка Мэри? — спросила Гетта, и ее глаза наполнились слезами.

— Правильно. Мэри Сондерс убила твою мать.

Лицо девочки исказилось так, словно он ее ударил.

— Отвечай немедленно: черная приложила к этому руку?

— Нет, — вырвалось у Мэри прежде, чем она поняла, о чем спрашивает констебль.

— Черная заявила, что она нашла тело. На рукаве у нее было кровавое пятно.

Мэри увидела крошечный проблеск надежды. Эта ложь может спасти ее. Сейчас ее жизнь зависела от одного коротенького слога. Искушение было велико, оно манило ее, как бездонная пропасть. Как легко было бы дать тот ответ, который они ожидают, убедить их, что за всем стоит Эби…

Мэри вдруг почувствовала неодолимое отвращение к самой себе. Разве недостаточно ей одного убийства?

— Нет, — повторила она, более твердо, чем первый раз.

Констебль схватил ее за плечи и потряс, как тряпичную куклу.

— Ты ничего не выиграешь, прикрывая эту язычницу.

— Нет. Я никого не прикрываю.

— Была ли это хотя бы ее идея?

— Эби ничего не делала и ничего не говорила, — отрывисто сказала Мэри. — Я клянусь. Она ничего не знала. Виновата только я одна.

— Девочка шестнадцати лет?

— Я вся в ее крови! — пронзительно выкрикнула Мэри и тряхнула шлейфом прямо перед носом

констебля. Кровавые разводы превратились в коричневые; грязные пятна и потеки покрывали белый бархат в серебряных змейках и яблочках. — Какие вам еще нужны доказательства, вы, дурни!

После этого, как она надеялась, все произойдет очень быстро. Однако, просидев целую ночь в подвале здания суда, в одной рубашке и одеяле, Мэри осознала свою ошибку. Утром ей сообщили, что ее будут судить на ежегодной сессии, но когда именно это произойдет, никто не сказал. Нет никакой спешки, с опозданием поняла Мэри. Она — не важная птица.

Ей еще не приходилось бывать в монмутской тюрьме — не было случая. Оказалось, что тюрьма находится на Херефорд-Роуд. Констебль связал Мэри локти за спиной и посадил в телегу. От резкого ветра из ее левого глаза все время текли слезы, а лицо чесалось. Телега ползла мимо крепких новых домов и коттеджей. Вскоре Монмут закончился, и потянулись пустые поля. Мэри казалось, что они направляются прямо в пустоту, в страну, лежащую за пределами времени.

В конце концов, какая разница, куда ее везут? Ее дорога уже завершилась. История рассказана. То, что она считала своей жизнью, закончилось,

и ничто не могло прийти ей на смену.

* * *

Похороны состоялись на третий день. На Инч-Лейн собралась большая толпа народу; вся улица была забита желающими проститься с миссис Джонс. Морганы прислали свою карету, которая стояла теперь на углу, в знак уважения — однако не удосужились поприсутствовать лично, с горечью отметил мистер Джонс. Мужчины вынесли гроб из узкого дома, поставили его на землю и разложили сверху хлеб и пиво. Дай Грайндер вытащил из кулака мистера Джонса короткую соломинку, и ему выпало быть «поедателем грехов». Он сунул в рот краюху сухого хлеба и запил ее пивом; потом мистер Джонс швырнул ему шесть пенсов, Дай поднял монету из грязи, развернулся и пошел прочь. Все провожали его плевками. Дай кое-как пробился через густую толпу и скрылся из вида.

— Пусть все прегрешения моей жены уйдут вместе с поедателем грехов, — громко сказал мистер Джонс. Он надеялся, что дьявол его слышит и что все это правда.

Но кто же унесет с собой его грехи? Об этом он не мог рассказать ни одной душе — так же, как не

мог и забыть ту майскую ночь возле «Вороньего гнезда», когда он спустил с себя штаны и дал волю дикому зверю, который живет внизу живота каждого мужчины. Его рот был забит пылью. Кто такой Томас Джонс без своей жены? Престарелый калека, одноногий шут, простофиля, поддавшийся чарам стройной молоденькой шлюхи.

Никто не посмел возразить, когда он ухватился за край гроба вместе с тремя кузенами миссис Джонс и ее племянником. Он отбросил один костыль в сторону и прижался плечом и щекой к гладко обструганной древесине. Он знал, что мешает другим, замедляет их движение. Каждый раз, когда мистер Джонс опирался на костыль и нырял вперед, гроб подпрыгивал, словно там был кто-то живой и он порывался выбраться наружу. Из-под его парика ручьями стекал пот. Все смешалось, он больше не доверял своим ощущениям — сейчас он не мог бы сказать наверняка, какого цвета небо, наколотое на шпиль церкви Святой Марии, — серого или какого-нибудь иного? И точно ли земля под ногами коричневая?

Погребальный колокол был привязан к тису возле храма. Преподобный Кадваладир бешено дергал его за язык, как будто на церковь напали и он пытался позвать на помощь. Его лицо было

красным, как сырое мясо. Неужели он плакал? Кадваладир всегда прекрасно относился к Джейн, вспомнил мистер Джонс.

Южный угол кладбища был засыпан бумажными цветами, оставшимися от прошлых похорон, и уже засохшими по краям хризантемами. В семейной могиле Джонсов, забитой детскими гробами, почти не осталось места. Как и в церкви, женщины выстроились по правую сторону, а мужчины по левую. Мистер Джонс, прямой, словно колонна, встал рядом с надгробной плитой. На ней уже была выбита свежая надпись.

Здесь покоится тело Джейн Джонс, предательски убитой.

Ему хотелось добавить к этому что-нибудь еще. Что-то личное о Джейн, о том, какой она была: *добродетельная супруга и любящая мать*, или *оплакиваемая всеми, кто ее знал*, или *своим неустанным трудом заслужившая вечный покой.* Может быть, даже чья *безвременная кончина вопиет Небесам об отмщении.* Однако на плите было мало места, и каждая буква стоила немалых денег, и миссис Эш убедила его, что Джейн не одобрила бы подобной расточительности. Тем не менее мистер Джонс настоял на том, чтобы каменщик вырезал на надгробии эмблемы ре-

месла миссис Джонс: катушку, шило и ножницы. Мастер долго ворчал, что в случае с женщинами так делать не полагается, но выполнил то, что от него требовалось.

Прохладный ветер пошевелил ветки деревьев. Первое дуновение осени.

— Господи Боже мой, — прочел Кадваладир из своего старого, потрепанного молитвенника. — Я верую в то, что в своей мудрости и справедливости Ты назначил всем нам разный удел и что беды и испытания, уготованные нам в этой юдоли слез, есть доказательство Твоей божественной любви и посланы Тобой, чтобы принести нам благо.

Эти слова мистер Джонс слышал множество раз, но теперь он вдруг усомнился в их истинности. Какое благо могло принести это испытание, эта нелепая, страшная смерть? Он попытался отыскать в своем сердце хоть немного веры, но там было совершенно пусто. Он больше не верил в то, что Создатель воздаст ему за все его потери. Банк прогорел.

— И тогда упокоятся уставшие, — Кадваладир поднял обведенные темными кругами глаза, — и слуга освободится от своего хозяина.

Но Джейн ушла к такому хозяину, от которого освободиться невозможно, подумал мистер

Джонс. Жители Монмута, собравшиеся возле могилы, повторяли знакомую молитву, но он обращался к Богу с новыми словами — и слова эти были далеко не праведными.

Злодей.

Мерзавец.

Дерьмо.

Священная сделка, заключенная между ним и Господом в то мгновение, когда пила вгрызлась в ногу, была нарушена.

Но как он мог быть уверен, что сделка действительно состоялась? Создатель не говорил с ним — во всяком случае, не словами. Он молчал сорок лет назад, и он молчал сейчас. Каким же дураком был маленький Томас, приняв безмолвие за согласие!

У него сильно звенело в ушах. Гроб со стуком опустили в могилу. Мистер Джонс выступил вперед и первым швырнул на крышку горсть земли, с такой силой, будто хотел разбудить свою жену. Или Создателя. Или хоть кого-нибудь, кто мог бы дать ему ответ.

Несчастный, подумала миссис Эш. Чувство жалости было сладким, как сахар.

Не то чтобы она не горевала. Увидев посиневшее тело хозяйки, миссис Эш проплакала

несколько дней подряд. Она плакала даже ночью, когда просыпалась, и ее сердце все еще колотилось, когда она вспоминала мертвое лицо миссис Джонс. Подумать только! *Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа*[25]. Конечно же она оплакивала кончину миссис Джонс, не самой худшей из хозяек — о, далеко не самой худшей! Дом без ее легких шагов будет пустым и холодным.

Какое, однако, бесстыдство со стороны преподобного Кадваладира! Стоять с таким набожным видом, в то время как деньги, лежащие в его кармане, он получил, будучи сутенером убийцы! Вчера миссис Эш не поленилась пройти пять миль до дома викария, чтобы рассказать ему о постыдной связи священника с девчонкой, что убила миссис Джонс. Но к ее величайшему разочарованию, викарий заявил, что действия Кадваладира в качестве владельца «Вороньего гнезда» не подлежат юрисдикции Церкви и что дело достаточно неприятное и без ее вмешательства.

И все же как утешительны его молитвы!

Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю,

---

[25] Сноски: 25
Мф., 25: 13.

которую нельзя собрать; но Бог не желает погубить душу и помышляет, как бы не отвергнуть от Себя и отверженного[26].

Нэнс Эш благочестиво склонила голову. Во всем этом ужасе был некий скрытый смысл — даже если большинству смертных было не дано его постичь.

Где-то глубоко в ее груди таилась радость. Совсем крошечное зернышко — но тем не менее это была радость. Он пришел, час искупления! Теперь преданная слуга получит заслуженное вознаграждение!

Мистеру Джонсу понадобятся забота и участие, подумала миссис Эш. Ему непременно нужно жениться еще раз, и ради ребенка, и ради себя самого. На добродетельной женщине, не слишком юной, чтобы она могла разделить его нелегкую ношу, но и не старой. Такой, которая вполне сможет родить ему сына.

Сердце Нэнс Эш учащенно забилось. Ей было почти не стыдно за то, что подобные мысли появились в ее голове так скоро. Она бережно баюкала свои надежды, словно дитя в колыбели. Опустив голову, миссис Эш помолилась о том,

---

[26] Сноски: 26
2 Цар., 14: 14.

чтобы из плохого выросло нечто хорошее. Потом она украдкой бросила взгляд на мистера Джонса и покусала губы, чтобы они казались румянее.

* * *

Могильщики ждали у дверей церкви, чтобы получить свое вознаграждение. Проходя мимо, все давали им деньги, обычно больше, чем могли себе позволить, — в знак уважения.

Дэффи дождался, пока церковный двор не опустеет, и нащупал в кармане маленький бумажный пакетик. Сквозняк заставил его поежиться. Уже три дня он чувствовал себя словно в горячке. Связаться с убийцей! Он едва не женился на страшном чудовище! В который раз Дэффи закрыл глаза и поблагодарил Создателя за Его милость.

Земля со Скиррид была немного влажной. Он рассыпал горсть над открытой могилой, чтобы душа несчастной хозяйки упокоилась с миром. В пакетике еще оставалась небольшая щепотка; Дэффи приберег ее на случай, если зимой на него снова нападет кашель. Всегда нужно иметь что-нибудь про запас. Никогда не знаешь, какие беды ждут тебя впереди.

Он вышел на солнце и отряхнул ладони. Чья-то

тень упала на него, и Дэффи поднял голову. Светлые волосы, веснушчатое розовое лицо. Гвинет. Они не разговаривали уже несколько месяцев.

— Дэффи, — тихо сказала она.

— Гвинет. Ну и народу сегодня было, — светским тоном заметил он, чтобы избежать неловкого молчания.

Солнечные лучи запутались у нее в волосах.

— Все ее любили. Твою хозяйку. — Гвинет опустила глаза.

— Я не знал женщины лучше, — просто ответил Дэффи.

Некоторое время они шли в тишине.

— Я слышала, девчонку поймали, — выговорила Гвинет.

— Да. — Дэффи замедлил шаги. Его вдруг затошнило.

— Должно быть, ты знал ее лучше других. — Гвинет бросила на него вопросительный взгляд. Было видно, что любопытство не дает ей покоя.

Дэффи неловко пожал плечами.

— Ты когда-нибудь думал, что она способна на такое? — не выдержала Гвинет.

Он было покачал головой, но тут же остановился.

— Впрочем, если подумать… в ней всегда чув-

ствовалось нечто особенное…

Гвинет распахнула небесно-голубые глаза.

— Ты хочешь сказать, нечто дурное? Злое?

— Нет, нет. — Теперь они шли немного ближе друг к другу. — Что-то, не совсем подходящее для служанки. Возможно, беспокойство. От подобных людей так и ждешь неприятностей.

Гвинет многозначительно помолчала.

— До меня дошли кое-какие слухи, — пробормотала она.

— Да?

— Что она… что она зарабатывала не только шитьем.

— Я ничего такого не слышал. — Дэффи обвел глазами толпу впереди, повернулся и посмотрел Гвинет прямо в глаза. — Что ты имеешь в виду?

Ее щеки покрылись чудесным румянцем.

— Я не знаю никаких подробностей. — Гвинет говорила неправду, Дэффи сразу понял. — Но там было что-то, связанное с таверной. И путешественниками.

Дэффи прикрыл глаза и вдруг мысленно увидел Мэри Сондерс с кружкой для сидра в руках. Она отправлялась в «Воронье гнездо» в любую погоду, едва ли не каждый день — и все ради того, чтобы сделать миссис Джонс приятное! Ее черные глаза,

широкие шаги… Ну конечно. Дэффи покраснел от смущения. Он прочел много книг, но так и не научился читать по лицам окружающих, хотя порой все было ясно как день!

Но все это больше не имело значения. Нужно переменить тему, подумал он, пока Гвинет о чем-нибудь не догадалась. Он бросил воровато взгляд на ее мягкие округлости, обтянутые заплатанным нежно-лиловым платьем. Что ж, можно хотя бы как следует посмотреть на нее напоследок, пока Дженнет Гелдер не наложил на нее свои вонючие лапы.

— А что же ты? День уже назначен? — вежливо спросил он.

— День?

Дэффи с детства знал, что нельзя сдирать корку с раны, но он уже не мог остановиться.

— День твоей… твоей…

— О нет, — перебила Гвинет.

— Нет? — изумленно переспросил он.

— Все кончено, — кивнула она.

Дэффи остановился как вкопанный. Щеки Гвинет снова запылали.

— Дженнет уехал в Норидж. Он там женится на вдове, у нее своя пекарня.

Дэффи участливо закивал — по крайней мере,

он надеялся, что это было участливо. Сверкнула искра и приземлилась прямо на хворост его сердца, и он почувствовал, что вот-вот загорится. Кажется, он мог бы упасть прямо здесь, на мостовой, — так сильно он вдруг взволновался.

Боясь испортить все словами, до самого дома Джонсов они шли молча. Мистер Джонс, похожий на испепеленное молнией дерево, стоял у дверей, принимая соболезнования соседей.

* * *

Эби на похороны не пошла. Когда Рона Дэвис приходила снимать со всех мерки на траурные наряды, она спряталась в своей комнате и не стала спускаться вниз. Теперь она смотрела на траурную процессию из чердачного окна.

Эби слышала, как миссис Эш рассказывала Гетте про рай, но, конечно, это были детские сказки. Она точно знала, что будет с миссис Джонс: ее опустят в яму на церковном дворе и ее дух уйдет в землю. С другой стороны, Эби была уверена, что, когда умрет она сама, ее дух вернется в ее родную страну. Иногда она мечтала об этом: яркое солнце, жара, сочные краски. И всегда надеялась, что дух сумеет найти дорогу домой.

В переулке за домом мужчины резали свинью.

Эби подождала, пока смолкнет визг. Каждый год этот звук напоминал ей о том, что на носу долгая зима и пора сокращать поголовье. В огромных дубильных чанах мокли свиные шкуры — начался долгий процесс их превращения в кожу. Пора было солить мясо, чтобы сохранить его на время поста. Скоро птицы будут кружить над головой, готовясь лететь на юг.

Пора.

В ту самую минуту, когда мистер Джонс закрыл парадную дверь, отделив себя от толпы, Эби тихонько выскользнула через задний ход. В левой руке она держала сумку, которую прятала под кроватью Мэри Сондерс, битком набитую яркими, вызывающими нарядами. Эби никогда не видела, чтобы Мэри их надевала, но она решила, что именно такую одежду носят женщины в Лондоне.

За кожаным корсетом прятались пять фунтов серебром, которые вручили ей квакеры — после того, как целый месяц обдумывали дело Эби на своих молчаливых собраниях. Она спросила у Дэниэла Флита, когда Общество ожидает, что она отдаст им долг, но он только странно улыбнулся и сказал: «Не в этой жизни».

Страх перехватил ей горло, словно медный

ошейник.

Будут ли ее искать? Этого Эби не знала. Все зависело от мистера Джонса. Возможно, он будет слишком погружен в траур, чтобы думать о чем-то, кроме своей жены… но, с другой стороны, может быть, он решит, что побег Эби — это еще одно предательство, и пошлет по ее следу ищеек из Бристоля, чтобы они привезли ее обратно в кандалах? Скорее всего, преследователи будут ожидать, что она сядет в дилижанс Джона Ниблетта до Лондона. Вместо этого Эби собиралась отправиться в Чепстоу, спуститься вниз по Северн и дальше плыть на корабле вдоль побережья. Она заранее отрепетировала нужные слова. *Я еду по делу хозяина. До Лондона, пожалуйста. Вот деньги.* Квакеры нарисовали для нее карту; Эби не могла прочитать, что там написано, но могла ткнуть пальцем в нужную дорогу.

Дэниэл Флит заверил ее, что в Лондоне ей грозит куда меньшая опасность, но нужно остерегаться ищеек, особенно если о ней дадут объявление в газетах. Он даже прочитал ей одно или два для примера, и теперь Эби представляла себе, что могли бы написать о ней самой. «Сбежала от хозяина 15 сентября. Эби Джонс, возраст около тридцати лет, на левой ладони шрам. Сообщив-

ший сведения о ней мистеру Томасу Джонсу, в таверну «Робин Гуд» в Монмуте, получит вознаграждение в две гинеи».

Но в городе будут и другие черные, поэтому там можно будет затеряться даже среди белых лиц. Дэниэл Флит дал ей несколько адресов, где остановиться на ночь, у тех людей, кого он назвал «сочувствующими».

Эби не знала, что она найдет в Лондоне. За каждым поворотом ее могли ограбить, изнасиловать, убить. Однако она понимала одно: здесь она оставаться тоже не может. Какой-то голос в ее голове кричал: «беги!»

В монмутской тюрьме Мэри выдали поношенное коричневое одеяние, которое можно было назвать платьем только с большой натяжкой. Интересно, кому оно принадлежало раньше? — подумала она. Может быть, прежняя владелица продала его, чтобы купить себе выпить? Или его сняли с покойницы? Одежда живет дольше, чем люди, это ей было известно. Одежда гораздо прочнее и надежнее. Что они сделали с белым бархатным платьем? Несмотря ни на что, оно было слишком ценным, чтобы просто его выбросить. Возможно, кто-то попытался смыть с него кровь или хотя бы вырезать чистые куски

вышитого бархата из шлейфа?

По дневной камере гулял влажный осенний воздух; он влетал в одно окно и вылетал из другого. Здесь, над городом, не было времени, только погода. Изредка до слуха Мэри доносились какие-то даты, и она даже вспоминала, что они значили, но в целом календарь казался ей воспоминанием из детства, какой-то сказкой. В День Всех Святых сильно пахло кострами. В День всех усопших Мэри представила себе, как жители Монмута украшают ветками вечнозеленых растений могилы позади церкви Святой Марии. Должно быть, могила миссис Джонс теперь ничем не отличается от других. Может, в этом и заключается смысл ритуала? Спрятать мертвых под мхом и прелой зеленью, чтобы ускорить забвение, пока воспоминания не превратятся в болото, пока все тяжелое и болезненное не сровняется с влажной землей?

Мэри не хотела думать о прошлом, но никаких других занятий у нее не было. С того самого дня, как воровка попыталась стащить у нее красную ленту, она вдруг начала вспоминать свою короткую жизнь, перебирая в памяти неделю за неделей. Днем она могла хотя бы смотреть в окно. К зиме поля приобрели странный ржавый цвет.

Никогда раньше она не видела такого оттенка. Неужели ее преступление запачкало весь мир вокруг?

Призраки поджидали ее в ночной камере, в полной темноте, куда узников набивали словно подпорченные фрукты. Здесь не было никаких правил. Даже выживать было не обязательно. Можно было просто отвернуться лицом к стене. Иногда, просыпаясь в кромешной тьме и чувствуя запах немытых тел, Мэри думала, что она, как бывало, лежит на матрасе в Крысином замке и ждет, когда Куколка вернется домой. Она снова обрела свое прежнее «я», то, что всегда находилось по ту сторону закона. Теперь она с трудом представляла себе, что была когда-то чистой или принадлежала к какой-то семье; эти цепи были разбиты навсегда.

Стоя у окна в дневной камере, она слушала ворон. Одна кричала особенно пронзительно, так, будто думала расколоть воплями небо. Еще пять беспокойно кружили в воздухе. Звуки отдалялись и замирали, и так было весь день, до тех пор, пока не начинали мерцать сумерки. В конце концов Мэри поняла, почему вороны галдели так отчаянно: они просто хотели доказать, что они еще здесь.

В декабре в тюрьме появились два фальшивомонетчика. Они предложили Мэри обрюхатить ее, чтобы избежать петли. Она сказала, что бесплодна, но они ее даже не слушали. Они овладели ею на полу; небольшой уголек больно впивался ей в лопатку. Про себя Мэри дивилась, что кто-то еще хочет ее тела. Кому нужно проникать в эту могилу плоти?

Она не знала, когда это случится, но была уверена, что умрет — лицом вниз на полу ночной камеры или в петле на рыночной площади, и даже не думала сопротивляться. Она была ближе к мертвым, чем к живым, и уже забыла дорогу обратно. В самые тяжелые дни она мечтала только об одном: перелететь через эту зиму, как камень через озеро. Перепрыгнуть через время — как ее отец в свой последний год на земле — и оказаться в дне своей смерти.

Теперь она часто говорила с отцом по ночам. Оказалось, что это очень легко — сделать то, что у нее никак не получалось раньше. Простить Коба Сондерса. За его безумие, за то, что он требовал от судьбы невозможного, за то, что он отдал жизнь за украденные одиннадцать дней. Она уже знала, что смерть движется в общей толпе под видом самого обычного незнакомца и может без всякого

предупреждения постучать тебя по плечу. Лучше броситься к ней в объятия сразу.

Не то чтобы она страстно хотела умереть. Мэри по-прежнему вдыхала воздух — тот, что был, и ела то, что могла достать, но она делала это скорее, чтобы чем-то себя занять. Она просто не считала себя по-настоящему живой, и ей было совсем нечего больше терять. Все, кого она любила, покинули ее, и виновата в этом была только она сама. Она разбила сердце своей матери, бросила Куколку и убила хозяйку, которая не чаяла в ней души. Теперь у нее не было будущего, ради которого стоило бы жить.

В Двенадцатую ночь небо было густо-черным, словно кто-то вылил на него смолу. Стражники напились и не пришли за заключенными, чтобы отвести их в ночную камеру. Завернувшись в одеяло, Мэри стояла у окна. Единственный свет исходил от фонаря в углу, где арестанты играли в кости. Жиденькое желтое сияние выплескивалось в ночь и терялось во тьме. Мэри не чувствовала своих рук; одной она сжимала одеяло, другой держалась за прутья решетки. Еще немного, казалось ей, — и стражникам придется отдирать ее от окна, словно плющ, ломая скрюченные, высохшие, как стебли, пальцы.

Она вдруг осознала, что звуки, которые доносились до нее уже довольно давно, — это вовсе не блеяние овец, а человеческие голоса, почти заглушенные ветром. Они пели какую-то песню, но она не могла разобрать ни слова. Поющие приблизились, потом внезапно смолкли; некоторое время сышалось только шарканье ног по обледеневшей дороге внизу. Мэри прижалась лицом к решетке, но ничего не разглядела. Темное небо как будто давило ей на глаза. Раздался громкий стук в дверь.

То, что внезапно возникло перед окном, было самым страшным кошмаром в ее жизни. Лошадиная морда была снежно-белой, но шерсти на ней не было, только голая кость. Страшные зубы скалились в непостижимом восторге. Тело лошади казалось облаком, тающим в ночи; оно слегка пошевеливалось от ветра. «Она пришла за мной», — мелькнуло в голове у Мэри. Белая лошадь из снов, на которой она торжественно и медленно ехала через толпу. Чудовищный рот открылся и с жутким лязгом захлопнулся снова.

Наверное, она завизжала, потому что все узники, толкаясь локтями, вдруг бросились к окну. Ее притиснули к решетке; железные прутья больно вдавились в ребра. Мэри уперлась ногой в стену,

но толпа не поддалась. Сверкающие глаза лошади были на расстоянии вытянутой руки от ее лица. Она не могла отвести от них взгляд.

— Это Мари Лойд! — крикнул какой-то старик позади нее.

И снова грянула песня, теперь уже за ее спиной. Грубые голоса приговоренных подхватили напев, им ответили бубны и колокольчики внизу; песня окружала Мэри со всех сторон. Она по-прежнему не понимала ни слова. Это был дикий набор звуков, такой же бессмысленный, как клацанье лошадиной челюсти, — сейчас она видела, что рот открывается с помощью палки. Уши чудовища оказались бумажными, а морду украшали зеленые ленты, свисавшие на манер поводьев. Глазницы были набиты осколками стекла. Лошадь встала на дыбы, и Мэри сумела разглядеть человека внутри, под белой простыней, подметавшей мостовую. Его ноги напоминали лапки насекомого. Вокруг приплясывали его товарищи; один из них, заметила Мэри, держал в руках скрипку, другой был в костюме ведьмы. Их лица были вымазаны грязью, и они бешено кружились на месте, как будто отбиваясь от пчел.

Закончив петь, ряженые протянули шапки, и из крошечного окошка тюрьмы дождем посыпались

пенни. Вскоре толпа рассосалась. Процессия медленно потащилась в сторону города; постепенно скрипичные трели превратились в еле слышный комариный писк, а затем смолкли совсем.

Старик за спиной Мэри прижался лицом к ее одеялу. Она обернулась и стряхнула его. Лицо его было залито слезами.

— Вот уж не думал, — прошептал он сам себе. — Не думал, что доживу до того дня, когда они снова вытащат Мари.

Ввалились стражники, чтобы отвести их в ночную камеру.

* * *

Суд над Мэри Сондерс был назначен на первый день монмутской ежегодной выездной сессии, в марте 1764 года. Мэри не была снаружи почти шесть месяцев. Сидя в телеге, которая везла ее из тюрьмы в город, она все время щурила глаза от яркого весеннего солнца. Уже несколько дней она не спала и не ела, поэтому совершенно оцепенела и почти не могла двигаться. Колеса гремели; трава под ними была мокрой от росы. Как там говорилось в молитве, которую они учили в школе?

Господь, грехи мои омой,
Словно утренней росой.

Запах весны кружил ей голову. Поля только что удобрили свежим навозом.

В здании суда на Маркет-сквер было полно народу. Голоса и звуки шагов эхом отдавались под высокими сводами. Когда почтенные горожане заполнили все скамьи, стражники закрыли тяжелую дверь на задвижку, чтобы в зал не набилась чернь. Мэри ввели двое конвоиров.

Она подняла голову, только когда услышала его голос.

— Убийца! Убийца! — завизжал мистер Джонс, тыча в ее сторону острым, как сосулька, пальцем.

Судья застучал молотком.

— Убийца!

Стражники вывели его прочь. Мэри молча проводила его глазами, но в ее груди вдруг загорелась искорка жизни. Если тебя ненавидят так сильно, значит, ты еще жив. Из коридора еще доносились вопли мистера Джонса.

Адвокатов больше всего интересовали подробности «этого леденящего кровь преступления». Раны на шее погибшей — являлись ли они

следствием одного, двух или трех ударов? Пять фунтов, три шиллинга и шесть пенсов, изъятые у обвиняемой, — в каких именно монетах?

Только ближе к середине дня они наконец заинтересовались причинами, по которым было совершено убийство.

— Перейдем от способа к мотивам, — заметил судья справа и с клекотом прочистил горло. — Мэри Сондерс, можешь ли ты назвать хоть одно оправдание своему гнусному преступлению?

Спасай свою шкуру, глупая сучка! — крикнула Куколка у нее в голове. Мэри открыла рот, и слова полились из нее потоком.

— Да, сэр. Есть, сэр. Я слабая, несчастная, замученная девушка, сэр.

Судья вздернул белую бровь.

Она тараторила как безумная. Миссис Джонс была самой жестокой хозяйкой на свете. Она порола Мэри до полусмерти, загоняла ей иголки под ногти и присвоила себе наследство ее покойной матери. Мистер Джонс каждую ночь принуждал ее к сожительству, заразил дурной болезнью и угрожал изрезать ее на куски. Вот какие ужасы происходили за закрытыми дверями дома на Инч-Лейн.

Мэри причитала и подвывала, слушатели аха-

ли и охали, но она видела, что никто не верит ни единому ее слову. В конце концов она иссякла. Слова вдруг закончились.

Судья слева внезапно проснулся и потер свои водянистые глаза.

— Может ли обвиняемая назвать имя хотя бы одного уважаемого гражданина, который смог бы свидетельствовать о ней как о добропорядочной девушке?

Она покачала головой.

— Выказывала ли обвиняемая раскаяние?

«Это мой последний шанс», — поняла Мэри. Как день подачи прошений в Магдалине. Эти люди не хотят правды, им нужны сожаления, слезы и угрызения совести. Но когда они записывают твою жизнь в свои толстые книги, то излагают ее только своими словами.

— Испытываешь ли ты сожаление, мучает ли тебя совесть?

Мэри покусала губы.

— Бывает ли так, что ты склоняешь голову и рыдаешь? — нетерпеливо спросил судья.

Она кашлянула:

— Иногда.

Ответ был явно неправильным.

— Когда ты рыдаешь — оттого ли это, что ты ис-

кренне сожалеешь о содеянном, или из жалости к себе? — подсказал он.

— Я сожалею.

— О чем же именно ты сожалеешь?

Оттого, что она все время смотрела вверх, на судью, у Мэри заболела шея. В тюрьме говорили, что если как следует их разжалобить, то можно избежать виселицы, тебя приговорят к ссылке в Америку. Но она никак не могла представить себе эту невозможную страну. Мэри подумала об Эби, собирающей сахарный тростник под палящим солнцем, и у нее перехватило дыхание.

— О платье, — тихо сказала она, как будто самой себе. Это был самый честный ответ.

— Говори громче!

— Я сожалею о платье.

— О каком еще платье?

— О белом бархатном платье-полонез, расшитом серебряной нитью, — тщательно, с расстановкой выговорила Мэри.

— Том самом, что было на тебе в день ареста? Платье, которое принадлежит миссис Морган? — спросил один из адвокатов.

— Оно принадлежит мне.

— Объяснись. Как это платье может принадлежать тебе?

— Я его вышивала. — Теперь слова вылезали из нее медленно, как под нажимом. — Я его заработала.

— Ты убила свою хозяйку из-за платья?

В толпе зашептались. Мэри вспомнила, как миссис Джонс дернула платье за рукав, как треснула ткань, и пожала плечами. Она слишком устала, чтобы объяснять.

— Ты сделала это ради денег? Ты хотела продать его?

От яркого света свечей на стенах у нее закружилась голова. Адвокат как будто расплывался прямо у нее на глазах. Да и сама она таяла, утекала прочь, как весенний снег. Он ничего не понял. Все эти богатые люди — они и не могли понять. Их мантии были отделаны самым дорогим мехом, но они этого даже не замечали. Впервые за много месяцев Мэри пришлось говорить так много. Она снова откашлялась и сделала еще одну, последнюю попытку:

— Она не должна была отнимать то, что принадлежит мне.

— О ком ты говоришь?

Она хотела произнести имя покойной, но так и не смогла.

— Они были мои, — упрямо повторила Мэри.

Их лица были совершенно пустыми. Адвокаты и судьи в пыльных черных мантиях больше не задали ей ни одного вопроса. Теперь они разговаривали только между собой.

— Не подлежит сомнению, джентльмены, — начал один, — что если священник убивает епископа, или жена — мужа, или слуга — хозяина, то преступление следует расценивать как измену, поскольку таким образом преступник посягает на тех, кто стоит выше его. Посему данную преступницу следует сжечь.

— Но миссис Джонс являлась только лишь женой хозяина, — возразил другой. — Поэтому данный случай следует расценивать как обыкновенное убийство, и преступницу следует просто повесить.

Судья слева снова проснулся и смачно зевнул.

— Джентльмены, — раздался примирительный возглас из толпы черных мантий. — Что, если сначала ее повесить, а затем сжечь?

Все одобрительно закивали.

Миссис Эш крепко держала Гетту за руку, чтобы девочка не затерялась в толпе. В утро казни на Маркет-сквер собралось много людей. Девочка подвигала пальцами, но миссис Эш сжала их еще сильнее и слегка улыбнулась. Телега, в которой

везли приговоренную, должна была приехать со Степни-стрит. Миссис Эш зашевелила губами.

Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней[27].

В отличие от многих других в этой смерти хотя бы есть некий смысл. Это предупреждение другим, четкое и ясное, словно мораль басни, набранная жирным шрифтом: в конце концов правосудие обязательно восторжествует.

У нее ныла спина. Семья пришла на рыночную площадь еще с рассветом. Вернее сказать, не семья, а то, что от нее осталось, — сама миссис Эш, Гетта и мистер Джонс. Дэффи вскоре после похорон с неприличной поспешностью нашел себе другое место, а Эби вообще сбежала, не проявив никакого христианского сочувствия. Миссис Эш считала, что нужно объявить ее в розыск, но на мистера Джонса ее убеждения не подействовали. «Пусть идет, — пробормотал он. — Пусть они все уйдут».

Они готовы были простоять на площади целый день, только бы в конце концов увидеть Мэри Сондерс в петле. Терпение являлось одной из

---

[27] Сноски: 27
Притч., 5: 4, 5.

главных добродетелей Нэнс Эш. В течение шести месяцев, что прошли со смерти хозяйки — шесть месяцев горя и потерь! — она старательно поддерживала в сердце маленький огонек надежды. Теперь ей было чего ждать, не то что раньше, все эти долгие годы. Теперь она ждала подходящей минуты, чтобы задать вопрос.

Сквозь редкие ресницы она взглянула на человека рядом. Мистер Джонс стоял прямо, как столб. Казалось, это не он облокачивается на костыли, а костыли опираются на него. Гетта устроилась между ними. Все вместе они образовывали идеальный треугольник.

Все произойдет очень скоро, подумала миссис Эш. Слова, которых она так жаждала, уже сформировались и готовы были сорваться с его языка. В любой из дней мистер Джонс мог задать ей главный вопрос. Возможно, он спросит ее напрямик. Или деликатно намекнет. Это будет сказано ровным, обыденным тоном. Или так, что от радости на глаза у нее навернутся слезы. Но в любом случае миссис Эш была уверена, что она сумеет распознать предложение.

Или, может быть, ей начать самой? Мужчины такие трусы.

Гетта вывернула свою ручонку из ее липкой

ладони и спряталась за ногу мистера Джонса. Он рассеянно взглянул вниз.

— Ей нужна мать, — заметила миссис Эш. Она решила не упускать подходящий случай.

По его лицу пробежала гримаса боли, быстро, как ящерица.

На мгновение миссис Эш пожалела о своих словах, но тут же продолжила:

— Не хотелось бы тревожить вас в вашей скорби, мой дорогой мистер Джонс, но не приходило ли вам в голову…

Не приходило ли ему в голову обратить внимание на нее? Хотя бы раз? За все эти годы, что они прожили под одной крышей, неужели он так и не заметил неоценимых достоинств Нэнс Эш? Ее прекрасную душу, более драгоценную, чем самые дорогие рубины?

— Ради вашей дочери. Ради детей… — ее голос дрогнул, — которые еще родятся у вас в будущем…

Он пристально посмотрел на нее. Его глаза были обведены черными кругами.

— Вы полагаете, что мне следует снова жениться? — странным тоном спросил он.

Миссис Эш кивнула. Она боялась как-нибудь выдать свой восторг.

— Возможно, именно этого хочет Господь.

Мистер Джонс безразлично пожал плечами, словно ему было все равно, чего хочет Господь, и снова перевел взгляд на виселицу. Не отрывая глаз от плотника, он поднял Гетту и посадил ее на шею, чтобы ей было лучше видно.

— Все, что я знаю, — это что мне плохо одному, — наконец сказал он.

Миссис Эш торжествующе улыбнулась, но тут же сделала серьезное лицо.

— И вы уже думали… вы уже встретили женщину, которая обладала бы соответствующими качествами?

Вот оно. Сейчас. Сейчас все произойдет. *Верная слуга наконец-то пожнет плоды своего труда.*

— Кажется, да.

Молчание, длиной в целую жизнь.

— Я говорил с Роной Дэвис. С той самой, с портнихой, — сказал мистер Джонс, по-прежнему не сводя глаз с виселицы. — Мы поженимся в июне.

Кинжал в сердце.

Миссис Джонс отвернулась, чтобы он не увидел ее искаженного лица. Гетта уставилась в землю.

Тень дни наши на земле, и нет ничего прочно-

го[28].

— Тихо, Гетта. — Мистер Джонс на минуту опустил Гетту на землю и дал ей еще кусочек пряника.

Мимо проталкивались люди, то и дело задевая ее на ходу. Гетта споткнулась и схватилась за его костыль, чтобы не упасть. Миссис Эш, уткнувшаяся лицом в ладони, ничего не заметила. Уж не рыдает ли она по Мэри Сондерс? Как странно, подумал мистер Джонс. Такая неожиданная чувствительность в этом старом, высохшем стручке. И по отношению к кому?!

Гетта все еще держалась за костыль, поглаживая пальчиком выструганное дерево. Если бы не эта маленькая девочка с пухленьким личиком, в его жизни не было бы вообще никакого смысла. Мистер Джонс с чистой совестью отправился бы на берег Уай. Сейчас там точно никого нет; этим утром весь город собрался на Маркет-сквер. Он прыгнул бы в воду и позволил водорослям утащить себя на дно.

Вместо этого, мистер Джонс принялся размышлять о будущем. Он еще раз перечислил про себя неоспоримые факты. Роне Дэвис двадцать семь

---

[28] Сноски: 28
1 Пар., 29: 15.

лет, и она отличная швея, хотя и не умеет вышивать. Судя по всему, она станет прекрасной женой. Должно быть, женщине нелегко управляться одной, предположил мистер Джонс. Конечно же она с радостью ухватилась за возможность иметь одно общее дело с вдовым мастером по изготовлению корсетов. Рона ответила «да» без всякой робости или кокетства.

Он знал, что она будет добра к Гетте. И она будет сидеть на стуле его жены, и пользоваться ее рабочей сумкой, и штопать его уже дважды чиненные чулки, и разливать чай из его китайского чайника. (В ту самую первую ночь мистер Джонс хотел расколотить его — просто потому, что ему нужно было хоть что-нибудь разбить, но потом подумал, что Джейн бы этого не одобрила.) Наверное, поначалу этот второй брак будет казаться жалкой пародией на первый, но он постарается привыкнуть. У них с Роной Дэвис впереди почти вся жизнь; двадцать лет на то, чтобы родить сына или даже нескольких детей. Детей, которые не будут иметь ничего общего с Джейн Джонс.

При мысли об этом его вдруг затошнило.

В Роне Дэвис нет ничего плохого. Она сильная, крепкая и здоровая — разве что слишком остра на язык. Чуть больше, чем полагается женщине.

В этом она немного похожа на Мэри Сондерс, подумал мистер Джонс, и ненависть затопила его с головой.

Он уставился на новенькую белую виселицу. На возвышении уже лежала свернутая веревка. Надо будет смотреть внимательнее и запомнить эту сцену во всех подробностях: как проклятая ведьма будет подпрыгивать на своей телеге, как петля затянется на ее шее. Его память была уже не так хороша, как раньше. Картинки из их жизни с Джейн успели как будто пообтрепаться по краям. Когда он закрывал глаза, то видел не живое, родное лицо жены, а застывшую маску, забрызганную кровью, в которую оно превратилось. Но то зрелище, что предстояло ему сейчас… о нет, его он забывать не собирался. Каждая кость, каждый волосок на его теле вопили, требуя смерти Мэри Сондерс. Когда ее тело превратится в пепел, он наконец-то сможет продохнуть. Пробитая в мире брешь затянется… ведь так?

Почти каждый арестант монмутской тюрьмы дал Мэри сделать глоток из своей бутылки — такова была традиция. К тому времени, когда пришла пора залезать на телегу, она уже порядком захмелела и совсем не чувствовала страха.

Покорно, как ребенок, она протянула руки, и

палач связал их веревкой впереди. Маска почти полностью скрывала его лицо; было видно только слабый подбородок и прядь рыжих волос. Мэри его не знала. Очевидно было одно — это не Томас Терлис из Тайберна. Скорее всего, этот парень фермер, подумала Мэри. И вполне возможно, что до этого дня ему приходилось убивать только свиней и лисиц. Остается лишь надеяться, что он знает, как повесить девушку, мысленно хмыкнула она.

От шпилей и крыш Монмута отражались первые лучи солнца. На мгновение Мэри показалось, что колесо времени качнулось назад и она первый раз въезжает в город, как год назад, в дилижансе Джона Ниблетта. «Красивое место, — рассеянно подумала она. — Я могла бы быть здесь счастлива».

Она была не настолько пьяна, чтобы не понимать, куда везет ее телега в это прекрасное весеннее утро, но достаточно, чтобы убедить себя в том, что ей все равно. Она отвыкла от движения, и поначалу ее чуть не стошнило от тряски. Королева Мария ни за что не допустила бы такого по дороге на казнь, напомнила себе Мэри, и укоризненно прицокнула языком, совсем как миссис Джонс.

Ехать было совсем недалеко: Херефорд-Роуд, Манк-стрит, Уайткросс-стрит и, наконец, Степни-стрит. Когда телега завернула за последний угол, колесо налетело на камень, и острая щепка больно уколола ее колено. Она отдернула ногу и связанными руками подоткнула под себя юбку, чтобы защитить колени от грубого дерева. Как глупо, вдруг подумала Мэри. Заботиться о теле, которое будет мертво еще до полудня.

Маркет-сквер была забита людьми, и она подивилась такому большому собранию. Может быть, сегодня какой-нибудь праздник? Наверное, в этом году ранняя Пасха. Только когда телега въехала на площадь и толпа загудела, Мэри поняла, что эти люди пришли сюда ради нее. По ее жилам пробежал непонятный трепет.

Добрые горожане Монмута мечтали увидеть, как ее вздернут на виселицу — даже если из-за этого им придется пропустить день работы и не получить, таким образом, денег. Их лица горели от предвкушения, и у всех был такой вид, будто они видят ее первый раз в жизни. Мэри узнала нескольких слуг, с которыми часто болтала, и некоторых заказчиков. Здесь были мистер и миссис Дженкинс и даже обе старые мисс Робертс. И конечно, множество незнакомцев, которым,

должно быть, пришлось целый день трястись в повозке, чтобы поприсутствовать на казни. Однако эта толпа была совсем не похожа на лондонскую. Среди тех зевак, что собирались в Тайберне, было полно шлюх и завсегдатаев, которые настолько привыкли к этому зрелищу, что даже не смеялись, когда смотрели на повешенных. Мэри могла бы побиться об заклад, что никто из *этих* людей ни разу не видел виселицу.

Возница слез с телеги, и ее тут же окружили. Маленькая девочка, сидящая на плечах у отца, улыбнулась ей. Мэри чувствовала запах апельсинов, эля и горячих пирогов с корицей. Женщины были одеты в свои лучшие платья, их шляпки украшали яркие ленты. Однако общее настроение было невеселым. Никакого праздничного духа не ощущалось. На многих лицах было написано недовольство и напряженное ожидание.

Есть в тебе нечто, что не утихомирится до тех пор, пока тебя не вздернут на виселицу, Мэри.

Она будто наяву услышала голос матери, четкий и ясный. Дошли ли до Сьюзан Дигот слухи о смерти ее подруги Джейн? И узнала ли она имя той, что совершила убийство? Должно быть, это ее не удивило.

Постыдная смерть. Точно как у твоего отца.

Только теперь Мэри поняла, что мать была права. Именно такая судьба и была ей уготована. За свои шестнадцать лет она преодолела самый короткий путь от жизни к смерти, прямой, словно полет вороны в небе.

Все не настоящее, мелькнуло у нее в голове. Жизнь — не настоящая. Это просто история в картинках, грубые дешевые гравюры, и не более того.

— Но что она была за девушка? — Гвинет приподнялась на цыпочки, чтобы взглянуть на другой конец площади.

Дэффи отвернулся и пожал плечами. Как можно говорить о Мэри Сондерс в прошедшем времени, когда она сидит на телеге всего в каких-нибудь ста футах от него, со своими чернильно-черными глазами и острым профилем, который до сих пор снился ему в кошмарах, хотя прошло уже много месяцев. Он старался не смотреть на виселицу за ее спиной, на свернувшуюся, как змея, веревку. Не нужно было приходить сюда сегодня, запоздало спохватился он.

Футах в двадцати Дэффи заметил своего отца. Он беспокойно обводил взглядом толпу, словно высматривал в ней воришек. У него лицо стари-

ка, подумал Дэффи. Они нечаянно встретились глазами, и он слегка кивнул. Без особой почтительности и, конечно, без всякого намека на извинения.

Однако Кадваладир неожиданно кивнул в ответ и стал пробираться к ним, распихивая людей локтями.

— Дэвид.

— Отец.

Это были первые слова, которыми они обменялись за последние полтора года.

— Гвинет. Как ты поживаешь?

— Спасибо, сэр, очень хорошо. — Она покраснела и переступила с ноги на ногу.

Говорить было не о чем. Кадваладир посмотрел на свои поношенные башмаки и носком одного стряхнул с другого сухой лист.

Дэффи прочистил горло:

— Миссис Джонс была бы рада, что ты вел службу на ее похоронах.

Кадваладир поднял густую перепутанную бровь.

— Она была хорошей женщиной, — добавил Дэффи, чтобы заполнить тишину.

— И твои книги не научили тебя словам посильнее? — бросил Кадваладир. — Джейн Джонс была

лучшей женщиной на этой богом забытой земле.

Он развернулся и скрылся в толпе. Гвинет ободряюще улыбнулась и продела руку Деффи под локоть.

— Как бы там ни было, я рада, что ты покинул этот дом на Инч-Лейн, Дэфф. Если бы ты остался, из этого не вышло бы ничего хорошего.

— Не знаю, — протянул Дэффи. У него вдруг заболела голова. — Мне жаль хозяина.

— Это проклятое место. — Гвинет прижалась к нему покрепче. — У мисс Робертс тебе будет лучше.

Приговоренная как будто грезила наяву.

Дэффи закрыл глаза и постарался не думать ни о чем, кроме теплой руки Гвинет. Это было все, в чем он нуждался. В этот раз Гвинет поклялась на Библии, что станет его женой, и он знал, что не заставит ее долго ждать. Жениться на хорошей, к тому же любимой женщине — это больше, чем заслуживает такой дурень, как он. И больше, чем было у его отца. И даже если образ лондонской девчонки по-прежнему тревожит его сны… что ж, у каждого человека есть свои призраки.

Дэффи снова взглянул на девушку, сидящую на телеге, — он просто не мог удержаться. Ее лицо было белее лиц всех людей на площади, и внезап-

но его пронзила острая жалость. Ей всего лишь шестнадцать. Прошлой весной Мэри Сондерс отдавалась ему в цветущем лесу, а сегодня она со слегка высокомерным видом ожидает своей смерти.

Как легко то дурное, что заложено в человеке, может одержать верх над хорошим, подумал Дэффи. И сколь бы ты ни был образован, у тебя нет власти над тьмой, что таится в глубине твоего сердца.

Эби заблудилась на улицах Лондона. Карта, что она держала в руках, оказалась совершенно бесполезной. Дома жались друг к другу, словно пальцы в тесном башмаке.

Она подумала о Мэри Сондерс. *Жива ли ты еще, бедная сучка?* Эби сильно нуждалась в спутнице, такой как Мэри, которая знала бы, как устроен этот бурлящий город. Грязь на улицах, яростные цвета, запахи, исходившие из дверей кофеен и рыбных лавок, — все это просто ошеломило ее. Она задрала голову и увидела золотую птицу, вертящуюся на ветру.

— Где я? — спросила она у пробегавшего мимо мальчишки.

Он сплюнул на мостовую.

— У Святого Эгидия, где же еще?

Толпа вдруг расступилась, и Эби увидела черного мужчину. Он был не похож ни на одного из тех черных, что ей приходилось встречать раньше. Его кожа лоснилась здоровьем — так может блестеть только лицо человека, который ест самое свежее масло, подумала Эби. На голове возвышался белоснежный, как облако, парик. Широкие плечи были обтянуты белым бархатным камзолом, а мускулистые икры — шелковыми чулками. Среди всех прочих людей он выглядел как император. В этом странном, перевернутом с ног на голову городе было возможно все.

Не сдержавшись, Эби посмотрела прямо на него и улыбнулась. Однако его взгляд равнодушно скользнул мимо, словно она была не более чем булыжником на дороге, и Эби внезапно вспомнила, что она уже не молода и не красива. Когда черный прошел мимо, она поняла, почему так оттопыривалась пола его камзола. За пояс у него был заткнут нож, такой огромный, что он мог бы с легкостью отрубить ей голову.

Эби сделала шаг назад и чуть не свалилась в канаву, но все же удержалась на ногах. Прохожие ее почти не замечали. «Может быть, моя кожа за ночь побелела, — подумала она. — Кажется, это место мне подойдет, — решила Эби. — Здесь меня

никто никогда не найдет».

На церкви Святого Эгидия вдруг зазвонили колокола, и она чуть не оглохла от шума. Звон отражался от каменных стен, и Эби показалось, что он не смолкнет до самого конца света.

Как много глаз — и все смотрят только на нее! Наконец-то — слава. Значит, это и есть то мгновение, которое так часто снилось ей: толпа, собравшаяся, чтобы посмотреть на нее. Мэри уставилась на свою грязную поношенную юбку. Да, не о таком наряде она мечтала. Вместо браслетов — ржавые цепи, сковывающие запястья. Вместо ожерелья — петля, что накинул ей на шею палач. Грубая веревка обнимала ее ключицы. Обыкновенное «О», приоткрытый рот, готовый поглотить ее целиком. Длинный конец лежал на дне телеги, у ее ног.

Дай Карпентер еще трудился над виселицей, заколачивая последние гвозди. Рядом с ним стоял рыжеволосый палач. Он просунул палец под маску и почесал щеку. Мэри вдруг почувствовала к нему настоящую жалость. Когда она совершила убийство, нож сделал свое дело так быстро, что она даже не успела ничего ощутить. Но этот человек должен носить свои инструменты с собой. В ночь перед убийством он точно знает, что

должен будет сделать на следующий день — и совершенно хладнокровно; ему, в отличие от нее, не помогут ни ослепление, ни ярость. А сегодня вечером ему придется снять маску, вымыть руки и уснуть.

Ее голова как будто опухла — с таким трудом двигались в ней мысли. Интересно, что палач сделает с ее телом? В конце концов, из трупа тоже можно извлечь пользу. В Лондоне их отдают хирургам, на вскрытие, вспомнила она. Наказание не кончается смертью. Может быть, какой-нибудь молодой хирург из Монмута заплатит полкроны за тело Мэри, чтобы изучить на ней свое ремесло? Положит ли он ее на стол сегодня вечером, ее последний нетерпеливый клиент? И что он найдет внутри? Какой-то особый знак, метку, маленький узелок зла?

Но нет, конечно же нет. Как она могла забыть… наверное, дело в хмеле. Они же собираются сжечь ее тело. Если вывернуть шею, то можно увидеть огромную кучу дров. У Мэри сильно забилось сердце. Из нее получится костер куда больше, чем тот, что разжигали на холме Кимин в день летнего солнцестояния, когда семья Джонс танцевала свой последний танец. Женщины, которым Мэри целый год подавала чай, погреют возле него свои

костлявые пальцы. Туда ей и дорога, скажут они, и добавят что-нибудь о бедной миссис Джонс. Что-то вроде *это могло случиться с любой из нас!*

Мэри оторвала глаза от груды дров и наткнулась взглядом на Дэффи Кадваладира. Он стоял слишком далеко, и было непонятно, смотрит он на нее или нет — но зачем же еще он явился на площадь, если не увидеть, как она понесет заслуженное наказание? Если бы она вышла за него замуж, то теперь хотя бы один человек оплакивал ее смерть. Ее существование имело бы какое-то значение. В конце концов, чем еще определяется ценность человеческой жизни, как не пролитыми по ней слезами? Дэффи был ее главной удачей — сейчас Мэри это понимала, — но она отшвырнула его прочь, словно ненужную бумажку.

Он склонился к какой-то женщине, что стояла рядом, и Мэри вдруг узнала эти выбивающиеся из-под чепца белокурые локоны. Его дражайшая Гвинет. Да… есть люди, все беды которых — временны. Несмотря ни на что, они плывут к счастью, словно корабль через бурю.

Горечь наполнила ее рот. Опьянение постепенно проходило. Для проверки Мэри вонзила ногти в локоть — и да, боль была тут как тут, острая

и вполне настоящая. Это не история, вдруг поняла она и задрожала. «Это последний час моей жизни».

Было бы лучше, если бы соседи прикончили ее тогда же, сразу, как только поймали. Она помнила, как толстые пальцы Кадваладира сомкнулись на ее горле, — потребовалось целых пять человек, чтобы его оттащить. Да, было бы гораздо лучше, если бы Кадваладир приволок ее в дом на Инч-Лейн, засунул ее голову в лохань с остывающей кровью миссис Джонс и утопил бы ее прямо там, на кухонном полу. Ярость в обмен на ярость; куда честнее, чем это холодное возмездие. Сколько торжественных приготовлений! Ее опять затошнило. Для чего власти держали ее в тюрьме всю зиму, если им так хотелось ее повесить? Зачем законники делают вид, что у них более высокие намерения, чем у обыкновенных убийц?

Убийство — это убийство, каким бы оно ни было.

Мэри снова взглянула на сложенные в углу площади дрова. Она стиснула дрожащие руки и напомнила себе, что бояться не имеет смысла. К тому времени, как пламя коснется ее ног, ее уже не будет в живых, ведь так? Она ничего не почувствует. Это жителям Монмута придется вдыхать

ужасный запах горящей плоти. Это Дэффи Кадваладир должен будет запомнить его навсегда.

Долговязый худой мальчишка вскарабкался на тележку, и Мэри замерла, приготовившись к оскорблениям. Однако он лишь послал ей звонкий воздушный поцелуй и бросил на колени листок бумаги. Она быстро схватила его связанными руками. Краска была все еще немного влажной. *Признание и последнее слово Мэри Сондерс*.

На мгновение ее охватило смятение. Кто эта девушка, которую зовут так же, как ее, — и тоже осужденная на смерть? Но тут же поняла, в чем дело, и едва не рассмеялась. Да это же она сама, героиня напечатанной истории! И как главной героине, ей вручили бесплатный экземпляр. Какой-то писака выдумал эту сказку, от первого до последнего слова.

Согласно «признанию и последнему слову», отец Мэри был честным трудягой из Херефордшира, который в поте лица зарабатывал свой хлеб, и он умер от горя, когда услышал об ее аресте. У нее также была сестра в Бристоле. Недавно Мэри написала ей письмо. «Увы! — говорилось в нем. — Честная бедность лучше, чем неправедно приобретенное богатство. Позволь же сказать

тебе последнее прощай». Вымышленная Мэри Сондерс искренне раскаялась в своих грехах перед Господом и встретила свой конец в светлом камлотовом платье, шелковой косынке и черной шляпке.

Мэри прикрыла глаза и увидела себя, кающуюся грешницу, в безупречно чистом и скромном наряде, движущуюся навстречу смерти под ярким полуденным солнцем. Как там она сказала Дэффи в тот день на холме Кимин? «В книгах полно врак».

Ветер трепал край листка. Мэри поискала глазами, куда его положить, но вспомнила, что у нее больше не будет возможности прочитать «последнее слово» или что бы то ни было еще. Она выпустила листок из пальцев; подхваченный ветром, он задел красную щеку мальчугана, что сидел на плече у отца, и скрылся из вида.

Какая разница, что написано — или не написано — на дешевом листке с расплывающимся шрифтом, если очень скоро все забудут подробности? В памяти зевак останется, что они ездили в Монмут поглазеть, как девчонку вздернули на виселицу, но кто вспомнит, кто она была и за что ее казнили? Дети запомнят вкус апельсинов и огромную толпу, но не ее имя.

Мэри прикусила губу. Безымянность. Забвение. Если ее жестокая и темная история не сохранится — хоть в какой-нибудь форме! — на свете не останется никакого доказательства, что она вообще существовала.

Мистер Джонс стоял всего в нескольких шагах от нее, неподвижно, словно паук, приклеенный к своей паутине. Мэри вздрогнула. Его руки вцепились в костыли. На черном сюртуке засохло какое-то пятно: яйцо или похлебка?

Его можно убрать уксусом, Мэри. Или потереть солью.

Голос хозяйки. На секунду ее сердце перестало биться.

Мистер Джонс смотрел не на нее, а на телегу, как будто был не в силах видеть ее живой.

Он поднял Гетту на плечи, чтобы ей было лучше видно. Да, этот урок нельзя получить в школе. Мэри отвернулась, чтобы случайно не встретиться с девочкой глазами. «А у тебя правда нет матери?» — спросила Гетта в ее самую первую неделю в Монмуте; ее детские глазенки светились сочувствием.

Потом отец и дочь возьмутся за руки и пойдут домой, и имя Мэри Сондерс никогда не будет упомянуто в доме на Инч-Лейн. И Гетта будет думать,

что именно так и устроен мир. Что люди, которых она любит, всегда будут убивать друг друга.

При мысли об этом глаза Мэри вдруг обожгло солеными слезами, и на некоторое время она почти ослепла.

Толпа волновалась вокруг мистера Джонса, словно море у скалы. Жители Монмута устали ждать, когда же начнется представление. Мэри взглянула на свою грязную рубашку. Сожгут ли ее вместе с телом или порежут на клочки и распродадут? Она бы отдала все на свете, чтобы встретить смерть в черном атласе. Удивительно, какая стойкая вещь тщеславие! Как оно остается с человеком до самого конца! Одежда ни от чего не защищает, напомнила себе Мэри. Люди вполне могли бы отказаться от нее и ходить по миру голышом.

Ужас сжал ее сердце.

Мэри нащупала за корсажем красную ленту и намотала ее на палец, как можно туже, чтобы почувствовать боль. Красная лента Куколки, выцветшая теперь до оттенка вареной моркови! Ничто на свете не испугало бы Куколку, даже петля. *Выше голову, подружка!*

Внезапно Мэри вспомнила, что нужно сделать. Если человека собираются вздернуть на виселицу

и у него нет ни единого друга в этом мире, который мог бы повиснуть у него на ногах и ускорить мучительную развязку, есть один-единственный выход: прыгнуть. Как сделала дочка Метьярд в тот день в Тайберне. Ей удалось всех провести: неподвижное, каменное лицо, и вдруг — прыжок. Как наивна была тогда Мэри; она думала, что убийцы — это совсем другие люди, в корне отличающиеся от прочих. Они ненавидят своих жертв, думала она… если они вообще способны испытывать обычные чувства. Она даже не догадывалась, что это может настигнуть человека как болезнь, или буря, или любовь.

Ее ноги напряглись. Надо терпеть; нельзя раньше времени выдавать свои намерения. Нужно дождаться, пока палач не привяжет свободный конец веревки к виселице. Потом он наденет ей на голову мешок, спрыгнет с телеги и хлопнет лошадь по крупу. Это и станет для нее сигналом — пора прыгать. Если сделать это слишком рано, то ничего не получится. Ее втащат обратно в телегу.

От страха и волнения ее сердце тяжело колотилось о ребра. Петля на шее натянулась, и голова Мэри мотнулась назад, но палач всего лишь распутал веревку и накинул конец на перекладину.

Он завязал ее крепким узлом, как моряк, собирающийся выйти в открытое море, и толпа шумно захлопала.

Затем он подошел к телеге. В руках у него был небольшой белый мешок.

— Прости меня, — без особого сожаления пробормотал он.

Последняя возможность ощутить тепло человеческой кожи. Поддавшись порыву, Мэри поцеловала палача в колючую щеку. Он слегка дернулся, но все же не отстранился и не утер лицо. Еще секунда — и он надел белый мешок ей на голову.

Наступила темнота. Палач спрыгнул на землю, и телегу качнуло.

Ткань мешка была грубой, и у Мэри сразу же зачесались нос и виски. Она даже не догадалась последний раз взглянуть на мир. Надо было до последнего смотреть на небо. Сквозь пыльную мешковину все же пробивалось немного света. Мэри напрягла слух, чтобы не пропустить, как палач шлепнет лошадь. Что, если она не услышит его за шумом толпы? Что, если веревка сразу дернет ее за горло, медленно поднимая тело в воздух? Страх стучался ей в грудь, словно сборщик податей, который не желает больше ждать.

В трудные времена вспомни о своей тезке, Мэри. Этот голос у нее в голове, мягкий, словно шелк. Мэри почти чувствовала ласковую руку миссис Джонс в своей ладони.

Пусть королева Шотландская послужит тебе достойным примером.

Так и будет. Она прыгнет выше шпиля церкви Святой Марии.

Иди же, девочка.

Горожане ахнут и закроют лица руками, когда увидят, как она взлетит в небо, словно темный ангел.

Пора, моя дорогая.

Свист палача, едва ли не веселый. Плач ребенка.

Мэри?

Шлепок, такой знакомый.

Иду, госпожа.

Телега рывком двинулась с места. Петля обхватила ее горло. Пошатываясь, Мэри поднялась на ноги и прыгнула в пустоту, прыгнула выше, чем когда-либо в жизни. Ее тело обрушилось вниз, и толпа, словно испуганные куры, бросилась врассыпную от раскачивающихся в воздухе ног.

Примечание

«Падшая женщина» — художественное произведение, основанное на немногочисленных сохранившихся сведениях о жизни Мэри Сондерс. Мэри Сондерс была служанкой некой миссис Джонс, жившей в городе Монмуте или его окрестностях, который в то время считался территорией Англии, но теперь относится к Уэльсу. 13 сентября 1763 года она убила миссис Джонс ножом для разделки мяса. До судебной сессии, состоявшейся 7 марта 1764 года, Мэри содержалась в монмутской тюрьме. Суд признал ее виновной в убийстве. 21 марта 1764 года, в возрасте шестнадцати или семнадцати лет, Мэри Сондерс была повешена, или сожжена, или и то и другое сразу.

В романе появляются и другие реально существовавшие персонажи. Миссис Фаррел, содержавшая двадцать доходных домов в приходе Святого Эгидия и сумевшая заработать на них немалое состояние; мать и дочь Метьярды, виновные в убийстве своей ученицы Нэнни Нэйлор и казненные 19 июля 1762 года Томасом Терлисом в Тайберне; Джеймс Босвелл и Сэмюэл Джонсон;

проститутки Элис Гиббс, Элизабет Паркер и Нэн Пуллен (она же Ролинсон), признанная виновной в краже одежды своей хозяйки в январе 1763 года; смотрительница больницы Святой Марии Магдалины сестра Элизабет Батлер и преподобный Уильям Доддс, подвергшийся в 1777 году смертной казни через повешение за подделку подписи лорда Честерфилда.

«Куколка» Долл Хиггинс — персонаж вымышленный, но в суровую зиму 1762/63 на улицах Лондона действительно было найдено несколько женщин, замерзших до смерти. Прообразом Эби послужила неизвестная женщина-африканка, проданная в рабство в Анголе и перевезенная на Барбадос, а позднее в Бристоль, гениталии которой изображены на иллюстрации в книге доктора Джеймса Парсонса.

Комментарии современников по поводу убийства миссис Джонс являются довольно противоречивыми. Мэри Сондерс приписывались различные мотивы. Gentleman's Magazine объявил, что она спланировала преступление заранее, чтобы завладеть сбережениями хозяйки. Но согласно «Признанию и последнему слову Мэри Сондерс», она сделала это потому, что хотела иметь «красивую одежду».